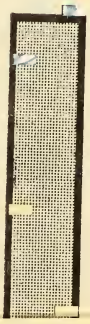


UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

BOOK CARD

Please keep this card in
book pocket

MIKHAIL-IVANOVICH-K

PARTIAL TITLE

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

LUX LIBERTAS

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK38
.S42
T55

a 00000 66222 3

This book is due at the LOUIS R. WILSON LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
MAR 17 1983			

Form No. 513

Digitized by the Internet Archive
in 2014

https://archive.org/details/mikhailivanovich00timo

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ.

DK38
.S42
T55
MIKHAIL IVANOVICH SEMEVSKII...

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ

СЕМЕВСКІЙ

ОСНОВАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА „РУССКАЯ СТАРИНА“

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

1837—1892

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ ПОРТРЕТОВЪ М. И. СЕМЕВСКАГО И ФАКСИМИЛЕ ЕГО ПИСЬМА.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

составленный Вѣрой Васильевной **Тимощукъ**

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ И ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Н. К. Шильдера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе Е. М. Семевской
1895

Типографія Высочайше утв. Товарищ. «Обществен. Польза». Б. Подъяч., № 39.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Отъ издательницы. . . . . .

Предисловіе Н. К. Шильдера I

I. Родъ Семевскихъ. — И. Е. Семевскій. — Дѣтство М. И. Семевскаго.—Жизнь въ семьѣ Б—го.—Возвращеніе въ родной домъ.—І. И. Малевичъ.—Поступленіе М. И. Семевскаго въ Полоцкій кадетскій корпусъ.—Характеристика учебнаго персонала.—Каникулы въ Ѳедорцовѣ.—Ранняя любовь къ чтенію. — Пріѣздъ Я. И. Ростовцева на выпускные экзамены въ корпусѣ. — Поступленіе въ Дворянскій Полкъ. — Порядки Полка.—Переписка съ отцомъ.—Мысль о написаніи «исторіи дома Семевскихъ».—Разборъ комедіи Островскаго «Свои люди сочтемся».—М. И. Семевскій и Я. И. Ростовцевъ.—Производство въ офицеры.—Преподаватели Дворянскаго Полка: Кузьминъ-Караваевъ, Касторскій, Введенскій, Благосвѣтловъ.—Вліяніе на М. И. Семевскаго И. И. Введенскаго и Г. Е. Благосвѣтлова.—«Исторія русской комедіи». 1

II. М. И. Семевскій—прапорщикъ л.-гв. Павловскаго полка.—Александръ Ивановичъ Семевскій. — Образъ жизни М. И. Семевскаго въ первое время по производствѣ въ офицеры.—Смерть И. И. Введенскаго.—Любовь къ занятіямъ исторіей.—Выступленіе полка въ Москву. 21

III. Впечатлѣнія, навѣянныя Москвою.—Знакомство съ А. Д. Галаховымъ.—Галаховъ объ А. Н. Островскомъ.—Знакомство съ А. Н. Островскимъ и воспоминанія о немъ.—Лекціи въ Московскомъ университетѣ: Соловьевъ, Кудрявцевъ, Буслаевъ, Бодянскій.—Магистерскій диспутъ Л—го.—Литературные вечера.—Страсть М. И. Семевскаго къ собиранію книгъ.—Московскій театръ. 33

IV. Поѣздка въ Хмѣлиты. — Письмо къ І. И. Малевичу о своей жизни со времени производства въ офицеры.—Знакомство съ А. Г. Григорьевымъ.—Изслѣдованіе о предкахъ А. С. Грибоѣдова.—Какъ въ М. И. Семевскомъ зародилась страсть къ изученію русской исторіи. — Поѣздка на лѣто къ роднымъ. 55

V. Возвращеніе изъ деревни прямо въ Петербургъ. — Охлажденіе къ военной службѣ. — Любительскій спектакль въ Павловскомъ полку.—М. И. Семевскій въ роли Расплюева.—Сочиненіе о Великихъ-Лукахъ.—Отзывы о немъ Добролюбова 63

VI. Поступленіе М. И. Семевскаго репетиторомъ въ Первый кадетскій корпусъ.—Служба въ корпусѣ.—Постановка М. И. Семевскимъ въ корпусѣ „Женитьбы“ Гоголя. — Любовь къ театру.—Недоразумѣніе со статьей

947
S471zT
1002753

стр.

объ ученическомъ спектаклѣ, появившейся въ «С.-Петербурскихъ Вѣдомостяхъ».—Преподавательская дѣятельность М. И. Семевскаго.—Занятія литературою.—Подготовка къ экзамену на преподавателя русскаго языка.—Подарокъ М. И. Семевскому части библіотеки Ханыкова.—Поѣздка въ Парголово.—Знакомство съ Ахшарумовыми.—Неудачный экзаменъ.—Любовь къ М. И. Семевскому кадетъ.—В. Н. Рюминъ.—Всеобщая страсть къ писательству.—Историческіе очерки М. И. Семевскаго.—Знакомство съ В. Р. Зотовымъ.—Сотрудничаніе въ различныхъ журналахъ 69

VII. Знакомство съ К. Д. Ушинскимъ и поступленіе преподавателемъ въ Смольный институтъ.—Уроки въ Смольномъ и уходъ изъ него.—М. И. Семевскій, какъ членъ С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества.—Рефератъ Шалфѣева «Объ отечественной исторіи, какъ предметѣ общеобразовательнаго курса».—Рефератъ М. И. Семевскаго объ увольненіи и исключеніи изъ учебныхъ заведеній 93

VIII. Командировка для изслѣдованія положенія школьнаго вопроса въ Псковской губ.—Поступленіе на службу въ Государственную Канцелярію.—Переходъ въ отдѣленіе по устройству сельскаго состоянія.—Доступъ въ архивы.—Усиленныя литературно-научныя занятія М. И. Семевскаго.—Отзывъ о немъ брюссельскаго «Nord».—Литературные вечера у М. И. Семевскаго. 99

IX. Основаніе «Русской Старины».—В. А. Семевскій.—Освобожденіе отъ предварительной цензуры.—Затрудненія съ цензурой.—Д. А. Завалишинъ.—Книга Гельбига въ переводѣ В. А. Бильбасова.—Успѣхъ «Русской Старины».—Притокъ новыхъ матеріаловъ.—Энергія и неутомимость М. И. Семевскаго, какъ редактора издателя «Русской Старины».—Перечисленіе главнѣйшихъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ при жизни М. И. Семевскаго.—Матеріалы не полной исторической давности.—Представленіе Государю-Императору въ Январѣ 1889 г. и разговоръ съ Его Величествомъ.—Сплетни о якобы полученномъ М. И. Семевскимъ Высочайшемъ выговорѣ.—Недоразумѣнія съ записками В. Р. Зотова, В. В. Верещагина. 115

X. Пользованіе для «Русской Старины» переводными матеріалами.—Труды М. И. Семевскаго, какъ редактора.—Отраженіе на «Русской Старинѣ» личности ея основателя.—Чуткость «Русской Старины» къ вопросамъ современной жизни.—Характеръ литературно-научной дѣятельности М. И. Семевскаго послѣ появленія «Русской Старины».—Письма подписчиковъ.—Изданія редакціи «Русской Старины».—Книга «Павловскъ».—Аудіенція по поводу этой книги у в. к. Константина Николаевича.—Замѣтки на нее Императора Александра II. 147

XI. Дальнѣйшее прохожденіе службы въ Государственной Канцеляріи.—Содѣйствіе М. И. Семевскаго къ открытію въ Великихъ Лукахъ реальнаго училища.—Близкое участіе, которое онъ принималъ въ судьбѣ и дѣлахъ этого училища и Великолуцкой женской прогимназіи.—Выходъ въ отставку.—Приведеніе въ порядокъ дѣлъ Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія. 159

XII. Выборы М. И. Семевскаго въ гласные С.-Петербургской Думы.—Его дѣятельность, какъ члена училищной коммисіи.—Его заботы объ учебномъ персоналѣ.—Его любовь къ дѣтямъ и отношеніе къ нимъ.—Его отношеніе къ учащимъ.—Воспоминанія о М. И. Семевскомъ, какъ попечителѣ начальныхъ городскихъ училищъ. 167

стр.

XIII. Дѣятельность М. И. Семевскаго, какъ гласнаго Думы.—Поднятый имъ вопросъ объ упорядоченіи смѣтъ и отчетовъ Управы.—Его мысль объ открытіи Городскаго Ломбарда.—М. И. Семевскій, какъ представитель въ Думѣ духовныхъ интересовъ города.—Чествованіе Н. М. Пржевальскаго.—Юбилей Академіи Генеральнаго Штаба.—Поддержка, оказанная городомъ женскимъ врачебнымъ курсамъ по случаю взятія Плевны.—Рѣчь М. И. Семевскаго по поводу ходатайства Русскаго Музыкальнаго Общества объ отводѣ ему городской земли для постройки зданія Консерваторіи 185

XIV. Выборы М. И. Семевскаго въ товарищи Городскаго Головы. — Его рѣчь къ гласнымъ. — Представленіе министру внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстому.—Его разговоръ съ нимъ.—Адресъ, поднесенный М. И. Семевскому городскими учителями и учительницами.—Отвѣтная рѣчь М. И. Семевскаго.—Оппозиція Управы начинаніямъ М. И. Семевскаго, какъ товарища Городскаго Головы.—Поѣздка для отдыха въ Мерреколь.—Сложеніе съ себя обязанностей товарища Городскаго Головы. — Выборы 22 Декабря 1888 г. — Участіе въ коммисіи о закупкѣ Управою муки въ голодный годъ 203

XV. М. И. Семевскій, какъ членъ Археографической Коммисіи.—Его поѣздки по Россіи —Архивъ князя Ѳ. А. Куракина.—Лекціи о Петрѣ Великомъ, читанныя М. И. Семевскимъ въ Соляномъ Городкѣ. 215

XVI. Заграничныя поѣздки.—Выдержки изъ путевыхъ замѣтокъ М. И. Семевскаго: встрѣчи, впечатлѣнія, наблюденія.—Его постоянныя мысли и заботы о «Русской Старинѣ» въ бытность его за границей. 221

XVII. Обѣды 19 Февраля.—Обѣды Полочанъ и Дворянъ. — Мысль объ устройствѣ библіотеки изъ трудовъ воспитанниковъ Полоцкаго кадетскаго корпуса и Дворянскаго полка. — М. И. Семевскій, какъ членъ С.-Петербургскаго Общества Взаимнаго Кредита и его участіе въ ревизіонной коммисіи 1879 года.—Альбомъ „Знакомые“.—Близкіе люди къ М. И. Семевскому: И. Е. Андреевскій, А. П. Берже, Ѳ. Г. Солнцевъ. 239

XVIII. Ухудшеніе здоровья М. И. Семевскаго.— Лекція въ Кронштадтѣ. — Болѣзнь.—Предсмертные часы. — Кончина М. И. Семевскаго.— Прибытіе тѣла покойнаго въ Петербургъ. — Похороны. — Характеристика М. И. Семевскаго. 251

Приложенія. Письма къ М. И. Семевскому подписчиковъ, сотрудниковъ, друзей и знакомыхъ.

Письма О. Бодянскаго, М. Бестужева, Е. Бестужевой, Н. Качалова, Ив. Бѣляева, Муравьева-Апостола, П. Муханова, бар. Андрея Розена, П. Гильтебрандта, П. Лебедева, М. Лонгинова, Ѳ. Глинки, Н. Лорера, П. А. Каратыгина, И. Забѣлина, Ю. Толстого, И. Щебальскаго, Ф. Каразина, Веневитинова, В. Альфонскаго, Рачинскаго, В. Долгорукаго, Н. Богушевскаго. 3

Письма Г. Е. Благосвѣтлова 12

Письма М. Н. Лонгинова 29

Письмо кн. М. А. Оболенскаго 30

Письма К. Д. Ушинскаго 30

Письмо М. Н. Каткова 34

Письма Д. Е. Кожанчикова 34

Письма Л. Н. Модзалевскаго 36

стр.
Рѣчь Д. Д. Семенова 43
Объ исключеніи и увольненіи воспитанниковъ изъ учебныхъ заведеній. Сообщеніе М. И. Семевскаго въ Педагогическомъ Обществѣ 19 Марта 1877 г. . 46
По вопросу о представленіи городскихъ смѣтъ и отчетовъ Городской Управы на разсмотрѣніе Думы. Рѣчь М. И. Семевскаго въ Думѣ 21 Января 1883 г. 57
Рѣчь М. И. Семевскаго, какъ Почетнаго Попечителя Великолуцкаго Реальнаго Училища, произнесенная въ Великихъ Лукахъ 5 Іюня 1883 г. по случаю перваго выпуска воспитанниковъ этого училища 65
«Судъ потомства». Памяти М. И. Семевскаго. Статья г. Гр. Градовскаго . . . 69
Перечень книгъ, статей и переводовъ М. И. Семевскаго 73
Перечень отдѣльныхъ историческихъ книгъ, изданныхъ редакціей «Русской Старины» 80
Замѣченныя описки и опечатки 82

Отъ издательницы.

Издавая біографію покойнаго Михаила Ивановича Семевскаго, я руководилась мыслью, что, если она и не представитъ выдающагося интереса, то во всякомъ случаѣ будетъ не безполезна для характеристики издателя-редактора «Русской Старины» и общественнаго дѣятеля. Его письма къ родителямъ и наставнику въ юности полны любви, уваженія и стремленія къ труду, который былъ его духовною потребностью, а не цѣлью для матеріальныхъ выгодъ.

Въ 1858 году Михаилъ Ивановичъ писалъ къ отцу. «Если передо мною трудъ, къ которому лежитъ мое сердце, я все забываю—сонъ и ѣду». Годы не измѣнили Михаила Ивановича, онъ и до конца жизни относился съ полнымъ пренебреженіемъ къ этимъ насущнымъ потребностямъ, зачастую забывая о пищѣ, проводя ночи за работой. Не смотря на свои усиленныя занятія и на обширную общественную дѣятельность, онъ никогда и никому въ пріемѣ не отказывалъ. Михаилъ Ивановичъ не руководился правиломъ—«моя хата съ краю» и не цѣнилъ свои слова и время на вѣсъ золота: всегда находилъ возможность удѣлить изъ своего рабочаго дня на хлопоты и разъѣзды по просьбамъ многихъ лицъ, къ нему обращавшихся. Многіе ему обязаны его добрыми совѣтами и указаніями, нѣкоторые своимъ образованіемъ, полученнымъ на его трудовыя деньги. Дай, Боже, чтобы они, въ свою очередь, слѣдовали его примѣру и не отклоняли возможную помощь, ссылаясь на причины, которыя всегда легко подыскать.

Встрѣчая людей на всѣхъ ступеняхъ общественнаго положенія, Михаилъ Ивановичъ уважалъ и цѣнилъ въ нихъ только личныя достоинства и дарованія, не стѣснялся высказывать правду и свои убѣжденія, къ сожалѣнію, иногда въ рѣзкой формѣ, что происходило отъ его впечатлительнаго и нервнаго характера, не рѣдко вредило ему и создавало враговъ.

Отлично владѣя устной рѣчью, Михаилъ Ивановичъ не увлекался, какъ ораторъ, только одними цвѣтами краснорѣчія, но ясно проводилъ свою мысль; зачастую онъ говорилъ безъ всякой подготовки, овладѣвая слушателями своимъ убѣжденнымъ искреннимъ словомъ; правда и честность рѣдко

ускользаютъ отъ вниманія толпы, поэтому Михаилъ Ивановичъ почти всегда достигалъ того, что представлялось ему защищать или проводить. Многія изъ его рѣчей, произнесенныхъ имъ въ Думѣ, не появлялись въ печати, хранятся въ Думскомъ Архивѣ.

Чрезвычайно дорожа званіемъ гласнаго С.-Петербургской Думы, онъ былъ сильно огорченъ, когда едва его не лишился, пройдя лишь по третьему разряду, и это послѣ многолѣтняго служенія городу, не смотря на горячее участіе, которое онъ принималъ во всѣхъ его интересахъ и начинаніяхъ, особенно въ ревизіонной и училищной коммисіяхъ; послѣдняя особенно была близка его сердцу: увеличеніе числа школъ, ихъ улучшеніе было всегдашнимъ его стремленіемъ. Съ увѣренностью можно сказать, что всѣ непріятности въ бытность Михаила Ивановича товарищемъ городского головы положили основаніе его мучительной болѣзни, грудной жабѣ, которою онъ страдалъ до конца жизни, что видно изъ его писемъ и замѣтокъ, имъ оставленныхъ, хранящихся въ семейномъ архивѣ, печатать которыя еще не настало время.

Самою главною и любимою работой Михаила Ивановича была «Русская Старина»; онъ вполнѣ жилъ радостями и горестями своего журнала. Приливъ матеріала или нѣкоторый въ немъ застой, удачный составъ книги или случайныя съ ней затрудненія,—все отражалось на его душевномъ и физическомъ состояніи. Онъ прилагалъ все свое стараніе, чтобы «Русская Старина» была живой по содержанію, съ лучшими гравюрами, красивая по внѣшности, точная въ выходѣ. Обладая удивительной способностью вести бесѣду, втягивать въ нее, онъ съ полнымъ интересомъ относился къ людямъ, умѣлъ вызвать ихъ полное къ себѣ довѣріе, воодушевить самаго сдержаннаго человѣка. Помимо того, что общеніе съ людьми было потребностью его ума и сердца, оно также содѣйствовало успѣшному имъ пріобрѣтенію многихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, письменныхъ и устныхъ, записанныхъ стенографически, положило основаніе чуть ли не единственному въ нашемъ журнальномъ мірѣ частному архиву, «собрать который была уже большая заслуга», какъ говорилъ незабвенный Алексѣй Михайловичъ Унковскій.

Михаилъ Ивановичъ за годъ впередъ обдумывалъ и намѣчалъ составъ «Русской Старины», выбирая матеріалъ изъ своего богатаго архива, измѣняя иногда программу для вновь поступившей и особенно важной по содержанію рукописи. Чутко прислушиваясь къ отзывамъ о «Русской Старинѣ», онъ тѣмъ не менѣе всегда руководился своимъ собственнымъ возрѣніемъ на ея задачи. Былъ ли Михаилъ Ивановичъ на высотѣ своего призванія, какъ редакторъ любезнаго ему журнала,—покажетъ время.

Глубокій почитатель реформъ 60-хъ годовъ и великаго дня освобожденія крестьянъ, онъ былъ счастливъ имѣть хотя малую долю участія въ этихъ трудахъ. Въ книгѣ «Русской Старины» 1-го Марта 1892 г., послѣдней, вышедшей подъ редакторствомъ Михаила Ивановича, помѣщена статья «Тридцать первая годовщина дня освобожденія крестьянъ». Въ ней одинъ

изъ участниковъ обѣда въ память 19-го Февраля назвалъ его «нашъ лѣтописецъ».

Грустно, что собиратель столькихъ записокъ и воспоминаній не успѣлъ самъ составить своей автобіографіи и не привелъ своихъ записокъ въ порядокъ. Но въ немъ не жила умѣренность въ работѣ, систематичность въ распредѣленіи времени: жизнь захватывала его всецѣло, со всѣми ея вопросами.

Имѣть свою газету, свой органъ—было его всегдашнимъ желаніемъ; онъ надѣялся, что при извѣстномъ его уже имени, быть можетъ, имѣлъ бы успѣхъ, вызвалъ бы массу корреспонденцій изъ провинціи, но подвергнуть случайностямъ чужія деньги, не имѣя своего капитала, онъ не рѣшался. Но самое завѣтное его желаніе было дожить до 25-лѣтія «Русской Старины», въ которую онъ вложилъ всѣ свои силы и способности для доброй цѣли—знанія и правды. Михаилъ Ивановичъ всегда высоко цѣнилъ и чествовалъ живыхъ и усопшихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ служенія своей родинѣ; на его же долю выпало полное забвеніе: въ годовщину 25-лѣтія дорогаго ему журнала никто не вспомнилъ объ ея недавно скончавшемся основателѣ, и только прекрасная, прочувствованная статья Григорія Константиновича Градовскаго напомнила объ его заслугахъ, за что и приношу ему глубочайшую благодарность*).

При основаніи своемъ всякое дѣло, кромѣ усиленнаго труда, требуетъ еще денежныхъ затратъ и не рѣдко и впослѣдствіи сопряжено съ денежными потерями. «Русская Старина» не была въ этомъ случаѣ исключеніемъ: послѣ 22-хъ-лѣтней работы редактора, она, въ годъ его смерти, имѣла дефицитъ, накопившійся за нѣсколько лѣтъ—въ 38.500 р., который покрылся только продажей журнала съ архивомъ, оставшимися экземплярами «Русской Старины» за прежніе годы и всѣми клише—за 39.500 р.

Разнообразная и обширная дѣятельность покойнаго редактора «Русской Старины», быть можетъ, не дала ему возможности сосредоточить его силы на болѣе цѣнномъ и законченномъ трудѣ, но изданныя имъ 267 книгъ «Русской Старины», этого хранилища столькихъ событій и дѣяній прошлаго, останутся драгоцѣннымъ вкладомъ для разработки отечественной исторіи.

Участіе Михаила Ивановича въ обширной общественной дѣятельности, всегда проникнутое самыми честными побужденіями, было постоянно направлено на пользу общества и горячо любимой родины.

Е. М. Семевская.

---

*) «Новости» 10 Марта 1895 г. № 68.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Перваго Января 1895 года исполнилось двадцать пять лѣтъ существованія извѣстнаго всей читающей и образованной Россіи историческаго журнала «Русская Старина». Но человѣкъ, создавшій въ теченіе двадцати двухъ съ лишнимъ лѣтъ неустанно ведшій его по пути успѣха и завоевавшій ему совершенно исключительное положеніе, этотъ человѣкъ, неразрывно связавшій свое имя съ судьбою журнала, не дожилъ до дня, который, несомнѣнно, явился бы для него однимъ изъ самыхъ торжественныхъ дней въ его жизни. Значеніе «Русской Старины» для русской исторической науки такъ очевидно, что едва ли нужно говорить о немъ. Достаточно сказать, что въ 267 книгахъ журнала, вышедшихъ при Михаилѣ Ивановичѣ, помѣщено столько драгоцѣннаго историческаго матеріала, и въ сыромъ, и въ обработанномъ видѣ, что ни одинъ трудъ по исторіи Россіи XVIII и первой половины XIX столѣтія не можетъ обойтись безъ ссылокъ на него.

Въ этомъ отношеніи «Русская Старина» является надолго неисчерпаемой сокровищницей. Тѣмъ, что напечатано самимъ Михаиломъ Ивановичемъ въ своемъ журналѣ, не ограничиваются всѣ историческія богатства, раздобытыя и собранныя имъ. Онъ оставилъ своему дѣтищу громадное наслѣдство въ видѣ архива, состоящаго изъ въ высшей степени интересныхъ и важныхъ документовъ. На сколько обширенъ и цѣненъ этотъ архивъ, лучше всего видно изъ того, что онъ еще на многіе годы можетъ обезпечивать «Русской Старинѣ» интересъ и значеніе. Такимъ образомъ, Михаилъ Ивановичъ какъ будто хотѣлъ и за

предѣлами гроба вліять на судьбу созданнаго имъ журнала, которому при жизни онъ посвятилъ всѣ свои силы, всѣ свои помыслы.

«Русская Старина» имѣетъ значеніе не для однихъ только ученыхъ и ихъ трудовъ: она имѣетъ заслуги передъ всѣмъ русскимъ обществомъ, и эти заслуги, безспорно, велики и благотворны. «Русская Старина» заставила массу читающей публики интересоваться прошлымъ своего отечества, заставила полюбить свою родную исторію, потому что на страницахъ «Русской Старины» она представлялась не чѣмъ-то сухимъ, бездушнымъ, а, напротивъ, прошлое нашей родины оживало въ этихъ многочисленныхъ воспоминаніяхъ, дневникахъ, подчасъ противорѣчивыхъ, какъ противорѣчива сама жизнь, но запечатлѣнныхъ духомъ своего времени, отражавшимся на всѣхъ дѣятеляхъ данной эпохи и объясняющимъ многое такое, что иначе могло бы казаться намъ непонятнымъ, страннымъ.

Но помимо своего научнаго и просвѣтительнаго значенія «Русская Старина» имѣетъ еще другой, высшій смыслъ: она, въ томъ видѣ, какъ ее создалъ и велъ Семевскій, олицетворяетъ собою «судъ потомства», «этотъ высшій историческій апелляціонный судъ, олицетвореніе русской Немезиды». Мы не можемъ удержаться, чтобы не прибавить къ этимъ словамъ нѣсколькихъ строкъ изъ тепло написанной статьи г. Гр. Градовскаго («Новости», 1895 г. № 68), которою онъ помянулъ третью годовщину кончины основателя «Русской Старины».

«Попасть въ «Русскую Старину»! Кажется, что можетъ быть проще, незначительнѣе этихъ словъ, а какое богатство содержится въ нихъ, и какъ понятно, какъ доступно оно всѣмъ и каждому! Это великая честь для однихъ и угроза, возмездіе и нравственная кара для другихъ. Честный, стойкій, не преуспѣвавшій «на жизненномъ пиру» труженикъ не разъ утѣшится сознаніемъ, что онъ найдетъ оцѣнку, заступничество, оправданіе и признаніе заслугъ своихъ на страницахъ «Русской Старины»; напротивъ, всѣ праздношатающіе, злобствующіе и творящіе зло не разъ, быть можетъ, призадумывались, что рано или поздно они будутъ призваны къ отвѣту, что дѣтямъ или внукамъ придется краснѣть за ихъ дѣянія или быть свидѣтелями, какъ рушатся тѣ эфемерные пьедесталы, на которые они всякими неправдами и ухищреніями взгромоздились. Вотъ что означало и что говорило такое простенькое съ виду выраженіе, какъ — попасть въ «Русскую Старину». Это выраженіе напоминало, что

есть *судъ потомства*, что этотъ судъ не шутка, что отъ карающей руки его не уйти».

И Михаилъ Ивановичъ прекрасно сознавалъ все значеніе своей «Русской Старины» и гордился имъ. Онъ носилъ это званіе редактора «Русской Старины» съ такимъ чувствомъ собственнаго достоинства, съ какимъ рѣдко носятъ самый громкій титулъ, самое высокое званіе въ служебной іерархіи. При его жизни многіе были склонны относиться къ этой чертѣ его характера нѣсколько иронически, но онъ могъ и имѣлъ право ставить такъ высоко это дорогое для него званіе «редактора «Русской Старины», созданной его знаніями, умѣньемъ, неутомимыми энергіей и трудолюбіемъ. Онъ не только поборолъ всѣ матеріальныя затрудненія, которыя «Русская Старина» должна была встрѣтить на первыхъ же порахъ своего появленія, такъ какъ Михаилъ Ивановичъ не обладалъ никакими средствами, но и окружилъ ее обаяніемъ, которое, само по себѣ, даже послѣ его смерти, можетъ на долго обезпечивать существованіе основаннаго имъ историческаго журнала. И Михаилъ Ивановичъ, смотря на 267 книгъ «Русской Старины», выпущенныхъ имъ, могъ бы смѣло примѣнить къ себѣ извѣстный стихъ Пушкина:

«Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
«Къ нему не заростетъ народная тропа»...

Въ созданіи «Русской Старины», въ завоеваніи ей значенія, которое она пріобрѣла для русской исторической науки, и заключаются главная заслуга покойнаго Семевскаго передъ русскимъ обществомъ и его права на вниманіе и благодарность потомства. Поэтому нельзя не порадоваться появленію біографіи Михаила Ивановича, такъ какъ она сохранитъ для будущихъ поколѣній память о наполненной неустаннымъ трудомъ жизни человѣка, всецѣло преданнаго наукѣ, дающей возможность понимать прошлое своего отечества и оцѣнивать его настоящее для лучшаго обезпеченія его будущаго. Кто-то высказался, говоря о Михаилѣ Ивановичѣ, что, если Карамзинъ носилъ званіе «русскаго историографа», то Семевскаго съ его «Стариною» можно было бы назвать «архиваріусомъ русской исторіи». И, дѣйствительно, «Русская Старина» являлась неоцѣненнымъ, богатымъ архивомъ, но архивомъ живымъ, говорящимъ и поучающимъ, открытымъ и понятнымъ каждому, любящему углубляться въ изученіе прошлаго.

*

Изученію этого прошлаго Семевскій придавалъ громадное значеніе. Исторія являлась для него не рядомъ голыхъ цифръ, не цѣпью отдѣльныхъ, не имѣющихъ между собою связи событій, а цѣльною, гармоничною во всѣхъ своихъ частяхъ картиною, въ которой все взаимно пополняетъ и объясняетъ другъ друга, въ которой все развивается одно изъ другого, строго и послѣдовательно. Волненія, ошибки, заблужденія минуты стушевываются на общемъ фонѣ историческихъ событій—отдѣльныхъ моментовъ въ жизни человѣчества, не измѣняя и не извращая проникающей ихъ общей идеи. Человѣчество, а слѣдовательно и всѣ народы неустанно катятся впередъ къ какой-то невѣдомой, имъ поставленной цѣли, и задача отдѣльныхъ личностей не тормозить, а способствовать этому вѣчному поступательному движенію впередъ, быть можетъ, безпрерывному и безконечному по своей сущности. А для этого недостаточно знакомства съ главными моментами въ жизни человѣчества, для этого необходимы пониманіе, знаніе и умѣніе пользоваться тѣми мелкими факторами, изъ которыхъ слагается каждое отдѣльное историческое событіе—природою, характеромъ и страстями человѣка, которыя, увы, остаются неизмѣнными на всемъ протяженіи вѣковъ. На сколько легко познать эти факторы, на столько же трудно успѣшно пользоваться ими, примѣняя это знаніе въ жизни, такъ какъ каждому, въ свою очередь, трудно отдѣлаться отъ тѣхъ вліяній минуты, которыя уже обусловили собою заблужденія и ошибки его предшественниковъ.

Въ этомъ отношеніи ничто такъ не способствуетъ лучшему, болѣе правильному и безпристрастному ознакомленію со всѣми данными, изъ которыхъ слагается то или другое событіе прошлаго, какъ изученіе подлинныхъ историческихъ актовъ, дневниковъ, воспоминаній и записокъ современныхъ ему дѣятелей. Показанія послѣднихъ могутъ быть противорѣчивы, иногда совершенно противоположны другъ другу, но въ нихъ отражаются духъ ихъ времени, различныя теченія въ разнообразныхъ сферахъ человѣческаго духа, характеризующія данную эпоху, и та масса почти неуловимыхъ для послѣдующихъ поколѣній особенностей, условій, которыя и придаютъ тому или другому событію опредѣленный, ему лишь одному свойственный обликъ. А между тѣмъ, не смотря на всѣ эти противорѣчія, порой завѣдомую ложь, при сопоставленіи всѣхъ этихъ данныхъ, при сличеніи ихъ съ

подлинными оффиціальными актами обрисовывается историческая правда. Притомъ, она обрисовывается медленно, постепенно скидывая съ себя пелены тумана, иногда нарочно накинутыя на нее людьми и надолго затемняющія истинное значеніе того или другого факта.

Вотъ въ чемъ слѣдуетъ искать объясненія того, чѣмъ руководился Михаилъ Ивановичъ при составленіи программы своей «Русской Старины». Онъ прекрасно сознавалъ, что каждое историческое сочиненіе, прежде всего, является «сочиненіемъ», что авторъ, прежде чѣмъ занести какое-либо событіе въ свою книгу, такъ сказать, преломилъ его сквозь призму своихъ личныхъ возрѣній, симпатій и антипатій. Онъ зналъ, что очень часто къ разсмотрѣнію историческаго факта подходятъ съ предвзятою мыслью, съ уже готовою теоріею, подъ которую стараются подогнать его, и что другому человѣку этотъ же самый фактъ представился бы въ совершенно иномъ освѣщеніи. Съ другой стороны, въ изложеніи историка, ученаго, историческія событія утрачиваютъ ту жизненную окраску, ту неуловимую, но несомнѣнную связь съ настоящимъ, которыя чувствуются при чтеніи подлинныхъ историческихъ матеріаловъ какого бы то ни было наименованія, и которыя не только придаютъ имъ характеръ чего-то нагляднаго, но увеличиваютъ ихъ интересъ для читателя, имѣющаго дѣло съ живыми людьми, во плоти и крови, а не съ отвлеченными представленіями о томъ или другомъ историческомъ лицѣ.

Такимъ образомъ передъ читателемъ развертываются цѣльныя картины прошлаго, подчасъ полныя захватывающаго интереса, вызываемаго столкновеніемъ и борьбою страстей, подчасъ грандіозныя, но неизмѣнно жизненныя и правдивыя. А заинтересовать, увлечь читателя, почти помимо его воли пріобщить его къ сокровищницѣ историческихъ знаній, такъ или иначе научить его вдумываться въ отдѣльныя событія, стараться понять присущій имъ смыслъ—являлось одною изъ первыхъ обязанностей журнала, созданнаго человѣкомъ, относительно котораго оказалось возможнымъ сказать впослѣдствіи слѣдующія слова, произнесенныя на его могилѣ И. А. Шляпкинымъ: «онъ не былъ тѣмъ ученымъ, который таитъ про себя результаты своихъ кропотливыхъ изысканій, интересные только для спеціалистовъ, остающіеся достояніемъ кабинетныхъ занятій. Михаилъ Ивановичъ былъ популяризаторъ знанія, популяризаторъ нашей

родной исторіи. Со временъ появленія «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, никакое сочиненіе не имѣло такого распространенія, не подымало такъ общій интересъ къ знанію своего прошлаго, какъ «Русская Старина». Она не только знакомила насъ съ прошедшимъ, но давала уроки и для будущаго, и какіе смѣлые, хорошіе уроки!»

«Прошедшее, изъясняя настоящее, вѣрнѣйшій руководитель нашего будущаго» — эти слова престарѣлаго декабриста, Муравьева-Апостола, въ одномъ изъ его писемъ къ покойному Семевскому, служатъ лучшимъ выраженіемъ взгляда послѣдняго на ту практическую пользу, которую можетъ приносить намъ изученіе исторіи, знаніе и пониманіе ея. Прежде всего, она безпрестанно напоминаетъ намъ о тѣхъ «урокахъ прошлаго», которые такъ легко забываются нами, и которыми очень часто мы пренебрегаемъ съ такимъ легкомысліемъ, тогда какъ опытъ многовѣковой жизни человѣчества доженъ былъ бы служить исходною точкою всѣхъ начинаній въ настоящемъ. Она заставляетъ каждый народъ въ отдѣльности оглядываться на свое прошлое, видѣть свои удачи, несчастія, ошибки, увлеченія, критически разбирать ихъ, сознательно относиться къ каждому своему шагу, будитъ, развиваетъ въ немъ самосознаніе. «Изученіе родной исторіи и преимущественно новѣйшаго времени, основанное не на личныхъ взглядахъ того или другого писателя, но на подлинныхъ историческихъ документахъ, всего болѣе можетъ способствовать этому развитію», писалъ Михаилъ Ивановичъ, указывая на побужденія, руководившія имъ при созданіи «Русской Старины».

Кромѣ того, ничто не способствуетъ въ такой степени познанію человѣка со всѣми его страстями, со всѣми его дурными и хорошими сторонами, со всѣмъ тѣмъ, на что онъ способенъ, какъ изученіе исторіи, въ которой человѣкъ является во всевозможныхъ положеніяхъ на протяженіи многихъ, многихъ вѣковъ. Нигдѣ не найти такого богатаго и разнообразнаго матеріала для изученія его, какъ въ данныхъ исторіи. Въ этомъ отношеніи исторія является школою для людей, призванныхъ судьбою выдѣляться изъ общества, чтобы руководить имъ. Поэтому особый интересъ къ исторіи паблюдается среди государственныхъ и политическихъ дѣятелей, и тѣ изъ нихъ, которые проникались даваемыми ею наставленіями, обнаруживали и болѣе выдающіяся госу-

дарственныя способности, большее умѣніе справляться съ лежавшими на нихъ задачами.

Но помимо своего утилитарнаго значенія, помимо той практической пользы, которую приноситъ изученіе прошлаго, оно имѣетъ громадное нравственное значеніе. Оно дѣйствуетъ на душу умиротворяющимъ, успокаивающимъ образомъ. Оно показываетъ, что существуетъ высшій законъ историческаго возмездія, карающій все недоброе, которому подчинены и цѣлые народы, и отдѣльныя личности. Сосредоточивая наше вниманіе на интересахъ, болѣе сложныхъ и болѣе глубокихъ, чѣмъ всѣ горести и заботы нашей короткой, преходящей жизни, оно умаляетъ ихъ значеніе въ нашихъ глазахъ и заставляетъ пренебрегать ими. Въ то же время оно учитъ смотрѣть на жизнь болѣе трезво, болѣе спокойно, болѣе вѣрно, и этимъ спасаетъ отъ часто губительныхъ заблужденій, напрасныхъ разочарованій, развивая въ людяхъ выдержку, цѣльность характера, упорство въ достиженіи поставленной себѣ цѣли. Оно вызываетъ въ воображеніи безконечный рядъ выдающихся дѣятелей прошлаго, сильныхъ своею волею, своими душевными качествами, своею любовью къ родинѣ и всему человѣчеству, своимъ самоотверженнымъ служеніемъ имъ на разнообразныхъ поприщахъ, и примѣръ ихъ жизни, трогая насъ, заставляя удивляться и сочувствовать имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, часто помимо нашей воли, пробуждаетъ въ насъ стремленіе приблизиться къ нимъ. Въ особенности подобныя стремленія могутъ зарождаться въ молодости, отзывчивой на все благородное, свѣтлое, и вотъ почему Михаилъ Ивановичъ придавалъ изученію исторіи въ высшей степени важное воспитательное значеніе, считая хорошими всѣ пути, ведущіе къ ознакомленію съ нею.

Вотъ что писалъ Семевскій по этому поводу въ 1891 году въ отвѣтъ на циркулярное письмо члена Совѣта С.-Петербургскаго комитета грамотности М. М. Ледерле, собиравшаго матеріалы для свода мнѣній о выборѣ чтенія, высказанныхъ «выдающимися людьми нашей родины».

«... Возможно раннее (12 до 14 лѣтъ) знакомство съ исторіей, хотя бы въ началѣ при посредствѣ, но, конечно, умѣло выбранныхъ историческихъ романовъ, что теперь несравненно легче, чѣмъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, при богатствѣ нашей и иностранной литературы,

хорошій выборъ мемуаровъ (для 15—17 лѣтъ) и, наконецъ, лучшихъ отечественныхъ писателей-художниковъ, вотъ что, по моему мнѣнію, ведетъ къ правильному развитію ума и сердца и втягиваетъ въ трудовую жизнь».

Многіе и очень многіе знали и помнятъ покойнаго Семевскаго, какъ издателя, редактора, литератора, чиновника, гласнаго, офицера, преподавателя, но едва ли кто зналъ его, какъ человѣка. Онъ могъ быть очень откровененъ, но всегда чувствовалось, что въ немъ есть что-то такое, чего онъ не откроетъ лучшему другу, такіе тайники сокровенныхъ мыслей и чувствъ, которыхъ онъ ни передъ кѣмъ не обнаружитъ. Въ этомъ отношеніи его біографія, благодаря приведеннымъ въ ней многочисленнымъ выдержкамъ изъ его переписки и автобіографическихъ замѣтокъ, даетъ возможность хоть немного заглянуть въ его душу и объяснить эту замкнутость. Въ письмѣ къ своему бывшему воспитателю Малевичу (6 Марта 1856 г.), говоря о поѣздкѣ къ отцу изъ Москвы, послѣ долгой разлуки, онъ пишетъ: «повѣрите ли, мой добрый другъ, если я вамъ скажу, что я *неохотно* поѣхалъ въ отпускъ; стыдно, но долженъ сознаться, что съ неудовольствіемъ оставилъ Москву и на двѣ недѣли разстался со своими занятіями. Но вы повѣрите этому странному признанію, если вспомните, что сердце мое было холоднѣе и умъ эгоистичнѣе, неужели у всѣхъ братьевъ моихъ: дисциплина и и четырехъ-годичное суровое обращеніе со мной дяди А. М. Б—го, съ 1841—1845 годъ, вырвало изъ моего сердца много добрыхъ, нѣжныхъ чувствъ».

Какою грустью дышатъ эти строки! Къ счастью, пребываніе въ домѣ Б—го не извратило доброй души мальчика, а лишь пріучило его уходить въ самого себя, скрывать отъ взоровъ всѣхъ то, что было въ немъ лучшаго.

Когда вглядишься поближе въ Михаила Ивановича, такого, какимъ онъ обрисовывается при чтеніи его воспоминаній и писемъ, невольно поражаешься уравновѣшанностью его натуры. Въ жизни рѣдко приходится наталкиваться на личности со столь законченнымъ нравственнымъ обликомъ. Благодаря этой-то своей уравновѣшанности, законченности, Михаилъ Ивановичъ и могъ принести столько пользы на различныхъ поприщахъ своей дѣятельности: это заставляло его не раскидываться, не разбрасываться, а строго согласовать свои силы

съ возлагаемой на себя задачей. Онъ зналъ, что можетъ сдѣлать, и дальше этого предѣла не шелъ, не растрачивая своихъ силъ попусту, а сберегая и развивая ихъ для новыхъ задачъ. Этому же рѣдкому у насъ качеству мы обязаны и самимъ существованіемъ «Русской Старины». Приступивъ къ изданію ея, онъ понялъ, что именно требуется отъ него, какъ отъ издателя-редактора историческаго журнала новаго, созданнаго имъ, типа, и чѣмъ именно онъ лично можетъ способствовать процвѣтанію его, и, начертивъ себѣ извѣстный кругъ дѣятельности, онъ уже не вышелъ изъ него. Успѣхъ его историческихъ монографій не вскружилъ ему головы; онъ рѣзко разграничилъ въ себѣ историка-литератора и редактора-издателя, и это благопріятно отозвалось на «Русской Старинѣ», такъ какъ не внесло путаницы въ программу, по которой она была задумана и которой обязана занятымъ ею положеніемъ, и въ то же время сберегло силы самого Михаила Ивановича для того дѣла, для котораго онъ былъ нуженъ Россіи. Быть можетъ, это качество Семевскаго обусловлено отчасти его черезчуръ ужъ скромнымъ взглядомъ на свои дарованія. По крайней мѣрѣ, еще въ юности, когда каждый особенно склоненъ преувеличивать данныя ему силы, онъ писалъ Г. Е. Благосвѣтлову 21 ноября 1855 г. по поводу своихъ литературныхъ занятій: «изнемогаю подъ гнетомъ тяжелой, несносно давящей меня мысли, что судьба даровала мнѣ одинъ талантъ — кропотливо, усидчиво и безплодно трудиться. Работая, я хочу подняться надъ этою гибелью матеріаловъ, хочу сказать что-то новое, доселѣ никѣмъ не сказанное, погрязаю въ прочитанныхъ статьяхъ, обозрѣніяхъ, опытахъ, и голова трещитъ отъ напора мыслей... Сильно побаиваюсь, что мой небольшой запасъ самостоятельныхъ воззрѣній, мыслей и маленькое дарованьице — все это израсходуется, испишется, выльется въ одну форму...»

Вотъ какъ безпощадно строго судилъ себя Семевскій еще въ юности; но, повторяемъ, быть можетъ, только благодаря этой сторонѣ его характера, его не увлекла извѣстность, доставленная ему его историческими монографіями, и не помѣшала ему вступить на путь, по которому онъ неутомимо шелъ въ теченіе двадцати съ лишнимъ лѣтъ и тѣмъ составилъ себѣ почетное имя.

Вмѣстѣ съ этой уравновѣшанностью, умѣньемъ ограничивать себя, мы наталкиваемся у Михаила Ивановича на другую симпатичную черту

его — вѣру, что при служеніи наукѣ требуется неустанный трудъ, что почивать на лаврахъ нельзя, что все дается однимъ трудомъ. И онъ доказалъ искренность своего взгляда на это примѣромъ всей своей жизни. При этомъ, онъ не мечталъ о быстрыхъ успѣхахъ, о легко добытой извѣстности: онъ твердо былъ убѣжденъ, что съ теченіемъ времени все это дастся само-собою, а пока нужно трудиться при неослабѣвающей любви къ знанію, къ наукѣ.

А на сколько сильна была въ немъ эта любовь, видно изъ самого бѣглаго ознакомленія съ его жизнью. Тотчасъ послѣ выхода изъ Дворянскаго Полка и по производствѣ въ офицеры, не смотря на всю свою радость, на то, что, какъ влюбленный, онъ заглядывался на свои новенькіе блестящіе эполеты и подолгу любовался ими, онъ не только не позволялъ себѣ ни малѣйшаго лишняго расхода («ни одна кондитерская, ни одинъ трактиръ не видали у себя вашего Мишу, писалъ онъ отцу, — да и не увидятъ; папиросы не явились у меня съ офицерскими эполетами, какъ это сдѣлали нѣкоторые изъ моихъ товарищей»), а, напротивъ, буквально посадилъ себя на черный хлѣбъ съ чаемъ, употребляя всѣ свои деньги на покупку книгъ на толкучкѣ.

Жажда знаній, стремленіе пополнить свое образованіе помимо своихъ самостоятельныхъ занятій привели его къ слушанію лекцій Московскаго университета, когда вмѣстѣ съ л.-гв. Павловскимъ полкомъ онъ попалъ на нѣкоторое время въ нашу первопрестольную столицу. И отличавшей его любознательности Михаилъ Ивановичъ не утратилъ до конца своей жизни. Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ всюду старался обогатить свой запасъ знаній, наблюденій, собрать побольше интересныхъ фактовъ, данныхъ, которые не только увеличивали бы его личный кругозоръ, но и оказались бы подспорьемъ для него и въ его общественной дѣятельности, и при веденіи имъ «Русской Старины.» Его неоднократныя поѣздки заграницу выяснили для него его недостаточное практическое знакомство съ иностранными языками, вслѣдствіе чего онъ не могъ извлекать всей пользы и интереса изъ общенія съ выдающимися людьми запада, съ которыми ему приходилось сталкиваться, а поэтому и стѣснялся расширять кругъ подобныхъ знакомствъ. И, вотъ, еще заграницей, онъ беретъ уроки французскаго языка, а, вернувшись въ Петербургъ, находитъ возможность и охоту приняться за изученіе нѣмецкаго, чуть-ли не съ азбуки, продолжая эти занятія даже

на 55-мъ году жизни при всѣхъ своихъ сложныхъ обязанностяхъ, по достиженіи имъ и его дѣтищемъ, «Русской Стариною», вполнѣ заслуженной извѣстности! Уже одинъ этотъ фактъ говоритъ о незаурядности натуры покойнаго Семевскаго.

Пребываніе Михаила Ивановича въ Москвѣ много способствовало упроченію въ немъ свойственной ему любви ко всему самобытному, русскому. Каждая пядь земли въ Кремлѣ являлась для него живой свидѣтельницей давно минувшихъ событій. Въ его памяти проносилось все отдаленное прошлое Россіи, такъ тѣсно связанное съ Москвою, и, подъ вліяніемъ историческихъ воспоминаній, онъ чувствовалъ себя сыномъ своего отечества, и въ немъ крѣпли и развивались любовь къ нему и вѣра въ его свѣтлое будущее, а вмѣстѣ съ ними и желаніе послужить на пользу родинѣ.

Что особенно поражаетъ въ Михаилѣ Ивановичѣ, такомъ, какимъ онъ представляется намъ теперь, такъ это его связь съ землею, привязанность къ мѣсту своего рожденія. Онъ не только чисто русскій человѣкъ, любящій Россію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ «великолучанинъ», уроженецъ Великолуцкаго уѣзда, страстно преданный своему уѣзду. И онъ гордится этимъ званіемъ «великолучанина», зоветъ себя «историкомъ Великихъ Лукъ». До какой степени были сильны въ немъ эти симпатіи къ родному уѣзду — сказалось въ его сочиненіи «Великіе Луки и Великолуцкій уѣздъ».

Свою любовь къ родному углу Михаилъ Ивановичъ доказалъ на дѣлѣ. При малѣйшемъ случаѣ онъ старался оказать ему ту или другую услугу, дѣлалъ пожертвованія на его благотворительныя учрежденія, а главное много способствовалъ устройству въ немъ реальнаго училища, судьбою котораго всегда живо интересовался. Избранный его попечителемъ, онъ даже ѣздилъ туда на экзамены, и не забудемъ при этомъ, что для того, чтобы попасть въ Великіе Луки, приходится до 200 верстъ сдѣлать на почтовыхъ и, при томъ, $^4|_5$ пути не по шоссе, а по такъ называемой большой дорогѣ, всѣ прелести которой въ весеннее время трудно представить себѣ. Эта трогательная привязанность къ родному краю была по достоинству оцѣнена и городомъ, преподнесшимъ ему званіе почетнаго гражданина Великихъ Лукъ, и уѣздомъ, въ теченіе многихъ лѣтъ безсмѣнно избиравшимъ его своимъ почетнымъ мировымъ судьею.

Въ высшей степени внимательное, добросовѣстное отношеніе къ принимаемымъ на себя обязанностямъ, иногда доходившее до самоотверженія, было отличительной чертою характера Михаила Ивановича. Этимъ онъ составлялъ рѣзкій контрастъ съ большинствомъ нашихъ «дѣятелей», относящихся къ дѣлу халатно, спустя рукава, если только съ нимъ не связаны ихъ матеріальные интересы и выгоды. Многіе, быть можетъ, осуждаютъ покойнаго Семевскаго за недостатки его характера, отъ которыхъ, впрочемъ, никто не изъятъ въ жизни, но едва ли кто-либо усумнится въ безкорыстіи его службы обществу. Онъ никогда не отказывался отъ труда и трудился до потери силъ. Его неутомимость и настойчивость въ собираніи матеріаловъ для «Русской Старины» были такъ велики, такъ необычайны для нѣкоторыхъ, что они въ шутку называли его американцемъ. Это былъ рѣдкій, выдающійся работникъ.

Всѣ эти неоцѣненныя качества съ особенной наглядностью проявились въ его дѣятельности, какъ гласнаго С.-Петербургской Думы, каковымъ онъ состоялъ безъ перерыва въ теченіе пятнадцати лѣтъ, съ 1877 года до самой своей кончины въ 1892 году. Безспорно, онъ оказалъ городу и его населенію не мало полезныхъ услугъ, въ особенности, въ области народнаго образованія, но главное значеніе, главный смыслъ его думской дѣятельности заключаются, по нашему мнѣнію, не въ его трудахъ, какъ члена училищной и ревизіонной комиссій, товарища городскаго головы, не въ его участіи въ разработкѣ различныхъ мѣропріятій и вопросовъ, а въ томъ, что въ Думѣ онъ являлся представителемъ духовныхъ интересовъ и потребностей города, принявъ на себя нелегкую и часто неблагодарную задачу выяснять его выборнымъ, что, по слову великой евангельской истины, «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ», нужно заботиться не объ однѣхъ его матеріальныхъ нуждахъ. При каждомъ удобномъ случаѣ Михаилъ Ивановичъ пользовался своимъ правомъ голоса, чтобы обращать вниманіе Думы на то или другое событіе, имѣвшее связь съ духовной жизнью человѣка, и тѣмъ пріучать наше общество сознавать и цѣнить заслуги въ этой сферѣ дѣятельности. По мнѣнію Михаила Ивановича, первый признакъ культурности народа, — это умѣніе отличать и чествовать своихъ выдающихся людей, и онъ старался насадить это умѣніе среди русскаго общества, которое, увы, слишкомъ часто подвер-

гается упрекамъ за то, что такъ быстро забываетъ тѣхъ, кого еще вчера оно превозносило до небесъ.

Пробуждая въ обществѣ стремленіе цѣнить своихъ выдающихся людей, онъ и въ этомъ отношеніи оставался вѣренъ самому себѣ, стараясь проводить въ жизнь свои взгляды на важное воспитательное значеніе изученія исторіи. Такъ, постоянно высказываясь въ Думѣ за открытіе возможно большаго числа городскихъ училищъ въ Петербургѣ, онъ ратовалъ за присвоеніе имъ именъ чествуемыхъ лицъ, для того, объяснялъ онъ, чтобы «сотни дѣтей, которыя будутъ воспитываться подъ сѣнью этихъ школъ, читая на вывѣскахъ училищъ имя писателя или общественнаго дѣятеля, усвояли себѣ сознаніе, что честная служба не только чтится при жизни, но и почитается въ грядущихъ поколѣніяхъ».

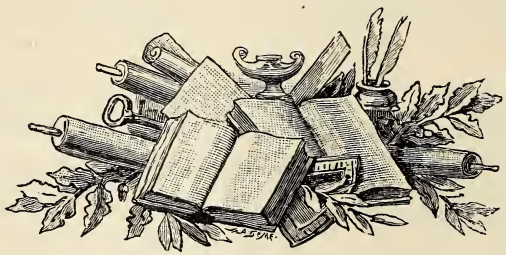
Въ этихъ строкахъ ярко обрисовывается человѣкъ, преждевременно сошедшій отъ насъ въ могилу 9 Марта 1892 года и переселившійся, по его собственному выраженію, употребленному въ одномъ изъ его предсмертныхъ писемъ, «въ тотъ блаженный край, гдѣ нѣтъ печали и воздыханія, и гдѣ прогуливается громадная толпа сотрудниковъ «Русской Старины», посмертные труды которыхъ украшаютъ страницы этого изданія».

Отмѣчая въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» за 1893 годъ первую годовщину кончины основателя этого журнала, мы писали, что «безполезно повторять по этому поводу то, что уже неоднократно высказывалось на страницахъ «Русской Старины» со дня кончины Михаила Ивановича—о его заслугахъ исторической наукѣ, неутомимой общественной дѣятельности, неизмѣнномъ стремленіи всѣми силами служить своему отечеству; все это извѣстно всѣмъ, сочувствующимъ преуспѣянію русской исторической науки, и все это составитъ, безъ сомнѣнія, богатый матеріалъ для біографіи Михаила Ивановича, появленіе которой, вѣроятно, не заставитъ себя долго ждать». Мы счастливы, что высказанное нами предположеніе осуществилось такъ скоро, и предлагаемая біографія Михаила Ивановича Семевскаго сохранитъ для грядущихъ поколѣній память о его заслугахъ и его правахъ на вниманіе и благодарность къ нему со стороны русскаго общества.

Но лучшая и высшая дань памяти покойнаго Михаила Ивановича заключалась бы въ томъ, чтобы воздвигнутый имъ себѣ памятникъ оказался, дѣйствительно, нерукотворнымъ, не страдающимъ ни отъ времени, ни отъ рукъ человѣческихъ, и чтобы «Русская Старина» надолго сохранила то значеніе для русской исторической науки, какое завоевалъ ей ея основатель.

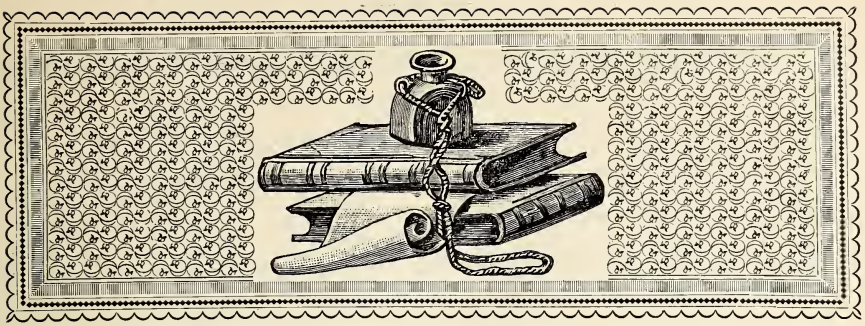
Н. Шильдеръ.

С.-Петербургъ, 31 Мая 1895 года.



МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ.

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.



I.

Родъ Семевскихъ. — И. Е. Семевскій. — Дѣтство М. И. Семевскаго.—Жизнь въ семьѣ Б—го.—Возвращеніе въ родной домъ.—І. И. Малевичъ.—Поступленіе М. И. Семевскаго въ Полоцкій кадетскій корпусъ.—Характеристика учебнаго персонала.—Каникулы въ Ѳедорцовѣ.—Ранняя любовь къ чтенію.—Пріѣздъ Я. И. Ростовцева на выпускные экзамены въ корпусѣ.—Поступленіе въ Дворянскій Полкъ.—Порядки Полка.—Переписка съ отцомъ.—Мысль о написаніи «исторіи дома Семевскихъ».—Разборъ комедіи Островскаго «Свои люди сочтемся».—М. И. Семевскій и Я. И. Ростовцевъ.—Производство въ офицеры.—Преподаватели Дворянскаго Полка: Кузьминъ-Караваевъ Касторскій, Введенскій, Благосвѣтловъ.—Вліяніе на М. И. Семевскаго И. И. Введенскаго и Г. Е. Благосвѣтлова.—«Исторія русской комедіи».

Михаилъ Ивановичъ Семевскій родился 4-го января 1837 г. въ сельцѣ Ѳедорцовѣ Великолуцкаго уѣзда Псковской губерніи. Этотъ уѣздъ былъ въ то время гнѣздомъ образованнаго служилаго дворянства и, какъ центръ мѣстной интеллигенціи, рѣзко отличался отъ всѣхъ прочихъ уѣздовъ губерніи. Къ числу весьма образованныхъ представителей помѣстнаго дворянства принадлежалъ отецъ Михаила Ивановича, помѣщикъ, надворный совѣтникъ, Иванъ Егоровичъ Семевскій (р. 1806 † 1860 г.). Колыбелью фамиліи Семевскихъ слѣдуетъ считать собственно г. Торопецъ Псковской губерніи съ его уѣздомъ, такъ какъ въ длинномъ ряду торопчанъ эта фамилія встрѣчается неоднократно, какъ о томъ свидѣтельствуютъ переписныя книги уже въ 1710 г. и даже ранѣе, но семейство Ивана Егоровича Семевскаго ведетъ свое происхожденіе непосредственно отъ одного польскаго выходца, уроженца Витебской губерніи, шляхтича и землевладѣльца, Яна Семевскаго, который въ началѣ прошлаго столѣтія, по собствен-

ному желанію, переселился въ Россію и женился въ Торопецкомъ уѣздѣ на дворянкѣ Евдокіи Григорьевнѣ Щеглоковой. Его потомки, братья Василій и Егоръ Ивановичи Семевскіе, уже въ 1799 г. владѣли благопріобрѣтенными недвижимыми имуществами въ Псковской губерніи; Василій Ивановичъ, между прочими землями въ разныхъ уѣздахъ Псковскаго намѣстничества, пріобрѣлъ въ 1790 г. отъ Е. П. Васильевской сельцо Ѳедорцово, гдѣ родился Михаилъ Ивановичъ; сельцо это въ 1804 г. было продано имъ брату его Егору Ивановичу Семевскому, дѣду Михаила Ивановича, человѣку довольно состоятельному.

Сынъ его, а слѣдовательно отецъ Михаила Ивановича, Иванъ Егоровичъ Семевскій, питомецъ 2-го кадетскаго корпуса выпуска 1824 года, прослуживъ въ саперныхъ баталіонахъ 9 лѣтъ, вышелъ въ отставку въ 1835 г. въ чинѣ штабсъ-капитана и занялся хозяйствомъ въ доставшемся ему, по смерти матери, небольшомъ родовомъ имѣніи съ 150 душами крестьянъ, которое онъ получилъ въ самомъ разстроенномъ состояніи съ довольно крупнымъ на немъ долгомъ. Онъ женился въ молодыхъ лѣтахъ, въ 1830 г., на дочери минскаго помѣщика, полькѣ, Камиллѣ Матвѣевнѣ Богуцкой (р. 1811 † 1855 г.).

Семейство молодыхъ супруговъ, которыхъ соединяла всю жизнь самая искренняя, нѣжная привязанность, росло съ каждымъ годомъ; всего у нихъ было 10 человѣкъ дѣтей, изъ коихъ семеро достигли зрѣлаго возраста [1]).

Благодаря заботливому управленію, доходъ съ Ѳедорцова сталъ по немногу увеличиваться, но содержаніе многочисленной и ежегодно возраставшей семьи вызывало такіе расходы, которыхъ не могло удовлетворить хозяйство небольшаго имѣнія, и поэтому Ивану Егоровичу Семевскому пришлось искать подспорья въ службѣ. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ служилъ по выборамъ въ Великолуцкомъ уѣздѣ, занимая послѣдовательно должности посредника для размежеванія земель, исправника и дворянскаго засѣдателя Псковской уголовной палаты, а въ 1844 году получилъ мѣсто эконома въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1850 году, рѣшивъ навсегда оставить службу, онъ вы-

[1]) Старшій сынъ ихъ, Владиміръ, родился въ 1832 г., дочь Софія въ 1835 г.; остальные сыновья родились: Михаилъ въ 1837, г. Александръ въ 1838 г., Петръ въ 1840 г., Егоръ въ 1842 г. и Василій въ 1846 г.

шелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, посвятивъ все свое время сельскому хозяйству.

Служба при военно-учебномъ заведеніи имѣла для Ивана Егоровича весьма важное преимущество: она дала ему право воспитать на казенный счетъ всѣхъ сыновей; дѣйствительно, всѣ они, исключая младшаго, Василія, были помѣщены сначала въ Полоцкій кадетскій корпусъ, а затѣмъ въ Дворянскій Полкъ.

Первые годы жизни его втораго сына, Михаила, протекли въ деревнѣ, въ сельцѣ Ѳедорцовѣ, подъ надзоромъ умной, энергичной и весьма заботливой матери, къ которой онъ, вмѣстѣ съ прочими дѣтьми, до конца ея жизни питалъ глубокую привязанность и къ которой относился всегда съ полною откровенностью, какъ къ самому лучшему своему другу; объ этихъ рѣдкихъ, весьма отрадныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между матерью и взрослыми сыновьями, свидѣтельствуетъ сохранившаяся въ ихъ семействѣ довольно обширная, но совершенно семейнаго характера переписка, которую Камилла Матвѣевна вела со своими дѣтьми.

Къ сожалѣнію, Михаилу Ивановичу не долго пришлось пользоваться нѣжными попеченіями любящей матери; въ 1841 году, четырехлѣтнимъ ребенкомъ, онъ былъ разлученъ съ нею и, вслѣдствіе нѣкоторыхъ семейныхъ обстоятельствъ, отправленъ къ своему родному дядѣ, по матери, Адольфу Матвѣевичу Богуцкому, въ домѣ котораго провелъ около четырехъ лѣтъ. Объ этомъ періодѣ своего дѣтства онъ вспоминалъ всегда, какъ о времени тяжеломъ, наложившемъ на всю его жизнь неизгладимый отпечатокъ. Этотъ дядя былъ человѣкъ суровый, и мальчикъ не встрѣтилъ въ его домѣ той ласки, не былъ согрѣтъ тою любовью, которыя такъ необходимы ребенку въ этомъ возрастѣ; совершенно безсознательно для него въ его душу закралось недовѣрчивое отношеніе къ окружающимъ, сознаніе необходимости оберегать себя, всегда быть до извѣстной степени на-сторожѣ.

Въ 1845 году жизни Михаилъ Ивановичъ возвратился въ родительскій домъ, но уже не въ Ѳедорцово, а въ Полоцкъ, гдѣ его отецъ служилъ въ то время экономомъ въ корпусѣ. Въ Полоцкѣ его воспитаніе было ввѣрено Іосифу Игнатьевичу Малевичу, домашнему наставнику, воспитавшему его старшихъ братьевъ, тому самому педагогу, «подъ руководствомъ котораго, гораздо позже, получила домаш-

нее образованіе извѣстный профессоръ высшей математики Софья Васильевна Ковалевская, рожденная Корвинъ-Круковская».

Малевичъ, поступивъ въ домъ Ивана Егоровича Семевскаго въ 1839 г., положилъ этимъ начало своей педагогической карьерѣ; этотъ человѣкъ принадлежалъ къ исчезнувшему нынѣ типу домашнихъ наставниковъ, которые воспитывали и выращивали въ былое время цѣлыя семьи нашихъ дворянъ-помѣщиковъ; проживъ въ домѣ лѣтъ 15—20, такой наставникъ сроднялся съ семьею, становился въ ней своимъ, близкимъ, человѣкомъ и сохранялъ со своими воспитанниками связь на всю жизнь. Таковъ былъ и Іосифъ Игнатьевичъ, у котораго Михаилъ Ивановичъ Семевскій учился до самого поступленія своего въ корпусъ [1]).

По словамъ Михаила Ивановича, это былъ вполнѣ достойный педагогъ того времени, въ высшей степени добросовѣстно относившійся къ принятому на себя дѣлу. Всѣ занятія у него были распредѣлены въ самомъ строгомъ порядкѣ, и онъ требовалъ отъ учениковъ полнѣйшей исполнительности и точности въ выполненіи задаваемыхъ имъ уроковъ. «Хотя въ то время въ русскомъ мірѣ учащихъ уровень педагогическихъ знаній и пріемовъ былъ довольно низокъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ провинціальномъ городѣ Полоцкѣ, гдѣ прошло мое дѣтство», говоритъ Михаилъ Ивановичъ, тѣмъ не менѣе, Малевичъ выдѣлялся изъ нихъ тѣмъ, «что онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ тѣлеснымъ наказаніямъ, не обрекалъ своихъ учениковъ на голодовку, никогда не требовалъ долбни, но яснаго пониманія предмета и передачи выученнаго своими словами; этимъ онъ далеко опередилъ пріемы современной ему педагогіи» и, конечно, имѣлъ чрезвычайно хорошее вліяніе на умственное развитіе своихъ учениковъ, изъ коихъ многіе заявили себя впослѣдствіи на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ жиз-

---

[1]) Въ бумагахъ Михаила Ивановича сохранились замѣтки объ его первомъ педагогѣ и о преподавателяхъ, бывшихъ при немъ въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ и въ Дворянскомъ Полку; эти замѣтки, въ которыхъ онъ говоритъ о вліяніи на него воспитателей и школы вообще, были напечатаны послѣ его кончины, въ видѣ отрывка изъ его автобіографіи, въ журналѣ «Русская Школа» (Май—Іюнь 1893 г. стр. 64—69) и вошли въ его некрологъ («Рус. Старина» 1892 г., Апрѣль). Такъ какъ онѣ представляютъ значительный интересъ, какъ личныя воспоминанія Михаила Ивановича объ его ученическихъ годахъ и даютъ весьма мѣткую характеристику нѣкоторыхъ педагоговъ 1850—1860 годовъ, то мы воспроизводимъ ихъ здѣсь полностью.

ни. Чрезвычайно характеренъ журналъ, который этотъ наставникъ велъ о своихъ занятіяхъ съ дѣтьми Ивана Егоровича Семевскаго. Въ особую тетрадь, озаглавленную «записки и наблюденія за успѣхами въ наукахъ и нравственностью моихъ учениковъ», Малевичемъ вносились въ послѣдніе дни каждаго мѣсяца замѣтки объ успѣхахъ и поведеніи ученика; если въ этотъ промежутокъ времени случалось что либо особенное, какой-нибудь проступокъ, заслуживший съ его стороны порицаніе и болѣе строгое взысканіе, то онъ отмѣчался особо, съ большими подробностями. Особенно преслѣдовалась имъ въ ученикахъ ложь. Строгій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, справедливый воспитатель умѣлъ привязывать къ себѣ своихъ питомцевъ; что касается Михаила Ивановича, то онъ до конца жизни поддерживалъ съ нимъ переписку и выказывалъ ему постоянныя уваженіе и пріязнь; позднѣйшія письма его къ бывшему воспитателю, писанныя въ то время, когда онъ уже неустанно трудился, какъ редакторъ созданнаго имъ историческаго журнала, а Малевичъ превратился въ полуслѣпаго старца, дышатъ прежнею откровенностью и горячимъ участіемъ и свидѣтельствуютъ о томъ, что нравственная связь, установившаяся между ними, съ годами не нарушилась.

Занятія Михаила Ивановича подъ руководствомъ Малевича шли весьма успѣшно; когда ему минуло десять лѣтъ, то онъ настолько выдѣлялся среди сверстниковъ своими познаніями, умомъ и трудолюбіемъ, что его воспитатель совершенно искренно сокрушался о томъ, что мальчику предстояло вступить въ военный корпусъ, а не въ другое учебное заведеніе, болѣе сродное съ его наклонностями и способностями — т. е. въ гимназію, а потомъ въ университетъ. При большихъ способностяхъ, Михаилъ Ивановичъ уже въ то время проявлялъ весьма дѣятельный и энергичный характеръ и особенное умѣнье привлекать своихъ сверстниковъ къ тѣмъ играмъ или занятіямъ, которыя поглощали его самого — черта, отличавшая его во всю жизнь. «Онъ не можетъ ни минуты быть безъ занятій,» писалъ о немъ Малевичъ старшему брату Семевскаго, Владиміру: «или затѣваетъ какія-нибудь общія игры или работы, въ которыхъ каждый, по его требованію, долженъ принимать дѣятельное участіе, или проводитъ время въ чтеніи».

Умѣлымъ выборомъ статей и книгъ изъ тогдашней небогатой русской дѣтской литературы Малевичъ съумѣлъ привязать мальчика къ

чтенію, что, конечно, имѣло огромное вліяніе на его умственное развитіе. Съ такими-то прекрасными задатками, отлично подготовленный, поступилъ Михаилъ Ивановичъ въ 1847 г. въ Полоцкій кадетскій корпусъ.

«Я поступилъ въ военно-учебное заведеніе, говоритъ онъ въ своихъ памятныхъ замѣткахъ, — въ такое время, когда въ корпусахъ царила суровая, болѣе сказать, жестокая и зачастую лишенная всякаго смысла муштровка. Происходило это, впрочемъ, не столько отъ указаній, шедшихъ изъ Петербурга, сколько отъ крайне неумѣлаго выбора дежурныхъ офицеровъ и ротныхъ командировъ, которымъ ввѣрялась не одна военная выправка своихъ питомцевъ, но и руководство нравственнаго развитія и воспитанія юношей.

«Громадное большинство этихъ псевдо-воспитателей было изъ глубокой арміи, люди безъ малѣйшаго образованія, нерѣдко полуграмотные, и изъ нихъ выдѣлялись и имѣли нѣкоторое благотворное вліяніе лишь тѣ, которыхъ Господь надѣлилъ отъ природы добрымъ сердцемъ. Но была и хорошая сторона въ суровой кадетской школѣ, мною и моими сверстниками пройденной: молодые люди закалялись въ исполнительности, въ исправности при исполненіи отъ нихъ требуемаго, являлось содружество и товарищество однокашниковъ, нерѣдко сохранявшееся многіе годы и по оставленіи учебнаго заведенія. Что касается до учителей и ихъ вліянія, то я лично вспоминаю Арсенія Васильевича Скворцова, питомца, если не ошибаюсь, одной изъ духовныхъ академій, преподававшаго у насъ въ корпусѣ исторію. Не смотря на довольно тѣсныя рамки кадетскаго курса исторіи, Арсеній Васильевичъ Скворцовъ составлялъ и давалъ намъ свои обширныя записки, каковыя литографировались. Въ изложеніи своего предмета достойный наставникъ былъ весьма добросовѣстенъ: передавалъ его подробно, обстоятельно и положительно увлекалъ имъ нѣкоторыхъ своихъ юныхъ слушателей. Онъ во мнѣ заронилъ первыя сѣмена любви къ исторіи».

Эта любовь къ исторіи и стремленіе къ дальнѣйшему развитію и самоусовершенствованію поддерживались въ Михаилѣ Ивановичѣ усерднымъ чтеніемъ книгъ, имѣвшихся въ довольно обширной корпусной библіотекѣ. «Въ то время издавался «журналъ военно-учебныхъ заведеній», редакція котораго принадлежала штабу Якова Ивановича Ростовцева и пользовалась широкимъ правомъ перепечатывать изъ

литературныхъ и научныхъ журналовъ все то, что находила полезнымъ и интереснымъ для своего казеннаго изданія, не спрашивая для этого разрѣшенія авторовъ и переводчиковъ. Въ 1850-хъ годахъ это изданіе было прекращено, но въ свое время оно сослужило весьма полезную службу для молодежи военно-учебныхъ заведеній. Завѣдующій библіотекою Полоцкаго корпуса Г. В. Смирновъ охотно выдавалъ воспитанникамъ тогдашніе журналы, альманахи и вообще охотно шелъ на встрѣчу удовлетворенію ихъ любознательности». [1]) Пріѣзжая въ лѣтнее время на каникулы въ деревню, Михаилъ Ивановичъ и тутъ могъ удовлетворять свою страсть къ чтенію, такъ какъ въ Ѳедорцовѣ, заботами его просвѣщеннаго отца, была собрана небольшая, но прекрасно составленная библіотека, состоявшая изъ книгъ, преимущественно историческихъ и заключавшихъ въ себѣ всѣхъ выдающихся авторовъ XVIII-го вѣка; эта библіотека имѣла большое вліяніе на его развитіе, пробудивъ въ его душѣ любовь къ серьезному чтенію и страсть къ собиранію и пріобрѣтенію книгъ; впослѣдствіи, будучи молодымъ офицеромъ, съ самыми скудными средствами, онъ часто лишалъ себя необходимаго для того, чтобы пріобрѣсти то или другое сочиненіе, его интересовавшее; такимъ образомъ составилось, съ теченіемъ времени, его собственное весьма обширное и цѣнное книгохранилище, въ которое вошла и часть Ѳедорцовской библіотеки, подаренная ему отцомъ.

Въ своей юности Михаилъ Ивановичъ увлекался чтеніемъ историческихъ романовъ; особенно сильное впечатлѣніе произвело на него по его собственнымъ словамъ, чтеніе Вальтеръ-Скотта и нѣкоторыхъ французскихъ писателей. «На двѣнадцатомъ или тринадцатомъ году жизни одинъ изъ романовъ, кажется, Поля Феваля, «Пикильво Аліаго», напечатанный въ 1840-хъ годахъ въ «Библіотекѣ для чтенія», произвелъ на меня такое сильное впечатлѣніе», говоритъ онъ, «что я всѣ девять частей этого романа разсказывалъ на память моимъ товарищамъ по кадетскому корпусу. Чтеніе прозы Пушкина, Лермонтова и Гоголя увлекало меня въ томъ же возрастѣ, а лекціи по исторіи преподавателя А. В. Скворцова, какъ выше было сказано, рано развили во мнѣ любовь къ исторіи и къ ея изученію, которое началось для 14—15-лѣтняго юноши въ жадномъ чтеніи объемистыхъ, но довольно

[1]) «Рус. Школа», май 1893 г., стр. 64 и далѣе.

плохихъ иллюстрированныхъ исторій—жизнеописаній Суворова, Фридриха Великаго, Наполеона I и др. полководцевъ и государей, причемъ исторія Петра Великаго, въ сочиненіяхъ Берхмана и Ламбина, была прочитана мною довольно рано»

Не смотря на усердное чтеніе книгъ, которому Михаилъ Ивановичъ посвящалъ всѣ минуты кадетскаго досуга, его учебныя занятія не страдали отъ этого; въ корпусѣ онъ шелъ въ ряду первыхъ учениковъ, въ послѣдній годъ былъ произведенъ въ ефрейторы и кончилъ курсъ унтеръ-офицеромъ съ наградою.

По окончаніи въ 1852 году выпускныхъ экзаменовъ въ Полоцкомъ корпусѣ кадеты съ трепетомъ ожидали пріѣзда грозы военно-учебныхъ заведеній, Якова Ивановича Ростовцева; онъ долженъ былъ произвести имъ смотръ, къ которому заблаговременно начались дѣятельныя приготовленія; изъ Петербурга пріѣхалъ капитанъ гвардіи Епифановъ, который въ ожиданіи пріѣзда Якова Ивановича мучилъ баталіонъ ученіями.

«1-е Іюля срокъ, назначенный для пріѣзда генерала, минулъ», сообщалъ Михаилъ Ивановичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ отцу [1]). — «Епифановъ уѣхалъ, и Ростовцева уже бросили ожидать послѣ многихъ ошибочныхъ и забавныхъ встрѣчъ. Такъ, напр. Матусевичъ, прапорщикъ Витебскаго гарнизона, выпущенный изъ нашего корпуса, вздумалъ къ своимъ братьямъ пріѣхать въ лагерь въ каретѣ шестерней на почтовыхъ; но лишь только онъ показался въ виду лагеря, весь лагерь съ крикомъ выбѣжалъ на встрѣчу. Иванъ Яковлевичъ одѣлся въ мундиръ, Петръ Григорьеричъ Хаменко [2]) бросился бриться, отъ поспѣшности обрѣзалъ носъ, а между тѣмъ, вообразите положеніе несчастнаго прапорщика, надѣлавшаго такую кутерьму своею каретою!

«Нѣсколько подобныхъ случаевъ охладили какъ начальниковъ, такъ и кадетъ, и тѣ и другіе перестали ожидать Ростовцева, а между тѣмъ 7-го Іюля, въ 4 часа пополудни, прискакалъ изъ города гонецъ съ объявленіемъ, что Его Превосходительство, начальникъ штаба, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, пріѣхалъ. Вслѣдъ за нимъ прискакалъ другой, съ объявленіемъ, что въ 7 часовъ будетъ смотръ. Иванъ

[1]) Письмо изъ Полоцка отъ 21 Іюля 1852 г.

[2]) Корпусные офицеры.

Яковлевичъ совершенно смѣшался, въ лагерѣ началась ужасная суматоха, суматоха, которую и вообразить себѣ трудно; все это чистилось, мылось, одѣвалось, и къ 7 часамъ на силу были готовы, а между тѣмъ только въ половинѣ седьмаго пришли усталые, измученные кадеты 4-го класса 2-го отдѣленія со съемки изъ Струни. Иванъ Яковлевичъ не успѣлъ еще выстроить батальонъ, какъ пріѣхалъ Ростовцевъ и съ перваго слова началъ такъ:

«Любезный Забусовъ, да батальонъ-то твой и стать ровно не умѣетъ!»

«Любезный Забусовъ» не зналъ куда дѣться, и черезъ полчаса, не смотря на то, что кадеты дѣлали всѣ пріемы очень порядочно, Ростовцевъ, уже пріѣхавшій сердитымъ, еще болѣе разсердился и нѣсколько разъ обращался къ Забусову съ подобными словами: «да ты не умѣешь совсѣмъ учить, любезный Забусовъ, да ты здѣсь не годишься, я тебя въ армію сошлю!» и, наконецъ, прогналъ баталіонъ, сказавъ: «это ни что иное, какъ стадо свиней!»

«Но къ вечеру Ростовцевъ смилостивился и во время ужина, развеселившись, вызвалъ отъѣзжающихъ кадетъ въ Петербургъ, выстроилъ ихъ въ шеренгу и, разговаривая съ нѣкоторыми изъ нихъ, остановился передъ Семевскимъ, сказавъ: «здѣсь, кажется, уже было два Семевскихъ, оба гвардейца, ты долженъ тоже выйти въ гвардію».

Это была первая встрѣча Михаила Ивановича съ Ростовцевымъ, который впослѣдствіи, въ бытность Семевскаго въ Дворянскомъ Полку, особенно отличалъ его, содѣйствовалъ его дальнѣйшему развитію, способствовавъ его знакомству съ кружкомъ Московскихъ литераторовъ.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1852 года Михаилъ Семевскій оставилъ Полоцкъ, простившись съ корпусомъ, въ которомъ пробылъ съ 1847 года; 10-го Августа онъ прибылъ вмѣстѣ съ прочими кадетами въ Петербургъ и былъ принятъ въ Дворянскій Полкъ, уже при немъ переименованный въ Константиновскій корпусъ (впослѣдствіи Константиновское военное, а нынѣ, съ 1894 года, Константиновское Артиллерійское училище).

«Товарищеская жизнь въ Дворянскомъ Полку и въ смѣнившемъ его Константиновскомъ кадетскомъ корпусѣ была несравненно лучше, нежели въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ [1]): о кулачномъ правѣ

[1]) Автобіографія, замѣтки. Рукопись.

здѣсь не было и помину, воспитанникамъ всѣ говорили «вы», тѣлесныя наказанія уже не существовали; выборъ дежурныхъ офицеровъ былъ значительно лучше, нежели въ провинціальномъ корпусѣ, а учителя и наставники и по своимъ познаніямъ и по педагогическимъ пріемамъ были неизмѣримо выше полоцкихъ педагоговъ». — «Вообще въ Дворянскомъ Полку кадетамъ жилось несравненно пріятнѣе, нежели въ Полоцкѣ; съ ними обходились лучше, лучше кормили ихъ, все было чище, акуратнѣе, и, не смотря на царствовавшую еще въ корпусахъ строгую дисциплину, въ воспитательномъ дѣлѣ уже начало чувствоваться то гуманное вѣяніе, которое послѣ Севастопольскаго погрома выразилось въ рѣшительномъ переломѣ ко всему лучшему».

Въ Дворянскомъ Полку Михаилъ Ивановичъ былъ зачисленъ во 2-ое отдѣленіе 1-го спеціальнаго класса, гдѣ онъ съ перваго же года оказался въ числѣ лучшихъ учениковъ, какъ по поведенію, такъ и по успѣхамъ въ наукахъ. По письмамъ, которыя еженедѣльно получалъ отъ него его отецъ Иванъ Егоровичъ Семевскій, и которыя имъ тщательно сберегались и занумеровывались, можно прослѣдить день за днемъ всю жизнь Михаила Ивановича въ Петербургѣ во время пребыванія его въ Дворянскомъ Полку и въ первые годы по выходѣ въ офицеры. Эти длинныя, страницъ въ 20 и болѣе, письма, замѣчательныя по ихъ непринужденному и откровенному тону, писались урывками, въ свободное отъ классныхъ занятій время, и отсылались въ Псковъ разъ или два въ мѣсяцъ, одновременно съ дневникомъ, который Михаилъ Ивановичъ началъ вести еще въ Полоцкѣ [1]). Отецъ, съ своей стороны, платилъ ему взаимною откровенностью и въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ бесѣдовалъ съ нимъ о своихъ дѣлахъ, нерѣдко совѣтывался по поводу того или другого семейнаго вопроса; а Михаилъ Ивановичъ, не взирая на свою крайнюю молодость, зачастую давалъ отцу дѣльные совѣты, выражая, впрочемъ, свое мнѣніе всегда въ самой почтительной формѣ. Такимъ образомъ, между Иваномъ Егоровичемъ и его сыномъ установились въ высшей степени дружескія отношенія, скрѣпленныя взаимной любовью и довѣріемъ. Нѣсколько выдержекъ изъ писемъ Михаила Ива-

[1]) Всѣ эти письма, а равно и прочіе документы и автобіографическія замѣтки М И. Семевскаго, служившіе матеріалами при составленіи настоящей біографіи, бережно сохраняются въ его семейномъ архивѣ.

новича лучше всего могутъ дать понятіе объ этой характерной перепискѣ. Вотъ что пишетъ онъ отцу въ отвѣтъ на маленькій выговоръ съ его стороны за неаккуратную переписку и не особенно удачные полугодовые экзамены: [1]) — «Прежде чѣмъ продолжать описаніе дней, нужно отвѣтить на ваше письмо, папенька, полученное нами 1-го февраля. И такъ, вы получили отъ насъ еще только два письма, отъ 30 декабря и отъ 10 января, но еще не получили писемъ отъ 23 и 26 числа, — какъ видите, мы не думаемъ лѣниться и тяготиться такою подробною перепискою, а все-таки, папаша, вамъ нужно дать «маленькую распечку» за то, что вы такъ нетерпѣливы и, не получивъ почты три отъ насъ писемъ, уже такъ сильно начинаете безпокоиться и распекаете насъ! Володя [2]) справедливо сказалъ мнѣ однажды: «не нужно, Миша, баловать папеньку акуратною отсылкою писемъ нашихъ, потому-что, если когда-нибудь мы не отошлемъ свои письма во-время, то уже нетерпѣливый нашъ папенька будетъ сильно безпокоиться и пушить насъ, говоря: «Что это вы, дѣти, не пишете ни слова.» Читая ваши замѣчанія на счетъ нашихъ полугодовыхъ экзаменовъ, экзаменовъ неудачныхъ, я нашелъ, что въ нихъ ясно выражается вся ваша любовь къ своимъ дѣткамъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, скажу, что вы слишкомъ близко принимаете къ сердцу всѣ наши неудачи и огорчаетесь ими больше, нежели мы сами; а, главное, вы слишкомъ большую важность придаете нашимъ балламъ, тѣмъ болѣе, что выпускъ слишкомъ далекъ, и что баллам этимъ вовсе нельзя придавать такой важности, что будто-бы они могутъ имѣть хоть какое-нибудь вліяніе на нашъ выпускъ, который для меня будетъ черезъ $1\frac{1}{2}$ года, а для Саши [3]) черезъ $2\frac{1}{2}$ года, слѣдовательно, въ это время, какъ мои, такъ и Саши баллы могутъ перемѣниться разъ пять къ худшему и къ лучшему... Но, милый папенька, очень хорошо зная всю вашу любовь къ намъ, зная, что вы въ полномъ смыслѣ живете только для дѣтей своихъ, зная очень хорошо это, стыдно было-бы мнѣ и Сашѣ не дать твердаго обѣщанія — утѣшить васъ нашими годовыми экзаменами и вообще нашими послѣдующими классными дѣлами. Поэтому, призывая въ ручательство всю нашу любовь

---

[1]) Письмо къ И. Е. Семевскому отъ 10 февраля 1853 г.

[2]) Старшій братъ Михаила Ивановича.

[3]) Александръ Ивановичъ Семевскій поступилъ въ Дворянскій Полкъ годомъ позже Михаила Ивановича.

къ вамъ, я съ Сашей даемъ честное слово въ томъ, что употребимъ всевозможное отъ насъ прилежаніе и поправимъ вполнѣ наши неудачи, вовсе не отъ насъ зависящія! Даемъ слово никогда не уклоняться отъ всегдашняго нашего желанія, отъ нашей заповѣдной надежды быть прапорщиками л.-гв. Павловскаго полка! При этомъ я оставляю въ сторонѣ малѣйшую небрежность и буду помнить слова маменьки: «Миша, не думай, что выпускъ твой далекъ, и что нечего теперь слишкомъ трудиться — трудись, прилагай всѣ старанія и тогда только съ надеждой на Бога ты достигнешь своей цѣли!»

«Папенька! я, кажется, васъ до сихъ поръ не обманывалъ, и потому вы можете спокойно принять наши обѣщанія за чистую монету и вполнѣ надѣяться, что, если не эполеты гвардіи (это слишкомъ еще отдаленно,) то, по крайней мѣрѣ, похвальный листъ Михаила Семевскаго за успѣшный курсъ во второмъ спеціальномъ классѣ и такой же блестящій патентъ за успѣшное окончаніе наукъ въ 1-мъ спеціальномъ классѣ Александра Семевскаго — непремѣнно въ Сентябрѣ 1854 г. уже прибавятся на стѣнахъ классной комнаты въ Ѳедорцовѣ».

Братья-кадеты сдержали свое слово: передъ экзаменами дневникъ, чтеніе постороннихъ книгъ, болтовня съ товарищами—все было забыто, насталъ періодъ усиленнаго зубренія; нанявъ за 1 $^1/_2$ р. въ мѣсяцъ солдата, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы будить ихъ каждую ночь въ 3 часа утра, Михаилъ и Александръ Семевскіе садились за занятія въ то время, когда ихъ товарищи еще почивали сладкимъ сномъ. Результатъ былъ блестящій: Михаилъ Иваповичъ великолѣпно сдалъ экзаменъ, послалъ въ Ѳедорцово обѣщанный похвальный листъ и былъ записанъ на красную доску.

По окончаніи экзаменовъ, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, кадетамъ предстояла утомительная, скучная лагерная жизнь; но привитая съ дѣтства любовь къ чтенію зачастую брала верхъ надъ усталостью, и семнадцатилѣтній питомецъ Дворянскаго Полка среди суматохи лагерной жизни усердно принимался за свои излюбленныя книги. Въ это время его занимало уже исключительно серьезное чтеніе, и онъ даже лелѣялъ мысль о самостоятельномъ литературномъ трудѣ. Подъ вліяніемъ историческихъ романовъ Вальтеръ-Скотта и др. авторовъ, коими онъ зачитывался въ то время, у него зародилась мысль написать въ лагерѣ для семьи «исторію дома Семевскихъ», придавъ ей форму истори-

ческаго романа. Эта мысль чрезвычайно занимала его; сообщивъ о ней отцу, онъ просилъ его прислать необходимые для этого труда матеріалы, какъ-то свѣдѣнія объ ихъ дѣдушкѣ, Егорѣ Ивановичѣ Семевскомъ, объ его братѣ, объ ихъ предкахъ; чрезвычайно обстоятельно и систематично для семнадцати-лѣтняго юноши излагаетъ онъ отцу составленную имъ программу этой «Исторіи». «Прежде всего, пишетъ онъ, «составьте черновую родословную таблицу дома Семевскихъ и соприкасающихся къ нему домовъ Богуцкихъ, Колычевыхъ, Качаловыхъ и пр. При всемъ этомъ не забывайте хронологіи, годъ рожденія и смерти каждаго члена фамиліи, записывайте въ тетрадку все, что удастся узнать изъ разспросовъ о дѣдѣ, бабушкѣ, достать планы Ѳедорцова, планы состоянія его при бабушкѣ и т. д. и т. д. Пришлите документы и подлинныя письма родныхъ и пр. и пр.» Этому предмету посвящено нѣсколько пространныхъ писемъ къ Ивану Егоровичу; обыкновенно чуткій и отзывчивый на желанія и просьбы дѣтей, онъ отвѣчалъ сыну полною готовностью исполнить всѣ его просьбы, и самъ, по его желанію, принялся за составленіе своихъ воспоминаній.

«Какъ отблагодарить васъ, папенька, за то рвеніе, съ которымъ вы исполняете просьбу вашихъ дѣтокъ!» пишетъ ему съ признательностью Михаилъ Ивановичъ 8-го Іюня 1854 г.;—не успѣлъ я заикнуться объ «исторіи дома Семевскихъ», а вы уже сидите съ перомъ и, пользуясь свободными немногими минутами, пишете свои замѣтки.»

Эти замѣтки отца, тщательно переписанныя и изящно переплетенныя, хранились въ архивѣ Михаила Ивановича, какъ драгоцѣнное семейное наслѣдіе. Юношеская затѣя его однако не была приведена въ исполненіе; «исторія дома Семевскихъ» осталась ненаписанною, вѣроятно, по недостатку времени, такъ какъ воспитанникамъ Дворянскаго Полка, при переходѣ въ 3-й спеціальный классъ, задавались на лагерное время серьезныя темы для самостоятельныхъ письменныхъ работъ. Въ отдѣленіи генеральнаго штаба, куда перешелъ Михаилъ Ивановичъ, темы давались историческія; ему пришлось разбирать царствованіе Анны Іоанновны.

Этотъ трудъ поглощалъ все его время, и для разработки данной темы ему пришлось, не довольствуясь учебнымъ курсомъ, прочесть нѣсколько пространныхъ сочиненій по исторіи. «Какъ теперь припоминаю, говоритъ Михаилъ Ивановичъ въ своихъ автобіографическихъ

замѣткахъ[1]),—изъ этого рода сочиненій мнѣ особенно нравились Біографіи и Словарь достопамятностей россійскихъ. Извѣстное сочиненіе Бантышъ-Каменскаго было едва-ли не первою книгою, которая прочитана была мною и прочитана не одинъ разъ, изъ отдѣла книгъ по отечественной исторіи. Какъ ни суха, повидимому, эта книга, какъ ни однообразно изложеніе біографій, въ ней помѣщенныхъ, тѣмъ не менѣе, и въ нихъ, въ этихъ служебныхъ спискахъ, разбавленныхъ большею частью похвалами, я нашелъ для своего юнаго воображенія не мало фактовъ, воскресившихъ предо мною прошедшую жизнь.

«Вслѣдъ за Бантышъ-Каменскимъ подвернулись мнѣ подъ руки «Записки о Россіи» Манштейна, переведенныя съ французскаго Глинкою. Эта одна книга уже дала мнѣ мысль къ сочинительству. Я вздумалъ по ней, по одной этой книгѣ, составить біографическій очеркъ жизни знаменитаго канцлера Ивана Андреевича Остермана и до того увлекся этою мыслью, что въ лагеряхъ, подъ кадетскимъ шатромъ (въ 1854 г.), трудился надъ этимъ нѣсколько недѣль и самой внѣшности этой біографіи придалъ, быть можетъ, самъ того не замѣчая, такой же видъ, какой имѣли біографическіе очерки въ словарѣ Бантышъ-Каменскаго».

Лагери, за ними царскій смотръ быстро пронеслись; насталъ послѣдній годъ пребыванія въ Дворянскомъ Полку. «9-го Августа мы опять будемъ въ Петербургѣ, писалъ Михаилъ Ивановичъ отцу (5 Авг. 1854 г.),—а 25 числа начнутся классы—послѣдній годъ моей кадетской жизни; труденъ будетъ этотъ годъ, впрочемъ, будьте покойны: дай Богъ только силы. А мнѣ нравится классная жизнь: книги, ружье и койка, на которой такъ крѣпко засыпаешь всякій вечеръ, въ 9 часовъ, съ мечтою объ эполетахъ л.-гв. Павловскаго полка. Знай свое дѣло, исполняй его, и кадетская куртка если надоѣстъ, то, по крайней мѣрѣ, не опротивѣетъ. Шесть дней трудимся, а седьмой, благодаря Володѣ, проводимъ весело у добрыхъ знакомыхъ, въ коихъ мы недостатка не имѣемъ, и которые принимаютъ насъ не по правиламъ холоднаго Петербургскаго гостепріимства, а чисто по Псковскому».

Послѣдній годъ кадетской жизни, дѣйствительно, промелькнулъ быстро; классныя занятія шли у Михаила Ивановича блистательно,

[1]) Эта замѣтка была имъ продиктована стенографу въ 1876 г. и вошла въ его некрологъ (См. Р. Сг. 1892 г. т. LXXIV).

имъ соотвѣтствовало и его поведеніе въ ротѣ: 29-го Сентября 1854 г. онъ былъ произведенъ въ старшіе унтеръ-офицеры за отличные успѣхи въ наукахъ и очень хорошее поведеніе, а когда, 7-го Октября, вышелъ приказъ Наслѣдника «достойнымъ воспитанникамъ 3-го спеціальнаго класса дать шавронъ изъ золотаго галуна на лѣвый рукавъ мундира и куртокъ въ знакъ того, что они отказались отъ офицерскаго чина, кончивъ курсъ 2-го спеціальнаго класса, пожелавъ продолжать ученіе», то въ числѣ достойныхъ получилъ это украшеніе и М. Семевскій.

«И такъ, рекомендуюсь, писалъ онъ отцу (14 Окт. 1854 г.),— вашъ Миша получилъ то, что красовалось на рукавѣ Володи, и я горжусь, что не отстаю отъ нашего старшины, который для всѣхъ своихъ братьевъ проложилъ дорогу и составилъ между начальствомъ Дворянскаго Полка то, что называется *renommée*. И такъ, на мнѣ на полъфунта галуновъ, довольны лы вы, папенька и маменька, своимъ сыномъ?»

Теперь Михаилу Ивановичу въ его кадетской жизни оставалось получить только одну награду—званіе фельдфебеля, которымъ онъ и былъ награжденъ къ выпуску; это званіе было весьма важно для него, такъ какъ при производствѣ ставило его выше камеръ-пажей.

Съ наступленіемъ полугодовыхъ экзаменовъ переписка Михаила Ивановича съ родителями становится рѣже; эти экзамены, на которыхъ въ 3-мъ спеціальномъ классѣ присутствовалъ Ростовцевъ, имѣли огромное значеніе для кадетъ, такъ какъ невыдержавшіе на гвардейскіе баллы выпускались въ артиллерію. Послѣ Рождества начались усиленныя подготовительныя занятія къ выпускнымъ экзаменамъ, къ которымъ воспитанники дожны были представить сочиненія или, вѣрнѣе, цѣлыя статьи (листовъ въ 20 и болѣе) по предметамъ литературы, русской и французской, исторіи, математики, законовѣдѣнія, тактики и артиллеріи.

На выпускныхъ, публичныхъ, экзаменахъ М. И. Семевскій обратилъ на себя особенное вниманіе Якова Ивановича Ростовцева своими удачными отвѣтами и своими сочиненіями по статистикѣ и русскому языку. Его сочиненіе, по отзыву Якова Ивановича, вообще не бывшаго щедрымъ на похвалы, было лучшимъ изъ всѣхъ сочиненій по этому предмету всѣхъ воспитанниковъ третьихъ спеціальныхъ классовъ, а за сочиненіе по русскому языку: «Разборъ комедіи Островскаго

«Свои люди сочтемся», тогда (въ 1854 г.) еще неигранной на сценѣ и извѣстной въ Петербургѣ сравнительно небольшому кругу читателей (она появилась въ «Москвитянинѣ» въ 1850 г. и въ ограниченномъ числѣ оттисковъ), онъ удостоился похвалъ всѣхъ присутствовавшихъ, въ особенности, самаго Ростовцева, который обѣщалъ напечатать сдѣланный имъ разборъ въ числѣ отборнѣйшихъ сочиненій воспитанниковъ третьихъ спеціальныхъ классовъ, подарилъ Михаилу Ивановичу, въ числѣ немногихъ, за экзаменъ серебрянный кубокъ и просилъ его къ себѣ на квартиру читать разборъ комедіи «Свои люди сочтемся».

29 Мая, на другой день по окончаніи экзаменовъ, Михаилъ Ивановичъ провелъ цѣлый вечеръ въ кругу семейства и близкихъ друзей Якова Ивановича, гдѣ превосходно и съ большимъ увлеченіемъ прочелъ свое сочиненіе.

«Спасибо, спасибо, любезный другъ Семевскій, за большое удовольствіе, которое ты мнѣ доставилъ сегодня и моему семейству», сказалъ ему Яковъ Ивановичъ по окончаніи чтенія, расцѣловавъ его. —Не имѣешь ли ты просьбы ко мнѣ?»

Весьма ободренный этимъ вниманіемъ и ласкою Михаилъ Ивановичъ высказалъ желаніе своего отца и свое собственное:—быть назначеннымъ въ дѣйствующій Павловскій полкъ, чтобы служить вмѣстѣ со старшимъ братомъ, который былъ въ то время въ походѣ.

«Къ сожалѣнію, именно этого желанія твоего я исполнить не могу», отвѣчалъ Ростовцевъ;—«прошлаго года былъ приказъ покойнаго Государя отнюдь не пускать молодыхъ офицеровъ ранѣе года службы въ резервномъ полку въ дѣйствующій».

Такимъ образомъ, Михаилу Ивановичу пришлось отказаться отъ надежды тотчасъ послѣ выпуска увидѣться съ родными, у которыхъ онъ думалъ прогостить съ недѣльку проѣздомъ въ дѣйствующую армію.

5-го іюня 1855 г. Михаилъ Ивановичъ былъ произведенъ въ офицеры. Хотя онъ не вынесъ со школьной скамьи особенно обширнаго образованія, такъ какъ въ его познаніяхъ было довольно много недочетовъ, какъ, напримѣръ, «малое знакомство съ иностранными и даже не вполнѣ удовлетворительное знакомство съ отечественнымъ язы-

комъ» [1]), но въ немъ было живо стремленіе къ дальнѣйшему развитію и самоусовершенствованію, и этимъ онъ былъ обязанъ, главнымъ образомъ, весьма удачному составу преподавателей Дворянскаго Полка, которые всячески поощряли своихъ питомцевъ къ умственному труду.

Вспоминая въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ [2]) тѣхъ преподавателей, которымъ Михаилъ Ивановичъ считалъ себя *наиболѣе* обязаннымъ за любовь къ серьезнымъ занятіямъ, которые «втянули его въ кругъ историческихъ знаній», онъ говоритъ: «въ области военной исторіи и тактики вспоминаю съ благодарностью офицера генеральнаго штаба Кузьмина-Караваева, а затѣмъ Аничкова, оба превосходно и по картамъ излагавшіе военныя событія. Въ фортификаціи съ большимъ интересомъ зачитывался я множествомъ примѣровъ военно-историческихъ эпизодовъ въ отличномъ, по своему времени, руководствѣ генерала Теляковскаго. Всеобщую, а затѣмъ русскую исторію изучалъ я, въ самыхъ первыхъ рядахъ по успѣхамъ воспитанниковъ, у почтеннаго В. М. Ведрова и профессора М. И. Касторскаго. Первый былъ вполнѣ на высотѣ университетской науки и излагалъ свой предметъ хорошо, а Касторскій, извѣстный въ свое время по бездарности профессоръ исторіи, тотъ самый, который въ теченіе многихъ лѣтъ, благодаря какой-то протекціи, могъ занимать каѳедру въ Петербургскомъ университетѣ, былъ старичекъ довольно уморительной наружности, съ весьма странными ухватками и положительно не умѣвшій проговорить полчаса связно и логично. Преподаваніе его сводилось къ Устряловскому учебнику, но отличалось, однако, одною особенностью: изрѣдка онъ обращалъ вниманіе своей аудиторіи на источники. Такъ, напримѣръ, онъ останавливался на нѣкоторыхъ подробностяхъ о лѣтописцѣ Несторѣ, на нѣкоторыхъ его продолжателяхъ и даже знакомилъ съ подлинными грамотами; и хотя связь изложенія исторіи съ источниками къ ней у него была весьма мала и отрывочна, но онъ далъ мнѣ нѣкоторое, хотя и самое поверхностное понятіе о томъ, что такое источники. Это до такой степени впослѣдствіи сослужило мнѣ службу,

[1]) Объ одномъ изъ преподавателей Полоцкаго кадетскаго корпуса, Г. В. Смирновѣ, Михаилъ Ивановичъ говоритъ между прочимъ, что онъ «не умѣлъ преподавать даже русскую грамматику; это видно изъ того, что всѣ кончали курсъ общихъ классовъ, не зная, какъ распорядиться съ буквою ѣ и съ прочими хитростями правописанія».

[2]) Рукопись и «Рус. Школа» 1893, № 5—6, стр. 67.

что, какъ теперь помню, въ своей педагогической практикѣ преподаванія отечественной исторіи я не иначе преподавалъ ее, какъ опираясь на примитивныя, то есть первоначальныя данныя къ излагаемымъ событіямъ. Страсть или, лучше сказать, способность къ компилятивнымъ работамъ, къ обращенію съ источниками, внушена мнѣ была также и нѣкоторыми другими преподавателями въ нашемъ заведеніи, которые задавали темы, требуя обработать ихъ по рекомендуемымъ книгамъ. Такъ, напримѣръ, мнѣ на 18-мъ году жизни довелось писать большое сочиненіе—очеркъ исторіи русскаго театра, какое-то статистическое сочиненіе, мною теперь совершенно забытое, очеркъ исторіи государственнаго совѣта—это изъ науки законовѣдѣнія, и нѣкоторыя другія. Первая изъ названныхъ компиляцій, какъ ни слаба она была, сослужила мнѣ ту службу, что дала возможность погрузиться въ исторію русской литературы XVIII столѣтія. Кто знаетъ, быть можетъ, безъ названной темы, когда-бы еще довелось мнѣ перечитать журналы Новикова, Александра Сумарокова, сочиненія Екатерины II, братьевъ Эминыхъ, журналы Крылова, Рубина, Козицкаго, Дашковой и проч. и проч. Между тѣмъ, тутъ, имѣя въ виду свою литературную работу, я, такъ сказать, всецѣло погрузился въ эти сѣренькія, плохой старинной печати, книги и цѣлыми днями просиживалъ въ Публичной библіотекѣ.

«Сочиненія вышли, конечно, плохія, хотя и сопровождались весьма пышными аттестаціями преподавателей. Но масса усвоенныхъ фактовъ осталась дорогимъ пріобрѣтеніемъ для послѣдующей моей жизни [1]).

«Отечественная словесность имѣла въ Дворянскомъ Полку отличныхъ преподавателей въ лицѣ Иринарха Ивановича Введенскаго, который въ то время, въ 1852 г., впрочемъ, уже самъ не преподавалъ, но посѣщалъ классы русскаго языка въ качествѣ наставника-наблюдателя по преподаванію русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и нерѣдко, увлекаясь, бесѣдовалъ о своемъ предметѣ съ воспитанниками, а самый предметъ исторіи отечественной словесности читалъ Григорій Евлампіевичъ Благосвѣтловъ, рекомендованный Введенскимъ на мѣсто преподавателя и излагавшій предметъ весьма увлекательно. Этимъ двумъ лицамъ я и мои товарищи обязаны возбужден-

[1]) «Русская Старина» 1892 года, апрѣль.

ною въ насъ большою любовью къ чтенію. Достойно вниманія, что, какъ Введенскій, такъ и Благосвѣтловъ, лучшихъ по успѣхамъ учениковъ приглашали къ себѣ, дѣлали участниками своихъ бесѣдъ, давали свои книги, а Введенскій даже придумалъ для меня особую тему для разработки, именно «исторію русской комедіи», въ каковую исторію, по предложенному имъ плану, я долженъ бы былъ ввести А. А. Сумарокова, Фонвизина, Грибоѣдова, Гоголя и Островскаго, превосходная комедія котораго «Свои люди сочтемся» была разобрана мною подъ руководствомъ Г. Е. Благосвѣтлова на кадетской скамьѣ въ особомъ сочиненіи, не безъ успѣха прочитанномъ на публичномъ экзаменѣ передъ Яковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ и большимъ собраніемъ учебныхъ властей весною 1855 г.»

ФОТОТИПІЯ ШЕРЕРЪ, НАБГОЛЬЦЪ И К°, МОСКВА.

Михаилъ Ивановичъ
Семевскій

прапорщикъ лейбъ-гвардіи павловскаго полка.
10 Дек. 1859 г.

II.

М. И. Семевскій—прапорщикъ л.-гв. Павловскаго полка.—Александръ Ивановичъ Семевскій.—Образъ жизни М. И. Семевскаго въ первое время по производствѣ въ офицеры.—Смерть И. И. Введенскаго.—Любовь къ занятіямъ исторіей.—Выступленіе полка въ Москву.

Михаилъ Ивановичъ надѣлъ офицерскіе эполеты 11-го Іюня 1855 г. и въ тотъ же день имѣлъ удовольствіе поздравить своего старика-отца «съ новымъ прапорщикомъ л.-гв. Павловскаго полка». «И такъ, общее ваше желаніе—желаніе покойной маменьки [1]), свято исполнено, писалъ онъ отцу, — «да развѣ можетъ и захочетъ не исполнить это желаніе хоть одинъ изъ шестерыхъ сыновей Ивана Егоровича Семевскаго! И такъ, уже два Семевскихъ—гвардейца[2]), третій уже и теперь, за годъ до эполетъ, выглядываетъ совершенно гвардейцемъ, а остальные трое, по проложенной тремя старшими братьями дорогѣ, безъ труда доберутся до той же цѣли... Первый день я ношу эполеты; голова такъ и вертится; смотришь то на тотъ эполетъ, то на другой, а звѣздочка серебряная—одна въ золотомъ полѣ, но блеститъ очаровательно; такъ вотъ и думаешь, идя по улицѣ, что всѣ смотрятъ на эту звѣздочку, и что будто бы всѣ любуются молодчикомъ-офицеромъ. Боже мой, зачѣмъ Сашукъ [3]) ѣдетъ завтра? Я долженъ къ его выѣзду написать дѣльное письмо, а развѣ это возможно, войдите только въ

---

[1]) Камилла Матвѣевна Семевская не дожила до этого радостнаго дня; она скончалась въ началѣ 1855 г.

[2]) Владиміръ и Михаилъ.

[3]) Александръ Ивановичъ Семевскій, по переходѣ въ 3-й спеціальный классъ уѣхалъ къ отцу въ отпускъ.

мое положеніе, развѣ это возможно? Я ужъ и то скинулъ сюртукъ, положилъ его сзади себя, чтобы онъ своими блестящими эполетами не подманивалъ къ себѣ, но нѣтъ—вотъ такъ и тянетъ къ нему, такъ и тянетъ... Да, кстати, рѣчь зашла о Сашѣ; два года эти, кои я провелъ съ нимъ, я находилъ въ немъ самаго преданнаго любящаго друга. Пожертвовать собою, уступить, помочь мнѣ, подѣлиться со мною моею же радостью или отъ души поговорить при неудачѣ—на все это доставало Саши. Какъ ни старался я платить ему тѣмъ же, но капризный, своенравный и раздражительный мой характеръ не въ состояніи былъ перемѣниться. Но, во всякомъ случаѣ, я многимъ, многимъ ему обязанъ».

Братъ Александръ, о которомъ Михаилъ Ивановичъ неоднократно упоминаетъ въ своихъ письмахъ и всегда съ особенною любовью, былъ весьма близокъ съ нимъ; ихъ соединяла съ дѣтства самая искренняя дружба, возникшая не только на почвѣ родственныхъ отношеній, но и въ силу общности ихъ взглядовъ и стремленій. Въ дальнѣйшей судьбѣ обоихъ братьевъ, по выходѣ ихъ изъ Дворянскаго Полка, также были сходныя черты: оба они рано оставили военную службу, оба всю жизнь были горячо преданы дѣлу народнаго образованія, которому не мало послужили каждый въ своей сферѣ, оба душою были истые великолучане, готовые всегда словомъ и дѣломъ помочь своимъ землякамъ и быть полезными родному краю.

Такъ какъ намъ не разъ придется встрѣчать имя Александра Ивановича Семевскаго въ письмахъ его брата, то не безъинтересно будетъ привести здѣсь нѣкоторыя біографическія данныя, характеризующія его личность [1]). Годомъ моложе своего брата, Александръ Ивановичъ родился въ 1838 г. въ томъ же родовомъ имѣніи Ѳедорцовѣ и одновременно съ Михаиломъ Ивановичемъ воспитывался въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ и въ спеціальныхъ классахъ Дворянскаго Полка, откуда выпущенъ офицеромъ въ л.-гв. Московскій полкъ. Съ успѣхомъ окончивъ курсъ въ Артиллерійской академіи, онъ перешелъ въ л.-гв. конную артиллерію, но уже въ 1862 г., женившись на Алек-

[1]) Эти свѣдѣнія заимствованы нами изъ брошюры, изданной въ 1893 г. членомъ Псковскаго губернскаго статистическаго комитета А. И. Пульхеровымъ, озаглавленной: «Образованіе и образовательныя средства въ г. Великихъ Лукахъ и его уѣздѣ» Псковъ 1893 г.

сандрѣ Васильевнѣ Буташевичъ-Петрашевской, вышелъ въ отставку и поступилъ на частную службу, принявъ въ управленіе желѣзодѣлательные заводы гр. Стенбокъ-Фермора въ Пермской губерніи. Въ продолженіе своего семилѣтняго пребыванія въ этомъ краѣ онъ оказалъ мѣстному населенію неоцѣнимую услугу, основавъ на свои средства въ Сильвинскомъ заводѣ (Красноуфимскаго уѣзда) первую школу грамотности, въ которой самъ преподавалъ, что стоило ему не малыхъ труда и борьбы. Заводское населеніе, состоявшее изъ старовѣровъ, сначала отнеслось къ школѣ крайне недружелюбно, считая ее «пустою барскою затѣею». «Себя только тѣшитъ управляющій» говорили старики, неодобрительно относясь къ его нововведеніямъ, но публичный экзаменъ, устроенный въ школѣ черезъ годъ, прошелъ такъ блистательно, что «сразу явилось болѣе ста человѣкъ, желавшихъ поступить въ эту школу, и рабочіе согласились жертвовать на нее по десяти копѣекъ съ каждаго заработаннаго ими рубля». Улучшаясь ежегодно подъ наблюденіемъ Александра Ивановича Семевскаго, эта школа превратилась со временемъ въ двухъ-классное училище, и, по примѣру его, мало по малу, начали устраивать у себя школы и сосѣдніе заводы; но усиленныя занятія по школѣ и управленію заводомъ вскорѣ совершенно разстроили здоровье Александра Ивановича, и онъ былъ вынужденъ оставить свое мѣсто и ѣхать лечиться за границу. По возвращеніи въ Россію, два года спустя, въ 1872 г., онъ поселился въ своемъ родовомъ имѣніи, былъ избранъ гласнымъ отъ земства, которому и посвятилъ всю свою дальнѣйшую дѣятельность.

«Въ то время въ Великолуцкомъ уѣздѣ не было ни одной земской школы, врачебное дѣло было поставлено крайне плохо, дороги были въ плохомъ состояніи.» Убѣдившись въ необходимости преобразованій по всѣмъ этимъ отраслямъ земскаго хозяйства, «Александръ Ивановичъ своими рѣчами въ земскомъ собраніи добился того, что личный составъ управы обновился и измѣнился къ лучшему.» При новой управѣ ему, въ качествѣ члена училищнаго совѣта, была поручена организація земскихъ школъ, въ преобразованіи и улучшеніи которыхъ онъ принялъ самое живое участіе. Его полезная дѣятельность на пользу народнаго образованія была по достоинству оцѣнена, и одно изъ земскихъ собраній выразило ему благодарность за устройство школъ, какъ *первому* земскому дѣятелю по созданію земскихъ школъ, упрочившему

ихъ положеніе.» [1]) Когда въ Велижихъ Лукахъ былъ поднятъ вопросъ о необходимости открыть реальное училище, Александръ Ивановичъ горячо поддержалъ эту мысль въ губернскомъ земскомъ собраніи и настоялъ на необходимости ассигновывать ежегодно на училище значительное пособіе отъ земства. «Лучше всякихъ словъ говорятъ о его полезной дѣятельности на пользу народнаго образованія въ Великолуцкомъ уѣздѣ слѣдующія краснорѣчивыя и безпристрастныя цифры: за семь лѣтъ работы онъ успѣлъ устроить въ уѣздѣ десять земскихъ школъ, увеличить бюджетъ земства на народное образованіе съ восьмисотъ пятидесяти рублей, какимъ онъ былъ въ 1872 г., до двѣнадцати тысячъ рублей въ 1878 г. Еще рельефнѣе выдѣляются его заслуги, если взять во вниманіе, что въ слѣдующіе за его кончиною четырнадцать лѣтъ (Александръ Ивановичъ скончался 15 Іюня 1879 г.) земство открыло только одну школу [2]).

Невольно бросается въ глаза сходство этой неустанной дѣятельности Александра Ивановича на пользу развитія и упроченія народнаго образованія съ подобною же дѣятельностью его брата Михаила Ивановича Семевскаго, который, въ качествѣ члена С.-Петербургской училищной комиссіи, также пользовался всякимъ случаемъ провести въ Думѣ мысль о необходимости открывать какъ можно больше школъ и всячески старался склонить къ этому городское управленіе. У обоихъ братьевъ была въ характерѣ одна общая черта: умѣніе энергично проводить свои мысли, настаивать на ихъ исполненіи; благодаря сходству своихъ взглядовъ и убѣжденій, они всегда были рады свидѣться, потолковать о предметахъ, одинаково обоимъ дорогихъ и близкихъ; одно время они жили на одной квартирѣ, имѣли общихъ знакомыхъ, общій кружокъ товарищей, во многомъ сочувствовали и помогали другъ другу, по этому весьма естественно, что имя Александра Ивановича часто упоминается въ письмахъ М. И. Семевскаго.

По производствѣ въ офицеры Михаилу Ивановичу прежде всего предстояло рѣшить весьма существенный и жизненный вопросъ о томъ, какъ получше устроиться при тѣхъ небольшихъ средствахъ, коими онъ могъ располагать. «Для того, чтобы меньше издержекъ было, пи-

---

[1]) „Общеобразовательныя средства Великолуцкаго уѣзда“ стр. 123.
[2]) „Общеобразовательныя средства Великолуцкадо уѣзда“ стр. 17.

салъ онъ отцу [1]), » —я, по совѣту Николаева (его товарища), живу уже не одинъ, а втроемъ, съ двумя хорошими моими товарищами; квартира, послѣ долгихъ поисковъ, найдена: три комнаты, кухня, два хода и всего шестнадцать рублей, на Фурштадтской улицѣ. »

Зная, что обстоятельства отца были въ то время крайне стѣсненными, онъ не рѣшился безпокоить его просьбами о пособіи даже въ первый годъ своей службы; онъ сознается въ одномъ изъ своихъ писемъ, что «обзаводиться хозяйствомъ вещь крайне трудная, въ особенности, въ Петербургѣ, гдѣ каждый гвоздикъ, каждая досечка стоитъ денегъ и денегъ».

Поистратившись на обмундировку и первое обзаведеніе, онъ не могъ позволять себѣ ничего лишняго, и приходилось вести жизнь, по истинѣ, спартанскую. Въ шутливомъ тонѣ описываетъ Михаилъ Ивановичъ меню своихъ ежедневныхъ обѣдовъ въ первое время по выпускѣ въ офицеры: «Послѣ хлопотъ по установкѣ вещей въ повой квартиркѣ, пишетъ онъ, [2])—въ прапорщичьемъ желудкѣ ударили къ обѣду; я послалъ за творогомъ ($2^1|_2$ коп. с.), молокомъ (4 коп. с.), хлѣбомъ ($^1|_2$ коп. с.), и такимъ дорогимъ обѣдомъ па славу угостилъ себя; въ шесть часовъ вечера отправился къ Благосвѣтлову; отлично меня принялъ мой многоуважаемый профессоръ, поздравилъ съ чиномъ; я у него напился чаю, и два часа въ самыхъ пріятныхъ разговорахъ прошли незамѣтно».

Подобный обѣдъ былъ заурядным явленіемъ въ жизни молодаго Семевскаго; иной разъ онъ замѣнялся просто нѣсколькими стаканами чая съ чернымъ хлѣбомъ. «Ни одна кондитерская, ни одинъ трактиръ не видали у себя вашего Мишу, писалъ онъ отцу, мѣсяцъ спустя [3]), —да и не увидятъ; папиросы не явились у меня съ офицерскими эполетами, какъ это сдѣлали нѣкоторые изъ моихъ товарищей, поэтому экономнымъ можно быть». Такая скромная жизнь на первыхъ же порахъ по выпускѣ изъ училища, когда молодежи, освободившейся изъ-подъ опеки наставниковъ, такъ свойственно желаніе повеселиться, воспользоваться своею свободою, не была въ тягость Михаилу Ивановичу,

---

[1]) Письмо къ Ив. Егор. Семевскому отъ 11 іюня 1862 г.

[2]) Письмо отъ 13 іюня 1855 г. къ Александру Ивановичу Семевскому, бывшему въ то время въ отпуску у родителей.

[3]) Письмо къ Ивану Егоровичу Семевскому отъ 4 іюля 1855 г.

такъ какъ корпусное воспитаніе выработало въ немъ выносливость «къ суровой и бѣдной жизни»; при томъ, его мысли были заняты весьма серьезными предметами: ему посчастливилось, тотчасъ по производствѣ въ офицеры, попасть въ кружокъ литераторовъ, у которыхъ онъ, по его собственнымъ словамъ, съ наслажденіемъ просиживалъ цѣлые вечера, увлекаясь ихъ бесѣдою.

Между тѣмъ Михаилу Ивановичу пришлось начать службу, далеко не отвѣчавшую его дѣйствительнымъ наклонностямъ. 28-го іюня онъ былъ зачисленъ въ резервный л.-гв. Павловскій полкъ, а 1 Іюля—день для него знаменательный,—въ первый разъ былъ назначенъ въ караулъ на Сѣнную площадь. «Съ чрезвычайной гордостью вашъ небольшой и тоненькій Миша велъ 25 едва ли не саженныхъ молодцовъ-гренадеровъ», читаемъ мы въ одномъ изъ его писемъ къ отцу[1]),—«съ какимъ самодовольствіемъ видѣлъ я, что мою команду быстро исполняютъ эти великаны.

«День былъ жаркій; въ тяжелой гренадерской шапкѣ я пробылъ до двухъ часовъ ночи на платформѣ; разъ двадцать приходилось отдавать честь проѣзжающимъ генераламъ; я, безъ сомнѣнія, какъ и слѣдуетъ для перваго дебюта, дѣлалъ много ошибокъ, маловажныхъ, но, тѣмъ не менѣе, приглядывался ко всѣмъ этимъ мелочнымъ правиламъ, на коихъ основана вся наша служба, и въ слѣдующій разъ, вѣрно, не совру.»

Резервный л-гв. Павловскій полкъ стоялъ въ то лѣто лагеремъ въ городѣ, на Семеновскомъ плацу; такъ какъ вся первая, вторая и третья дивизіи дѣйствующихъ гвардейскихъ полковъ были въ походѣ къ западной границѣ, а первая и третья дивизіи резервныхъ полковъ были раскинуты по берегу Балтійскаго моря для отраженія ожидавшихся десантовъ англійскаго флота, то на вторую дивизію, къ которой принадлежалъ резервный л-гв. Павловскій полкъ, была возложена обязанность охранять столицу; и, такъ какъ изъ четырехъ полковъ этой дивизіи лейбъ-Гренадерскій и Московскій полки ушли въ деревни на отдыхъ, то два полка, Павловскій и Финляндскій, должны были нести на своихъ раменахъ всю тяжесть гарнизонной службы: офицерамъ черезъ день приходилось занимать караулы, чрезвычайно часто дежу-

[1]) Письмо къ П. Е. Семевскому отъ 1 іюля 1855 г.

рить, водить команду на работы и ходить на ученье. Михаилу Ивановичу приходилось вставать въ 5 часовъ утра и полусонному, съ голоднымъ желудкомъ, совершать продолжительный фронтовой моціонъ; у него почти не оставалось свободной минуты для его любимыхъ занятій — чтенія и письменныхъ работъ. Впрочемъ, усиленныя служебныя занятія продолжались только до конца Іюля, когда въ столицу возвратились остальные два полка второй резервной гвардейской дивизіи.

«Теперь, писалъ Михаилъ Ивановичъ отцу въ концѣ іюля,—прямая необходимость предстоитъ мнѣ остаться здѣсь, въ Петербургѣ, такъ какъ я имѣлъ счастье быть введеннымъ въ литературные кружки моихъ профессоровъ русскаго языка, Введенскаго и Благосвѣтлова; бываю у нихъ часто, они меня очень полюбили, и по ихъ совѣту и подъ ихъ руководствомъ я началъ писать «исторію русской комедіи»; къ Августу она будетъ окончена и съ посвященіемъ Якову Ивановичу (Ростовцеву) выйдетъ въ свѣтъ».

Этому труду Михаилъ Ивановичъ посвятилъ около года довольно усидчивыхъ занятій. «Много удовольствія доставила мнѣ эта работа, пишетъ онъ [1]),—я полюбилъ этотъ трудъ и надѣюсь, что результатъ будетъ хорошій; «чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ»; чѣмъ глубже знакомлюсь съ своей исторіей, тѣмъ чаще и чаще являются предо мною новые источники, новыя свѣдѣнія гурьбою входятъ въ мою голову, я привожу ихъ въ систему; замѣчанія, новыя свѣдѣнія, выписки—всѣмъ этимъ добромъ я наполнилъ двѣ двадцатилистовыя тетрадки; еще тетради двѣ, и фундаментъ самый прочный готовъ для моего сочиненія». Этотъ трудъ, эта компиляція, по собственному сознанію Михаила Ивановича, [2]) сослужила ему ту службу, что дала возможность изучить довольно обстоятельно исторію русской литературы XVIII столѣтія.

14-го Іюля 1855 г., вернувшись домой изъ лабораторіи съ Выборгской стороны, куда онъ отводилъ команду на работу, Михаилъ Ивановичъ былъ, какъ громомъ, пораженъ горестной вѣстью о смерти своего любимаго наставника и руководителя, Иринарха Ивановича Введенскаго, который скончался внезапно, послѣ двухчасоваго мучительнаго приступа холеры.

[1]) Письмо къ отцу 8 авг. 1855 г.

[2]) Некрологъ, «Р. Ст.» 1892 г., апрѣль.

«Горько, горько заплакалъ я при этомъ извѣстіи», говоритъ онъ, [1]) — «я много потерялъ во Введенскомъ; кромѣ пособія въ сочиненіяхъ, онъ еще хотѣлъ меня выучить впослѣдствіи англійскому языку и основательно познакомить съ французскимъ». «Иринархъ Ивановичъ былъ уже слѣпъ, когда я его зналъ [2]) и когда его помню, но, не смотря на слѣпоту свою, этотъ человѣкъ сохранилъ всю горячность молодости, необыкновенную энергію и потребность возбужденія окружавшихъ его молодыхъ людей къ неустанному и упорному умственному труду. Рѣчь его была необыкновенно увлекательна, а самая наружность до чрезвычайности симпатична. Вообще вся эта фигура преждевременнаго инвалида труда дѣйствовала необыкновенно обаятельно на всѣхъ, кто сколько-нибудь ближе съ нимъ сходился». «Какъ теперь помню, съ какою боязнью являлся я къ нему на Петербургскую сторону, недалеко отъ Тучкова моста, въ 3-й этажъ, въ весьма скромную квартиру и давалъ отчетъ о ходѣ своихъ занятій въ Публичной библіотекѣ. Какъ теперь помню, какъ сжималось у меня сердце при отчетахъ о томъ, что работа у меня далеко не спорилась такъ, какъ было бы желательно моему руководителю. Въ пылкомъ воображеніи Введенскаго этотъ трудъ уже являлся вполнѣ законченнымъ, а между тѣмъ, какъ онъ самъ не могъ не видѣть изъ моихъ отчетовъ, его питомецъ барахтался лишь только въ первоначальныхъ источникахъ къ этой работѣ: въ журналистикѣ и въ произведеніяхъ авторовъ Екатерининской эпохи... Когда припадокъ злой холеры унесъ Введенскаго въ могилу, съ тѣмъ вмѣстѣ и работа моя какъ бы оборвалась. Я возвращался къ ней уже, такъ сказать, эпизодически».

Находя большое наслажденіе въ занятіяхъ литературою, Михаилъ Ивановичъ, однако, не думалъ въ то время всецѣло отдаться ей, не предполагалъ бросать ради нея службу, а смотрѣлъ на свои работы только какъ «па пріятное и полезное препровожденіе времени». «Что касается службы, писалъ онъ въ Полоцкъ [3]) — «то мнѣ не хочется отстать отъ нея; есть у меня товарищъ въ Финляндскомъ полку, М..., страстно любящій «словесность» и владѣющій перомъ, но въ то же время онъ въ преисподнюю посылаетъ службу гвардейскую. Къ чему

[1]) Письмо къ Ив. Ег. Семевскому отъ 15 іюля 1855 г.
[2]) Автобіогр. замѣтка. «Р. Ст». т. LXXIV, стр. V.
[3]) Письмо къ И. Е. Семевскому отъ 8 августа 1855 г.

это? Взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ; началъ служить и служи, какъ слѣдуетъ; служба насъ кормитъ, а «словесность» — это удовольствіе, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, для военнаго должно быть дѣло второстепенное; я не прочь также въ знакомомъ домѣ вспомнить и танцы, кои очень люблю, но какъ согласить три разнородные предмета: фронтъ, литературу и балы — вотъ вопросъ, который должна мнѣ разрѣшить наступающая зима: что перетянетъ? А тремъ господамъ трудно служить».

Однако, любовь къ литературнымъ занятіямъ все болѣе и болѣе овладѣвала Михаиломъ Ивановичемъ, отодвигая для него все другое на второй планъ. Любовь къ книгамъ, въ особенности, къ книгамъ историческимъ, была у него необыкновенная. Эта любовь проявилась тѣмъ, что въ самый день своего производства въ офицеры онъ отправился «на толкучку и на скудные гроши прапорщичьяго жалованья купилъ нѣсколько книгъ, каковы «Записки Манштейна», «Записки Миниха», «Записки князя Якова Шаховскаго» и нѣкоторыя другія. «Не безъинтересно», говоритъ Михаилъ Ивановичъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ [1]),— «что, спустя болѣе четверти вѣка, мнѣ же довелось напечатать эти книги въ новыхъ изданіяхъ, несравненно лучшихъ: а именно «Манштейнъ» въ переводѣ съ подлинной рукописи, мною розысканной, «Записки князя Шаховскаго» по стариннымъ спискамъ, «Записки графа Миниха» также въ изданіи вполнѣ научномъ и пр. Кстати замѣчу, что тогдашняя толкучка въ С.-Петербургѣ, до пожара 1862 г., вообще доставила молодому офицеру много наслажденій. Рыскало по ней тогда весьма не много,—съ офицерскими эполетами чуть ли не я одинъ; книги продавались очень дешево, и сосновый дешевый шкафъ въ бѣдной обстановкѣ прапорщика быстро наполнялся книжными рѣдкостями»...

Связь М. И. Семевскаго съ литературнымъ кружкомъ Введенскаго не порвалась со смертью этого писателя, такъ какъ Михаилъ Ивановичъ пользовался симпатіями другого члена этого кружка, Григорія Евлампіевича Благосвѣтлова, бывшаго преподавателемъ русскаго языка въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, между прочимъ, и въ Дворянскомъ Полку, а съ 1859 года выступившаго съ изданіемъ «Русскаго

[1]) Некрологъ. «Русск. Стар». 1892 г. апрѣль.

Слова». Постоянное общеніе съ лицами, принадлежавшими къ міру литературному, поддерживало въ молодомъ офицерѣ желаніе продолжать и довести до конца начатый имъ трудъ «Исторія русской комедіи»; поэтому, когда въ Августѣ 1855 г. пронесся слухъ, что вторая гвардейская пѣхотная дивизія, а слѣдовательно и л.-гв. Павловскій полкъ, пойдетъ на зимовку въ Москву, Михаилъ Ивановичъ, желая запастись матеріаломъ для этой работы, сталъ усиленно посѣщать Публичную библіотеку и буквально «зарылся въ книгахъ. «Во всѣ дни, свободные отъ службы, приходилъ въ десять часовъ утра въ Публичную библіотеку, уходилъ изъ нея въ девять часовъ вечера, писалъ и читалъ; вмѣсто обѣда—пища духовная!» пишетъ онъ отцу [1]).—«Вы думаете, что я шучу, но даю вамъ честное слово, что съ 11-го Августа я много если обѣдалъ шесть разъ и то по службѣ, во всѣ же остальные дни утромъ—три стакана чая и полтора фунта чернаго хлѣба, а вечеромъ—четыре стакана чая и два фунта хлѣба; все это приправлено самой откровенной дружеской бесѣдою съ Николаемъ Александровичемъ [2]), день же тружусь».

«Папаша, будьте такъ добры, помогите мнѣ въ книгахъ»,—проситъ онъ въ томъ же письмѣ;—«громадная Ѳедорцовская ваша библіотека пока мертвый капиталъ: ссудите вашего Мишу сочиненіями Третьяковскаго, Ломоносова, Державина, Аблесимова, Фонвизина» и проч. проч....

«Въ Ѳедорцовскомъ архивѣ былъ цѣлый сундукъ старыхъ книгъ, повидимому, негодныхъ, но онѣ драгоцѣнность; «на ловца и звѣрь бѣжитъ,» авось, отыщутся старыя, прошедшаго столѣтія книги, какъ, напримѣръ «Живописецъ,» «Трудолюбивая пчела» и пр...; будьте такъ милостивы, дорогой папенька, я вамъ обязуюсь сберечь эти книги и по первому-же требованію возвратить; изъ Публичной же библіотеки на домъ книги брать нельзя, а бывать тамъ во время дежурствъ, карауловъ и праздничныхъ дней нельзя, при чемъ, половина времени пропадаетъ, да, притомъ, и книги-то многія не выдаютъ или, если выдаютъ, то въ извѣстные часы и медленно... Чтобы покупать эти книги, право, денегъ нѣтъ»... «15-го сентября, почти навѣрное, наша резерв-

---

[1]) Письмо къ И. Е. Семевскому отъ 5 сент. 1855 г.

[2]) Ѳедоровъ, одинъ изъ товарищей, съ которыми онъ жилъ.

ная 2-я гвардейская дивизія выступаетъ въ Москву; одни говорятъ, для того тамъ нужна гвардія, что будетъ жить вдовствующая Государыня, мы будемъ ея почетная стража; другіе же думаютъ, что послѣ зимовки въ Москвѣ вторую дивизію двинутъ, по мѣрѣ надобности, или къ Крыму, или на западную границу; какъ-бы то ни было, уже по одному баталіону изъ каждаго полка 2-й резервной дивизіи ушли въ Москву.

«При извѣстіи о взятіи Севастополя Государь плакалъ навзрыдъ; на парадѣ 30-го августа я его видѣлъ — блѣдный, скучный, онъ слабымъ голосомъ привѣтствовалъ нашъ полкъ, но народъ нашъ пламенно любитъ Государя; лошадь его закидали цвѣтами.

«Теперь только въ гвардейскихъ полкахъ ввели стрѣлковыя роты, т. е. при каждомъ баталіонѣ есть третья, такъ называемая стрѣлковая рота. Въ каждомъ полку, дѣйствующемъ и резервномъ, изъ шести стрѣлковыхъ ротъ составляется по баталіону, который имѣетъ такимъ образомъ три стрѣлковыя роты. Я помѣщенъ въ одну изъ нихъ, такъ же, какъ и товарищъ мой Н. А. Федоровъ, почему и носимъ черныя портупеи вмѣсто бѣлыхъ. Между нами будь сказано: стрѣлки наши только по названію стрѣлки, стрѣляютъ же весьма плохо, а все потому, что мы учимся церемоніальному маршу, а не стрѣльбѣ; но поколоти пасъ еще англичане, и мы авось перестанемъ тянуть носокъ... Здѣсь съ 30-го августа начались театры [1]). Русскіе въ Петербургѣ, какъ видите, веселятся въ то время, когда на югѣ проливаютъ кровь. Въ здѣшній театръ ходятъ въ караулы на каждое представленіе полки гвардіи; мой полкъ ходитъ въ Михайловскій театръ въ караулъ, и я былъ тамъ три раза дежурнымъ, видѣлъ два французскихъ спектакля, удивлялся необыкновенно талантливымъ французскимъ актерамъ (наши актеры кажутся не болѣе, какъ ученики, подражатели французскихъ), а въ русскомъ спектаклѣ (кои хотя рѣдко, но бываютъ въ Михайловскомъ театрѣ) я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на игру нашихъ талантовъ, Максимова и Мартынова; жаль только, что нѣтъ народныхъ пьесъ для нашихъ народныхъ актеровъ.»

9-го октября 1855 года л.-гв. Павловскій полкъ выступилъ въ Москву. Довольно продолжительное, въ теченіе полутора лѣтъ, пребы-

[1]) Письмо къ отцу 13 сент. 1855 г.

ваніе Михаила Ивановича въ нашей первопрестольной столицѣ имѣло огромное значеніе не только для его умственнаго развитія, но и для всей его дальнѣйшей дѣятельности. Въ Москвѣ онъ посѣщалъ университетскія лекціи, былъ принятъ въ дома многихъ профессоровъ, сошелся съ кружкомъ тамошнихъ литераторовъ; все это, вмѣстѣ взятое, имѣло на него сильное вліяніе; умственный, литературный, трудъ, на который онъ смотрѣлъ вначалѣ только какъ на пріятное и полезное препровожденіе времени, съ этихъ поръ сталъ рисоваться ему желанной цѣлью жизни; фронтовая служба начала тяготить его, и онъ при первой возможности постарался выйти на иное, болѣе широкое поприще дѣятельности.

III.

Впечатлѣнія, навѣянныя Москвою.—Знакомство съ А. Д. Галаховымъ.—Галаховъ объ А. Н. Островскомъ.—Знакомство съ А. Н. Островскимъ и воспоминанія о немъ.—Лекціи въ Московскомъ университетѣ: Соловьевъ, Кудрявцевъ, Буслаевъ, Бодянскій.—Магистерскій диспутъ Л—го.—Литературные вечера.—Страсть М. И. Семевскаго къ собиранію книгъ.—Московскій театръ.

Не имѣя въ Москвѣ родныхъ и знакомыхъ, М. И. Семевскій, передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, обратился, по совѣту своего наставника Г. Е. Благосвѣтлова, къ Якову Ивановичу Ростовцеву съ просьбою снабдить его рекомендательнымъ письмомъ къ извѣстному литератору А. Д. Галахову, черезъ котораго онъ надѣялся получить доступъ въ дома московскихъ профессоровъ. Ростовцевъ, постоянно благоволившій къ Михаилу Ивановичу, исполнилъ его просьбу и, вполнѣ одобряя его желаніе проникнуть въ этотъ интеллигентный кругъ, снабдилъ его слѣдующимъ письмомъ: «Милостивый Государь Алексѣй Дмитріевичъ, рекомендую вамъ отправляющагося въ Москву прапорщика л.-гв. Павловскаго полка Семевскаго. Молодой офицеръ этотъ окончилъ курсъ въ III спеціальномъ классѣ Константиновскаго кадетскаго корпуса съ отличнымъ успѣхомъ и вышелъ съ теплою любовью къ наукѣ и съ твердымъ желаніемъ трудиться. Рекомендую его вашему благосклонному вниманію и, ручаясь за отличную нравственность этого молодаго человѣка, вполнѣ увѣренъ, что онъ съумѣетъ оцѣнить ваше вниманіе. Остаюсь доброжелающій вамъ Ростовцевъ.»

Первое впечатлѣніе, произведенное на Михаила Ивановича Москвою съ ея грязными въ то время, узенькими, кривыми улицами и ма-

ленькими домами, было самое неблагопріятное; нанявъ вмѣстѣ съ двумя товарищами небольшую квартирку вблизи Покровскихъ казармъ, въ которыхъ расположился полкъ, онъ спѣшилъ осмотрѣть городъ; можно себѣ представить, какія чувства волновали при этомъ Михаила Ивановича, уже успѣвшаго такъ много прочесть по русской исторіи, такъ горячо интересовавшагося прошлымъ Россіи и всѣми памятниками русской старины.

«Чѣмъ ближе къ Китай-Городу, къ Кремлю, тѣмъ болѣе и болѣе пропадало во мнѣ предубѣжденіе противъ матушки-Москвы»,—писалъ онъ своему наставнику и другу Г. Е. Благосвѣтлову [1]), съ которымъ велъ, во время своего отсутствія изъ Петербурга, весьма дѣятельную переписку. Этими любопытными письмами мы неоднократно будемъ пользоваться, такъ какъ въ нихъ рисуются не только личныя впечатлѣнія и взгляды Михаила Ивановича, но они же знакомятъ насъ и съ нѣкоторыми изъ извѣстныхъ Московскихъ профессоровъ и литераторовъ пятидесятыхъ годовъ. «Съ какимъ умиленьемъ», писалъ онъ,— «останавливался я почти на каждомъ шагу, какая вереница воспоминаній рождалась въ головѣ моей: вотъ Красная площадь, опозоренная кровавыми бунтами стрѣльцовъ, вотъ Красное крыльцо—мѣсто гибели многихъ жертвъ честолюбивой Софіи, вотъ Лобное мѣсто... и распаленное воображеніе юноши видѣло на немъ изверга Іоанна! А вотъ и Царь-пушка, по моему, не дѣлающая чести Ѳедору Іоанновичу, по приказанію котораго она отлита; она какъ бы сохранена для того только, чтобы служить живою лѣтописью тогдашняго грубаго невѣжества нашихъ литейщиковъ. Наконецъ, вотъ и Иванъ Великій, постройкою котораго мудрый Борисъ думалъ занять праздныя руки москвичей во время страшнаго голода, свирѣпствовавшаго въ столицѣ.

«Когда я взошелъ на самую верхнюю площадку Ивана Великаго, невольный крикъ изумленія вырвался у меня; я не вѣрилъ прежде описаніямъ Москвы и тѣмъ похваламъ, которыми такъ щедро осыпали ее путешественники, но, глядя на нее съ Ивана Великаго, я пришелъ въ неподдѣльный восторгъ».

Приведенныя строки живо характеризуютъ тотъ подъемъ духа, который испыталъ будущій редакторъ «Русской Старины» при осмотрѣ

[1]) Письмо къ Г. Е. Благосвѣтлову отъ 25 октября 1855 г.

Московскихъ святынь и ея историческихъ памятниковъ, вызвавшихъ въ его фантазіи массу образовъ, оживившихъ передъ нимъ каждую пядь земли этого историческаго города—его древніе соборы, зданія и площади, эти нѣмые свидѣтели многихъ знаменательныхъ событій въ жизни Россіи XVII вѣка.

Окончивъ осмотръ Московскихъ достопримѣчательностей, Михаилъ Ивановичъ отправился къ профессору А. Д. Галахову, который, благодаря рекомендаціи Якова Ивановича, принялъ его «съ распростертыми объятіями», надавалъ ему «кучу совѣтовъ относительно его работы и, приглашая заходить почаще, тутъ же сказалъ, чтобы онъ приходилъ по четвергамъ на литературные вечера къ профессору Буслаеву», которому, съ своей стороны, обѣщалъ отрекомендовать его. Когда рѣчь зашла объ Островскомъ, уже пользовавшемся въ то время значительною извѣстностью, и передъ талантомъ котораго Михаилъ Ивановичъ «благоговѣлъ», то почтенный профессоръ не одобрилъ его намѣренія посѣтить этого писателя.

«Я съ вами согласенъ», сказалъ онъ,—«Свои люди» Островскаго—произведеніе талантливое, безукоризненное, но самъ авторъ чрезвычайно страненъ; у насъ, видите, въ Москвѣ все общество литераторовъ раздробилось на кружки, и вотъ самый темный изъ нихъ—это кружокъ Островскаго; вокругъ него: Григорьевъ 1-й, который такъ хвалитъ его въ критикахъ «Москвитянина», Алмазовъ, псевдонимъ котораго Эрастъ Благонравовъ, и нѣкоторые другіе; всѣ они отвергаютъ пользу изученія иностранныхъ языковъ, трактуютъ о народности, объ исключительномъ посвященіи себя всему русскому и, подражая Островскому, очень пристрастны къ купеческому сословію, которое одно, по ихъ мнѣнію, заключаетъ въ себѣ еще мало тронутый русскій бытъ. Положимъ, что все это хорошо, но давно перешло черезъ край. На насъ [1]), напримѣръ, они какъ-то дико и весьма непріязненно смотрятъ; съ Григорьевымъ я былъ очень близокъ, и онъ посѣщалъ наши бесѣды, но какъ забрелъ въ этотъ темный уголъ, то и бросилъ насъ. Я вамъ совѣтую, если вы и хотите познакомиться съ Островскимъ, то не втягивайтесь въ этотъ кружокъ; право, онъ добра вамъ не принесетъ. Что-же касается до біографіи Александра Николаевича, то, право,

[1]) А. Д. Галаховъ подразумѣвалъ, вѣроятно, Буслаева, Кудрявцева, Соловьева и др.

я ее мало знаю. Знаю только, что отецъ его былъ стряпчій по купеческимъ дѣламъ и сдѣлкамъ, и Александръ Николаевичъ имѣлъ полную возможность хорошо узнать это сословіе; живетъ онъ съ братьями въ собственномъ домѣ, я его недавно видѣлъ на похоронахъ Грановскаго; онъ очень потолстѣлъ. Также замѣчательна его странность: если вы начнете говорить о томъ, какъ искусно осмѣяны и выведены на позоръ недостатки купеческаго сословія въ первой его комедіи, то онъ вамъ скажетъ: «я вовсе не съ тою цѣлью писалъ «Своихъ людей», чтобы осмѣять купеческое сословіе, и не думаю нападать на его пороки и недостатки»; однимъ словомъ, онъ отвергаетъ основную идею своего геніальнаго произведенія»...

Поблагодаривъ Алексѣя Дмитріевича за добрый совѣтъ, Михаилъ Ивановичъ, однако, не измѣнилъ своего намѣренія какъ можно скорѣе побывать у Островскаго.

«26-го октября, вечеромъ, посѣтилъ я своего идола», читаемъ мы въ одномъ изъ его писемъ къ Благосвѣтлову [1]).—«Въ Срѣтенскомъ переулкѣ, у Николы Воробины (что за клички церквей въ матушкѣ-Москвѣ попадаются—это удивительно), я набрелъ на собственный деревянный домикъ Островскаго. По темной и грязной деревянной лѣстницѣ я поднялся въ мезонинъ, гдѣ живетъ геніальный комикъ. Едва я отворилъ дверь, по обычаю московскому не запертую, двѣ собаченки бросились мнѣ въ ноги. За собаченками явился мальчикъ съ замаранной мордочкой и съ пальцемъ во рту—знакъ, выражавшій его изумленіе при взглядѣ на офицера, забредшаго въ такую нору; за мальчикомъ виднѣлся другой, за другимъ, съ вытаращенными глазами, смотрѣла на меня кормилица съ грудным младенцемъ. Признаюсь, при взглядѣ на этихъ ребятишекъ я, зная достовѣрно, что Островскій холостъ, невольно подумалъ о дворовой дѣвкѣ Ивана Иваповича, Ганкѣ, которая дарила холостому барину ежегодно по ребенку. Скинувъ съ себя шинель, что исполнить было некому, я прошелъ влѣво черезъ комнату—старый лисій салопъ просушивался на парадномъ мѣстѣ, т. е. на столѣ, посреди комнаты. Наконецъ, я вошелъ въ третью маленькую комнатку, освѣщенную стеариновой свѣчкой: простой столъ, одна сторона котораго была завалена бумагами, и нѣсколько стульевъ состав-

[1]) Письмо къ Г. Е. Благосвѣтлову отъ 21 ноября 1855 г.

ляло мебель ея; за столомъ сидѣла женщина съ работой, недурна собой, но, какъ видно, простаго званія, и Александръ Николаевичъ Островскій; первая, заслыша чужой голосъ, улетѣла за перегородку (откуда, какъ и слѣдуетъ, выглядывала, хотя смотрѣть было не на что). Хозяинъ же, заслыша мой голосъ и шаги, всталъ и стоялъ въ недоумѣніи, скинуть ли ему халатъ или нѣтъ. Недоумѣніе его прекратилось, когда онъ увидѣлъ передъ собою мальчугана.

«Бѣдность, которая проглядывала во всей квартирѣ автора «Своихъ людей», не только не поразила меня непріятнымъ образомъ, напротивъ того, въ глазахъ моихъ Островскій сталъ еще выше.

«Войдя въ комнату, я увидѣлъ предъ собой очень дороднаго человѣка, на видъ лѣтъ тридцати-пяти, полное, мѣсяцеобразное лицо, обрамленное мягкими русыми волосами, обстриженными въ кружокъ, по русски; мало замѣтная лысина виднѣется на маковкѣ; голубые глаза, кои немного щурятся при улыбкѣ, даютъ необыкновенно добродушное выраженіе его лицу.

«Я имѣю честь видѣть предъ собою Александра Николаевича Островскаго?» началъ я, раскланиваясь, какъ Чичиковъ, съ ловкостью почти военнаго человѣка.

«Утвердительный отвѣтъ и приглашеніе садиться я получилъ отъ моего идола. Комплименты и разсказъ, въ коемъ заключалась моя маленькая литературная дѣятельность на школьной скамьѣ, объяснили Островскому, что я за птица, и изъ какихъ хоромовъ къ нему залетѣлъ. Островскій слушалъ меня со вниманіемъ, по всей вѣроятности, думая въ это время: правда ли, впрямь, это? Мальчуганъ въ гвардейскомъ мундирѣ—вывѣска пустоты... Все это не располагало въ мою пользу. «Это еще не штука, что болтаетъ бойко, да отхватываетъ цѣликомъ мѣста изъ моихъ комедій... вѣдь вотъ же Пироговъ, гвардейскій офицеръ въ «Невскомъ проспектѣ» Гоголя, вѣдь то же лихо зналъ «Дмитрія Самозванца», да отъ доски до доски каталъ на память «Горе отъ Ума»?

«Подобныя мысли, навѣрно, роились въ головѣ талантливаго комика; вотъ почему онъ былъ угрюмъ» и хотя на прощанье приглашалъ Михаила Ивановича бывать, но не подалъ ему руки; съ тяжелымъ чувствомъ вышелъ М. И. Семевскій отъ обожаемаго имъ писателя, бранилъ свой костюмъ, приходилъ въ негодованіе при мысли,

что, можетъ быть, его приняли за мальчишку и вертопраха, приписывалъ «угрюмый, нелюбезный пріемъ» со стороны Островскаго отсутствію всякой къ нему рекомендаціи и тому обстоятельству, что «офицерскій мундиръ, хотя и гвардейскій, въ то время не пользовался особенными симпатіями, по крайней мѣрѣ, среди писателей, державшихся въ сторонѣ отъ военнаго круга» [1]). Это первое свиданіе съ Островскимъ опечалило молодаго Семевскаго, но желаніе познакомиться съ нимъ ближе было такъ сильно, что онъ рѣшился, нѣсколько дней спустя, вновь побывать у Александра Николаевича. На этотъ разъ, какъ только онъ вошелъ, «хозяинъ быстро приподнялся, дружески протянулъ ему руку и, крѣпко пожавъ ее», усадилъ обрадованнаго такою встрѣчею офицера возлѣ себя. «У Островскаго въ тотъ день, пишетъ Михаилъ Ивановичъ [2]),—было двое гостей: «Дрянскій, мужчина съ загорѣлымъ смуглымъ лицомъ и съ черными усами, авторъ повѣсти «Адарко-Квочко» и др. малороссійскихъ повѣстей, и рябоватый, но съ добрымъ и скромнымъ лицомъ Деменьевъ, безкорыстный сотрудникъ редакціи «Москвитянина». Въ этотъ вечеръ болѣе всѣхъ говорилъ Островскій; глаза его оживились, и онъ говорилъ живо и краснорѣчиво».

«Вы спрашиваете, говорилъ Александръ Николаевичъ,—кто написалъ разборъ «Бѣдной Невѣсты» въ «Современникѣ». Это Иванъ Тургеневъ; дѣйствительно, онъ человѣкъ хорошій и писатель съ большимъ талантомъ, мы съ нимъ сошлись весьма недавно... Да, талантъ у него большой, но онъ не можетъ вырваться изъ-подъ той коры, которая охватила его голову, набитую наиглупѣйшимъ свѣтскимъ воспитаніемъ. Онъ человѣкъ богатый и, вопреки своему ложному русско-французскому воспитанію, страстно любя отечественную литературу, сдѣлался туристомъ, ѣздитъ по Россіи и, такимъ образомъ, сдѣлался однимъ изъ тѣхъ писателей, кои, посмотрѣвъ сквозь стеклышко, въ какой понявѣ одѣта русская баба, записываютъ это въ свою памятную книгу...

«Нынѣшній Императоръ [3]) очень любитъ Тургенева, и въ одномъ изъ собраній, встрѣтя его, Его Величество ласково сказалъ:

---

[1]) См. Некрологъ, «Русск. Стар». 1892 г. апрѣль.

[2]) Письмо къ Е. Г. Благосвѣтлову отъ 1 ноября 1855 г.

[3]) Александръ II.

— «Что вы пишете теперь?»

— Ничего, Ваше Императорское Величество, отвѣчалъ смущенный неожиданною милостью Тургеневъ.

— «Пишите и пишите больше», продолжалъ ласково Императоръ, отходя отъ него.

«Да, теперь Тургеневъ, Анненковъ и Писемскій, живя всѣ трое въ Петербургѣ, составили кружокъ, къ которому ходятъ на поклонъ редакторы петербургскихъ журналовъ; кстати, объ Анненковѣ; это человѣкъ съ талантомъ ниже второстепеннаго, человѣкъ, до сихъ поръ незамѣтный, но отъ одного прикосновенія къ геніальному писателю возвышается самая личность разбирателя; Анненковъ составилъ біографію Пушкина, составилъ добросовѣстно, безъ особыхъ претензій— и занялъ почетное мѣсто въ современной литературѣ.»

«Вотъ еще анекдотецъ, разсказанный Островскимъ: «Краевскій постоянно враждовалъ и враждуетъ (1855 г.) съ Булгаринымъ; издатель «Пчелки» страшно возненавидѣлъ редактора «Отечественныхъ Записокъ» и своими наговорами вооружилъ противъ него Мусина-Пушкина до того, что меценатъ николаевскаго просвѣщенія говаривалъ: «еслибъ было можно, я бы повѣсилъ Краевскаго». Издателю «Отеч. Зап.», естественно, не устоять было бы, если бы онъ не нашелъ себѣ покровителя въ Дубельтѣ. Но, не смотря на это, Булгаринъ, дѣйствуя черезъ Мусина-Пушкина, умѣлъ во многомъ досаждать Краевскому,—цѣлыми десятками печатныхъ листовъ не пропускалъ Фрейгангъ. Краевскій, со своей стороны, не оставался въ долгу. Вотъ, когда вышла новая такса на петербургскихъ извощиковъ, Краевскому случайно пришла мысль прочитать фельетонъ въ «Пчелкѣ» Булгарина.

«Ѳаддей, со свойственными ему одному замашками, начинаетъ: «я всегда говорилъ, говорю и буду говорить, что правительство неусыпно печется о насъ, всѣ мѣры и распоряженія его съ благою цѣлью увѣнчиваются блистательнымъ успѣхомъ. Самое свѣжее изъ подобныхъ распоряженій — вновь положенная такса на извощиковъ». За этою прелюдіею слѣдовало еще нѣсколько панегириковъ и таксѣ, и правительству, наконецъ, слѣдовало «но», и за этимъ *но* разболтавшійся фельетонистъ выставилъ нѣсколько невыгодъ для ѣздоковъ, проистекающихъ отъ таксы.

«Та-та-та, да никакъ Ѳаддей нашъ либеральничаетъ!» сказалъ мнѣ,

тутъ бывшему (говорилъ Островскій), Краевскій, — «прочтемъ еще разъ. Да, помилуйте, да это республикой отзывается! Вотъ поглядите, онъ взбунтуетъ всѣхъ извощиковъ, поколеблетъ Россію!» и, расхохотавшись, Краевскій тотчасъ же написалъ пресерьезное донесеніе къ Дубельту, что вотъ молъ, такъ и такъ, что затѣваетъ «Пчела». Дубельтъ, крѣпко не жалующій Булгарина, написалъ наистрожайшее отношеніе къ Мусину-Пушкину, что Булгаринъ (не сказалъ даже господинъ) выкинулъ то-то и то-то, и что, если что-нибудь подобное повторится, то онъ поставляетъ себѣ священною обязанностью запретить дальнѣйшее изданіе «Пчелы», предать редактора слѣдствію и суду и т. д. Отношеніе Дубельта ошеломило мецената «Пчелы» и, какъ громомъ, поразило вѣчно ползающаго въ ногахъ..... Булгарина; онъ долго не могъ очнуться отъ этого тумака и не догадался, кто его виновникъ»...

«Въ одно изъ моихъ посѣщеній Островскаго», читаемъ въ другомъ письмѣ Михаила Ивановича [1]), — я началъ, между прочимъ, просить у него хоть отрывокъ черновой его рукописи «Своихъ людей»; Островскій повелъ меня въ свою спальню; надо сознаться, что комикъ нашъ живетъ, мало заботясь о комфортѣ и порядочномъ убранствѣ комнаты; между ширмами, за которыми стоитъ кровать его, и печкой стояла конторка, весьма тяжелая; въ одномъ изъ боковыхъ, нижнихъ ея шкапиковъ лежали его черновые наброски комедій, но конторка такъ плотно была придвинута къ печкѣ, что дверцы шкапика нельзя было отпереть; въ теченіе семи мѣсяцевъ Островскій собирался отодвинуть конторку, но, одержимый русскою, крыловскою, лѣнью, не дѣлалъ этого, хотя бумаги были ему нужны, и только въ этотъ визитъ мой мои просьбы и подмога убѣдили его отодвинуть конторку; съ поспѣшностью прапорщика я началъ снимать всѣ вещи съ конторки, могущія разбиться при ея движеніи. Первое, что мнѣ попалось, былъ большой бюстъ Гоголя, сдѣланный Рамазановымъ по маскѣ, снятой съ мертваго автора «Ревизора»; за Гоголемъ, въ настоящую величину человѣческой головы, снятъ былъ мною бюстъ А. Н. Островскаго; взявъ его въ руки, я невольно вспомнилъ о разсказахъ на счетъ громаднаго самолюбія автора «Своихъ людей».

— «Что вы такъ пристально смотрите, неужели не узнаете? Это мой

[1]) Письмо къ Благосвѣтлову 21 ноября 1855 г.

бюстъ; Рамазановъ его снялъ въ 1850 г.; я былъ тогда гораздо тоньше... Да рубля за два или за три вы можете найти этотъ бюстъ въ редакціи «Москвитянина» и въ петербургскихъ лавкахъ», сказалъ мнѣ Александръ Николаевичъ...

«Поднявъ кипу бумагъ и встряхнувъ ее такъ, что отъ облака пыли чихнулъ я, чихнулъ Александръ Николаевичъ и двое ребятишекъ за перегородкой, Островскій началъ разбирать эту кипу.

— «Перваго и втораго дѣйствія «Своихъ людей» нѣтъ у меня, они у Погодина».

«Я пригорюнился.

— «Но позвольте, позвольте, вотъ сцены изъ 2-го дѣйствія, продолжалъ Островскій, разбирая бумаги, — вотъ и 3-е дѣйствіе, все это писано моей рукой съ черновыхъ набросковъ, а вотъ и 4-ое дѣйствіе въ первомъ видѣ, какъ оно вышло у меня — извольте получить».

Зная, какимъ обаяніемъ пользовался Островскій въ глазахъ Михаила Ивановича, можно себѣ представить, что этотъ подарокъ былъ для него весьма дорогъ; «съ неподдѣльнымъ восторгомъ» принялся онъ перелистывать подаренную ему тетрадь. Онъ надѣялся получить отъ Островскаго, въ видѣ автографа, какой-нибудь черновой отрывокъ, а тутъ «сдѣлался вдругъ обладателемъ цѣлаго сокровища, цѣлой рукописи». «Да отъ этой радости», писалъ онъ въ тотъ же день своему наставнику,—«какъ говоритъ Подхалюзинъ, можно спрыгнуть съ колокольни Ивана Великаго».

«Вещественнымъ памятникомъ пріятныхъ часовъ, проведенныхъ мною (въ Москвѣ) у Островскаго, говоритъ Михаилъ Ивановичъ, вспоминая объ этомъ подаркѣ въ одной изъ своихъ автобіографическихъ замѣтокъ,—«осталась въ моемъ распоряженіи черновая рукопись комедіи «Свои люди сочтемся» или, какъ онъ ее первоначально, было, назвалъ, но измѣнилъ вслѣдствіе требованія цензуры,—комедія «Банкрутъ». Островскій въ то время весьма охотно отдалъ эту рукопись, но едва ли такъ легко уступилъ бы ее въ настоящее время (писано въ 1875), когда онъ стоитъ во главѣ русскихъ драматическихъ писателей и вообще принадлежитъ къ небольшой группѣ самыхъ даровитыхъ отечественныхъ литераторовъ».

Этотъ черновой списокъ комедіи «Свои люди сочтемся», тщательно переплетенный, много лѣтъ хранился въ архивѣ Михаила Ивановича

и съ величайшей точностью былъ имъ воспроизведенъ въ 1891 г. на страницахъ «Русской Старины» [1]).

Въ рукописныхъ автобіографическихъ замѣткахъ Михаила Ивановича Семевскаго разсказывается также о двухъ свиданіяхъ его съ Островскимъ уже въ Петербургѣ въ 1860 и 1879 годахъ. Желая связать всѣ воспоминанія Михаила Ивановича Семевскаго объ Островскомъ въ одно цѣлое, мы позволимъ себѣ отступить отъ хронологической послѣдовательности и привести здѣсь его разсказъ объ этихъ свиданіяхъ.

«Второе свиданіе мое съ Островскимъ было въ Петербургѣ въ 1860 г. [2]). Здѣсь, въ квартирѣ, довольно бѣдной и довольно неряшливой, у Апол. Григорьева, собралась однажды большая компанія собутыльниковъ его и молодыхъ людей, студентовъ и офицеровъ, ютившихся подлѣ литераторовъ. Какъ теперь помню, тутъ, кромѣ хозяина, Апол. Григорьева, были Василій и Николай Курочкины, Всеволодъ Крестовскій, Василій Ивановичъ Водовозовъ, Иванъ Θед. Горбуновъ, кажется, Эдельсонъ, подобно Григорьеву, также переѣхавшій изъ Москвы въ Петербургъ и участвовавшій тогда въ журналѣ «Библіотека для чтенія.» Хозяинъ былъ въ чрезвычайно сильномъ возбужденномъ состояніи отъ неумѣреннаго питья. Островскій, давній его другъ, исключительно для него пріѣхалъ прочитать новую свою пьесу «Воспитанница.»

«Я и всѣ присутствовавшіе такъ и впились въ чтеца. Пьеса эта довольно извѣстна, она прямо выхвачена изъ крѣпостнаго помѣщичьяго быта и преисполнена множествомъ дивно очерченныхъ сценъ и характеровъ, живьемъ выхваченныхъ изъ тогдашняго русскаго помѣщичьяго провинціальнаго общества. Чтеніе ни мало не уступало достоинству пьесы. Островскій—одинъ изъ лучшихъ чтецовъ въ современномъ обществѣ. При чтеніи онъ не измѣняетъ голоса, но даетъ такіе превосходные оттѣнки каждому выдвигаемому вновь лицу, что, не называя это лицо, читатель прямо видитъ, кто изъ нихъ выбѣгаетъ на сцену; словомъ сказать, вы живо представляете себѣ каждое изъ дѣйствующихъ лицъ. На этотъ разъ самъ чтецъ не былъ доволенъ главнѣйшимъ изъ своихъ слушателей. Пламенный его поклонникъ, Аполлонъ Григорьевъ, прерывалъ чтеніе азартными, восторженными восклицаніями удо-

[1]) «Русская Старина» 1891 г. т. LXX, апрѣль, стр. 219—248; іюнь, стр. 695—719 т. LXX, іюль стр. 149—169.

[2]) Автобіогр. замѣтки, рукопись, стр. 71—70.

вольствія, стучалъ по столу, словомъ сказать, его выходки... видимо огорчали Островскаго. Онъ нѣсколько разъ останавливался и угрюмо, съ сдержанною досадою говорилъ; «Да, успокойся, ты, Аполлонъ», и, только-что кончилъ чтеніе, тотчасъ его оставилъ.

«Прошли года. За «Воспитанницей», сколько я помню, явилась «Гроза», возведшая Островскаго на высшую степень таланта. Являлись и другія пьесы, являлись онѣ каждый годъ; не скажу, чтобы онѣ свидѣтельствовали, или чтобы, по крайней мѣрѣ, каждая изъ нихъ свидѣтельствовала объ умаленіи этого могучаго русскаго дарованія, но уже, однако, не было ни одной пьесы въ бытовомъ родѣ, которая могла бы быть поставлена выше пьесъ «Свои люди сочтемся», «Не въ свои сани не садись», «Воспитанница», а въ особенности «Гроза». Но Островскій въ этотъ же періодъ далъ нѣсколько историко-драматическихъ хроникъ и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, «Воевода» или «Сонъ на Волгѣ», выказалъ весьма обширное знакомство съ отечественной исторіей, по ея памятникамъ, и необыкновенное художественное пониманіе самыхъ разнообразныхъ сторонъ быта нашихъ предковъ въ XVI—XVII столѣтіяхъ. Добавлю къ этому, что во весь пережитой періодъ, обнимающій четверть вѣка, Островскій остался въ сторонѣ отъ всѣхъ литературныхъ партій и замкнутыхъ кружковъ, остался на своемъ посту вполнѣ самобытнаго русскаго дарованія, творящаго не по указкамъ какихъ бы то ни было вожаковъ литературныхъ взглядовъ и партій, а творящаго именно такъ, какъ указывалъ и указываетъ ему его собственный геній. Островскій пріѣзжалъ въ Петербургъ почти каждый годъ, такъ какъ каждый годъ ставилась имъ новая пьеса. Если я не спѣшилъ и не искалъ случая съ нимъ видѣться, то это происходило лишь оттого, что мнѣ не хотѣлось, такъ сказать, толкаться въ кругу его восхвалителей и льстецовъ; притомъ же, до меня доходили слухи, что самолюбіе этого писателя едва-ли не выше его дарованія. Послѣднее оказалось, однако, совершенно невѣрнымъ.

«Посѣтивъ его 17 Ноября 1879 г. на квартирѣ его брата, члена Государственнаго Совѣта, статсъ-секретаря, Михаила Николаевича Островскаго, я увидѣлъ вновь того-же Александра Николаевича—простаго, хотя и нѣсколько угрюмаго, но радушнаго и даже словоохотливаго человѣка, какимъ видѣлъ его въ Москвѣ въ 1855 году. Въ наружности Островскаго, послѣ 19 лѣтъ разлуки, я не нашелъ особен-

ныхъ перемѣнъ. Правда, онъ сильно полысѣлъ, но короткая, почти подъ гребенку стрижка волосъ не выдвигаетъ эту лысину. Окладистая борода—русая, съ сильною сѣдиною, фигура вся громоздка, но не тучна, а пропорціональна, сутуловатъ, голова нѣсколько потуплена, голосъ грубый, рѣчь прерывиста. Много куритъ. Вообще вся фигура плотно, хорошо сколоченнаго барина.

«Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ нашей бесѣды.

— «Диковинное положеніе русскаго драматическаго писателя (говорилъ между прочимъ Островскій): —кончилъ пьесу и садись, пиши *прошеніе*: имѣю честь представить начальству театра такую-то пьесу и покорнѣйше прошу принять ее и т. д. и т. д.

«Идетъ пьеса на просмотръ цензуры, литературнаго театральнаго комитета и т. д., и т. д. Но, скажите, есть ли гдѣ такое положеніе за границей для тамошнихъ писателей? Всюду мало-мальски талантливую вещь для театра, какъ говорится, оторвутъ съ руками. Не автору приходится писать прошеніе, а его просятъ и все для него устраиваютъ. Здѣсь-же, у насъ, на Руси, мало написать пьесу, надо провести ее по всевозможнымъ мытарствамъ. Но вотъ она прошла, она на сценѣ, начинаются репетиціи. Вы должны взять на себя рѣшительно все: не только учить актеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые или ничего не могутъ сдѣлать изъ роли по своей бездарности, а замѣнить ихъ рѣшительно некѣмъ, или если и могутъ, то самолюбіе, капризъ и лѣность мѣшаютъ имъ исполнить свое дѣло такъ, какъ они должны были бы это сдѣлать. Но возни съ актерами еще мало. Вамъ предстоитъ взять на себя и всѣ обязанности режиссера, что и гдѣ поставить, словомъ, всю обстановку пьесы вы рѣшительно должны взять на себя, въ противномъ случаѣ выйдетъ совершенное безобразіе. Отсюда, повѣрите ли, пріѣдешь въ Петербургъ и попадешь въ такую каторжную работу при постановкѣ пьесы, что объ отдыхѣ, о посѣщеніи добрыхъ пріятелей и думать нечего. Уходишь на репетиціи часовъ въ десять, иногда въ три часа вернешься домой, то такъ изломанъ и утомленъ, и нравственно, и физически, что, рѣшительно, не хочется никуда идти. Но довольно вамъ сказать, что въ нынѣшній пріѣздъ [1]) я даже не былъ

[1]) Въ 1879 г. Островскій пріѣзжалъ въ Петербургъ на двѣ недѣли для постановки двухъ своихъ новыхъ пьесъ: «Дикарки», написанной имъ вмѣстѣ съ Соловьевымъ, молодымъ драматическимъ писателемъ, и «Сердце не камень».

у Ивана Александровича Гончарова, а, между тѣмъ, къ нему каждый пріѣздъ свой въ Петербургъ считалъ долгомъ являться; точно такъ же, какъ, пріѣхавши въ Москву, нельзя не посѣтить Иверской Божіей Матери, такъ въ Петербургѣ нельзя не побывать и не явиться къ И. А. Гончарову.

«Но рецензенты наши, публика—какъ часто среди ихъ слышимъ: «эта пьеса написана на скоро, не обдѣлана, не выработана». Да понимаютъ ли они, что я ничего не пишу наскоро, каждый сюжетъ обдумываю весьма долгое время, ношусь съ нимъ цѣлый годъ, грезится и видится онъ мнѣ со всѣми въ немъ лицами постоянно и не даетъ мнѣ покою до тѣхъ поръ, пока не уляжется на бумагу. Набросавши сценки, начинаешь разговоръ, не кончаешь фразы, не доводишь сцены до конца, набрасываешь другую, переводишь съ мѣста на мѣсто; у меня пьеса пишется долго, почти всегда не менѣе года, и, до самаго канупа отсылки ея въ цензуру, самой пьесы у меня, въ строгомъ смыслѣ говоря, нѣтъ: она никогда у меня не пишется послѣдовательно, сцена за сценой, актъ за актомъ. Обыкновенно забѣжитъ ко мнѣ въ Москвѣ Р.

— «Ну, что у васъ, Александръ Николаевичъ, написано?» Ну и всегда отвѣтишь: «Нѣтъ, ничего не написано.»

«И, дѣйствительно, пока не выльется пьеса вся, какъ она у меня сложилась въ головѣ, до тѣхъ поръ я никакъ не могу сказать, что мною что-нибудь написано, потому что то тамъ, то здѣсь не окончена сценка, то не выведенъ до конца разговоръ, и уже наканунѣ отсылки дашь послѣдній штрихъ, сзовешь нѣсколько переписчиковъ, которые и отхватываютъ копію, и пьеса посылается. Ну, не выписаны сцены, не удалось очертить тотъ или другой характеръ, это значитъ не вылились они изъ головы такъ, какъ бы хотѣлось, ну, не хватило на это таланта; все это можетъ быть, въ этомъ и вините, но ужъ никакъ не кричите, что пьеса набросана наскоро и небрежно.

«Я въ большомъ долгу передъ многими моими друзьями, пріятелями и знакомыми изъ писателей и, въ особенности, артистовъ, въ долгу передъ тѣми изъ нихъ, которые уже сошли въ могилу. Едва-ли кто, кромѣ меня, можетъ сказать о нихъ надлежащее справедливое слово. Вотъ, напримѣръ, что у насъ путнаго сказано объ Аполлонѣ Григорьевѣ? А этотъ человѣкъ былъ весьма замѣчательный. Если кто

зналъ его превосходно и могъ бы о немъ сказать вполнѣ вѣрное слово, то это именно я. Прочтите, напримѣръ, С—ва. Ну, что онъ написалъ объ Аполлонѣ Григорьевѣ?—ни малѣйшаго пониманія, чутья этого человѣка. Но записки писать мнѣ, рѣшительно, некогда, хотя память у меня чрезвычайно хороша. А, вотъ, что можетъ замѣнить мои воспоминанія. Чуть ли не съ 1850 г. я храню у себя письма всѣхъ моихъ знакомыхъ, въ особенности, писателей и артистовъ; накопилось этихъ писемъ громадное количество, всѣ они у меня въ отличномъ порядкѣ, и мнѣ будетъ очень легко подобрать тѣ или другія изъ нихъ, обставивъ ихъ своими примѣчаніями; о каждомъ письмѣ я могу сказать что-нибудь, и, вотъ, съ такими комментаріями эти документы явятся у васъ; я буду присылать ихъ къ вамъ, а вы уже дѣлайте съ ними, что хотите».

Это было послѣднее свиданіе Михаила Ивановича, тогда уже редактора историческаго журнала, съ Александромъ Николаевичемъ Островскимъ, который не сдержалъ, къ сожалѣнію, своего обѣщанія относительно присылки ему выше упомянутыхъ писемъ.

Возвратимся къ 1855 году, ко времени пребыванія Михаила Ивановича Семевскаго въ Москвѣ.

Въ теченіе зимы $18^{55}/_{56}$ года Михаилъ Ивановичъ познакомился у А. Н. Островскаго съ Аполлономъ Александровичемъ Григорьевымъ, Сергѣемъ Николаевичемъ Эдельсономъ, съ артистомъ Провомъ Михайловичемъ Садовскимъ, съ молодымъ комикомъ Васильевымъ, съ извѣстнымъ впослѣдствіи Иваномъ Ѳедоровичемъ Горбуновымъ, съ Микулиной-Косицкой и съ нѣкоторыми другими артистами. Этотъ кружокъ талантовъ, людей, чисто русскихъ, веселыхъ, разговорчивыхъ, въ которомъ молодой гвардейскій офицеръ представлялъ явленіе совершенно небывалое, пришелся ему чрезвычайно по сердцу, и въ ихъ обществѣ Михаилъ Ивановичъ съ удовольствіемъ провелъ многіе вечера. Но часто его можно было встрѣтить и въ домахъ нѣкоторыхъ профессоровъ Московскаго университета, въ которые онъ былъ введенъ Галаховымъ.

Вращаясь въ кругу наиболѣе интеллигентнаго московскаго общества, Михаилъ Ивановичъ созналъ въ скоромъ времени всю недостаточность полученнаго имъ въ корпусѣ образованія и рѣшилъ пополнить его, посѣщая университетскія лекціи. Въ то время къ слушанію

лекцій въ университетахъ допускались, въ качествѣ вольнослушателей, всѣ желающіе, такъ что въ аудиторіяхъ, кромѣ студенчества, собиралась весьма пестрая публика, въ томъ числѣ очень много дамъ.

Служебныя занятія и частыя дежурства оставляли мало свободнаго времени; поэтому Михаилъ Ивановичъ могъ посѣщать лекціи только урывками и не имѣлъ возможности слѣдить за полнымъ курсомъ. «Это удѣлъ болѣе счастливыхъ смертныхъ, нежели прапорщиковъ, говоритъ онъ [1]), — коихъ гоняютъ по разнымъ гауптвахтамъ и дежурствамъ».

«Былъ я въ университетѣ, писалъ Михаилъ Ивановичъ Благосвѣтлову [2]), — и слушалъ двѣ лекціи—Соловьева и Кудрявцева и двѣ лекціи Буслаева. Я не знаю, мой дорогой Григорій Евлампіевичъ, знаете ли вы достойнаго преемника Карамзина. Позволяю себѣ дать вамъ нѣкоторыя подробности объ этой личности: средняго роста мужчина, полный, румяный, лѣтъ сорока, очки, русые, весьма рѣдкіе волосы—вотъ его наружность; я много слышалъ о немъ отъ студентовъ, кои расхваливали его, и поэтому горѣлъ желаніемъ увидѣть его поскорѣе. Явился онъ, сѣлъ на каоедру и сталъ двигать губами, какъ будто-бы что-то жевалъ — это его постоянная привычка; онъ каждое слово обдумываетъ, взвѣшиваетъ, какъ бы на вѣсъ золота, и потомъ уже выпускаетъ. Лекція была о Дмитріѣ Донскомъ, о Куликовскомъ побоищѣ и о наслѣдникѣ престола Дмитрія. Какъ видите, двухчасовая лекція была преинтересная, но она была читана обыкновеннымъ голосомъ Соловьева, т. е. такъ тихо и монотонно, что въ трехъ шагахъ ничего не было слышно. Я пробился къ самой каѳедрѣ (ее окружали студенты, кои въ разныхъ позахъ тѣснились вокругъ каоедры и записывали лекцію) и тогда только могъ слышать. Дѣйствительно, Соловьевъ—профессоръ, коимъ по справедливости гордится московскій университетъ; лекція была прочитана имъ, какъ и всѣ, въ новомъ духѣ исторіи, то есть, онъ не вдавался въ мелочныя описанія битвъ, мѣстностей, не вдавался въ незначительныя подробности, наконецъ, обѣгалъ и имена собственныя и цифры, безполезно обременяющія память, но идея, духъ событія,

[1]) Письмо къ Благосвѣтлову отъ 21 ноября 1855 г.
[2]) Тамъ же.

его вліяніе на государство, на бытъ народа и происшедшія слѣдствія — вотъ что составляло сущность его лекціи. Притомъ, Соловьевъ чрезвычайно любитъ дѣлать общія сравненія, то есть, говоря, напримѣръ, о Куликовской битвѣ, онъ въ то же время обращаетъ вниманіе слушателей на событія въ Константинополѣ и западныхъ державахъ. Вообще, я вынесъ пріятное впечатлѣніе, и о лекціи, и о личности этого профессора».

«Кудрявцева чрезвычайно любятъ и хвалятъ студенты; я слушалъ его лекцію: длинный, сухощавый, съ ввалившимися, но живыми глазами, онъ говоритъ громко, не горячась, довольно краснорѣчиво и съ глубокимъ знаніемъ своего дѣла; только предметъ его — египетская и вообще древняя исторія — не всякаго расшевелитъ, хотя онъ мастерски оживляетъ свой предметъ, и аудиторія его всегда полна. Но, по моему крайнему разумѣнію, онъ не разсказываетъ, а поетъ; я не вижу въ немъ краснорѣчиваго оратора, потому что умѣнье за словомъ въ карманъ не лазить не должно назваться краснорѣчіемъ, а вижу и цѣню въ немъ дѣльнаго ученаго профессора, какъ рыба въ водѣ, плавающаго въ своей наукѣ, но и не болѣе того. Гдѣ же тутъ въ его лекціи приводящее *всякого* (по мнѣнію гг. студентовъ) въ восторгъ? У Буслаева я слушалъ лекцію русской словесности и филологіи. Это одинъ изъ дюжинныхъ профессоровъ; лекція о Шекспирѣ, Джонсонѣ и Винкельманѣ, долженствовавшая быть интересною, вышла слабою. Буслаевъ далеко не обладаетъ языкомъ; изложеніе его весьма отрывочное. Ваше мнѣніе, высказанное о Буслаевѣ въ письмѣ къ Н. А. Ѳедорову, совершенно справедливо: это человѣкъ бездарный, но усидчивый труженникъ; это, въ лучшемъ смыслѣ, второй Касторскій. Онъ не способенъ озарить своего предмета свѣтомъ истинной мысли, животворной и богатой послѣдствіями, но въ раскапываніи славянскихъ корней и корешковъ онъ, дѣйствительно, мастеръ своего дѣла. Три раза ходилъ я въ университетъ, чтобы только услышать Шевырева, но всякій разъ, по болѣзни, онъ не пріѣзжалъ. Ваше мнѣніе объ этомъ человѣкѣ, мой дорогой наставникъ, совершенно согласуется со всеобщимъ мнѣніемъ студентовъ Московскаго университета, но — дѣло молодое — все хочется провѣрить, узнать самому, и поэтому непремѣнно схожу послушать Шевырева». «Мнѣ нравятся иногда его лекціи,» писалъ Михаилъ Ивановичъ нѣсколько дней спустя, — «смѣшонъ этотъ

профессоръ въ своей теоріи о смѣшномъ («Москва», 1851 г.), смѣшны его лекціи по внѣшней, такъ сказать, механической своей сторонѣ, но внутреннее ихъ содержаніе иногда плещетъ оригинальностью и остротою мысли».

О Бодянскомъ Михаилъ Ивановичъ говоритъ: «вотъ и еще московскій профессоръ, котораго мѣсто не на каѳедрѣ, а въ кабинетѣ ученаго». Вообще, отдавая дань обширнымъ познаніямъ, начитанности и эрудиціи тѣхъ московскихъ профессоровъ, которыхъ ему довелось слышать, Михаилъ Ивановичъ говоритъ о внѣшней сторонѣ ихъ лекцій, что ни одинъ изъ нихъ не обладалъ тѣмъ увлекательнымъ даромъ слова, тѣми изяществомъ и легкостью языка, какими отличались лекціи его петербургскихъ профессоровъ, Благосвѣтлова и Введенскаго; всѣ они какъ будто сговорились, для пущей учености, пренебрегать изложеніемъ, языкомъ своихъ лекцій, а, напротивъ того, на сколько возможно, дѣлали ихъ сухими.

28-го Ноября 1855 года Михаилъ Ивановичъ присутствовалъ въ университетѣ на защитѣ Л—кимъ диссертаціи на званіе магистра и, возвратясь домой, поспѣшилъ сообщить своему наставнику о впечатлѣніи, вынесенномъ имъ изъ этого, такъ называемаго, «ученаго диспута», отъ котораго онъ ожидалъ большаго наслажденія. «Всѣ мои мечты разсыпались прахомъ», пишетъ онъ,—«когда я услышалъ этотъ диспутъ—жалкую пародію средневѣковыхъ ученыхъ споровъ. Прекрасная зала съ колоннами, превысокая каоедра для диспутанта, дюжина дамъ, жены профессоровъ, нѣсколько ученыхъ и ареопагъ строгихъ судей—Капустинъ, Баршевъ, Бодянскій и Бѣляевъ, наконецъ, толпа студентовъ ожидали Л. Наконецъ, явился диспутантъ, маленькій, съ брюшкомъ, съ кругленькою фигурою. «М. гг., началъ онъ,—считая свой трудъ («О состояніи размѣна плѣнныхъ съ половины пятнадцатаго вѣка до начала царствованія Петра I») весьма спеціальнымъ, почелъ я долгомъ предупредить васъ о его содержаніи». За этой прелюдіей послѣдовало предисловіе, отпечатанное въ его диссертаціи; бойко, фразисто изложа предисловіе, онъ заключилъ его такъ: «М. гг., повергая свой долговременный трудъ, совершенный мною настолько добросовѣстно и усердно, насколько это было возможно, считаю долгомъ предупредить, что есть многое такое, что вы знаете, но чего я не зналъ, что я зналъ, по чего вы не знаете, но больше всего есть того, чего ни

вы не знаете, ни я не знаю». Эта выходка, достойная свѣтскаго ферта, пришлась по сердцу большей части публики, которая покатилась хохотомъ удовольствія. Начались возраженія, касавшіяся, большею частью, не сущности дѣла, а изложенія, возраженія слабыя, вялыя, которыя диспутанту не трудно было отразить. Одинъ Бѣляевъ сдѣлалъ дѣльное замѣчаніе, но и онъ поспѣшилъ заключить его панегирикомъ. Послѣднимъ говорилъ Бодянскій; онъ не почелъ долгомъ хвалить слабую диссертацію, а сталъ безпощаднымъ, дѣльнымъ анализомъ разрушать все построенное его предшественниками зданіе достоинствъ сочиненія Л—го; онъ обвинялъ автора въ томъ, что тотъ началъ свою статью съ XV в., презрѣлъ предыдущія наши войны и, отсылая ихъ на разсмотрѣніе археологіи, показалъ, что онъ не знаетъ различія археологіи и исторіи, что его диссертація представляетъ какой-то отрывокъ, сшитый на скорую руку, не имѣющій ни начала, ни конца. Но крикливаго профессора никто уже не слушалъ. Его дѣльныя возраженія не могли уничтожить пріобрѣтенной самоувѣренности диссертанта; ихъ общій хохотъ, возбуждаемый голосомъ, жестами и горячностью Бодянскаго, заглушали все.»

Посѣщая собранія представителей московской интеллигенціи, Михаилъ Ивановичъ, по ихъ примѣру, устроивалъ и у себя литературные вечера, на которыхъ велась оживленная бесѣда, читались вновь вышедшія повѣсти, стихотворенія или критическія на нихъ статьи. Молодежь, сходившаяся на эти вечера, прапорщики л.-гв. Павловскаго полка и нѣкоторые другіе офицеры, предприняли даже, по почину Михаила Ивановича, изданіе рукописнаго литературнаго сборника, подъ заглавіемъ «Грѣхи молодости,» въ которомъ помѣщались ихъ стихотворенія, повѣсти и историческія статьи.

Въ то же время Михаилъ Ивановичъ слушалъ, какъ мы сказали выше, лекціи въ университетѣ, обозрѣвалъ самымъ тщательнымъ образомъ московскія достопримѣчательности и нерѣдко «въ бывшей книжной лавкѣ Улитина, на углу́ зданія университета, зачитывался цѣлыми днями, [1]) подобно тому, какъ въ Петербургѣ засиживался въ Публичной библіотекѣ, читая по преимуществу русскіе журналы XVIII вѣка, книги историческія и журналъ «Москвитянинъ,» который М. П.

[1]) Некрологъ «Р. Ст.» 1892, апрѣль.

Погодинъ называлъ впослѣдствіи (1870—72 гг.) дѣдушкой «Русской Старины.»

Усердно работая надъ своей «Исторіей русской комедіи» исключительно по печатному матеріалу, такъ сказать, пріучаясь къ писательству, Михаилъ Ивановичъ зачастую бывалъ недоволенъ своею работою и, перечитывая написанное, подмѣчалъ, что какая-нибудь мысль, которую онъ считалъ своею собственною, самостоятельною, была лишь отголоскомъ того, что онъ вычиталъ по занимавшему его вопросу у того или другого писателя. Тогда-то на него находили, по временамъ, минуты горькаго сомнѣнія въ своихъ силахъ и способностяхъ, въ чемъ онъ откровенно признавался своему другу и наставнику Г. Е. Благосвѣтлову.

«Изнемогаю подъ гнетомъ тяжелой, несносно давящей меня мысли, писалъ однажды Михаилъ Ивановичъ [1]), — что судьба даровала мнѣ одинъ талантъ—кропотливо, усидчиво и безплодно трудиться. Работая, я хочу подняться надъ этою гибелью матеріаловъ, хочу сказать что-то новое, доселѣ никѣмъ не сказанное, погрязаю въ прочитанныхъ статьяхъ, обозрѣніяхъ, опытахъ, и голова трещитъ отъ напора мыслей... Сильно побаиваюсь, что мой небольшой запасъ самостоятельныхъ возрѣній, мыслей и маленькое дарованьице—все это израсходуется, испишется, выльется въ одну форму...

«Вашъ совѣтъ порыскать по московскимъ рынкамъ и поискать старинныхъ книженокъ я приведу въ исполненіе непремѣнно и заранѣе ассигновываю для этого 15 р. сер., что для прапорщичьяго кармана капиталъ не шуточный. Тутъ нѣтъ постоянной толкучки, но по воскресеньямъ подлѣ Сухаревой башни открываются рудники всякаго хлама, въ томъ числѣ свозятъ множество книгъ, весьма старинныхъ и рѣдкихъ, поэтому каждое свободное воскресенье я буду тамъ рыскать.»

Нѣсколько времени спустя, онъ сообщалъ [2]) уже Григорію Евлампіевичу длинный списокъ пріобрѣтенныхъ имъ книгъ, среди которыхъ «дорогимъ самоцвѣтнымъ камнемъ» была купленная имъ на толкучкѣ «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина; при этомъ Михаилъ Ивановичъ признается, что онъ «раскошелился» и, ассигновавъ на покупку книгъ пятнадцать рублей, истратилъ сорокъ рублей, — сумму,

[1]) Письмо къ Благосвѣтлову отъ 21 ноября 1855 г.

[2]) Письмо къ Благосвѣтлову отъ 30 ноября 1855 г.

равную стоимости сюртука. «Но что за бѣда,» прибавляетъ онъ,— однимъ сюртукомъ будетъ меньше, за то книгъ сколько!»

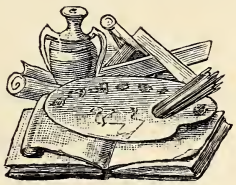
Въ видѣ отдыха Михаилъ Ивановичъ посѣщалъ довольно часто Малый театръ, который уже тогда славился своею труппою. Сравнивая Московскій театръ съ Петербургскимъ, какъ истый поклонникъ всего самобытнаго русскаго, онъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ репертуаръ Малаго театра, состоявшій исключительно изъ произведеній нашихъ выдающихся писателей, и его образцовое исполненіе, и въ томъ и другомъ отношеніяхъ отдаетъ Московской сценѣ пальму первенства за ея народное направленіе.

«Въ то время, какъ въ Петербургѣ довольствуются пошлыми переводами и каррикатурными передѣлками съ французскаго, здѣсь — общее отвращеніе отъ подобнаго репертуара и любовь къ пьесамъ народнымъ, пишетъ онъ; [1])—гдѣ, какъ не на Московской сценѣ, дорожатъ каждою строчкою Гоголя и очень часто играютъ не только «Ревизора» или «Женитьбу,» но и его драматическій этюдъ «Тяжбу?» На «Горе отъ Ума» до сихъ поръ всѣ здѣсь спѣшатъ въ театръ. Не знаю, какъ въ Петербургѣ, но въ Москвѣ воскресная и будничная театральная публика рѣзко отличаются другъ отъ друга; вотъ, напримѣръ, въ это воскресенье, 23-го октября, въ Маломъ театрѣ давали «Женихъ изъ Ножевой линіи;» раекъ и верхній ярусъ были наполнены тулупами, шубейками, шубками, свитками, поддевками, и всѣ эти доморощенные любители изящнаго хохотали въ теченіе всей пьесы; полъ-партера представляло собою собраніе самыхъ разнообразныхъ, разнокалиберныхъ и разноцвѣтныхъ бородъ; они были довольны и хохотали до того, что и не замѣтили, что передъ ними разыгрывался уже не комическій фарсъ, но что комическій элементъ смѣнился драматическимъ. Я говорю о послѣднемъ явленіи Мордоплюева, которое не заключаетъ въ себѣ ничего смѣшнаго, а невольно вызываетъ слезы. Но воскресная публика смѣется и оглушительно хлопаетъ. Да, не скоро еще наступитъ время, когда вся масса нашей публики не будетъ принимать за чистую монету каждое печатное слово, когда она будетъ понимать, улавливать тайный смыслъ тонкой остроты, и когда автору можно будетъ, безъ опасенія быть непонятымъ, бичевать ея пороки...

---

[1]) Письмо къ Благосвѣтлову отъ 25 октября 1855 г.

«Я видѣлъ Никулину-Косицкую, одну изъ лучшихъ драматическихъ актрисъ Московскаго театра. Представьте себѣ маленькую, весьма полненькую женщину съ глазками, отчасти заплывшими жиромъ, съ вздернутымъ носикомъ и съ крошечнымъ ротикомъ. Игра Косицкой отличается необыкновеннымъ чувствомъ, голосъ ея звонокъ и пріятенъ, и каждый вопль сердечной жалобы въ ея игрѣ живо затрогиваетъ сердце и душу зрителя. Она пѣла нѣсколько романсовъ и народныхъ пѣсенъ; далеко будучи не меломаномъ, я всею душею отдавался восхитительному пѣнію даровитой актрисы.»



IV.

Поѣздка въ Хмѣлиты.—Письмо къ І. И. Малевичу о своей жизни со времени производства въ офицеры.—Знакомство съ А. Г. Григорьевымъ. — Изслѣдованіе о предкахъ А. С. Грибоѣдова.—Какъ въ М. И. Семевскомъ зародилась страсть къ изученію русской исторіи.—Поѣздка на лѣто къ роднымъ.

Въ началѣ зимы Михаилъ Ивановичъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Александромъ съѣздилъ на двѣ недѣли въ деревню къ роднымъ, въ село Хмѣлиты Смоленской губерніи, гдѣ его отецъ служилъ тогда управляющимъ. Объ этой поѣздкѣ Михаилъ Ивановичъ разсказываетъ въ письмѣ къ своему бывшему наставнику І. И. Малевичу, съ которымъ, послѣ долгаго перерыва, вступилъ въ переписку въ мартѣ 1856 года.

«Дорогой мой наставникъ и другъ Іосифъ Игнатьевичъ», писалъ М. И. Семевскій.—«Девять мѣсяцевъ какъ я облеченъ въ званіе прапорщика, слѣдовательно, почти годъ, какъ я живу своею волею и ни строчки, ни словечка къ своему наставнику, который и насъ любилъ и любитъ, котораго и мы искренно уважаемъ, къ которому и мы сердечно привязаны. Оправданія найти трудно, да и невозможно... Желая вполнѣ искупить свою вину, вполнѣ смыть темное новое пятно съ моей личности—мнимую неблагодарность къ вамъ, я рѣшился, прося у васъ хоть небольшихъ отвѣтовъ на мои письма, писать вамъ часто, а теперь хочется мнѣ изложить хоть вкратцѣ главные пункты моей десятимѣсячной свободной жизни!

«Выпорхнувъ изъ клѣтки въ Іюнѣ 1855 г., я, подъ вліяніемъ моихъ профессоровъ [1]), съ жаромъ восемнадцатилѣтняго юноши, принялся

[1]) И. И. Введенскаго и Г. Е. Благосвѣтлова.

за науку. И. И. Введенскій далъ мнѣ работу, заранѣе предсказывая успѣхъ, Благосвѣтловъ помогалъ мнѣ своими совѣтами; доказательствомъ того жара, того юношескаго увлеченія, съ коимъ я принялся за трудъ, можетъ служить то, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ—*первыхъ мѣсяцевъ офицерской жизни*, я почти не бывалъ ни у кого изъ знакомыхъ, кромѣ своихъ учителей-руководителей. Въ теченіе этого времени не извѣстилъ письмомъ почти никого изъ своихъ родныхъ, кромѣ отца, о своемъ производствѣ! На мнѣ, какъ видите, оправдалась истина, что молодость всегда переходитъ въ крайность, всегда увлекается. Поселился я вмѣстѣ со своимъ товарищемъ школьнымъ—корпуснымъ пріятелемъ и другомъ; два прапорщика стали хозяева, и черезъ полтора мѣсяца, повидимому, умѣренной жизни у нихъ осталось три рубля капитала! Самолюбіе какъ того, такъ и другого, мѣшало запросто написать къ роднымъ и попросить денегъ; мы не просили и не только не унывали, напротивъ, никогда не были веселѣе этого безденежнаго періода. Товарищъ ходилъ обѣдать и проводить дни у знакомыхъ, я же, выпивши стакановъ пять чая съ чернымъ хлѣбомъ, отправлялся въ дни, свободные отъ службы, въ Публичную библіотеку и просиживалъ тамъ съ девяти часовъ утра до девяти вечера!..

«Я работалъ: читалъ, писалъ и каждый вечеръ въ самомъ веселомъ расположеніи духа подымался по вонючей лѣстницѣ въ четвертый этажъ въ скромную квартирку, гдѣ меня ждалъ самоваръ, пять-шесть стакановъ чая и ломтей десять чернаго хлѣба, приправленные дружеской бесѣдой со своимъ сожителемъ. Пролетѣлъ Іюнь, Іюль и Августъ. Въ теченіе этого времени голова моя поглотила до ста книгъ и брошюръ, я кончилъ одну пятую долю большаго своего труда.

«Между тѣмъ скончался виновникъ моей дѣятельности—И. И. Введенскій; много моихъ надежъ и сладкихъ мечтаній на будущее унесъ съ собой въ могилу почтенный дѣятель на поприщѣ науки и просвѣщенія! Горькими слезами проводилъ я его въ могилу. Не смотря на поддержку, постоянно находимую мною въ Г. Е. Благосвѣтловѣ, я сталъ охладѣвать въ этомъ неумѣренномъ трудѣ, слишкомъ усидчивомъ, слишкомъ неестественномъ... Тогда то оглянулся я на свой прапорщичій мундиръ, сталъ ходить къ знакомымъ, сталъ писать письма чаще къ разнымъ лицамъ.

«Пріѣхалъ мой больше всѣхъ любимый братъ Саша; онъ бывалъ у

меня безпрестанно, и я ходилъ въ Дворянскій Полкъ... Прошелъ Сентябрь, финансы поправились, я сталъ умѣреннѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, регулярнѣе работать. Въ началѣ Октября отправился съ полкомъ въ Москву, провожаемый наставленіями и совѣтами своего друга Г. Е. Благосвѣтлова и имѣя въ карманѣ рекомендательное письмо отъ Ростовцева къ Галахову. Не помню, что писалъ Яковъ Ивановичъ къ Галахову обо мнѣ, копія съ письма этого отослана къ папенькѣ, только помню, что онъ меня очень хвалилъ. Пріѣхавши въ «бѣлокаменную родную матушку-Москву», я съ восторгомъ русскаго сталъ обѣгать нашу древнюю, исто русскую столицу. И съ перваго же взгляда полюбилась она мнѣ со своими храмами безчисленными, напоминающими благочестіе и религіозность предковъ нашихъ, со своими стѣнами, башнями и несчетнымъ множествомъ памятниковъ правленій Дмитрія Донскаго, Іоанна III, мучителя Іоанна, мудраго Бориса, кроткаго Михаила, Великаго Алексія... полюбилась она мнѣ и своимъ радушіемъ, и своимъ гостепріимнымъ хлѣбомъ - солью... У папеньки, Лопухина и Сеславиныхъ при удобномъ случаѣ вы, безъ сомнѣнія, прочтете мои впечатлѣнія московскія. А. Д. Галаховъ, издатель хрестоматіи, составитель курса словесности для военно-учебныхъ заведеній и авторъ многихъ дѣльныхъ, весьма ученыхъ диссертацій, разсѣянныхъ въ разныхъ журналахъ, принялъ меня какъ нельзя болѣе любезно и радушно. Первый вечеръ занятъ былъ у насъ *ученымъ разговоромъ*: трактовали о Кантемірѣ, Сумароковѣ, Ломоносовѣ—этихъ основателяхъ нашей литературы, толковали и о позднѣйшихъ дѣятеляхъ. Галаховъ, сколь можно было видѣть, остался доволенъ этимъ экзаменомъ моимъ, приглашалъ бывать и тутъ же далъ рекомендательную записку къ Ф. И. Буслаеву, профессору въ здѣшнемъ университетѣ словесности русской и филологіи, извѣстному въ исторіи русской литературы своими учеными изслѣдованіями и филологическими изысканіями. Такимъ образомъ познакомился я съ другимъ писателемъ. Лично отрекомендовался А. Н. Островскому, единственному современному драматическому таланту, сошелся съ нимъ весьма близко и, по его рекомендаціи, познакомился съ А. А. Григорьевымъ, критикомъ журнала «Москвитянина», Е. Э. Дріянскимъ, авторомъ малороссійскихъ повѣстей и талантливымъ послѣдователемъ Гоголя, І. И. Желѣзновымъ, казакомъ, авторомъ ученыхъ статей и повѣстей изъ быта ураль-

скихъ казаковъ. Н. С. Назаровъ, учитель словесности въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ лично отрекомендовался у Галахова, узнавши во мнѣ того самого кадета, который произвелъ фуроръ чтеніемъ своего сочиненія на публичномъ экзаменѣ. Бывая на литературныхъ вечерахъ, бывая въ кругу мыслящихъ даровитыхъ людей, я сталъ бывать въ университетѣ, снова углубился въ чтеніе и письмо. Когда-нибудь я доставлю вамъ, мой крѣпко любимый наставникъ, мои мемуары, веденные для Г. Е. Благосвѣтлова; я ихъ въ письмахъ отсылаю къ нему каждыя двѣ недѣли, и по моей просьбѣ онъ возвратитъ мнѣ ихъ назадъ; въ нихъ изложено мною съ полною откровенностью, что говорилось на литературныхъ вечерахъ, и какъ меня принимали литераторы, мои новые знакомцы; я зажилъ и доселѣ живу втроемъ— съ прапорщикомъ, давнишнимъ моимъ пріятелемъ, и поручикомъ, который управляетъ нашимъ хозяйствомъ; жизнь втроемъ, жизнь умѣренная, дала намъ возможность занять квартиру съ полнымъ комфортомъ и жить безъ отказа во многомъ.

«Имѣя лишнюю копѣйку отъ прапорщичьяго жалованья, я сталъ скупать себѣ библіотеку по толкучимъ рынкамъ и, ассигновавъ для этого первоначально пятнадцать рублей, я снова увлекся, ухнулъ семьдесятъ пять цѣлковыхъ и пріобрѣлъ до двухсотъ пятидесяти книгъ, довольно, впрочемъ, рѣдкихъ и дѣльныхъ.

«Незамѣтно явился на дворѣ Ноябрь. Однажды сидѣлъ я въ университетской библіотекѣ. Входитъ съ моимъ товарищемъ молодчикъ-офицеръ съ крестомъ и кавалерійскою саблей... «Миша»! «Володя»! и два брата обнялись, какъ истые друзья и братья. На другой день въ почтовой телѣжкѣ два молодые брата-офицера мчались на родину къ старику-отцу, къ красавицѣ-сестрѣ... Повѣрите ли, мой добрый другъ, если я вамъ скажу, что я *неохотно* поѣхалъ въ отпускъ; стыдно, но долженъ сознаться, что съ неудовольствіемъ оставилъ Москву и на двѣ недѣли разстался со своими занятіями. Но вы повѣрите этому страшному признанію, если вспомните, что сердце мое было холоднѣе и умъ эгоистичнѣе, нежели у всѣхъ братьевъ моихъ: дисциплина и четырехъ-годичное суровое обращеніе со мной дяди А. М. Б—го, съ 1841 — 1845 годъ, вырвало изъ моего сердца много добрыхъ, нѣжныхъ чувствъ. Но, подъѣзжая къ Хмѣлитамъ, я весь переродился, что то странное, по неизъяснимо пріятное волновало мою душу; когда же

съ крикомъ радости обняла меня красавица-сестра, когда крѣпко прижалъ меня къ своей груди старикъ-отецъ, слезы, первыя, неиспытанныя еще мною слезы радости, брызнули изъ глазъ моихъ. Двѣ недѣли промчались, какъ сонъ, и какъ легко мнѣ было, какъ легко дышала моя грудь въ родимой семьѣ, какъ далеки были отъ меня въ эти двѣ недѣли всѣ самолюбивыя мысли, всѣ честолюбивыя мечты! Блаженныя минуты, часто ли вы будите возвращаться къ вѣчно недовольному собою Михаилу Семевскому?

«Снова занятія, переписка съ Благосвѣтловымъ и другими, посѣщеніе университета и знакомыхъ литераторовъ — все пошло для меня своимъ обычнымъ чередомъ съ пріѣздомъ въ Москву. И какъ несется время, какими исполинскими шагами бѣжитъ и бѣжитъ оно впередъ, унося съ собой и юношескія грезы, и радужный періодъ молодости»...

Быстро пролетѣла для Михаила Ивановича зима 1855 — 56 года, проведенная въ Москвѣ въ постоянныхъ занятіяхъ, служебныхъ и литературныхъ, и въ подготовкѣ къ печати его *перваго* литературнаго труда.

Любовь къ изученію родной исторіи и стремленіе къ занятіямъ литературнымъ, первые проблески которыхъ были обнаружены Михаиломъ Ивановичемъ на школьной скамьѣ, еще болѣе упрочились и развились въ немъ въ Москвѣ подъ вліяніемъ той высоко-образованной среды, въ которой онъ вращался; особенное вліяніе имѣлъ на него въ этомъ отношеніи Аполлонъ Григорьевъ, относившійся съ уваженіемъ и сочувствіемъ ко всякому дарованію, ко всему, что было самобытно и непосредственно; онъ стоялъ въ то время во главѣ молодой редакціи «Москвитянина». Видя изъ бесѣдъ своихъ съ тогда еще совершенно юнымъ Семевскимъ, что тотъ страстно интересуется каждымъ литературнымъ вопросомъ, каждымъ явленіемъ въ области словесности, и что у него уже сложилось много элементовъ, необходимыхъ пишущему, Аполлонъ Александровичъ убѣждалъ его испробовать свои силы на литературномъ поприщѣ. Результатомъ его настоятельныхъ совѣтовъ было появленіе въ іюльской книжкѣ «Москвитянина» за 1856 г. *перваго*, по времени, печатнаго труда М. И. Семевскаго, — небольшаго изслѣдованія о предкахъ автора «Горе отъ ума», Александра Сергѣевича Грибоѣдова, составленнаго по подлиннымъ актамъ XVII вѣка. Эти бумаги были найдены

имъ въ селѣ Хмѣлитахъ Смоленской губерніи, гдѣ его отецъ управлялъ въ то время имѣніемъ, были имъ разобраны и изданы съ приложеніемъ вновь открытыхъ по сему предмету документовъ—жалованныхъ наказовъ и инструкцій боярамъ Грибоѣдовымъ и т. п.

«О томъ, какъ пробудилась въ авторѣ этой статьи страсть къ изученію русской исторіи, и о началѣ и первыхъ годахъ его литературной дѣятельности мы находимъ свѣдѣнія въ слѣдующей, въ высшей степени интересной, автобіографической замѣткѣ, продиктованной имъ самимъ стенографу въ 1876 году:

«Отечественную исторію я сталъ изучать съ весьма раннихъ лѣтъ моего возраста. Я говорю «изучать», потому что уже 15—16 лѣтъ не довольствовался однимъ учебнымъ курсомъ, а старался прочитывать, какъ говорилось въ школѣ, «постороннія книги», имѣвшія, болѣе или менѣе, отношеніе до родной старины. Какъ теперь припоминаю, изъ этого рода сочиненій мнѣ особенно нравились «Біографіи и Словарь достопамятностей россійскихъ.» Извѣстное сочиненіе Бантышъ-Каменскаго было едва-ли не первою книгою, которая прочитана была мною и прочитана не одинъ разъ, изъ отдѣла книгъ по отечественной исторіи. Какъ ни суха, повидимому, эта книга, какъ ни однообразно изложеніе біографій, въ ней помѣщенныхъ, тѣмъ не менѣе, и въ нихъ, въ этихъ служебныхъ спискахъ, разбавленныхъ большею частью похвалами, я нашелъ для своего юнаго воображенія не мало фактовъ, воскресившихъ предо мною прошедшую жизнь. Вслѣдъ за Бантышъ-Каменскимъ подвернулись мнѣ подъ руки «Записки о Россіи» Манштейна, переведенныя съ французскаго Глинкою. Эта одна книга уже дала мнѣ мысль къ сочинительству. Я вздумалъ по ней, по одной этой книгѣ, составить біографическій очеркъ жизни знаменитаго канцлера Ивана Андреевича Остермана, трудился надъ этимъ нѣсколько недѣль и самой внѣшности этой біографіи придалъ, быть можетъ, самъ того не замѣчая, такой же видъ, какой имѣли біографическіе очерки въ словарѣ Бантышъ-Каменскаго. Мнѣ было 16, много 17 лѣтъ, когда я, такимъ образомъ, выступилъ на поприще составленія, будто бы, самостоятельныхъ очерковъ» [1]).

Между тѣмъ, зима близилась къ концу, насталъ великій постъ. Въ

[1]) «Русская Старина» 1892 года, Апрѣль.

это время Михаилъ Ивановичъ получилъ изъ дома извѣстіе о помолвкѣ единственной сестры своей, Софіи Ивановны Семевской, незадолго передъ тѣмъ вышедшей изъ Смольнаго института. Съ удовольствіемъ мечталъ онъ о предстоявшей осенью поѣздкѣ на ея свадьбу въ Ѳедорцово и о свиданіи съ родными, къ которымъ питалъ самую теплую привязанность.

«О моей жизни въ настоящую минуту новаго сказать нечего, писалъ Михаилъ Ивановичъ отцу 6 Марта 1855 г.,—то же знакомство, лестное и полезное для будущаго автора, та же жизнь съ двумя добрыми товарищами, выгодная въ матеріальномъ отношеніи и не лишенная многихъ оригинальностей. Когда же мы выйдемъ изъ Москвы, объ этомъ «бабушка на двое сказала»; если заключать миръ, какъ объ этомъ трубитъ мірская молва, то мы останемся на годъ въ Бѣлокаменной, что и дай Богъ, ибо всею русскою душою полюбилъ я эту исто русскую столицу. Мнѣ останется только крѣпко на крѣпко поблагодарить нашего неоцѣненнаго друга-отца; подъ гнетомъ неудачъ въ хозяйствѣ онъ и то не забываетъ постоянно своей мысли о помощи дѣтямъ. Я, признаться, не просилъ денегъ и едва ли (за будущее поручиться нельзя) буду просить, потому что жизнь втроемъ даетъ возможность отлично кормиться, одѣваться и доставлять себѣ кое-какія удовольствія даже и изъ скромнаго прапорщичьяго жалованья. Но откровенно скажу, если бы въ минуту *возможную* папенька прислалъ мнѣ двадцать пять—тридцать рублей, я бы порадовался имъ, ибо съ ними можно было бы мнѣ взять тридцать лекцій у французскаго какого-нибудь учителя и тѣмъ окончательно окрѣпнуть во французской грамотѣ, съ которой я маюсь ежедневно въ теченіе трехъ мѣсяцевъ.

«Москва въ полномъ смыслѣ поститъ; вездѣ скромно, тихо, вся она расплылась по церквамъ; четыреста Господнихъ храмовъ наполнены народомъ и утромъ, и вечеромъ. Какой рѣзкій контрастъ составляетъ эта тишина съ тѣмъ вакханаліемъ, съ коимъ провела Москва русскій карнавалъ. Я говѣю на седьмой недѣлѣ; посту я очень радъ, ибо имѣю возможность въ теченіе его, на литературныхъ вечерахъ, встрѣчаться съ артистами Московской сцены, незанятыми представленіями въ это время.

«Сентябрь, Сентябрь, какъ бы скорѣй прилетѣлъ бы ты, пасмурный, съ твоими дождями, слякотью, насморками, дурными дорогами,

холодными утренниками и темными ночами! Не смотря на всю эту грустную обстановку, ты будешь для насъ свѣтлѣе, розовѣй самаго Мая! Слетится въ родимое гнѣздышко родимая семейка, заликуетъ она и возрадуется! Рощи и сады Ѳедорцова огласятся говоромъ, шумомъ всеобщей радости, библіотека Ѳедорцовская откроетъ свои архивы для автора «замѣтокъ о родѣ Семевскихъ». Сколько радости, удовольствій и пріятныхъ трудовъ впереди!»...

Лѣтомъ 1856 года Михаилъ Ивановичъ снова ѣздилъ въ отпускъ къ роднымъ и на этотъ разъ провелъ у нихъ четыре мѣсяца. Но ему уже не удалось возвратиться въ Москву, а пришлось ѣхать прямо въ Петербургъ, такъ какъ л.-гв. Павловскій полкъ, тотчасъ послѣ коронаціи императора Александра II, выступилъ изъ Москвы.

V.

Возвращеніе изъ деревни прямо въ Петербургъ.—Охлажденіе къ военной службѣ.—Любительскій спектакль въ Павловскомъ полку.—М. И. Семевскій въ роли Расплюева.—Сочиненіе о Великихъ-Лукахъ.—Отзывы о немъ Добролюбова.

Съ другими взглядами на жизнь, съ другими требованіями къ ней вернулся Михаилъ Ивановичъ въ Петербургъ въ 1856 г.; годъ, проведенный имъ въ Москвѣ, имѣлъ огромное вліяніе на его развитіе и на всю его послѣдующую карьеру. Военная служба, вовсе не соотвѣтствовавшая его природныхъ наклонностямъ, какъ совершенно вѣрно предугадалъ это его воспитатель Малевичъ, начала тяготить его, и онъ сталъ подумывать о другомъ служебномъ поприщѣ, болѣе для него подходящемъ.

Письмо его къ І. И. Малевичу отъ 26 Ноября 1857 года весьма характерно для оцѣнки происшедшей въ немъ перемѣны.

«Добрѣйшій Іосифъ Игнатьевичъ, писалъ ему Михаилъ Ивановичъ,—возвратясь въ Петербургъ въ Ноябрѣ 1856 года, послѣ четырехъ-мѣсячной деревенской жизни, я поселился въ уютной квартиркѣ вмѣстѣ съ дорогимъ Сашей. Павловскій полкъ я не узналъ. Но къ лучшему или къ худшему измѣнился онъ—это вы увидите. Во главѣ полка вмѣсто прежняго деспотически грубаго, наглаго командира стоялъ Паткуль, генералъ-адьютантъ, l'ami de l' Empereur, свѣтскій, вертлявый, съ французскою рѣчью и красивою наружностью. При немъ уже не ругали солдатъ по..., не полосили спины измученныхъ гренадеръ шомполами, офицеры старались быть утонченнѣе, вѣжливѣе. Эта реформа ослѣпила меня. Но, къ сожалѣнію, подъ блестящей оболочкой скрывался тотъ же мелкій, бездушный развратъ, та же пустота

жизни, тѣ же интрижки изъ-за самыхъ ничтожныхъ интересовъ... Болѣе и болѣе недовольный и полковою жизнью, и полковыми товарищами, мастерами маршировать, посѣщать билліардныя, расчесывать проборы, примазывать усы, вывертывать ногами въ танцахъ, тяготясь и безсмысленною полковою службою, я старался развлечься занятіями... Самъ Паткуль, при своемъ лоскѣ свѣткости, при своемъ мягкомъ, добромъ характерѣ—человѣкъ, въ жизнь свою ничего не прочитавшій, въ жизнь свою ни о чемъ не подумавшій серьезно!

«Какъ бы то ни было, но, выдвигая полкъ на великосвѣтскую ногу, имъ и женою его затѣяны были театры. Но не думайте, чтобы это дѣлалось изъ сознанія пользы драматическихъ представленій, изъ сознанія всей великости удовольствія розыграть умную, поучительную пьесу. Нисколько. Все это дѣлалось *по моде*, потому что въ аристократическихъ салонахъ театръ въ употребленіи»...

Это было время увлеченія театромъ. На сценическое искуство стали смотрѣть гораздо серьезнѣе прежняго. Въ фешенебельныхъ салонахъ, у извѣстныхъ аристократовъ, ставились иногда самыя простонародныя пьесы; но командиръ Павловскаго полка, по словамъ Михаила Ивановича, «признавалъ въ сценическомъ искуствѣ одинъ только *водевиль*, и большаго труда стоило уговорить его поставить на сцену «Свадьбу Кречинскаго», пьесу, если не художественную, то, все таки, замѣчательную».

Въ этомъ спектаклѣ, на коемъ присутствовали Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ, многія высочайшія особы и придворныя лица съ ихъ семьями, принимала участіе и супруга генерала Паткуля [1]). Михаилу Ивановичу была поручена въ драмѣ «Свадьба Кречинскаго» видная и отвѣтственная роль Расплюева, въ которой, по отзыву присутствовавшихъ на этомъ спектаклѣ, онъ обнаружилъ недюжинное сценическое дарованіе; своею игрою онъ выдѣлялся среди прочихъ исполнителей, каждый его выходъ сопровождался громкими аплодисментами и ободрительнымъ хохотомъ.

«По окончаніи спектакля Государь, выходя, сказалъ генералу Паткулю: «благодарю, Владиміръ Александровичъ, спасибо, большое спа-

---

[1]) Письмо къ И. Е. Семевскому отъ 4 Дек. 1856 г.

сибо: всѣ играютъ отлично, но Семевскій превосходно; молодецъ, молодецъ!» [1]).

«На другой день, писалъ Михаилъ Ивановичъ отцу,—генералъ мнѣ лично передалъ съ сими словами Монаршее благоволеніе за удовольствіе, доставленное ему моею игрою. Черезъ два дня было повтореніе спектакля, и герцогъ Ольденбургскій, бывшій на немъ, повторилъ лестные обо мнѣ отзывы Государя.

«Нечего и говорить, что всѣ эти лавры—пустяки, нечего и говорить, что самое занятіе театромъ пользы существенной мнѣ доставить не можетъ, но я увѣренъ, что увѣдомленіе и объ этихъ пустякахъ доставитъ вамъ хотя нѣсколько секундъ пріятныхъ... Вообще Декабрь 1856 г., т. е. время представленій въ л-гв. Павловскомъ полку, едва-ли не лучшее для меня время изъ всей двухгодичной полковой жизни».

19 Октября 1857 г., въ полковой праздникъ л-гв. Павловскаго полка, Михаилъ Ивановичъ, уже не служившій въ то время во фронтѣ, по приглашенію полковаго командира, снова принялъ участіе въ спектаклѣ, устроенномъ въ этотъ день полковымъ обществомъ, исполнивъ съ большимъ успѣхомъ роль семидесятилѣтняго старика, мужика-полѣсовщика, въ трехъ-актной драмѣ «Окно во второмъ этажѣ». Роль была большая, эффектная, высоко драматическая, совершенно разнородная съ ранѣе исполненной имъ ролью Расплюева, и упрочила за нимъ репутацію талантливаго актера-любителя.

Но ни полковая служба, ни лавры, доставленные ему исполненіемъ роли Расплюева, повидимому, не отвлекали его отъ его любимыхъ занятій, такъ какъ уже въ самомъ началѣ 1857 года имъ былъ оконченъ довольно обширный самостоятельный трудъ, посвященный изслѣдованію его роднаго края, Великолуцкаго уѣзда; трудъ этотъ въ томъ же 1857 году былъ напечатанъ отдѣльною книгою подъ заглавіемъ «Великіе Луки и Великолуцкій уѣздъ, историко-этнографическое изслѣдованіе о Великихъ Лукахъ, нѣкогда важнѣйшаго пригорода Новгородской державы».

По окончаніи своего труда Михаилъ Ивановичъ представилъ его на просмотръ Я. И. Ростовцеву съ просьбою о дозволеніи посвятить ему это «первое законченное свое сочиненіе».

[1]) Письмо къ отцу 25 Дек. 1856 г.

«Яковъ Ивановичъ, по обыкновенію, принялъ меня весьма ласково, писалъ Михаилъ Ивановичъ отцу [1]),—расцѣловалъ и взялъ рукопись прочесть; нынѣ, 26-го Февраля, сверхъ всякаго ожиданія, получаю отъ него собственноручное и весьма лестное для меня письмо слѣдующаго содержанія:

«Душевно благодарю тебя, любезный Семевскій, за предложеніе посвятить мнѣ составленное тобою «Историко-этнографическое изслѣдованіе о Великихъ Лукахъ»; посвященіе это принимаю съ особеннымъ удовольствіемъ и признательностью за добрую обо мнѣ память. Возвращая при семъ рукопись, крѣпко отъ души тебя обнимаю.

Я. Ростовцевъ».

«Надобно вамъ замѣтить, что Ростовцевъ никогда не принималъ ничьихъ посвященій, хотя ихъ было много подносимо. Нынѣ же, впервые, дѣлается для меня столь блестящее исключеніе. Что за причина этого? Не смѣю отнести ее къ достоинствамъ поднесеннаго сочиненія, но вѣрую въ большое расположеніе ко мнѣ моего незабвеннаго начальника...

«Спѣшу подѣлиться съ вами, сердечные друзья, моимъ восторгомъ; я увѣренъ, что моя радость обрадуетъ и васъ. Что касается до отпечатанія, то еще ничего не знаю, какъ я это сдѣлаю!..»

Недостатокъ средствъ и отсутствіе въ то время у М. И. Семевскаго знакомствъ и связей въ литературномъ мірѣ задержали на нѣсколько мѣсяцевъ выходъ въ свѣтъ изслѣдованія о Великихъ Лукахъ, и только въ началѣ Сентября 1857 года «на письменномъ столѣ его появился *первый печатный листъ* этого перваго самостоятельнаго его труда; все изданіе вышло изъ типографіи военно-учебныхъ заведеній 10-го Октября 1857 г.; небольшое извлеченіе изъ него было помѣщено ранѣе, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, въ только что народившемся тогда журналѣ Рюмина «Общезанимательный Вѣстникъ» подъ заглавіемъ: «Замѣтки о Великоуцкомъ уѣздѣ, отрывокъ изъ большаго сочиненія, приготовленнаго къ печати».

Матеріалы для этого довольно тщательно, хотя еще не особенно умѣло составленнаго очерка, какъ то—пѣсни, поговорки, мѣстныя преданія, обряды и т. п., были собраны и сообщены Михаилу Ивановичу

[1]) Письма къ И. Е. Семевскому и къ сестрѣ Софьѣ Ивановнѣ отъ 26 Февраля 1857 г.

его отцомъ. Въ отдѣльномъ изданіи цензурою не было пропущено много интересныхъ данныхъ, относившихся къ быту нашихъ старинныхъ помѣщиковъ, но, не смотря на эти сокращенія и на нѣкоторые недочеты изслѣдованія Михаила Ивановича, этотъ его трудъ былъ замѣченъ критикою и доставилъ ему нѣкоторую извѣстность въ литературномъ мірѣ. Два самые извѣстные тогда журнала, петербургскія «Отечественныя записки» (№ 4 за 1857 г.) и «Московскій Атеней» (№ 14), помѣстили о немъ такіе лестные отзывы, какіе рѣдко выпадаютъ на долю только что начинающихъ писателей. «Русскій Инвалидъ» (№ 260) также призналъ за авторомъ «наблюдательность, большое дарованіе, стремленіе къ правдѣ и несомнѣнный талантъ». Одинъ только строгій Добролюбовъ, разбирая книгу «Великіе Луки и Великолуцкій уѣздъ», отнесся къ ней крайне неблагосклонно, сказавъ, между прочимъ, что авторъ «почти на каждой страницѣ своей книжки обнаружилъ такое наивное невѣдѣніе самыхъ простыхъ предметовъ, что онъ нисколько не удивился бы, если бы увидѣлъ, что авторъ къ числу особенностей Великолуцкаго уѣзда причислилъ и то, что тамъ люди вверхъ головой не ходятъ».

Ни упрекъ въ наивности, ни общій суровый тонъ этой критики не привели въ уныніе юнаго автора, не охладили въ немъ стремленія къ дальнѣйшимъ трудамъ на поприщѣ литературы; но, тѣмъ не менѣе, отзывъ Добролюбова отразился болью въ его сердцѣ, и объ этомъ можно судить по одному изъ писемъ Михаила Ивановича къ отцу, въ которомъ онъ говоритъ, не упоминая, впрочемъ, имени Добролюбова: «За замѣтки ваши, папаша, о моемъ сочиненіи, спасибо большое. Видя, съ какимъ удовольствіемъ вы читаете мои произведенія, я удваиваю свои усилія въ работѣ. Ваше вниманіе ободряетъ новаго литератора не менѣе похвальныхъ газетныхъ отзывовъ... Мысль, что вы будете съ любовью читать мои строки, невольно оживляетъ мой духъ. Да, для человѣка *пишущаго*, въ особенности, нужно сочувствіе людей, близкихъ его сердцу. Сколько талантовъ гибло на Руси, не имѣя семьи, либо въ семьѣ не находя сердечнаго отклика; эти талантливые люди выростали, какъ хорошія деревья, и, какъ хорошія деревья, вдругъ въ полномъ цвѣтѣ увядали, спаленные жгучимъ, безжалостнымъ зноемъ,

[1]) Письмо къ И. Е. Семевскому отъ 12 Декабря 1857 г.

подчасъ, жесткой и суровой критики. Много изъ нихъ умерло въ крайней бѣдности, многіе погибли въ винѣ и развратѣ... Вамъ интересно знать, на какомъ основаніи продается мое сочиненіе? Рубль серебромъ за книгу; сочиненіе получено мною въ числѣ 596 экземпляровъ изъ типографіи; высчитавъ расходы по печатанію объявленій въ газетахъ и журналахъ, уступку книгопродавцамъ и пр., если предположить, что всѣ 500 экземпляровъ, розданные мною въ книжный магазинъ, разошлись бы, то я могъ бы выручить триста рублей (остальные 96 экземпляровъ оставлены у меня для роздачи знакомымъ). *Но дѣло въ томъ, что у насъ историческія книги плохо расходятся*, вотъ почему едва ли, довольно въ долгое время, я ворочу свои расходы на печатаніе.»

«Нечего и говорить», писалъ Михаилъ Ивановичъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя (14 Іюля 1858 г.),—«что книга, имѣющая мѣстное значеніе и мѣстный интересъ, не можетъ имѣть много покупателей, потому я и разсудилъ, воспользовавшись отъѣздомъ въ Псковскую губернію нѣкоторыхъ знакомыхъ, часть экземпляровъ постепенно доставить въ Луки для подарка лучанамъ; пусть всѣ земляки знаютъ исторію и этнографію своего уголка. Первое лѣто, которое мнѣ доведется быть въ преславномъ, мною воспѣтомъ градѣ, я употреблю на самое тщательное и добросовѣстное изученіе какъ города, такъ, въ особенности, уѣзда. Пройду его вдоль и поперекъ, запишу множество пѣсенъ—былинъ, преданій и сказаній, замѣчу обряды, обычаи, повѣрья, узнаю состояніе промышленности и пр., съ помощью какого-нибудь мѣстнаго живописца сниму болѣе замѣчательные виды мѣстныхъ зданій, развалинъ и пр., составлю подробныя статистическія таблицы и, исправя первое изданіе, представлю въ печати лучшее, дополненное, украшенное, подробное описаніе Лукъ Великихъ во всевозможныхъ отношеніяхъ».

Занятый впослѣдствіи многими другими литературными работами, Михаилъ Ивановичъ не привелъ этого намѣренія въ исполненіе; мы упомянули о немъ только съ цѣлью показать, что благопріятные, въ общемъ, отзывы критики о его книгѣ не возбудили въ немъ преувеличеннаго мнѣнія о своемъ трудѣ, что онъ самъ видѣлъ и понималъ многіе его недостатки и желалъ со временемъ исправить ихъ.

VI.

Поступленіе М. И. Семевскаго репетиторомъ въ Первый кадетскій корпусъ.—Служба въ корпусѣ.—Постановка М. И. Семевскимъ въ корпусѣ «Женитьбы» Гоголя.—Любовь къ театру.—Недоразумѣніе со статьей объ ученическомъ спектаклѣ, появившейся въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ».—Преподавательская дѣятельность М. И. Семевскаго. —Занятія литературою.—Подготовка къ экзамену на преподавателя русскаго языка.— Подарокъ М. И. Семевскому части библіотеки Ханыкова.—Поѣздка въ Парголово.— Знакомство съ Ахшарумовыми.—Неудачный экзаменъ.—Любовь къ М. И. Семевскому кадетъ.—В. Н. Рюминъ.—Всеобщая страсть къ писательству.—Историческіе очерки М. И. Семевскаго.— Знакомство съ В. Р. Зотовымъ. — Сотрудничаніе въ различныхъ журналахъ.

Въ началѣ 1857 года у Михаила Ивановича окончательно созрѣло намѣреніе избрать себѣ новое, болѣе отвѣчавшее его наклонностямъ поприще дѣятельности. Помимо побужденій чисто нравственнаго характера, на это рѣшеніе имѣли вліяніе и матеріальныя соображенія.

Жизнь въ столицѣ, не смотря на самыя скромныя требованія Семевскаго, стоила чрезвычайно дорого; приходилось урѣзывать и усчитывать себя во всемъ, отказываться отъ любимыхъ удовольствій, какъ, напримѣръ, отъ посѣщенія театра, о чемъ Михаилъ Ивановичъ неоднократно сѣтуетъ въ своихъ письмахъ.

«Ничего пѣшеходство наше», высказывается онъ въ одномъ изъ нихъ, описывая отцу совмѣстную жизнь свою съ братомъ Александромъ [1]),—«ничего умѣренность въ пищѣ, ничего недостатокъ нашъ въ костюмахъ, все это еще ничто, но вотъ что худо: что недостатокъ средствъ воспрещаетъ намъ *хоть изрѣдка* посѣщать театры, въ которыхъ вмѣстѣ съ ожившей драматической литературой идутъ на сценѣ

[1]) Письмо къ И. Е. Семевскому отъ 12 Декабря 1856 г.

пьесы весьма дѣльныя, серьезныя. Гвардія, гвардія, доколѣ ты будешь пищенствовать, доколѣ ты, по словамъ Рылѣева, пѣсни будешь пѣть: «Мундиръ рублей въ триста, а въ карманѣ грошъ!»

Иванъ Егоровичъ Семевскій, у котораго въ то время было на рукахъ четверо малолѣтнихъ дѣтей, при всемъ желаніи не могъ поддерживать старшихъ сыновей; поэтому Михаилъ Ивановичъ, видя положительную невозможность существовать на одно офицерское жалованье, зимою 1856—1857 г. сталъ давать уроки въ частныхъ домахъ; но такъ какъ эти занятія вознаграждались плохо, то у него явилось желаніе поступить преподавателемъ въ одно изъ военно-учебныхъ заведеній.

Незадолго передъ тѣмъ вышелъ приказъ Я. И. Ростовцева, чтобы начальство военно-учебныхъ заведеній старалось привлекать въ корпуса преподавателей изъ молодыхъ офицеровъ, недавно кончившихъ курсъ наукъ; во исполненіе этого приказа, во многихъ корпусахъ старые преподаватели были замѣнены молодежью, и инспекторъ Полоцкаго кадетскаго корпуса В. М. Бруевичъ, будучи въ Петербургѣ и услыхавъ о желаніи Михаила Ивановича оставить фронтовую службу, предложилъ ему поступить преподавателемъ въ спеціальные классы Полоцкаго кадетскаго корпуса съ жалованьемъ въ тысяча семьсотъ рублей въ годъ; но подобное предложеніе не прельстило Семевскаго; онъ предпочелъ остаться въ столицѣ и занять болѣе скромное мѣсто въ одномъ изъ петербургскихъ военно-учебныхъ заведеній, чтобы имѣть возможность посѣщать университетъ и заниматься литературою, что въ провинціальномъ городѣ было бы невозможно; согласно съ этимъ, онъ подалъ 1-го Мая 1857 г. прошеніе на имя Я. И. Ростовцева о зачисленіи его преподавателемъ русскаго языка въ одинъ изъ столичныхъ корпусовъ; хотя на это прошеніе и послѣдовала резолюція «допустить Семевскаго къ экзамену», но, узнавъ о его намѣреніи экзаменоваться прямо на учителя и опасаясь, чтобы его бывшій питомецъ, въ виду новыхъ, весьма строгихъ требованій, «не срѣзался», Ростовцевъ поручилъ начальнику 3-го учебнаго отдѣленія Штаба военно-учебныхъ заведеній, капитану Б—у, уговорить Михаила Ивановича занять сначала мѣсто репетитора; это представляло для него одно важное преимущество: освобождаясь отъ фронтовой службы, при весьма легкихъ занятіяхъ въ корпусѣ, онъ получалъ возможность освоиться съ методомъ преподаванія, основательно подготовиться къ

предстоявшему трудному экзамену и, вмѣстѣ съ тѣмъ, посѣщать университетскія лекціи и заниматься литературою.

Такъ какъ въ то же время капитанъ Б—ъ передалъ инспектору классовъ 1-го корпуса Линдену, что Якову Ивановичу «желательно» было бы видѣть прапорщика Семевскаго репетиторомъ 1-го корпуса, то назначеніе Семевскаго не встрѣтило, со стороны корпуснаго начальства, никакихъ препятствій.

25-го Августа 1857 года, извѣщая Малевича объ этой перемѣнѣ въ своей жизни, Михаилъ Ивановичъ писалъ ему: «все болѣе и болѣе разочаровываясь въ прелестяхъ фронтовой службы, я въ маѣ мѣсяцѣ выступилъ на новое, довольно скользкое поприще—*учебное*. Въ званіи репетитора меня приняли въ 1-й кадетскій корпусъ; благодаря этому, въ высшей степени *отрадному* для меня обстоятельству, я провелъ все лѣто внѣ лагерной жизни, столь тягостной и для здоровья, и для кармана». «Поступая въ корпусъ, я не дѣлаю промаха[1]); жалованье, квартирныя и чины буду получать по прежнему; лишился ста тридцати восьми рублей наградныхъ, но съ ними же лишился полковыхъ издержекъ, шитья новыхъ мундировъ и получилъ за эту цѣну много свободнаго времени по исключительному занятію своимъ предметомъ... Приказъ о прикомандированіи моемъ къ 1-му корпусу вышелъ. Я весьма любезно и, *дастъ Богъ*, *навсегда* раскланялся уже съ полкомъ и фронтовою службою. *Завтра*, *16 Октября*, выступаю на учебное поприще».

«Я уже явился директору», сообщалъ онъ роднымъ, нѣсколько дней спустя, — «инспектору и другимъ сильнымъ міра сего; занятія мои въ корпусѣ состоятъ въ слѣдующемъ: въ девять часовъ утра придти въ корпусъ; если есть свободная лекція въ какомъ бы то ни было классѣ и по какому бы то ни было предмету, то я долженъ занять ее и въ продолженіе ея могу, какимъ мнѣ угодно практическимъ упражненіемъ, занимать воспитанниковъ, но только по русскому языку, какъ-то—диктовка, чтеніе. Если нѣтъ свободныхъ лекцій, я могу самъ слушать лекціи преподавателей по русскому языку. Въ двѣнадцать часовъ я ухожу въ университетъ, до трехъ слушаю лекціи тамъ. Ни въ ротахъ, ни послѣ обѣда я не долженъ заниматься съ кадетами».

«Я посѣщаю корпусъ вмѣстѣ съ университетскими лекціями весьма

[1]) Письмо къ И. Е. Семевскому отъ 15 Октября 1857 г.

усердно [1]). Это усердіе или мои печатные труды (къ тому времени въ «Общезанимательномъ Вѣстникѣ» появились три статьи Семевскаго) обратили на меня вниманіе генерала Лихонина, директора 1-го корпуса. Этотъ сухой педантъ, ни кому изъ подчиненныхъ не кланяющійся, вдругъ обходится со мною чрезвычайно вѣжливо. Недавно онъ мнѣ сказалъ: «отчего вы, Семевскій, не держите экзамена на учителя? И намъ было бы хорошо имѣть васъ преподавателемъ, и вы бы получали жалованье, не даромъ посѣщая классы».

«Я отвѣчалъ, что по трудности нынѣшнихъ экзаменовъ надо времени много для приготовленія.

« — Держите сначала на учителя грамматики, т. е. на учителя въ общихъ классахъ, а потомъ уже на учителя въ спеціальныхъ классахъ, это будетъ гораздо легче».

Занятія въ корпусѣ по сравненію съ полковою службою были такъ пріятны Михаилу Ивановичу, что, два мѣсяца спустя послѣ своего опредѣленія репетиторомъ въ корпусъ, онъ писалъ отцу въ Декабрѣ 1857 г., что благословляетъ «тотъ день, когда оставилъ фронтъ.

«Кадетики меня любятъ, начальство ласково, инспекторъ обѣщалъ для меня поискать частныхъ уроковъ; занятій по корпусу весьма мало... Въ досужее время я занятъ литературною работою; будь побольше частныхъ уроковъ, я былъ бы совершенно счастливъ».

Какъ ревностный поклонникъ сценическаго искуства и прекрасный актеръ-любитель, Михаилъ Ивановичъ принялъ на себя весною 1858 г. обязанности режиссера спектакля, устроеннаго въ корпусѣ во время пасхальныхъ праздниковъ. Поставленная имъ «Женитьба» Гоголя была превосходно розыграна кадетами въ присутствіи самаго блестящаго общества.

«Въ среду 26 марта была въ 1-мъ корпусѣ генеральная репетиція спектакля для корпуснаго начальства [2]), въ четвергъ—для штаба военно-учебныхъ заведеній и для публики, въ пятницу былъ настоящій спектакль по билетамъ; важнѣйшимъ лицомъ изъ присутствовавшихъ былъ Я. И. Ростовцевъ. Всѣ три вечера я постоянно былъ при корпусѣ», писалъ Михаилъ Ивановичъ, — «суетился, подкрашивалъ ввѣреннымъ

---

[1]) Писано 4 Ноября 1857 г.

[2]) Письмо къ И. Е. Семевскому отъ 31 марта 1858 г.

мнѣ актерамъ лица, показывалъ, какъ костюмироваться; по моему повелѣнію обстанавливалась сцена, и по моему звонку поднимался занавѣсъ. Рьяный любитель сцены, я мгновенно являлся то за кулисами, гдѣ воодушевлялъ конфузившихся артистовъ, то подсказывалъ, напоминалъ имъ, что дѣлать, то вдругъ являлся въ публикѣ, откуда любовался на игру мною поставленной пьесы. Эти старанія не остались незамѣченными корпуснымъ міромъ. Скромный прапорщикъ-репетиторъ сталъ называться Михаилъ Ивановичемъ, даже натянутый педантъ генералъ Лихонинъ сталъ брать меня подъ руку и раза три именовалъ Михаиломъ Ивановичемъ! Конечно, все это вздоръ, но я передаю его здѣсь за тѣмъ, чтобы показать, какъ эти корпусные господа умѣютъ подольстить человѣку, въ которомъ нуждаются...

«Эти ласки и похвалы были почти лишними, ибо и безъ нихъ я бы старался со всѣмъ усердіемъ; въ этомъ мнѣ порука моя сердечная привязанность къ этимъ добрымъ, милымъ юношамъ-кадетамъ, а во-вторыхъ—моя склонность къ сценическому искуству. Въ пятницу, какъ я сказалъ, былъ на спектаклѣ Ростовцевъ. Мною поставленная «*Женитьба*» Гоголя сошла, безъ преувеличенія сказать, великолѣпно! Надо замѣтить, что Ростовцевъ не любитъ сочиненій Гоголя, почему при началѣ пьесы сидѣлъ пасмурный; но мастерская игра кадетъ (особенно, свахи), интересъ и комизмъ пьесы разогнали съ его лица морщины; онъ сталъ хохотать, и смѣхъ его постоянно сопровождался оглушительными рукоплесканіями. По окончаніи пьесы Ростовцевъ пришелъ за кулисы, взялъ меня подъ руку и, идя со мной по залѣ, сказалъ:

— « Видишь что, любезный Семевскій, пьеса розыграна превосходно. Твои кадетики—молодцы на славу, только позаботься, голубчикъ, чтобы нѣкоторыя выраженія, немного тривіальныя, были бы выпущены. А то завтра будетъ на спектаклѣ Государь съ сыновьями, такъ чтобы великіе князья не передали матери о томъ, что они слышали здѣсь нехорошія слова. При всѣхъ достоинствахъ произведеній Гоголя, у него всегда есть слабость напичкать лексиконъ скандалезныхъ словъ; пожалуйста, исправь это... Но играютъ очень, очень хорошо. Государь, вѣрно, останется доволенъ».

«На другой день, въ субботу, мои актеры и я самъ рано съѣхались въ корпусъ; въ костюмировкѣ, репетиціяхъ проходило время. Въ ярко освѣщенной длинной залѣ, на амфитеатрѣ подмостокъ, собралось до

700 человѣкъ публики, разодѣтой въ парадные костюмы; съѣхался генералитетъ, ждали царскую фамилію; вдругъ приходитъ извѣстіе, что, по случаю простуды императрицы, царь и его сыновья не будутъ въ театрѣ. Эта вѣсть сильно опечалила и корпусное начальство, и актеровъ-кадетъ; послѣдніе, каждодневно собиравшіеся на праздникахъ на репетиціи, надѣялись, что время, отнятое изъ ихъ отпусковъ, вознаградится ласками Государя, наградами отъ него и пр. И вдругъ все это разсѣялось; откровенно говоря, и мнѣ не пришлась по вкусу эта вѣсточка, но, понимая, что дѣло поправить нельзя, а между тѣмъ надо, чтобы и этотъ послѣдній спектакль вполнѣ довершилъ блистательные труды наши, я употребилъ всѣ усилія, чтобы воодушевить мною любимыхъ кадетиковъ. Мои доводы и усилія не остались безуспѣшны: «Женитьба» была сыграна едва ли не лучше всѣхъ предъидущихъ разовъ. Громъ рукоплесканій потрясъ залу, когда занавѣсъ упалъ. Вызывали всѣхъ актеровъ, благодарили меня; воспитанники, веселой гурьбой окруживъ скромнаго репетитора, шумно изъявляли мнѣ свою благодарность. Эти немногія минуты, дѣйствительно, вполнѣ окупили мои труды, охотно заставили забыть тѣ невыносимо тягостные часы, которые я терялъ въ моихъ путешествіяхъ изъ дому на многочисленныя репетиціи, когда, пройдя шесть верстъ до корпуса, я часа три проводилъ на сценѣ, поправляя, уча, показывая всѣ жесты и пр. Доказательствомъ, насколько добросовѣстно выполнилъ я возложенное на меня порученіе, можетъ служить то, что французская пьеска въ одинъ актъ, игранная вслѣдъ за «Женитьбой», не смотря на то, что была поставлена Леменилемъ, извѣстнымъ французскимъ актеромъ, была сыграна, по общему приговору, несравненно хуже моей».

Любовь къ театру и къ сценическому искуству Михаилъ Ивановичъ сохранилъ до конца своей жизни, но, кромѣ упомянутыхъ выше спектаклей въ л.-гв. Павловскомъ полку, ему не приходилось болѣе выступать въ любительскихъ спектакляхъ. Онъ часто читалъ въ кругу знакомыхъ драматическія произведенія Гоголя, Островскаго и въ свое время пользовался большою популярностью, какъ прекрасный чтецъ и талантливый, остроумный разсказчикъ. Вспоминая о его блестящихъ юмористическихъ импровизаціяхъ, о мастерской передачѣ имъ историческихъ анекдотовъ, о его художественномъ, выразительномъ чтеніи, одинъ изъ сверстниковъ Михаила Ива-

новича говоритъ[1]), что «онъ вносилъ оживленіе во всѣ кружки, гдѣ онъ появлялся».

Въ послѣдніе годы жизни Михаилъ Ивановичъ гораздо рѣже посѣщалъ театръ, ибо русская сцена, къ его сожалѣнію, уже не давала ему тѣхъ эстетическихъ наслажденій, какія доставляли ему нѣкогда образцовое исполненіе драматическихъ произведеній на сценѣ Малаго театра въ Москвѣ или игра Каратыгина, Максимова, Мартынова, Самойлова и современныхъ имъ артистовъ въ Петербургѣ; но по прежнему онъ съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ «Ревизора», «Женитьбу», «Горе отъ Ума», пьесы Островскаго и нѣкоторыя другія произведенія нашихъ извѣстныхъ писателей.

Спектакль въ Первомъ кадетскомъ корпусѣ, сошедшій такъ удачно, благодаря стараніямъ Михаила Ивановича, доставилъ ему нѣсколько весьма непріятныхъ минутъ. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее. 13-го Апрѣля 1858 года въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» былъ помѣщенъ фельетонъ—«Петербургская лѣтопись»,—въ которомъ говорилось о развившейся въ петербургскомъ обществѣ страсти къ домашнимъ спектаклямъ. Въ связи съ этимъ, въ фельетонѣ было приведено письмо «неизвѣстнаго», приславшаго въ редакцію статью о любительскомъ спектаклѣ, бывшемъ въ Первомъ кадетскомъ корпусѣ, и подписавшагося «В. К—нъ». Говоря о выборѣ для спектакля «Женитьбы» Гоголя, авторъ письма писалъ между прочимъ: «смѣлость выбора пьесы насъ изумила, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и порадовала. Какъ-бы ни была поставлена «Женитьба», думали мы, ожидая поднятія занавѣса, но уже заслуживаетъ похвалу самая мысль: не ограничиваться пустенькими водевилями, обыкновенно наводняющими домашніе спектакли, а поставить что-нибудь капитальное изъ русскаго, столь скуднаго репертуара. Пора оставить предубѣжденіе, что на домашнихъ театрахъ можно и должно ставить только такъ называемыя *приличныя* (иными словами, вялыя и скучныя) пьески; пора оставить предубѣжденіе, что на кадетскихъ спектакляхъ преимущественно должны идти патріотическія произведенія, въ родѣ «Солдатскаго сердца» и т. п. Напрасно думаютъ, что высокопарные, надутые монологи «*о величіи необъятной Россіи*» и оглушительное «ура», неизмѣнное окончаніе подобныхъ пьесъ, могутъ внушать патріотическое чувство».

[1]) «Міръ Божій», апрѣль 1892, стр. 31.

Затѣмъ, оговорившись, что онъ «заговорился», «В. К—нъ» расточаетъ усиленныя похвалы исполненію «Женитьбы» актерами-кадетами и пользуется этимъ, чтобы снова затронуть корпусную кадетскую жизнь стараго времени. «Кто не бывалъ въ нашихъ корпусахъ лѣтъ десять»,—продолжалъ неизвѣстный рецензентъ,—«тотъ, сколько мнѣ кажется, не узнаетъ нынѣшнихъ питомцевъ военно-учебныхъ заведеній. Нынѣче вы почти не увидите на кадетахъ, или если и увидите, то несравненно въ меньшей степени, слѣды неизгладимой печати замкнутаго воспитанія. На ихъ манерахъ сглаживается съ каждымъ годомъ печать грубой, жесткой фронтовой выправки. Нѣтъ, нынѣшніе кадеты менѣе напоминаютъ своихъ предшественниковъ. Ихъ ловкость, свобода въ обращеніи, находчивость, любовь къ занятіямъ, самыя лица, бодрыя, свѣжія, дышащія молодостью, здоровьемъ, присутствіемъ незагнаннаго ума и болѣе или менѣе развитыхъ способностей — все напоминаетъ, что нынѣ изъ кадетъ стараются прежде всего воспитать образованныхъ людей, гражданъ, полезныхъ обществу и отчизнѣ, а не солдатъ, кромѣ мунштровки и смотровъ ни на что неспособныхъ... Но, можетъ быть, я ошибаюсь, можетъ быть, это не болѣе какъ пріятное заблужденіе, въ которое вводитъ меня излишняя любовь къ питомцамъ военно-учебныхъ заведеній?

«И странно: достаточно посмотрѣть на кадетъ, хотя въ подобномъ спектаклѣ, чтобы вдаться въ такого рода заблужденіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ былое время въ кадетскихъ спектакляхъ пьесы разъигрывались чуть-чуть не по тѣмпамъ, подобно ружейнымъ пріемамъ. Кадетъ отрапортовалъ свою роль, какъ вѣстовой рапортуетъ дежурному офицеру, и съ полнымъ подобострастіемъ, съ руками по швамъ, обращался къ густымъ эполетамъ, важно раскинувшимся въ креслахъ. Въ былое время какой-нибудь кадетикъ, сказавшій лишнее слово или что-нибудь забывшій въ своей роли, подвергался, по всѣмъ правиламъ дисциплины, и, помнимъ мы, подвергался штрафу, ибо и на спектакль смотрѣли какъ на репетицію парада, развода или инспекторскаго смотра... Нынѣ, слава Богу, не то!»

Въ заключеніе письма, останавливаясь на дивертисментѣ, закончившемъ спектакль и состоявшемъ изъ разныхъ характерныхъ танцевъ, авторъ замѣтки говоритъ о нѣкоторыхъ исполнителяхъ: «они танцовали хорошо, ловко, но какъ-то безъ души, что̀ напомнило намъ темпы, о

которыхъ мы говорили. Въ мое время — давно уже это было — былъ капитаномъ, нелюбимый всѣми кадетами, пламенный поборникъ формализма и вытяжки, который постоянно смѣшивалъ танцы съ маршировкой, почему и требовалъ, чтобы его рота такъ же *отчетливо, чисто, съ выдержкой* танцовала, какъ маршируетъ... Но это ужъ прошло давно»...

Эти то мѣста изъ письма «В. К—на», по всей вѣроятности, и возбудили неудовольствіе начальства военно-учебныхъ заведеній и повели къ розыскамъ автора письма.

«Зная, что я пишу и печатаюсь и пишу довольно бойко и смѣло, писалъ Михаилъ Ивановичъ объ этомъ недоразумѣніи отцу [1]), — «генералу Лихонину вспало на умъ подозрѣніе, не я ли авторъ этой статьи? Не останавливаясь на одномъ подозрѣніи, онъ пригласилъ меня къ себѣ въ воскресенье утромъ. «Любезный Семевскій, началъ директоръ, видимо затрудняясь *распекать* за идеи, за литературное дѣло, — вы слышали, что напечатана статья въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ?»

Я отвѣчалъ утвердительно.

« — Вамъ извѣстно, что ею крайне недоволенъ Ростовцевъ, что онъ три дня распекалъ полковника Бирюлева, пропустившаго эту статью, что, наконецъ, слухъ носится, что авторъ статьи — вы? Не спѣшите отвѣчать. Я скажу вамъ, любезный Семевскій, какъ сказалъ бы сыну своему: берегите себя. Въ васъ виденъ талантъ, видна предпріимчивость, пылкость. Будьте осторожнѣе. Не увлекайтесь каждою либеральною идеею. Онѣ, т. е. идеи, бываютъ обыкновенно подкрашены съ одной стороны и увлекаютъ неопытныхъ людей блестящею стороною, не обнаруживая темную. Я слышалъ, что вы имѣете большое знакомство въ кругу молодыхъ литераторовъ; естественно, что въ кругу ихъ вы привыкнете разсуждать обо многомъ, о чемъ слѣдуетъ молчать. Я самъ, мой другъ, бывалъ въ молодости въ кругу умныхъ людей, но я молчалъ постоянно; я пропитывался ихъ идеями, и онѣ меня создали такимъ, какимъ нынѣ меня видите. Я, не думайте иное, самъ человѣкъ прогресса, не люблю застоя, но для меня нужно, чтобы идея была разобрана со всѣхъ сторонъ: тогда я ее усвою. Такъ, напр., толкуютъ

[1]) Письмо къ отцу отъ 28 Апрѣля 1858 г.

вездѣ, вездѣ пишутъ и говорятъ, что земля должна быть крестьянская. Какая ложь... А вѣдь все это либеральныя идеи! И послѣ этого писать сѣатью въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»? — Нѣтъ, постойте, скажу вамъ безъ обиняковъ, что я слышалъ, что вы пришадлежите къ партіи славянофиловъ, слѣдовательно, вы возстаете противъ стараго порядка. Видите, я все знаю, что касается до моихъ подчиненныхъ, и, такъ какъ вы человѣкъ, подающій надежды, то почелъ долгомъ васъ предостеречь»...

«Долго еще, можетъ быть, тянулись бы разсужденія его превосходительства, если бы я, утомясь слушать съ надлежащимъ хладнокровіемъ, не сказалъ ему, что, такъ какъ авторъ статьи неизвѣстенъ, что имя его обозначено въ печати буквами «В. К—нъ», рукопись не можетъ мнѣ быть приписана, наконецъ, такъ какъ я несогласенъ съ нѣкоторыми идеями статьи, то не знаю, почему и вздумалось его превосходительству приписывать ее моему перу; поблагодаривъ генерала за вниманіе, я заявилъ рѣшительно, что статья мнѣ не принадлежитъ. Потолковавъ еще нѣсколько времени о вредѣ современныхъ идей, современнаго направленія, генералъ, «литераторъ въ душѣ», весьма вѣжливо со мной раскланялся.

«Черезъ два-три дня, когда я былъ въ классахъ, ко мнѣ подошелъ инспекторъ, полковникъ Линденъ. «Михаилъ Ивановичъ, знаете, другъ, генералъ вполнѣ убѣжденъ, что статья написана вами? Ваше хладнокровіе не разубѣдило его. Знаете ли, что статья эта была читана Государемъ, что она перепечатана въ «Музыкальномъ и Театральномъ Вѣстникѣ», что рѣзкіе, хотя и справедливые ея доводы и мнѣнія произвели большой говоръ въ городѣ? Вы поспѣшите разсѣять подозрѣніе, ибо васъ, какъ заподозрѣннаго въ либеральномъ направленіи, могутъ отставить отъ мѣста... Да я, признаться сказать, крѣпко осуждаю методу нынѣшнихъ писателей выносить соръ изъ избы, не спросясь хозяина... Спросись и тогда пиши, что хочешь!»

«Въ этакомъ родѣ были разсужденія инспектора классовъ, но уже по послѣднимъ словамъ можно судить, на сколько они были умны и либеральны. Нечего и говорить, что я окончательно поспѣшилъ разубѣдить Линдена въ страшномъ подозрѣніи. Дѣло кончилось ничѣмъ, т. е. одними подозрѣніями. Яковъ Ивановичъ и не думалъ заподозрѣвать меня, а велѣлъ окончить розыски объ имени автора. Между

тѣмъ, дѣло могло окончиться дурно: Благосвѣтловъ за нѣсколько рѣзкихъ словъ, сказанныхъ изустно, лишился мѣста. Не такъ еще давно Басистовъ, учитель московскаго кадетскаго корпуса, за нѣсколько печатныхъ строкъ о военно-учебныхъ заведеніяхъ тоже лишился мѣста; та же участь могла постигнуть меня...

«По этому дѣлу я имѣлъ случай убѣдиться въ любви и уваженіи ко мнѣ моихъ кадетиковъ. Богъ вѣсть, откуда узнавъ о грозящей мнѣ опасности, они гурьбой окружили меня и, между прочимъ, сказали слѣдующее: «многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, если насъ будутъ спрашивать, не говорите ли вы намъ чего-нибудь *особеннаго* на лекціяхъ, то мы скажемъ, что мы васъ крѣпко не любимъ за вашу излишнюю строгость и привязанность къ грамматическимъ разборамъ».

«Спасибо вамъ, добрые, простосердечные юноши! Дай Богъ, чтобы васъ не извратило, не испортило чудовищное казарменное воспитаніе!»

Состоя репетиторомъ русской словесности въ Первомъ кадетскомъ корпусѣ, Михаилъ Ивановичъ давалъ въ то же время уроки исторіи и русскаго языка въ пансіонахъ для мальчиковъ полковника Дыхова и капитана Беренса, бывшихъ при Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ (съ 1858 по 1862 г.), и во многихъ частныхъ домахъ.

Педагогическая дѣятельность его постепенно расширялась, но она не вредила его литературнымъ занятіямъ, и вслѣдъ за сочиненіемъ о Великихъ Лукахъ въ томъ же 1857 году появились въ «Общезанимательномъ Вѣстникѣ» разсказъ Семевскаго «Передаточный» и его же статья, снабженная рисунками: «Ледяный домъ, шуты и забавы при дворѣ Анны Іоанновны 1740 г.». Любопытенъ отзывъ объ этой статьѣ старика Лажечникова, которому досталось въ ней за его романъ «Ледяной домъ».

«Статья очень, очень хороша, сказалъ онъ по прочтеніи ея, — нельзя не согласиться съ справедливостью выводовъ и замѣчаній г. Семевскаго».

Этотъ отзывъ былъ переданъ Михаилу Ивановичу однимъ общимъ знакомымъ и чрезвычайно польстилъ ему [1]).

Въ слѣдующемъ, 1858 году, въ томъ же «Общезанимательномъ

[1]) Письмо къ П. Е. Семевскому отъ 12 Декабря 1857 года.

Вѣстникѣ» былъ напечатанъ разсказъ Михаила Ивановича «Покройминъ», возвращенный изъ цензуры со множествомъ помарокъ, сдѣланныхъ рукою бывшаго тогда цензоромъ И. А. Гончарова.

Лѣтомъ 1858 года Михаилъ Ивановичъ прилежно усѣлся за учебники грамматики и словесности, чтобы подготовиться къ экзамену на званіе учителя русскаго языка, который онъ рѣшилъ держать осенью того же года. Большимъ развлеченіемъ и наслажденіемъ во время этихъ скучныхъ занятій являлась для него библіотека, которую онъ началъ составлять въ 1855 году въ Москвѣ; въ это лѣто она увеличилась, совершенно для него неожиданно, крупнымъ и весьма цѣннымъ вкладомъ въ 680 томовъ выдающихся сочиненій, подаренныхъ Михаилу Ивановичу и его брату Александру товарищемъ послѣдняго по Артиллерійской академіи Н. В. Ханыковымъ, сыномъ покойнаго статсъ-секретаря Комитета министровъ и члена Государственнаго Совѣта Ханыкова. Этотъ подарокъ доставилъ такому страстному любителю книгъ, какъ Михаилъ Ивановичъ, несказанное удовольствіе. Въ тотъ вечеръ, когда въ ихъ квартиру неожиданно были доставлены ящики съ книгами, онъ былъ у знакомыхъ.

«Вернувшись домой, при входѣ въ комнату, я такъ и ахнулъ отъ радости и изумленія, увидѣвъ это новое пріобрѣтеніе нашей библіотеки», писалъ онъ отцу [1]). — «Весь полъ былъ заваленъ грудами новыхъ книгъ. Другъ Саши и товарищъ по академіи, Н. В. Ханыковъ, подарилъ намъ изъ своей громадной библіотеки лучшія сочиненія, всего 680 томовъ, цѣною почти на 2 тыс. рублей. Вы не удивитесь этой цѣнѣ, если я скажу, что въ числѣ подаренныхъ намъ Ханыковымъ книгъ вся философская Энциклопедія—40 томовъ, не удивитесь, если скажу, что тутъ же есть 45 громадныхъ томовъ великолѣпнѣйшаго изданія полнаго собранія сочиненій Вольтера, не удивитесь, если скажу, что тутъ есть полное собраніе нашихъ законовъ, изданіе актовъ, грамотъ и договоровъ нашего Двора съ иностранными и множество отдѣльныхъ замѣчательныхъ сочиненій, и все это намъ съ неба свалилось! Можете представить себѣ, съ какимъ наслажденіемъ посвятили мы весь вчерашній день на разборку сего сокровища! Скоро, скоро надобна будетъ новая квартира ради книгохранилища гг. Семевскихъ,

[1]) Письмо къ П. Е. Семевскому отъ 18 Августа 1858 г.

библіотека которыхъ уже многимъ извѣстна. Почти всѣ книги отличаются великолѣпными и чрезвычайно прочными переплетами, что не малое достоинство и большая краса для библіотеки. Между книгами и цѣлыми годами разныхъ журналовъ подарена также драгоцѣнная для меня рукопись «О кожуховскихъ маневрахъ 1695 г.». Она была переписана со стараго списка по приказу князя Юсупова для графа Аракчеева. Собственноручныя помѣтки графа видны на поляхъ; историкъ царствованія Петра I, Устряловъ, съ сожалѣніемъ пишетъ въ своемъ сочиненіи, что нигдѣ не могъ достать этой рукописи, а нынѣ она хранится въ библіотекѣ Семевскихъ! До пятнадцати довольно рѣдкихъ портретовъ русскихъ авторовъ поступило въ дополненіе къ нашей коллекціи».

Вслѣдствіе этого новаго пріобрѣтенія, которое составило, по словамъ молодыхъ Семевскихъ, «эпоху» въ ихъ жизни, ими было заказано нѣсколько большихъ шкафовъ, и такимъ образомъ ихъ пріемная комната приняла видъ настоящей библіотеки. «Вдоль стѣнъ вытянулось семь большихъ шкафовъ, переполненныхъ до того, что во многихъ изъ нихъ книги стояли по два ряда на полкѣ» [1]). Установка этихъ книгъ, составленіе каталога, наклеиваніе на каждую книгу печатнаго ярлыка, на которомъ было обозначено, когда и какимъ образомъ пріобрѣтена книга, подарена или куплена и за сколько, доставили ихъ владѣльцамъ «истинное удовольствіе».

«Восторга моего вы не можете представить», писалъ Михаилъ Ивановичъ отцу [2]), — «когда все было, наконецъ, устроено, разставлено, гравюры развѣшаны, словомъ, все приведено въ порядокъ». Готовясь къ экзамену, «расхаживая съ учебникомъ въ рукахъ по комнатѣ и нечаянно взглянувъ на любезныя книги и книжечки, красиво разставленныя, я вдругъ останавливаюсь, учебникъ опускается внизъ, я засматриваюсь на библіотеку, и она растетъ, растетъ въ мечтахъ моего воображенія. Странно, что̀ нынѣ меня радуетъ: двѣ, три сотни новыхъ книгъ, да два, три новыхъ шкафа! Что то будетъ приводить въ восторгъ лѣтъ черезъ десять?»

Въ этомъ отношеніи года не измѣнили Михаила Ивановича; любовь къ книгѣ, къ печатному слову, продолжала жить въ немъ, и не

[1]) Письмо къ И. Е. Семевскому отъ 25 Августа 1858 г.

[2]) Письмо И. Е. Семевскому отъ 1 Сентября 1858 г.

только черезъ десять, но и черезъ двадцать и болѣе лѣтъ онъ съ такою же, если не съ большею любовью собиралъ книги для своей библіотеки и рукописные матеріалы для своего архива и, когда позволяло время, считалъ величайшимъ для себя наслажденіемъ просматривать ихъ, приводить въ порядокъ, собственноручно дополнять каталогъ библіотеки и записывать въ особую книгу поступавшіе въ его архивъ матеріалы.

Утомившись непрерывными занятіями въ продолженіе лѣта, Михаилъ Ивановичъ собрался въ Августѣ на нѣсколько дней подышать свѣжимъ воздухомъ въ Парголово, гдѣ жилъ на дачѣ съ сестрою его пріятель, извѣстный педагогъ Василій Ивановичъ Водовозовъ. Описывая отцу свое времяпрепровожденіе за городомъ, Семевскій сообщаетъ ему нѣкоторыя подробности о Парголовѣ и его владѣльцахъ. «Громадныя деревни эти подарены еще Императрицей Елисаветою Шувалову», писалъ онъ [1]). — «Любопытно, что портретъ, безъ сомнѣнія, современный Елисаветы, я встрѣтилъ здѣсь на стѣнѣ одной харчевни, загаженный мухами; онъ попалъ сюда, вѣроятно, изъ хоромъ полвѣка назадъ почившаго любимца. Нынѣшняя владѣлица Парголова — семидесяти-лѣтняя графиня Шувалова. Въ бытность свою здѣсь ей не понравилось, что кроты портятъ дорожки, и, вотъ, по ея волѣ подымается крестовый походъ — гоненіе на подземныхъ обитателей: за голову убитаго крота мужику выдавался *полтинникъ!* Вотъ еще разсказъ о ея причудахъ: въ саду есть прекрасный гротъ, въ коемъ погребено тѣло ея втораго супруга-француза (первый мужъ былъ Шуваловъ, отецъ нынѣшняго предводителя дворянства). Проводя ночи или вечера въ этомъ гротѣ, она приказала приносить туда свѣтящихся червяковъ; за каждаго червячка выдавали изъ конторы по четвертаку!

«Въ воскресенье мы отправились пѣшкомъ, верстъ за десять, въ село Воронцова, Мурино Тамъ живетъ на дачѣ поэтъ В. С. Курочкинъ. Прогулка эта замѣчательна для меня тѣмъ, что я познакомился съ семействомъ Ахшарумовыхъ. Ихъ четыре брата, холостяки, младшему лѣтъ тридцать пять. Старшій—философъ и писатель, второй—поэтъ, третій— политико-экономъ и хозяинъ; послѣдній—сотоварищъ М. В. Петрашевскаго, сосланный въ арестантскія роты Херсона. Этотъ необыкно-

[1]) Письмо къ И. Е. Семевскому отъ 4 Августа 1858 г.

венно способный молодой человѣкъ, первый по выпуску изъ университета студентъ, послѣ каземата крѣпости провелъ два ужасные года въ тяжелыхъ каторжныхъ работахъ Херсонскихъ, затѣмъ протянулъ семилѣтнюю солдатскую лямку на Кавказѣ, участвовалъ въ тридцати экспедиціяхъ, добился офицерства и прощенія, вышелъ въ отставку, для чего бы вы думаете? Для того, чтобы, поступить на тридцать пятомъ году студентомъ въ Медицинскую академію, гдѣ блистательно выдержалъ экзаменъ на второй курсъ...

«Братья—образецъ дружбы. Когда Дмитрій Дмитріевичъ Ахшарумовъ сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, они съ полнымъ самоотверженіемъ подкрадывались къ окнамъ его каземата, чтобы во тьмѣ ночной бросить ему денегъ, пищи, доброе слово!

«Ссыльный Ахшарумовъ напомнилъ мнѣ другого несчастнаго товарища Петрашевскаго. Проведя десять лѣтъ въ Оренбургскихъ арестантскихъ ротахъ, онъ въ чинѣ прапорщика поступилъ нынѣ въ академію Генеральнаго Штаба. Третій воротился изъ ссылки для того, чтобы съ жаромъ приняться за литературную работу: это А. А. Плещеевъ, стихи и повѣсти котораго вы читаете въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Непріятно было Михаилу Ивановичу возвращаться послѣ двухнедѣльнаго отдыха въ душный, пыльный городъ, гдѣ его ждали усиленныя занятія по приготовленію къ экзамену. Къ сожалѣнію, эти добросовѣстные труды не увѣнчались ожидаемымъ успѣхомъ, и экзаменъ, не смотря на тщательную семимѣсячную подготовку, кончился для него неблагопріятно. Избалованный до нѣкоторой степени удачами и успѣхомъ, Михаилъ Ивановичъ былъ страшно огорченъ этимъ; нѣсколько разъ принимался онъ за перо съ намѣреніемъ сообщить отцу объ исходѣ экзамена и бросалъ его, не будучи въ силахъ продолжать начатое письмо. Вотъ какъ объясняетъ онъ постигшую его неудачу. «Экзаменаціонную комиссію составляли пятнадцать учителей русскаго языка изъ разныхъ петербургскихъ корпусовъ подъ предсѣдательствомъ генерала [1]). Всѣ они, въ особенности, П. С. Билярскій, лично меня знавшій, предсказывали мнѣ успѣхъ. За письменною работою по грамматикѣ, ими вполнѣ одобренною, слѣдовалъ устный экзаменъ. Дѣлая разборъ продиктованнаго мнѣ отрывка изъ басни Крылова, я говорилъ бойко, но слишкомъ торопливо. Нѣкто Классовскій, составитель без-

[1]) Письмо къ И. Е. Семевскому отъ 29 Сентября 1858 года.

дарнѣйшей грамматики, дѣлалъ желчныя придирки; вмѣсто того, чтобы бойко отражать ихъ, я, по неопытности, желалъ какъ-бы подлаживаться и отражалъ не смѣло, начиная уже сомнѣваться въ достоинствахъ тѣхъ сочиненій, коими руководствовался при своихъ занятіяхъ. Какъ бы то ни было, познанія мои въ грамматикѣ признали *хорошими* и приступили къ экзамену изъ словесности. Но я уже потерялъ свою бодрость, смѣлость, куда дѣлся и мой даръ слова. Изъ словесности предложили вопросъ пустѣйшій: «разговоръ и письмо, какъ формы словесныхъ произведеній». Я, опять таки, по неопытности, вмѣсто того, чтобы приступить прямо къ вопросу, началъ издалека, началъ съ раздѣленія произведеній на прозаическія, поэтическія и практическія; надобно сказать, что нѣтъ предмета, въ которомъ была бы такая неурядица въ опредѣленіяхъ, какъ словесность. Здѣсь, что ни вопросъ, то спорный пунктъ; экзаменаторы вооружились противъ моего раздѣленія, говоря которое, я слѣдовалъ, немножко слѣпо, новѣйшему сочиненію московскаго ученаго Смирнова. На меня посыпались вопросы, экзаменаторы спорили между собою, спорили со мною, не давали мнѣ времени одуматься, послѣдовательно изложить свои мысли. Будь Ростовцевъ, онъ возстановилъ бы порядокъ, далъ бы время и возможность мнѣ отвѣчать, а предсѣдательствовавшій генералъ не умѣлъ справиться со своей ролью, радъ былъ возникшимъ спорамъ и подъ шумокъ дремалъ. Я уже окончательно потерялъ голову и, отступивъ отъ сочиненій, коими руководствовался, старался въ отвѣтахъ своихъ примѣниться къ хаосу мнѣній экзаменаторовъ». Хотя комиссія признала Михаила Ивановича выдержавшимъ испытаніе *удовлетворительно*, но, такъ какъ для утвержденія въ должности учителя требовалось, чтобы приговоръ экзаменаторовъ выразился словомъ «хорошо», то Михаилу Ивановичу пришлось остаться въ должности репетитора. Молодое самолюбіе его было страшно задѣто этой первою неудачею; ему жаль было трудовъ, безплодно потраченныхъ на подготовку къ экзамену. Грустно настроенный вернулся онъ съ испытанія, на которое ѣхалъ почти увѣренный въ успѣхѣ; дома его встрѣтилъ съ искреннимъ сочувствіемъ братъ Александръ и всячески старался ободрить его, поднять упавшую въ немъ бодрость духа, но только время и трудъ,—неизмѣнные врачи всякаго горя, помогли Михаила Ивановичу побороть охватившее его глубокое уныніе.

«Любопытно», писалъ онъ, нѣсколько времени спустя, отцу, — «какъ судьба приготовила мнѣ неудачу на экзаменѣ. Въ ночь съ 18 на 19 пріѣхалъ Ростовцевъ; не поторопись я экзаменомъ, онъ былъ бы на немъ и поддержалъ меня; далѣе: я не былъ ни разу ни на одномъ изъ подобныхъ экзаменовъ, не имѣлъ о нихъ понятія и упустилъ изъ вида предварительно проэкзаменоваться передъ Билярскимъ и другими (какъ это дѣлается обыкновенно) и тѣмъ не познакомилъ ихъ ближе со своими знаніями...»

Какъ бы то ни было, эта неудача имѣла громадное значеніе въ его жизни: онъ не пытался вторично держать экзаменъ на званіе учителя и, пробывъ въ должности репетитора около трехъ лѣтъ (1857 — 1860 г.), оставилъ Первый корпусъ въ Февралѣ мѣсяцѣ 1861 г. Съ выходомъ его въ слѣдующемъ году въ отставку и съ поступленіемъ на службу въ Государственную Канцелярію, передъ нимъ открылась совершенно иная карьера; педагогическое поприще было имъ оставлено навсегда, между тѣмъ, какъ педагогъ, онъ навѣрно составилъ-бы себѣ съ теченіемъ времени почетную извѣстность, такъ какъ, владѣя даромъ слова, всегда умѣлъ заинтересовать своихъ учениковъ бойкимъ и живымъ изложеніемъ предмета, а своимъ обхожденіемъ снискать ихъ расположеніе. Его любили и воспитанники частныхъ пансіоновъ, гдѣ онъ давалъ уроки, о чемъ свидѣтельствуютъ ихъ письма, исполненныя выраженій самой искренней признательности, любили его и кадеты I-го корпуса, неоднократно выражавшіе ему свое сочувствіе по тому или иному поводу; такъ, напр., когда послѣ своего неудачнаго экзамена онъ первый разъ явился въ корпусъ, то кадеты, какъ бы сговорившись, выказали ему свое сочувствіе слѣдующимъ образомъ: «когда я вошелъ въ классъ, гдѣ не былъ довольно долгое время, писалъ Михаилъ Ивановичъ отцу, [1]) — гдѣ сидѣлъ старикъ-учитель русскаго языка, то они, вопреки правилу, по которому не слѣдуетъ вставать предъ младшими, когда въ классѣ есть старшій, единодушно привѣтствовали меня общимъ поклономъ и шумными привѣтствіями... Еслибы кадетикамъ поручено было выбирать себѣ наставниковъ, я бы давно былъ провозглашенъ главнымъ наставникомъ чуть что не всѣхъ наукъ! И, Боже мой, какъ не много нужно, чтобы привязать къ себѣ юношей... Какъ легко пріобрѣсти ихъ

[1]) Письма къ И. Е. Семевскому отъ 29 сент. и отъ 20 октября 1858 г.

любовь! Доброе, не до слабости ласковое обращеніе, справедливость, умѣнье откинуть отъ предмета всякую сухость въ преподаваніи, всякій педантизмъ, и дѣло въ шляпѣ! Кажется, что проще? А многіе не умѣютъ или не могутъ оторваться отъ педантизма, отъ рутины, однимъ словомъ, отъ прежней методы преподаванія, сопряженной съ палкой, съ бранью, розгами, со всякаго рода наказаніями, убивающими исподоволь всякое самолюбіе, всякое достоинство въ мальчикѣ. Можетъ быть, метода воспитанія, метода, почти удовлетворительная, которой держался съ нами І. И. Малевичъ, много помогла и развила какъ во мнѣ, такъ и въ Сашѣ тѣ взгляды на педагогію, коихъ мы стали держаться, и которые останутся за нами всегда. Какъ бы то ни было, но, видя, съ какимъ успѣхомъ идутъ мои частныя занятія, я зачастую съ горечью сѣтую на то, что неисполненіе какихъ-нибудь нелѣпыхъ формальностей нелѣпой программы не дозволило мнѣ получить дипломъ на званіе учителя. Все надо брать съ боя, все послѣ упорнаго труда...»

Тотъ же принципъ «все надо брать съ боя, все послѣ упорнаго труда» Михаилъ Ивановичъ примѣнялъ и въ своей литературной дѣятельности, не мечтая о быстрыхъ успѣхахъ. Въ его интересныхъ автобіографическихъ замѣткахъ, продиктованныхъ стенографу въ 1876 г. («Русская Старина», 1892, Апрѣля, стр. V), мы находимъ живой разсказъ о первыхъ годахъ его литературной дѣятельности; этотъ разсказъ такъ интересенъ для ознакомленія съ описываемой эпохой его жизни, что мы рѣшаемся привести нѣкоторые отрывки изъ него:

«Крайній недостатокъ средствъ, ничтожность задѣльной платы за уроки, небольшой кругъ знакомыхъ и полное невѣдѣніе литературныхъ кружковъ, которымъ, по самому своему воспитанію, я былъ вполнѣ чуждъ, т. е. стоялъ отъ нихъ волею-неволею въ сторонѣ — все это не могло развить во мнѣ мысли когда-нибудь выступить въ печать. Видѣть какую-либо строчку своихъ писаній въ печати казалось дѣломъ столь несбыточнымъ, что не могло даже придти и въ голову 21 — 23-лѣтнему молодому человѣку. Между тѣмъ, это несчастіе случилось гораздо ранѣе, чѣмъ и можно, и должно было надѣяться. Смѣло говорю «несчастіе,» потому что для будущаго литературнаго работника, хотя бы и весьма второстепеннаго, хотя бы и не оригинальнаго, не самостоятельнаго, а компилятора, надо выступить въ печать сколь возможно позже. Преждевременное тисненіе отучаетъ отъ упорности въ

работѣ, отъ всесторонней обдуманности писаннаго и, наконецъ, слабые очерки неопытнаго пера съ именемъ несозрѣвшаго автора выбрасываетъ на судъ иногда придирчивой, но, большею частью, справедливой критики. Между тѣмъ, рѣзкіе отзывы значительно обезкураживаютъ его и не мало доставляютъ горькихъ минутъ въ его жизни. Короче сказать, не только беллетристу въ особенности, но даже и скромному компилятору историческихъ статей я всегда посовѣтую начать сколько возможно позже выдвигаться на печатную арену. Въ моей, однако, жизни случилось, какъ разъ напротивъ.

«Въ томъ кружкѣ Введенскаго, въ которомъ вращался я,» говоритъ Михаилъ Ивановичъ, — «вращался до поѣздки въ Москву, впрочемъ, весьма короткое время, такъ какъ сблизился съ нимъ за годъ до его преждевременной кончины, былъ гвардейскій офицеръ, нѣкто Владиміръ Николаевичъ Рюминъ весьма расторопный и смышленный человѣкъ, который, замѣтивъ оживленіе нашей журналистики съ первыми годами царствованія императора Александра II, рѣшился примкнуть къ этому движенію съ изданьицемъ, небольшимъ по объему, но съ весьма заманчивымъ заглавіемъ: «Общезанимательный Вѣстникъ.» Это былъ весьма жидкій по объему, но иллюстрированный журналъ, и, какъ по самому своему заглавію, такъ и по значенію и, наконецъ, въ особенности, по иллюстраціямъ — еще тогда довольно новымъ, ибо прежняя «Иллюстрація» давно зачахла и не существовала, а новой еще не возникало, — этотъ журналъ могъ бы очень и очень пойти, если бы успѣхъ не подѣйствовалъ на Рюмина совершенно обратно тому, что можно было ожидать. Успѣхъ былъ, но собранныя деньги пошли на мотовство — на угощеніе пріятелей, и журналъ послѣ года или $1^1|_2$ изчезъ самъ собою. Какъ ни кратко было его существованіе, но и онъ нуждался въ сотрудникахъ. Кругъ людей пишущихъ былъ въ то время не великъ да и всѣ пишущіе распредѣлялись по небольшому числу тогдашнихъ журналовъ. Между тѣмъ, новое изданіе било на то, чтобы открывать новые таланты. Къ тому же, это было и для издателей гораздо дешевле. Въ числѣ открытыхъ дарованій и пишущій эти строки былъ заполоненъ Рюминымъ на страницы его изданія. Подмѣтивъ во мнѣ любовь къ отечественной исторіи и къ старинной отечественной словесности и нѣкоторыя усвоенныя въ этомъ отношеніи знанія, Рюминъ упросилъ меня дать ему двѣ или три монографійки. Такимъ образомъ, чтеніе за-

писокъ Манштейна, Бантышъ-Каменскаго и изученіе скуднаго арсенала русскихъ книгъ по русской исторіи XVIII вѣка не пропало для меня безслѣдно: оно привлекло къ составленію первыхъ статеекъ, съ которыми имѣлъ несчастіе слишкомъ рано выступить въ печать.

«Журналъ Рюмина растаялъ, т. е. исчезъ, но толчокъ въ литературѣ не имъ, а духомъ новаго времени былъ данъ, и новые журналы стали зарождаться чуть ли не десятками. Едва ли число читателей возростало такъ быстро, какъ стало возростать число пишущихъ, число сотрудниковъ. Сколько тогда появилось поэтовъ, критиковъ, романистовъ, въ особенности, составителей картинокъ съ натуры и всевозможныхъ обличительныхъ разсказовъ! Сколько теперь (1876 г.) я вижу разныхъ почтенныхъ чиновниковъ, предсѣдателей разныхъ учрежденій, наконецъ, статсъ-секретарей и сенаторовъ, которые въ упоминаемые годы бойко подмахивали свое имя на печатныхъ страницахъ тѣхъ или другихъ, давно уже скончавшихся журналовъ.

«И никогда, кажется, недумалось имъ быть писателями, и исчезли то они разъ навсегда изъ печати весьма скоро! Но, тѣмъ не менѣе, двадцать лѣтъ тому назатъ (т. е. въ концѣ 1850-хъ годовъ) многіе изъ нихъ являлись сотрудниками эфемерныхъ изданій.

«Въ этой плеядѣ авторовъ почти не было трудолюбцевъ по отечественной исторіи. Область отечественной старины была заповѣдною землею, куда, подъ вліяніемъ еще мусинъ-пушкинской цензуры, не вступалъ журнальный изслѣдователь. За забраломъ устряловскаго учебника масса русской публики и не видала и не знала положительно ничего того, что въ настоящее время знаетъ любой гимназистъ среднихъ классовъ учебныхъ заведеній. И, вотъ, выступаю я съ историческими очерками изъ временъ Петра Великаго, изъ эпохи царствованія Анны Іоанновны, воспроизвожу во всей подробности, раскрываю знаменитую трагедію—дѣло царевича Алексѣя Петровича. Съ бойкостью и увлеченіемъ молодости быстро набрасываю я далеко не зрѣлые очерки; не успѣвъ строго-критически разсмотрѣть тѣ источники, изъ которыхъ черпаю свои свѣдѣнія, прочитываю груду матеріала, но матеріала печатнаго, хотя и вовсе почти невѣдомаго публикѣ. И всѣ эти скороспѣлые труды новоиспеченные журналы, каковы «Русское Слово», «Свѣточъ» и другіе, спѣшатъ оттиснуть на своихъ страницахъ, пользуясь тѣмъ, что цензура начинаетъ конфузиться прежняго режима за-

душенія всего, что только относится до разоблаченія фактовъ изъ недавней отечественной исторіи. Какъ ни незрѣлы были эти очерки, но именно, благодаря невѣдѣнію массы читателей или, лучше сказать, невѣжеству ея въ отечественной исторіи, статьи эти имѣли успѣхъ. Редакціи съ удовольствіемъ ихъ печатали, а я съ увлеченіемъ просиживалъ ночи за записками, а дни проводилъ въ бѣганіи по библіотекамъ въ то время, когда надо было еще не писать, а серьезно и всесторонне заканчивать свое образованіе, крайне недостаточное и весьма мало соотвѣтствующее тому поприщу, на которое судьба выдвигала меня. Но какъ, уча другихъ, самъ учишься, такъ и я, сочиняя и печатая, болѣе и болѣе знакомился съ избранною мною спеціальностью.

«Отечественная исторія во всѣхъ ея подробностяхъ, въ особенности, послѣднихъ трехъ столѣтій, сдѣлалась мнѣ извѣстна какъ нельзя лучше, до такой степени, что я весьма рано почувствовалъ стремленіе изучать ее не въ грудахъ печатнаго русскаго и французскаго матеріала, а въ подлинныхъ архивныхъ источникахъ. Тутъ, на мое счастье, и духъ новаго времени помогъ удовлетворенію моего желанія».

Поощряемый лестными отзывами критики, Михаилъ Ивановичъ помѣстилъ въ 1859—1860-хъ годахъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ массу статей, которыя доставили ему вскорѣ большую извѣстность; но онъ довольно долго не выступалъ въ такъ называемыхъ «толстыхъ» журналахъ, поступая такъ, какъ писалъ онъ отцу 30-го Іюня 1858 г., подъ вліяніемъ словъ Цезаря, что «лучше быть первымъ въ деревнѣ, нежели послѣднимъ въ городѣ». «Въ «Общезанимательномъ Вѣстникѣ» меня чуть не на рукахъ носятъ», говоритъ онъ въ томъ же письмѣ,—«каждая статья моя печатается немедленно, въ толстыхъ же журналахъ, при негромкомъ еще имени, при неопредѣлившемся еще талантѣ, при множествѣ сотрудниковъ, пришлось бы ждать довольно долго. Да и всему свой чередъ: придетъ, дастъ Богъ, время, и толстые журналы будутъ охотно принимать скромнаго историка Великихъ Лукъ, а что время это не далеко, доказательствомъ служитъ слѣдующій случай. Въ среду я сдѣлалъ визитъ редактору журнала «Иллюстрація», извѣстному писателю В. Р. Зотову. Будучи знакомъ прежде со мною только по шапочному разбору, онъ принялъ

меня такъ ласково, что даже сконфузилъ своею вѣжливостью. «У васъ, Михаилъ Ивановичъ, сказалъ онъ,—большая библіотека, много весьма рѣдкихъ вещей, объ этомъ я давно слышалъ; читалъ и ваши статьи и похвальныя рецензіи о вашей книжкѣ о Великихъ Лукахъ. Прошу васъ искренно быть сотрудникомъ моего журнала. У него до трехъ тысячъ подписчиковъ; съ цензорами я воюю страшно, и ни одна статья, напечатанная у меня, не останется безъ вознагражденія. Давайте мнѣ ваши историческія статьи, если можно съ гравюрами, и будьте увѣрены, что каждая изъ нихъ найдетъ мѣсто на страницахъ «Иллюстраціи»; также будьте покойны и на тотъ счетъ, что никакая статья ваша у меня не залежится; для нея будетъ отводиться ближайшій номеръ журнала».

«Крайняя любезность и увлекательная бесѣда Зотова даже смутили меня. Откровенно говоря, я еще не заслужилъ столь лестнаго пріема. Какъ бы то ни было, но литературныя дѣла мои идутъ превосходно. Въ тотъ же день я встрѣтился съ А. А. Краевскимъ, и онъ весьма любезно подтвердилъ мнѣ, что въ Августѣ напечатаетъ въ «Отечественныхъ запискахъ» мою статью о Россіи въ 1699 г. — фактъ, доставившій мнѣ не мало удовольствія какъ морально, такъ и матеріально».

Упомянутая статья «о Россіи въ 1699 г.» была переводомъ съ латинскаго языка весьма интереснаго дневника Іоанна-Георга Корба, повѣствующаго о свирѣпыхъ стрѣлецкихъ казняхъ; переводъ этотъ былъ исполненъ однимъ студентомъ и изданъ Михаиломъ Ивановичемъ подъ его редакціею, съ его предисловіемъ и примѣчаніями; но онъ появился не въ «Отечественныхъ запискахъ», какъ предполагалъ М. И. Семевскій, а въ «Библіотекѣ для чтенія» (1860 г.). Мало по малу передъ Михаиломъ Ивановичемъ открылись двери редакцій всѣхъ петербургскихъ журналовъ, въ особенности, съ тѣхъ поръ, какъ его очеркъ изъ русской исторіи «Евдокія Ѳедоровна Лопухина» былъ принятъ въ 1859 г. въ «Русскій Вѣстникъ», журналъ, въ который было довольно трудно проникнуть новичкамъ въ литературномъ мірѣ.

Большинство статей Семевскаго, помѣщенныхъ въ этихъ журналахъ, было посвящено разработкѣ русской исторіи XVIII-го вѣка, преимущественно ея бытовой сторонѣ, къ которой онъ относился съ весьма критической точки зрѣнія. Назовемъ его главнѣйшія статьи за этотъ періодъ [1]).

[1]) Подробный перечень произведеній М. И. Семевскаго помѣщенъ въ концѣ книги.

Къ эпохѣ до Петра Великаго относится его статья «Царевна Софья Алексѣевна и кн. В. В. Голицынъ.»—Ко времени Петра Великаго—«Царица Авд. Ѳ. Лопухина», «Царевичъ Алексѣй Петровичъ», «Шарлота Христина, супруга царевича Алексѣя Петровича», «Сторонники царевича Алексѣя Петровича», «Фрейлина Гамильтонъ», «Слово и дѣло—разсказъ изъ исторіи Тайной канцеляріи», «Самуилъ Вымарковъ, проповѣдникъ явленія въ Россіи антихриста», «Петръ Великій, какъ юмористъ», «Семейство Монсовъ», «Царица Прасковья».

Послѣдующимъ царствованіямъ XVIII вѣка посвящены слѣдующія статьи: «Очеркъ жизни и убіенія Іоанна Антоновича», «Очерки изъ исторіи царствованія Елисаветы Петровны», «Статсъ-дама Нат. Ѳед. Лопухина», «Противники Фридриха Великаго—Апраксинъ и Бестужевъ-Рюминъ», «Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи» (1761—62), очеркъ царствованія Петра III,» «Завѣщанія великаго князя Павла Петровича» (1788 г.)

Къ царствованію Александра I относятся: «Гр. М. А. Милорадовичъ», «Партизанъ Сеславинъ» и пр.

Изъ очерковъ по исторіи русской литературы: «Н. А. Бестужевъ», біографическій очеркъ, «Александръ Бестужевъ (Марлинскій) въ Якутскѣ и на Кавказѣ», «Къ біографіи А. С. Пушкина» и проч.

VII.

Знакомство съ К. Д. Ушинскимъ и поступленіе преподавателемъ въ Смольный институтъ.—Уроки въ Смольномъ и уходъ изъ него.—М. И. Семевскій, какъ членъ С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества.—Рефератъ Шалфѣева «Объ отечественной исторіи, какъ предметѣ общеобразовательнаго курса».—Рефератъ М. И. Семевскаго объ увольненіи и исключеніи изъ военно-учебныхъ заведеній.

Послѣ Севастопольскаго погрома всѣ лучшіе русскіе люди, и во главѣ ихъ Н. И. Пироговъ и К. Д. Ушинскій, громко и смѣло заговорили о перевоспитаніи русскаго общества, о настоятельной необходимости скорѣйшаго распространенія всеобщаго народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; въ небывалыхъ до того времени размѣрахъ проявилась и частная иниціатива въ учрежденіи различнаго рода безплатныхъ школъ: — начальныхъ, воскресныхъ, профессіональныхъ и т. п. «Въ кружкѣ интеллигентной военной молодежи, въ которомъ вращался Михаилъ Ивановичъ, по иниціативѣ тогда юнаго офицера, барона М. О. Косинскаго, возникла мысль основать сообща первую безплатную ежедневную школу, которая и была основана имъ въ 1858 г. подъ именемъ Таврической. Въ упомянутую школу, въ числѣ многихъ другихъ даровитыхъ молодыхъ людей, поступилъ учителемъ М. И. Семевскій, вскорѣ обратившій на себя вниманіе своимъ преподавательскимъ талантомъ инспектора Смольнаго института» [1]), извѣстнаго педагога, К. Д. Ушинскаго, который пригласилъ его въ 1860 г. преподавателемъ русской исторіи въ старшіе классы Александровской половины этого института, наряду съ другими извѣстными преподавателями

[1]) «Міръ Божій», Апр. 1893 г. стр. 31.

того времени, каковы [1]) напр. В. И. Водовозовъ, В. И. Лядовъ, Л. Н. Мадзалевскій, О. Ѳ. Миллеръ, Д. Д. Семеновъ и другіе.

Семевскій съ юношескимъ жаромъ весь отдался новому дѣлу: по цѣлымъ недѣлямъ готовился онъ къ каждому уроку, рылся въ архивной пыли, изучалъ исторію по первоначальнымъ источникамъ, разбиралъ лѣтописи и являлся на урокъ вполнѣ подготовленный, какъ о томъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся конспекты его лекцій съ подробнымъ указаніемъ источниковъ, на которые онъ опирался. Его лекціи, по свидѣтельству одного лица, близкаго свидѣтеля педагогической дѣятельности Семевскаго въ Смольномъ, «были праздникомъ для ученицъ» и возбуждали въ нихъ живѣйшій интересъ къ изученію русской исторіи. При томъ, Михаилъ Ивановичъ не только талантливо излагалъ свой предметъ, но и возбуждалъ въ слушательницахъ желаніе работать самостоятельно, знакомиться съ сочиненіями по русской исторіи, постоянно провѣрялъ, устно и письменно, насколько онѣ усвоили прочитанное; подъ его руководствомъ онѣ познакомились съ сочиненіями Костомарова, Соловьева и другихъ историковъ. Воспитанницы Смольнаго чрезвычайно уважали и цѣнили Михаила Ивановича; многія изъ нихъ и по окончаніи курса долгіе годы поддерживали съ нимъ знакомство и самую дружескую переписку и, встрѣчаясь съ нимъ впослѣдствіи въ обществѣ, съ восторгомъ вспоминали его талантливыя лекціи. Увлекаясь преподаваніемъ любимаго предмета и возможностью оказывать на юныхъ слушательницъ благотворное вліяніе и способствовать ихъ развитію, Михаилъ Ивановичъ былъ весьма опечаленъ необходимостью оставить Смольный вслѣдъ за выходомъ изъ него даровитаго К. Д. Ушинскаго, который былъ вынужденъ покинуть мѣсто инспектора института въ 1862 году, вслѣдствіе подпольныхъ интригъ «старой партіи», которая не могла понять, оцѣнить и переварить благодѣтельныхъ нововведеній, затѣянныхъ молодымъ инспекторомъ въ учебно-воспитательномъ строѣ застывшаго въ своихъ отжившихъ традиціяхъ перваго въ Россіи женскаго учебнаго заведенія. И хотя К. Д. Ушинскій блистательно оправдался передъ молодою императрицею въ обвиненіяхъ въ либерализмѣ, взведенныхъ на него и на приглашенныхъ имъ преподавателей,

[1]) «Русская старина» 1893 г., Апр., стр. XII.

однако, какъ онъ, такъ и нѣкоторые изъ учителей предпочли оставить Смольный, чтобы не мѣшать спокойному развитію предпринятыхъ реформъ.

«Живѣйшая и послѣднѣйшая новость въ исторіи моей жизни, писалъ М. И. Семевскій Малевичу по случаю увольненія своего изъ института (Спб. 13 Іюня 1862 г.), — то, что я, по нѣкоторымъ непріятностямъ, учиненнымъ другу моему В. И. Водовозову отъ начальства Смольнаго, вмѣстѣ съ Василіемъ Ивановичемъ и К. Д. Ушинскимъ вышелъ оттуда; выходъ этотъ крайне грустенъ для меня въ моральномъ отношеніи, такъ какъ дѣвицы чрезвычайно меня любили, дѣло преподаванія прекрасно шло, но въ матеріальномъ онъ давно былъ необходимъ: за четыре лекціи въ недѣлю я получалъ въ мѣсяцъ 29 рублей и за эти деньги (!) посвящалъ отъ двухъ съ половиной до трехъ сутокъ въ недѣлю; дѣла мои запутались, долги увеличились, силы ослабли, я сталъ быстро изнемогать и вотъ почему, лишь только представился поводъ, поспѣшилъ оторвать себя отъ Смольнаго. Это глубокая для меня рана, но время ее затянетъ, дастъ Богъ, и я, совершенно свободный человѣкъ, посвящу себя историко-литературному труду, а съ теченіемъ времени и составленію *учебника* русской исторіи, который откроетъ мнѣ (при успѣхѣ) двери во всѣ учебныя заведенія».

Съ выходомъ изъ Смольнаго въ 1862 г. и съ поступленіемъ въ томъ же году на службу въ канцелярію Государственнаго Совѣта, педагогическая дѣятельность Михаила Ивановича фактически прекратилась, и всѣ планы, съ нею сопряженные, были имъ оставлены, но онъ всю жизнь горячо интересовался учебнымъ дѣломъ и успѣхи его принималъ близко къ сердцу.

Любовь къ педагогическому дѣлу привлекла М. И. Семевскаго въ возникшее къ тому времени, первое въ Россіи, С.-Петербургское Педагогическое Общество. Какъ членъ этого Общества, Михаилъ Ивановичъ принималъ въ шестидесятыхъ годахъ самое дѣятельное участіе въ обсужденіи разныхъ вопросовъ по педагогіи, возбуждавшихся въ немъ, въ особенности, тогда, когда они касались преподаванія исторіи, а въ позднѣйшее время съ живѣйшимъ участіемъ слѣдилъ по рефератамъ, помѣщавшимся въ газетахъ, за тѣми вопросами, которые обсуждались въ его засѣданіяхъ.

Въ Октябрѣ и Декабрѣ мѣсяцахъ 1863 года Михаилъ Ивановичъ

прочелъ въ Педагогическомъ Собраніи рефератъ «О грамотности въ сельскомъ населеніи Псковской губ.», основанный на наблюденіяхъ, вынесенныхъ имъ изъ обзора мѣстныхъ школъ во время своей командировки въ эту губернію въ 1862 году, по порученію А. В. Головнина [1]). Въ своемъ рефератѣ онъ мастерски обрисовалъ правдивую картину безотраднаго положенія народнаго образованія въ цѣлой губерніи, иллюстрировалъ свои сообщенія прекрасно составленною школьною картою губерніи и систематически сведенными статистическими данными. Дѣльный трудъ Семевскаго былъ напечатанъ и послужилъ образцомъ для подобныхъ же работъ по другимъ губерніямъ съ цѣлью выясненія *дѣйствительнаго* положенія грамотности среди сельскаго населенія Россіи.

Въ 1864 г. онъ сдѣлалъ въ Собраніи вторичный докладъ объ этомъ вопросѣ, а въ 1867 г. выступилъ горячимъ опонентомъ при обсужденіи реферата Шалфѣева «объ отечественной исторіи, какъ предметѣ общеобразовательнаго курса», доказывая, что изученіе отечественной исторіи должно стоять въ курсѣ на первомъ планѣ, что въ основаніе его должна быть положена историческая правда, и поэтому преподаватель не долженъ скрывать отъ учащихся темныхъ сторонъ въ народной жизни, иначе преподаваніе исторіи не будетъ имѣть общеобразовательнаго значенія, а между тѣмъ она можетъ вырабатывать въ ученикахъ трезвый и ясный взглядъ на прошлыя судьбы отечества, что чрезвычайно важно для яснаго уразумѣнія его современнаго положенія. Михаилъ Ивановичъ защищалъ также употребленіе лѣтописей, для того, чтобы путемъ непосредственнаго знакомства съ ними вселять въ учащихся любовь къ разработкѣ и охраненію историческихъ памятниковъ, любовь къ исторической старинѣ и стремленіе къ занятіямъ исторіей.

Мысли, высказанныя Семевскимъ по поводу реферата Шалфѣева, любопытны въ томъ отношеніи, что въ нихъ всецѣловыразился его взглядъ на культурноезначеніе исторіи «какъ науки»; этотъ взглядъ, выработанный въ юности, руководилъ имъ и въ его трудахъ по отечественной исторіи и при изданіи имъ «Русской Старины».

Въ томъ-же 1867 г. Михаилъ Ивановичъ, вмѣстѣ съ Паульсо-

---

[1]) Министра Народнаго Просвѣщенія.

номъ и Мѣдниковымъ, участвовалъ въ коммисіи для обсужденія отчета о дѣятельности Педагогическаго Собранія съ начала его существованія (съ 1859 г.), и, по его почину, 8-го Января 1868 г. былъ поднесенъ П. Г. Рѣдкину, за его восьмилѣтнюю дѣятельность въ званіи предсѣдателя педагогическихъ собраній, альбомъ съ портретами какъ учредителей, такъ и всѣхъ членовъ С.-Петербургскаго Педагогическаго Собранія.

Особенно интересуясь тѣми вопросами педагогіи, которые касались текущей жизни учебныхъ заведеній, ихъ внутренняго быта, Семевскій прочелъ въ засѣданіи Педагогическаго Общества 19 Марта 1877 г. весьма интересный и важный, по самой сущности затронутаго имъ вопроса, рефератъ «объ исключеніи и увольненіи воспитанниковъ изъ учебныхъ заведеній», въ которомъ, обративъ вниманіе Общества на печальный фактъ, что число воспитанниковъ, увольняемыхъ изъ учебныхъ заведеній по той или другой причинѣ, ростетъ съ каждымъ годомъ, настаивалъ на необходимости обратить на это обстоятельство самое серьезное вниманіе, при чемъ высказалъ убѣжденіе, что отвѣтственность за это ненормальное явленіе падаетъ всецѣло на педагоговъ и на учебное заведеніе, воспитывающее юношей, которое должно стараться исправить ихъ, а не выбрасывать за двери, какъ субъектовъ неисправимыхъ; общество, принимая въ свою среду этихъ недоучекъ, расплачивается за неумѣлое и безучастное отношеніе къ своему дѣлу гг. педагоговъ, ибо эти полуобразованные юноши, въ которыхъ школа не съумѣла выработать ни нравственныхъ основъ, ни любви къ труду, могутъ сдѣлаться вредными членами его.

Этотъ рефератъ, затронувшій одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ педагогіи, вызвалъ оживленныя пренія и обмѣнъ мыслей въ Педагогическомъ Обществѣ и обратилъ на себя вниманіе печати.

Оставивъ, какъ мы уже сказали, въ 1858 году мѣсто репетитора въ Первомъ корпусѣ, Михаилъ Ивановичъ въ слѣдующемъ, 1859 г., въ первый разъ побывалъ за границею и, по возвращеніи въ Россію, окончательно выступилъ на литературное поприще, продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ свою педагогическую дѣятельность въ Смольномъ институтѣ (1860—1862) и давая уроки въ частныхъ домахъ.

VIII.

Командировка для изслѣдованія положенія школьнаго вопроса въ Псковской губ.—Поступленіе на службу въ Государственную Канцелярію.—Переходъ въ отдѣленіе по устройству сельскаго состоянія. — Доступъ въ архивы. — Усиленныя литературно-научныя занятія М. И. Семевскаго.—Отзывъ о немъ брюссельскаго «Nord».— Литературные вечера у М. И. Семевскаго.

Извѣстность, которую доставили Михаилу Ивановичу его литературные труды, явилась причиною того, что, выйдя въ отставку въ Февралѣ мѣсяцѣ 1861 г., въ чинѣ подпоручика лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, уже въ Сентябрѣ слѣдующаго, 1862, года онъ получилъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими писателями-педагогами приглашеніе отъ министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина обозрѣть народныя училища въ разныхъ губерніяхъ для изслѣдованія положенія въ нихъ дѣла народнаго образованія. Собственно М. И. Семевскому пришлось обозрѣвать (1862—1863 гг.) школы Псковской губерніи.

О своей командировкѣ въ Псковскую губернію Михаилъ Ивановичъ писалъ І. И. Малевичу: «Принявъ на себя столь лестное порученіе (письмо изъ Пскова отъ 29 Сентября 1862 г.),—«я выѣхалъ изъ Петербурга 26 числа (Сентября) и — вотъ, третій день — собралъ уже изрядно свѣдѣній по здѣшнимъ учебнымъ заведеніямъ; пробуду здѣсь недѣли полторы, затѣмъ поѣду по уѣзду Псковскому, а потомъ по всей губерніи. Въ концѣ Октября я думаю на нѣсколько дней кинуть якорь у тебя, отдохнуть, а также привести въ порядокъ свои замѣтки и наблюденія».

19-го Ноября Михаилъ Ивановичъ извѣщалъ своего наставника, что онъ уже «сдалъ въ министерство первую часть» своего труда о низ-

шихъ школахъ города Пскова; онъ «читалъ этотъ отчетъ разнымъ властямъ», которыя остались имъ довольны, и въ Декабрѣ предполагалъ печатать начало своей «поѣздки по Псковской губерніи». Весьма обстоятельный отчетъ по предмету командировки, представленный Михаиломъ Ивановичемъ министру народнаго просвѣщенія, былъ напечатанъ въ изданіи министерства подъ заглавіемъ: «Грамотность въ деревняхъ временно-обязанныхъ и государственныхъ крестьянъ Псковской губерніи въ 1863 г.» (съ шестью статистическими таблицами и картою Псковской учебной дирекціи); въ немъ было подробно изложено крайне неудовлетворительное, жалкое состояніе народныхъ школъ Псковской губерніи, изъ которыхъ многія были обязаны своимъ существованіемъ лишь благородному увлеченію народнымъ образованіемъ частныхъ лицъ и поддерживались небольшими съ ихъ стороны затратами и личнымъ участіемъ въ обученіи; вслѣдствіе этого онѣ не имѣли прочной будущности, и школьное дѣло настоятельно требовало самыхъ широкихъ преобразованій. Этотъ весьма дѣльно и обстоятельно составленный отчетъ [1]) обратилъ на себя вниманіе статсъ-секретаря А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, который охотно согласился принять Семевскаго на службу въ Государственную Канцелярію, къ которой онъ и былъ причисленъ 7-го Января 1864 года, а 29-го Марта того же года былъ назначенъ старшимъ помощникомъ экспедитора Департамента Государственной Экономіи.

Сообщая І. И. Малевичу объ этой перемѣнѣ въ своей жизни, Михаилъ Ивановичъ изображаетъ ему въ нѣсколькихъ письмахъ свои первые шаги на поприщѣ новой для него службы:

«Прости великодушно, добрѣйшій Іосифъ Игнатьевичъ, пишетъ онъ,—что я замедлилъ отвѣтомъ на письмо твое отъ 12 Декабря 1863 г.; оправданіе этого замедленія состоитъ въ слѣдующемъ: съ мѣсяцъ тому назадъ я вступилъ на службу въ Государственную Канцелярію въ Департаментъ Экономіи; нѣкоторыя лица, съ которыми я очень близокъ, статсъ-секр. Зубовъ, а еще болѣе помощникъ статсъ-секретаря,

[1]) Одновременно съ этимъ отчетомъ, какъ результатъ поѣздки М. И. Семевскаго въ Псковскую губернію, появилась его брошюра: «Учебныя заведенія въ городѣ Псковѣ» (Спб. 1863 г.), а также имѣвшій отношеніе къ этой поѣздкѣ «Очеркъ города Торопца, помѣщенный авторомъ «въ Запискахъ» Императорскаго русскаго Географическаго Общества за 1864 г.

другъ мой, Гильфердингъ, предложили мнѣ вступить въ службу и немедленно устроили это дѣло.

«Самое малое жалованье въ этой Канцеляріи — 700 р., но В. П. Бутковъ, Государственный Секретарь и непосредственный начальникъ Государственной Канцеляріи, прекраснѣйшій человѣкъ, сильно подвигаетъ своихъ подчиненныхъ, особенно, работающихъ и, дѣйствительно, полезныхъ. На первыхъ же порахъ статсъ-секретарь А. Заблоцкій, мой ближайшій начальникъ, далъ мнѣ весьма объемистую, трудную, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма интересную работу: обозрѣніе дѣятельности Россійско-Американской кампаніи, срокъ привилегій которой прошелъ, и о новомъ уставѣ ея поступило дѣло въ Государственный Совѣтъ. Эта-то работа и наполнила мнѣ протекшій мѣсяцъ.

«Служба въ Государственной Канцеляріи, положительно, лучшая въ ряду департаментской и министерской службы; работу даютъ на домъ, никакой тягостной чиновной іерархіи нѣтъ, т. е. какъ бы важна работа ни была, но ее даютъ лицамъ по способностямъ, а не по чину, притомъ, работу вознаграждаютъ хорошо, какъ я уже сказалъ, быстрымъ увеличеніемъ жалованья; еще нужно добавить, что лѣтомъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, чиновники Государственной Канцеляріи свободны отъ занятій, а жалованье получаютъ.

«Итакъ, я на дѣйствительной службѣ; я очень доволенъ этимъ по слѣдующимъ причинамъ: это даетъ мнѣ возможность не раскидываться по журналамъ въ мелкихъ статьяхъ, а вести въ часы досуга серьезную и большую работу. Притомъ, прекрасная служба въ Государственной Канцеляріи обезпечиваетъ мое будущее отъ всякихъ невзгодъ.

«Поступленіе мое на службу, пишетъ онъ 4-аго Апрѣля 1864 г.— какъ я и ожидалъ, вызвало отъ тебя, мой добрый Іосифъ Игнатьевичъ, полное одобреніе и нѣсколько добрыхъ совѣтовъ друга. Спасибо тебѣ, и, зная, какъ интересуетъ тебя новое мое поприще, передамъ о немъ нѣсколько подробнѣе. Въ Государственной Канцеляріи при Государственномъ Совѣтѣ состоитъ до семидесяти чиновниковъ, но изъ нихъ болѣе тридцати пяти *только состоятъ* при Канцеляріи, т. е. не получаютъ жалованья, а получаютъ только чины. Затѣмъ остальные чиновники — *штатные:* они получаютъ жалованье, имъ даютъ награды, они ведутъ и работы. Если и причислиться къ Государственной Канцеляріи довольно трудно (для этого надо имѣть связи), то попасть въ число штат-

ныхъ ея чиновниковъ еще труднѣе. Я былъ *причисленъ* 7 Января, тогда же получилъ большую работу, двѣ трети ея успѣшно обработалъ, прочелъ начальнику своему, статсъ-секретарю Заблоцкому (добрый, высоко-образованный, благородный человѣкъ), свой трудъ, онъ былъ очень доволенъ, и тутъ открылась вакансія,— нѣкто Шевичъ, старшій помощникъ экспедитора, внукъ гр. Блудова, перешелъ предсѣдателемъ повѣрочной коммисіи въ одну изъ западныхъ губерній,— и Заблоцкій, не долго думая, представилъ меня къ замѣщенію этой вакансіи. И вотъ, съ 29 Марта, по приказу по Канцеляріи Государственнаго Секретаря Буткова, я, нижепоименованный М. Семевскій, опредѣленъ въ штатъ на мѣсто, состоящее въ VII кл., старшаго помощника экспедитора, съ жалованьемъ семьсотъ тридцать р. с. въ годъ, кромѣ наградныхъ. И такъ, ты видишь, добрый мой другъ, что на первыхъ порахъ служба мнѣ не мачиха, а мать, и нѣкоторые изъ нынѣшнихъ сотоварищей моихъ по службѣ, ждавшіе по четыре, по шести лѣтъ (трудно повѣрить!) зачисленія въ штатъ, имѣли полное основаніе мнѣ позавидовать. Что касается до того, чтобы не соваться «въ борьбу», не дѣйствовать опрометчиво и т. п., то я тебѣ откровенно скажу, что лица, меня окружающія и надо мной стоящія, т. е. непосредственные мои начальники, такіе прекрасные люди, притомъ, работа такого рода, что я глубоко убѣжденъ, что не впаду ни въ малѣйшія столкновенія. Такъ, по крайней мѣрѣ, я надѣюсь. Ну, однако, я долго остановился на Государственной Канцеляріи. Спросишь ты меня, что мои литературныя работы? Онѣ подвигаются нѣсколько тише, не потому, чтобы служба до такой степени ужъ поглощала время, нѣтъ, а потому, что *строгости* цензуры значительно ослабили мою энергію. Но, разумѣется, это временно; къ 1 Мая прекращаются имѣющіяся у меня лекціи, затѣмъ и служба будетъ меньше лѣтомъ, и, такъ какъ я думаю провести его безвыѣздно въ Петербургѣ, то весь утону въ литературныхъ трудахъ».

1 Іюня 1864 г. Михаилъ Ивановичъ писалъ: «Благодарствуй, добрый и дорогой другъ мой Іосифъ Игнатьевичъ, за письмо твое отъ 10 Мая, а еще болѣе за высказанную въ немъ столь искреннюю радость къ моему устанавливающемуся настоящему. Исполняя просьбу твою, пишу тебѣ о моей служебной дѣятельности: работа моя объ Американской кампаніи, записка, по этому предмету мною составленная, напечатана (въ формѣ рукописи т. е. для членовъ Государственнаго

Совѣта) и вызвала отзывъ высшаго начальника Государственной Канцеляріи,—Государственнаго Секретаря Буткова, что записка эта составлена «очень хорошо». Затѣмъ я занимался и занимаюсь въ Департаментѣ Государственной Экономіи въ дни, когда бываютъ тамъ засѣданія, съ полудня до шести часовъ вечера, въ другіе же дни часа по три, пишу журналы резолюцій Департамента по нѣкоторымъ текущимъ дѣламъ, слушаемымъ въ засѣданіяхъ Департамента. Случается брать работу и на домъ. Разумѣется, пока не освоился съ языкомъ, пріемами и требованіями отъ составленія казенныхъ бумагъ, все мнѣ достается довольно трудно, и времени уходитъ много, но, дастъ Богъ, помаленьку освоюсь совершенно. На первыхъ порахъ служба мнѣ улыбается: на третій мѣсяцъ отъ начала службы я зачисленъ, какъ тебѣ извѣстно, въ штатные чиновники, а на шестой, т. е. теперь, получилъ въ числѣ прочихъ чиновниковъ нашего Департамента, за работы при составленіи журналовъ по смѣтамъ, вошедшимъ въ государственную роспись доходовъ и расходовъ, награду Высочайшую въ *триста р. с.* Въ виду всего этого ты, Бога ради, не подумай, что я ужъ, Богъ знаетъ, что за даровитый *чиновникъ* и, Богъ вѣсть, что за важныя дѣла дѣлаю: я ничего болѣе пока, какъ очень еще небольшой человѣкъ въ ряду прочихъ чиновниковъ Государственной Канцеляріи, и не только еще ничѣмъ не выступаю изъ ряда ихъ, но по знанію и умѣнію вести служебныя работы мнѣ еще многихъ и многихъ надо догнать. Итакъ, смотри, мой добрый другъ, на дѣло прямо и, (чего я крайне боюсь) увлеченный любовью ко мнѣ, не ставь меня на ходули въ разговорахъ обо мнѣ съ кѣмъ бы то ни было. Весь Май имѣлъ одну получастную, полуслужебную работу: печаталъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, подъ своей редакціей, сборникъ матеріаловъ по учебной части въ Царствѣ Польскомъ, на русскомъ языкѣ».

Благодаря своимъ способностямъ, усидчивости и трудолюбію, М. И. Семевскій быстро освоился съ кругомъ новыхъ для него служебныхъ обязанностей и удачнымъ исполненіемъ возлагавшихся на него работъ обратилъ на себя особенное вниманіе начальства; въ теченіе трехъ лѣтъ онъ пріобрѣлъ своими трудами такое положеніе по службѣ, которое другимъ достается только десятками лѣтъ.

Въ 1866 г., въ Іюнѣ мѣсяцѣ, онъ перешелъ въ другое отдѣленіе той же Государственной Канцеляріи, именно по главному комитету объ

устройствѣ сельскаго состоянія, въ которомъ 17 Октября того же года зянялъ мѣсто экспедитора; въ этомъ комитетѣ онъ прослужилъ безъ малаго семнадцать лѣтъ до самаго закрытія его въ 1882 т.

По службѣ своей въ этомъ отдѣленіи Государственной Канцеляріи онъ получилъ серебреную медаль на Александровской лентѣ, учрежденную «за труды по устройству крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ», и Высочайше учрежденный знакъ въ воздаяніе за труды по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ.

Послѣднимъ знакомъ отличія онъ особенно дорожилъ и всегда считалъ за счастье, что могъ назвать себя участникомъ великаго и славнаго дѣла нашей исторіи—освобожденія крестьянъ.

Служба въ Государственной Канцеляріи не прервала литературныхъ трудовъ Семевскаго, такъ какъ его ближайшіе начальники въ этомъ учрежденіи, умные и просвѣщенные люди, Андрей Парѳеновичъ Заблоцкій-Десятовскій и Степанъ Михайловичъ Жуковскій, не только не препятствовали ему въ этомъ, но даже поощряли его труды и содѣйствовали, успѣшности его занятій въ архивахъ, изъ которыхъ ему удалось почерпнуть для своихъ статей много новыхъ, крайне любопытныхъ и цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ.

«Въ прежнее время, въ царствованіе Николая Павловича, наши архивы, говоритъ М. И. Семевскій въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ,—были или склады полусгнившаго бумажнаго хлама, или хорошо устроенныя кладовыя, куда не проникалъ ни одинъ нескромный взоръ. Очень рѣдко, совершенно случайно, выходили изъ этихъ кладовыхъ въ крайне скромныхъ размѣрахъ новыя свѣдѣнія, большею частью, по запросу самого Августѣйшаго ихъ Хозяина. Поинтересовался, напр., знать Николай Павловичъ о судьбѣ Артемія Волынскаго, о судьбѣ правительницы Анны Леопольдовны, — и, вотъ, чиновниками крайне секретно составлялись двѣ, три записки и оставались въ копіяхъ въ рукахъ весьма немногихъ лицъ. Духъ новаго времени вскрылъ затворы этихъ кладовыхъ. Подлежащія министерства, на просьбы мои о допущеніи въ тотъ или другой архивъ, конфузились отвѣчать отказомъ. Предо мною послѣдовательно открылись архивы Главнаго Штаба, Академіи Наукъ, Синода, куда я, впрочемъ, не имѣлъ досуга заглянуть, и, въ особенности, растворился мнѣ ар-

хивъ государственный, т. е. архивъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, заключающій въ себѣ драгоцѣнные матеріалы о царствованіи Петра Великаго и о послѣдующихъ эпохахъ. Въ этомъ архивѣ я остановился именно на матеріалахъ Петровскаго времени, на что въ особенности меня наталкивало прочтеніе незадолго передъ этимъ вышедшихъ 4-хъ томовъ сочиненія Устрялова «Исторія царствованія Петра Великаго». Этотъ сухой, безъ всякаго дарованія написанный и на началѣ тисненія остановленный трудъ, однако, былъ для меня и для прочихъ любителей отечественной исторіи крайне важенъ тѣмъ, что въ немъ все было наполнено подлинными архивными матеріалами. Ближе взглянуть на эти и на неизданные еще матеріалы— вотъ что заставило меня въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ прежде всего остановиться на царствованіи Петра Великаго. Но тутъ страсть къ писательству, крайне возбужденная во мнѣ запросами журналистовъ, повредила и помѣшала мнѣ, т. е., вмѣсто того, чтобы неторопливо и всесторонне ознакомиться съ тѣми сокровищами, доступъ къ которымъ оказался для меня столь легкимъ, я, натолкнувшись на весьма интересный, правда, эпизодъ, относящійся къ судьбѣ невѣстки Петра Великаго, царицы Прасковьи Ѳедоровны Салтыковой, остановился предъ этою очень оригинальною личностью и посвятилъ нѣсколько мѣсяцевъ на составленіе очерка ея жизни. Этотъ очеркъ почти всецѣло былъ составленъ по архивному, до тѣхъ поръ невѣдомому матеріалу, и по самому характеру своихъ матеріаловъ не могъ остаться незамѣченнымъ. При томъ же, монографія явилась на страницахъ новаго и весьма сочувственно принятаго литературнаго журнала «Время», съ 1860 года издававшагося братьями Достоевскими».

Документы, на основаніи которыхъ была составлена названная монографія, принадлежали къ числу бумагъ розыскныхъ дѣлъ канцеляріи временъ Петра Великаго, которыя «болѣе ста лѣтъ хранились въ Петропавловской крѣпости въ С.-Петербургѣ и при императорѣ Николаѣ Павловичѣ были перенесены, по его волѣ, въ Государственный Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ зданіе Главнаго Штаба, и разобраны подъ ближайшимъ наблюденіемъ графа Д. Н. Блудова».

Наиболѣе выдающимися очерками, составленными на основаніи документовъ этого архива, кромѣ монографіи: «Царица Прасковья», были: «Слово и дѣло» (1720—1725 гг.), «Императрица Екатерина I и семейство Монсовъ», «Сторонники царевича Алексѣя», біографія Евдокіи Ѳедоровны Лопухиной, «Фрейлина Гамильтонъ» и нѣкоторыя другія.

Начатая работа всецѣло поглощала Михаила Ивановича. «Когда предо мною трудъ, къ которому лежитъ мое сердце, писалъ онъ отцу [1]),—я все забываю: сонъ, ѣду, чтеніе книгъ, читаю только относящееся къ моей задачѣ и пишу только ее. Мнѣ всегда особенно пріятно и легко приниматься за составленіе большой исторической статьи; я могу приняться за нее во всякое время, и, наоборотъ, мнѣ до-нельзя тяжело набросать небольшой разсказъ на одну изъ тѣхъ темъ, цѣлая куча которыхъ записана мною въ мою памятную книжку; это показываетъ, что для произведенія фантазіи необходимо вдохновеніе, счастливое, удачное настроеніе духа».

Какъ много работалъ Семевскій, видно изъ того, что, сотрудничая въ четырнадцати большихъ и малыхъ журналахъ, онъ успѣлъ написать съ 1857 по 1869 г., до 130 отдѣльныхъ очерковъ, критическихъ замѣтокъ и довольно объемистыхъ изслѣдованій. Если принять во вниманіе, что въ это время онъ былъ занятъ службою, сначала, при Первомъ кадетскомъ корпусѣ, а затѣмъ въ Государственной Канцеляріи, гдѣ на него возлагались многія серьезныя работы, и что, кромѣ того, до 1862 г. онъ давалъ уроки въ частныхъ домахъ и въ Смольномъ институтѣ, то будетъ совершенно понятно, что его очерки не могли быть достаточно зрѣло обдуманы и серьезно разработаны; за то многое выкупалось въ нихъ врожденной талантливостью автора и особымъ, ему присущимъ, умѣньемъ извлекать изъ сухихъ архивныхъ матеріаловъ вещи наиболѣе интересныя и удачно группировать матеріалъ для вполнѣ рельефной характеристики извѣстнаго лица или эпизода. Кромѣ того, М. И. Семевскій писалъ прекраснымъ, чисто литературнымъ слогомъ и совершенно въ духѣ времени: «въ его статьяхъ характерно отразилось охватившее общество въ шестидесятыхъ годахъ стремленіе стряхнуть съ себя все отжившее, старое; читателя подкупала та простота, съ какою молодой писатель говорилъ въ сво-

[1]) Письмо къ И. Е. Семевскому отъ 14 Іюля 1858 г.

ихъ очеркахъ объ историческихъ лицахъ, въ особенности, о представителяхъ власти въ Россіи XVIII-го вѣка, изображая ихъ со всѣми ихъ «малыми и крупными недостатками, со всѣми ихъ человѣческими слабостями, со всѣми послѣдствіями въ ихъ характерахъ и ихъ дѣйствіяхъ вліянія той среды, въ которой взросли и дѣйствовали эти герои и героини, эти монархи и монархини».

Всѣ эти особенности придавали статьямъ М. И. Семевскаго такой живой интересъ, что для нихъ охотно отводили мѣсто на своихъ страницахъ многіе журналы шестидесятыхъ годовъ, въ томъ числѣ «Отечественныя Записки», А. А. Краевскаго, «Время» М. М. и Ѳ. М. Достоевскихъ, «Свѣточъ» Д. И. Калиновскаго и А. П. Милюкова, «Вѣкъ» А. В. Дружинина, К. Д. Кавелина, и П. И. Вейнберга, «Руская Рѣчь» Евгеніи Туръ, «Иллюстрація» Баумана, «Русскій Вѣстникъ», «Военный Сборникъ», «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и многіе другіе.

Легкіе, общедоступные очерки и монографіи М. И. Семевскаго, вмѣстѣ съ очерками и статьями нѣкоторыхъ другихъ современныхъ ему молодыхъ писателей (Шубинскаго, Хмырова и др.), пользовались большимъ успѣхомъ у читающей публики, они несомнѣнно оказывали вліяніе на общество, отвлекая его отъ чтенія историческихъ романовъ, въ которыхъ, какъ, напр., въ произведеніяхъ Лажечникова, историческая правда нерѣдко искажалась ради фабулы романа, пріохочивали его къ чтенію серьезныхъ историческихъ статей, заставляли интересоваться новой русской исторіей, пробуждали потребность и интересъ къ документальному изученію прошлаго и, такимъ образомъ, подготовляли почву для широкаго распространенія основаннаго имъ впослѣдствіи историческаго журнала.

Хотя Семевскій подчасъ группировалъ въ своихъ статьяхъ матеріалъ нѣсколько односторонне и слишкомъ сгущалъ краски, подавленный тѣми мрачными картинами, которыя раскрывали передъ нимъ бумаги тайной розыскной канцеляріи, но его изслѣдованія изъ эпохи Петра Великаго имѣли значеніе и для науки, въ особенности, тѣмъ, что онъ первый коснулся въ нихъ «заповѣдной» области отечественной исторіи XVIII-го вѣка и представилъ многіе факты того времени въ совершенно новомъ свѣтѣ. Его статьи, по самому характеру появлявшихся въ нихъ матеріаловъ, не могли пройти незамѣчен-

ными и пролагали путь для будущихъ изслѣдователей отечественной исторіи.

Вотъ что писалъ Михаилъ Ивановичъ въ 1876 году о томъ значеніи, которое имѣли его историческія монографіи: «Шестнадцать лѣтъ прошло послѣ появленія моихъ первыхъ историческихъ очерковъ, и, съ нѣкоторой точки зрѣнія нахожу ихъ, за исключеніемъ развѣ двухъ послѣднихъ [1]), о которыхъ только-что упомянулъ, весьма слабыми. Но никогда не скажу, чтобы труды эти были бы для нашей публики того времени безполезны. Если они были для кого мало полезны, то это для меня самаго, такъ какъ составленіе ихъ, поглощая у меня много времени, не допускало къ тому серьезному самообразованію, которое, однако, должно было имѣть мѣсто. Что касается до читающаго общества, то, повторяю, они были весьма полезны, и вотъ почему. Я уже выше сказалъ, что эта масса, сквозь устряловщину глядя на отечественную исторію, была въ полнѣйшемъ невѣжествѣ по отношенію къ родной старинѣ. И, вотъ, являются въ литературныхъ журналахъ монографіи въ весьма живой формѣ и, совершенно не обинуясь, скажу, трактующія о всѣхъ историческихъ лицахъ и, въ особенности, о представителяхъ власти въ Россіи XVIII вѣка въ самыхъ простыхъ образахъ, низводя ихъ съ ходулей, на которыхъ они до сихъ поръ высились.

«Будучи полезны для отрезвленія русскаго общества отъ устряловщины, мои историческіе этюды были въ то же время и тѣмъ тараномъ, который пробивалъ цензурную, все еще плотно сплоченную стѣну. Десятокъ такихъ очерковъ образовалъ уже настолько значительную брешь въ этой стѣнѣ, что сквозь нее проходилъ весьма свободно цѣлый рядъ и болѣе серьезныхъ и болѣе научныхъ изслѣдованій, но все изъ области запретной, изъ области отечественной исторіи XVIII вѣка. Что это не натяжка, лучше всего видно изъ слѣдующаго». [2]) Когда появилось нѣсколько монографій М. И. Семевскаго, «когда вслѣдъ за публикою, съ жадностью ихъ прочитавшею, онѣ обратили вниманіе правительства, говоритъ Михаилъ Ивановичъ [3]), — немедля со-

---

[1]) Монографіи о царицѣ Прасковьѣ и семействѣ Монсовъ.

[2]) «Руская старина» 1892 г., Апрѣль.

[3]) Автобіогр. замѣтки «Русск. Стар.» 1892, Апр.

стоялось слѣдующее распоряженіе:—не допускать въ печать историческихъ монографій о государяхъ и государыняхъ времени послѣ смерти Петра Великаго». И такимъ образомъ, продолжаетъ онъ, — «хотя изслѣдователю новѣйшей отечественной исторіи полагались преграды въ его трудахъ, но распоряженіе 1860-го года имѣло ту хорошую сторону, что какъ бы громогласно объявляло о полной свободѣ, которая предоставлялась русскимъ историкамъ или, правильнѣе сказать, историкамъ Россіи по отношенію ко всѣмъ вѣкамъ, событіямъ и лицамъ до 1725 года, т. е. до кончины Петра Великаго. Со времени упомянутаго распоряженія не могло быть уже и рѣчи о томъ, чтобы не допустить обнародованія тѣхъ или другихъ свѣдѣній изъ исторіи XVIII-го вѣка и, въ особенности, о Петрѣ Великомъ. Это былъ уже шагъ впередъ и шагъ значительный; если мои именно монографіи вызвали помянутое распоряженіе, то за ними была заслуга того невольнаго признанія свободы для изслѣдованія до 1725 года, которая, такъ сказать, была вырвана со стороны администраціи».

Значеніе монографій Семевскаго было отмѣчено иностранной критикой еще въ 1860 году. Такъ въ бельгійской газетѣ «Le Nord,» въ обзорѣ статей, помѣщенныхъ въ первыхъ книжкахъ вновь возникшаго въ 1860 году журнала «Русское Слово» (№ отъ 23 Марта 1860 г.), было обращено особенное вниманіе на статьи Семевскаго съ этой именно точки зрѣнія.

«J'ajouterai en conscience», говорилось между прочимъ въ рецензіи, «que le contenu des premières livraisons de la «Parole Russe» est assez riche pour lui assurer la vogue et un grand nombre de lecteurs, sans recourir à aucun autre moyen auxiliaire. Sans parler de la partie littéraire que d'articles serieux s'y rencontrent! D'abord ceux de Semevsky, le jeune historien qui s'est déjà fait connaître par une biographie d' Eudoxie Lapouchine, première femme de Pierre le Grand où bien des faits sont rétablis et présentés sous un nouveau jour. Le VI volume de l' Histoire d' Oustrialow contenant le procès et la condamnation à mort du malheureux Alexis, fils de Pierre le Grand, a trouvé aussi dans Semevsky un *critique* judicieux. Il indique beaucoup les fautes du prince Alexis et nous démontre que c'est l'éducation vicieuse qu'on lui a donne et les mauvais traitements qu'on lui a toujours fait subir qui l'ont abruti

et jeté dans les bras du parti des anciens boyards et prêtres mécontents, lors des innovations du Grand réformateur de la Russie»... [1]).

Вспоминая въ одной изъ замѣтокъ о своихъ первыхъ литературныхъ трудахъ, Семевскій говоритъ:

«Оживленіе, съ которымъ я трудился, роясь въ архивахъ, засиживаясь въ библіотекахъ и держа корректуру своихъ длинныхъ монографій въ томъ или другомъ журналѣ,—это оживленіе было не во мнѣ одномъ, оно было во всемъ русскомъ обществѣ, жившемъ не физическою, но и духовною жизнью.

«Все это кипѣло, все это говорило о реформахъ, о необходимости преобразованій тѣхъ или другихъ сторонъ въ общественномъ организмѣ, о недостаткахъ близкаго прошлаго, еще не вполнѣ отжившаго, о свѣтлыхъ, повидимому, слишкомъ смѣлыхъ, вовсе неосуществимыхъ надеждахъ на будущее! Какое особенное оживленіе замѣтно было въ литературныхъ кружкахъ! Да и какъ ихъ было много! Какъ велики они были! Сколько совершенно свѣжихъ и до сихъ поръ совершенно чуждыхъ силъ втягивали они въ себя, людей изъ различныхъ слоевъ возрождавшагося къ новой жизни русскаго общества! Нельзя себѣ представить, какъ интересны, шумны, какъ увлекательны были сходки подвижниковъ русской литературы, русской журналистики наканунѣ, такъ сказать, освобожденія Россіи!

«Въ какихъ-нибудь двухъ комнаткахъ моихъ, напримѣръ, на Спасской улицѣ, въ домѣ Трута, еженедѣльно сходилось съ полсотни лицъ, трудившихся въ журналахъ и газетахъ. За стаканомъ жидкаго чая, въ клубахъ табачнаго дыма, въ виду плохаго стараго стола и едва ли

1) (*Переводъ*). Скажу по совѣсти, что первыя книжки «Русскаго Слова» достаточно богаты содержаніемъ, чтобы. безъ помощи какихъ-либо другихъ вспомогательныхъ средствъ, обезпечить ему извѣстность и большой контингентъ читателей. Не говоря уже о литературномъ отдѣлѣ, сколько въ нихъ серьезныхъ статей! Укажемъ прежде всего на статьи Семевскаго, молодаго историка, уже заявившаго себя біографіей Евдокіи Лопухиной, первой супруги Петра Великаго, въ которой многіе факты возстановлены и представлены въ совершенно новомъ свѣтѣ. Шестой томъ исторіи Устрялова, въ которомъ говорится о процесѣ и осужденіи на смерть несчастнаго сына Петра Великаго, царевича Алексѣя, также вызвалъ со стороны Семевскаго вполнѣ здравыя критическія замѣчанія. Онъ ясно выставляетъ недостатки царевича Алексѣя и доказываетъ, что онъ отупѣлъ вслѣдствіе полученнаго имъ неправильнаго воспитанія и дурнаго съ нимъ обращенія, и что именно это заставило его примкнуть къ партіи старинныхъ бояръ и духовенства, недовольныхъ нововведеніями великаго преобразователя Россіи.

десятка стульевъ, эта полсотня толпилась и не видала, какъ летѣли часы далеко за полночь въ спорахъ самыхъ оживленныхъ. И все это были споры, толки и разсказы не о своихъ личностяхъ, не о личныхъ препирательствахъ, не о своихъ мелкихъ интересахъ — нѣтъ! Все это были толки объ отечествѣ, о возрожденіи его на всѣхъ стязяхъ его жизни къ лучшему. Да, не первый я, да и далеко не послѣдній изъ той эпохи скажу съ полною искренностью: неоцѣненное, незабвенное время, и никогда тебя не вернуть не только въ моей жизни, нѣтъ, но и въ жизни всего русскаго общества! Объ этомъ времени было слишкомъ много писано, и мнѣ не къ чему прибавлять что-либо къ его характеристикѣ. Скажу только, что жилось до крайности весело, до крайности весело работалось, съ необыкновеннымъ увлеченіемъ».

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ сверстниковъ Михаила Ивановича, нынѣ извѣстный педагогъ Д. Д. Семеновъ, съ увлеченіемъ вспоминалъ въ кругу знакомыхъ объ этомъ времени, о вечерахъ, проведенныхъ въ небольшой, но гостепріимной квартиркѣ Семевскаго.

«Живо припоминаю, говорилъ онъ, — какъ мы всѣ въ шестидесятыхъ годахъ, тогда еще молодые люди, кажется, по понедѣльникамъ, собирались въ двухъ маленькихъ комнатахъ скромной квартирки Михаила Ивановича, снизу до верху уставленныхъ книгами, фоліантами и рукописями и увѣшанныхъ древне-русскими гравюрами. Кого, кого только не перебывало тогда въ этомъ таинственномъ, укромномъ жилищѣ: возвратившійся ли изъ Сибири декабристъ по мановенію добраго Царя-Освободителя, весь пожелтѣвшій и посѣдѣвшій отъ горя и страданій, заѣзжій ли въ Петербургъ обиженный провинціальный литераторъ, ищущій ли работы бѣдняга-студентъ, зашедшій ли въ Петербургъ въ лаптяхъ мужикъ, краснобай-пѣвецъ, разсказчикъ, предавшійся ли зелену-вину литераторъ — каждый находилъ здѣсь себѣ и отраду, и утѣшеніе, и доброе слово, и работу, а нерѣдко и помощь. За стаканомъ чая, рюмкою водки или стаканомъ пива, о чемъ мы только здѣсь не мечтали, о чемъ мы только не говорили? Но въ нашихъ мечтахъ и словахъ не было ни капли злобы, ни денежнаго разсчета. Воскресныя школы, сельскія училища, женскія гимназіи, преобразованіе женскихъ институтовъ, женскій трудъ — были въ то время самые жгучіе вопросы. Мы думали обновить Россію только упорнымъ трудомъ и свѣтомъ образованія. Изъ этого-то интимнаго кружка вы-

шли потомъ многіе общественные дѣятели Россіи шестидесятыхъ-семидесятыхъ и даже восьмидесятыхъ годовъ. Я смѣло могу сказать, что въ этомъ кружкѣ идеалистовъ сберегались молодыя силы!» И Михаилъ Ивановичъ, доскажемъ мы, до конца жизни остался вѣренъ тѣмъ идеаламъ, которые одушевляли большинство молодежи шестидесятыхъ годовъ; это доказала вся его честная трудовая жизнь.

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ

ОСНОВАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Русская Старина.“

IX.

Основаніе «Русской Старины».—В. А. Семевскій.—Освобожденіе отъ предварительной цензуры.—Затрудненія съ цензурой.—Д. А. Завалишинъ.—Книга Гельбига въ переводѣ В. А. Бильбасова. — Успѣхъ «Русской Старины». — Притокъ новыхъ матеріаловъ.—Энергія и неутомимость М. И. Семевскаго, какъ редактора-издателя «Русской Старины».—Перечисленіе главнѣйшихъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» при жизни М. И. Семевскаго.—Матеріалы не полной исторической давности.—Представленіе Государю-Императору въ Январѣ 1889 г. и разговоръ съ Его Величествомъ.—Сплетни о якобы полученномъ М. И. Семевскимъ Высочайшемъ выговорѣ.—Недоразумѣнія съ записками В. Р. Зотова, В. В. Верещагина. - Представленіе Е. И. В. Наслѣднику-Цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору Николаю Александровичу.

Обиліе историческихъ монографій и очерковъ, появившихся на страницахъ нашихъ повременныхъ изданій въ 1860-хъ годахъ, и въ числѣ которыхъ видное мѣсто занимали статьи М. И. Семевскаго, оказало русскому обществу ту огромную услугу, что развило въ немъ потребность къ серьезному чтенію, пробудило интересъ къ изученію нашего прошлаго. Этому вновь народившемуся требованію старались удовлетворить повременныя историческія изданія, выходившія въ Петербургѣ и Москвѣ, но всѣ они, за исключеніемъ издававшагося съ 1862 г. «Русскаго Архива», давали читающей публикѣ преимущественно обработанныя статьи, въ которыхъ историческія событія и дѣятели являлись передъ читателями въ извѣстномъ освѣщеніи, въ извѣстной, подчасъ, односторонней окраскѣ; самые же документы и акты, на основаніи которыхъ писались эти изслѣдованія, равно какъ и чрезвычайно любопытныя записки современниковъ и многіе другіе важнѣйшіе матеріалы, которые могли бы пролить болѣе яркій свѣтъ на тѣ или другія событія нашей исторіи двухъ послѣднихъ столѣтій,

*

хранились, по большей части, подъ спудомъ, въ архивахъ, и совершенно не были доступны для изслѣдователей. Занимаясь продолжительное время въ этихъ архивахъ, Семевскій могъ вполнѣ оцѣнить важное значеніе для исторіи первоисточниковъ и изученія ея не по личнымъ взглядамъ того или другого писателя, а по подлиннымъ историческимъ документамъ; поэтому, собравъ во время своихъ десятилѣтнихъ (1859 — 1869) трудовъ обширный запасъ разнообразныхъ матеріаловъ и заручившись обѣщаніемъ многихъ лицъ, обладавшихъ драгоцѣнными семейными архивами, представить ихъ въ его пользованіе, онъ задумалъ въ 1869 г. основать ежемѣсячный историческій сборникъ, который былъ бы живымъ, всѣмъ доступнымъ архивомъ преимущественно *сыраго*, *необработаннаго* историческаго матеріала въ видѣ записокъ, воспоминаній, дневниковъ историческихъ дѣятелей, автобіографій, государственныхъ и дипломатическихъ актовъ, писемъ и разныхъ замѣтокъ, относящихся къ исторіи Россіи и русской литературы.

Названіе этого сборника—«*Русская Старина*»,—было заимствовано Семевскимъ у отца русской исторіографіи Карамзина, которымъ была написана подъ этимъ заглавіемъ статья для «Вѣстника Европы».

Соображенія служебнаго характера не позволили М. И. Семевскому выступить въ роли оффиціальнаго редактора этого изданія съ самаго начала существованія «Русской Старины»; поэтому отвѣтственнымъ редакторомъ «Русской Старины» явился, на первыхъ порахъ, по просьбѣ Михаила Ивановича, его родственникъ, Василій Арсеньевичъ Семевскій, о которомъ онъ говоритъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ, что это былъ «добрый, мягкій и во многихъ отношеніяхъ весьма милый человѣкъ, но «крайне мало интересовавшійся литературою». Однако, желая угодить Михаилу Ивановичу, а также отчасти польстить своему небольшому, впрочемъ, тщеславію, онъ согласился въ Ноябрѣ 1869 г. взять на себя званіе отвѣтственнаго издателя-редактора «Русской Старины», выговоривъ, однако, себѣ право быть свободнымъ отъ участія въ какихъ бы то ни было хлопотахъ и заботахъ по этому дѣлу».

Первая книга «Русской Старины» вышла 9-го Января 1870 г. въ скромномъ размѣрѣ четырехъ съ половиною печатныхъ листовъ—втрое менѣе обычныхъ впослѣдствіи книжекъ этого журнала. Вышла

она, какъ уже сказано, за подписью Василія Арсеньевича Семевскаго; о Михаилѣ Ивановичѣ было оговорено только, что онъ будетъ принимать «непосредственное и постоянное участіе въ трудахъ редакціи»; въ дѣйствительности же, съ первыхъ дней изданія «Русской Старины» онъ былъ полнымъ, самостоятельнымъ хозяиномъ этого изданія, которое единственно его трудами и заботами было ведено въ теченіе 22 съ лишнимъ лѣтъ. Основною цѣлью вновь народившагося журнала было служить разработкѣ русской исторіи новѣйшаго времени, начиная съ Петра Великаго; эта цѣль наглядно воплотилась въ заглавномъ рисункѣ, которымъ «Русская Старина» стала украшаться съ Января 1875 г. Виньетка этого заглавнаго листка, гравированная академикомъ Л. А. Сѣряковымъ, изображаетъ въ десяти медальонахъ портреты тѣхъ монарховъ земли русской, которые, вмѣстѣ со своими сподвижниками, появлялись на страницахъ журнала въ многочисленныхъ запискахъ и воспоминаніяхъ современниковъ или въ своихъ указахъ, рескриптахъ и повелѣніяхъ. Заботясь о разнообразіи содержанія журнала, покойный основатель его иногда помѣщалъ въ немъ и оригинальныя изслѣдованія изъ исторіи до-Петровской Руси.

Въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ, говоря о первыхъ годахъ своей издательской дѣятельности, Семевскій упоминаетъ, что изданіе «Русской Старины» было разрѣшено не иначе, какъ съ предварительною цензурою...

«Начинается посылка каждой статьи къ цензору, каждаго историческаго матеріала, вполнѣ сыраго, къ нему же; чуть не каждое сообщеніе онъ вноситъ на докладъ въ Цензурный комитетъ, а комитетъ... собирается лишь одинъ разъ въ недѣлю. Вы должны ждать этого злополучнаго дня; комитетъ нерѣдко постановляетъ препроводить этотъ матеріалъ или эту статью къ министру Двора... Вы начинаете навѣдываться къ директору канцеляріи министра Двора, получена ли такая-то статья или такой-то матеріалъ; оказывается, что корректура лежитъ у г. министра... Послѣдствіемъ всего этого было то, что первая книга моего изданія, тощая, сухая, блѣдная, вышла съ трудомъ лишь 9 Января 1870 г., вторая книжка—28 Февраля и третья — 25 Марта того же года. Увидѣвши, что, если это пойдетъ такъ неаккуратно, а составъ книжекъ будетъ столь блѣденъ, сухъ и скученъ, увидѣвши, другими словами, что предпріятіе, вслѣдствіе та-

кого порядка дѣлъ, положительно рухнетъ, я бросился съ мольбами освободить меня отъ предварительной цензуры. Во главѣ управленія по дѣламъ печати стоялъ тогда М. Н. П., человѣкъ не глупый, даже съ нѣкоторымъ литературнымъ образованіемъ, но желтый, высохшій въ чиновничьей атмосферѣ, въ званіяхъ робкаго и исправнаго исполнителя предначертаній начальства на такихъ постахъ, каково, напр., директорство канцеляріи генералъ-губернатора Западной Россіи. П., отъ котораго собственно и зависѣло ходатайство объ освобожденіи журнала отъ предварительной цензуры, и слышать объ этомъ не хотѣлъ; надо было броситься къ высокопоставленнымъ сановникамъ и въ нихъ найти болѣе усердныхъ ходатаевъ; такихъ я нашелъ въ графѣ Модестѣ Андреевичѣ Корфѣ, тогда еще, впрочемъ, не графѣ, а только баронѣ, и Павлѣ Александровичѣ Мухановѣ. Тотъ и другой—члены Государственнаго Совѣта, тотъ и другой были сопричастны къ литературѣ отечественной исторіи: Корфъ, какъ авторъ многотомной рукописи «Жизнь и царствованіе императора Николая Павловича», а также изданныхъ въ свѣтъ оффиціальнаго разсказа «О восшествіи на престолъ императора Николая», «Жизнь Сперанскаго» въ двухъ томахъ и нѣкоторыхъ другихъ книгъ, а Павелъ Александровичъ Мухановъ сопричастенъ былъ русской исторіи чрезъ посредство двухъ-трехъ своихъ изданій, матеріаловъ къ этой исторіи эпохи XVII столѣтія,—таковы: «Записки гетмана Жолкѣвскаго», «Сборникъ разныхъ актовъ изъ временъ самозванцевъ» и др. Уже по одной соприкосновенности своей къ литературѣ русской исторіи гг. Корфъ и Мухановъ не могли остаться равнодушными къ моей просьбѣ и взялись за меня ходатайствовать.

«На это ходатайство понадобилось лишь нѣсколько минутъ. Предъ однимъ изъ засѣданій Государственнаго Совѣта, въ понедѣльникъ, въ такъ называемой «курилкѣ»—маленькой комнаткѣ, гдѣ курятъ и толкуютъ между собою члены Совѣта, сначала Мухановъ, а потомъ Корфъ попросили министра внутреннихъ дѣлъ, Тимашева, освободить «Русскую Старину» отъ предварительной цензуры. Министръ попробовалъ, было, сдѣлать одно лишь возраженіе: «въ однородномъ съ этимъ изданіемъ «Русскомъ Архивѣ», сказалъ онъ,—Липранди, имѣвшій многія тайныя порученія отъ правительства, вздумалъ, было, печатать различные документы изъ своей дѣятельности въ качествѣ

секретнаго агента въ царствованіе императора Николая Павловича, а потому я не хочу освободить «Русскую Старину» отъ предварительной цензуры, а то и она, того гляди, заведетъ у себя какого-нибудь Липранди, и тотъ огласитъ подобные документы».

«Но, когда Мухановъ, а главное Корфъ завѣрили, что этого не будетъ, и что попечительная цензура и подъ карательнымъ соусомъ, все-таки, въ состояніи будетъ скушать ту или другую книжку «Русской Старины», которая ей не полюбится, тогда разрѣшеніе о свободѣ состоялось. Самый актъ освобожденія сопровождался вызовомъ въ управленіе по дѣламъ печати какъ Василія Арсеньевича Семевскаго, такъ и меня. Здѣсь Похвисневъ, въ весьма спутанной и скороговоркою сказанной рѣчи, объявилъ намъ о той высокой милости, какую оказываетъ министръ, но потребовалъ, по порученію же г. министра, чтобы Василій Арсеньевичъ Семевскій, какъ отвѣтственный редакторъ-издатель, далъ подписку. Въ чемъ же состояла такая подписка, продиктованная директоромъ канцеляріи управленія по дѣламъ печати? Я очень жалѣю, что не имѣлъ и не имѣю текста этой подписки, но помню, что сущность ея заключалась въ обязательствѣ, что «Русская Старина» не будетъ печатать ничего, что касается до нѣкоторыхъ фактовъ изъ русской исторіи конца прошлаго и начала текущаго столѣтія. Такъ или иначе, но большое спасибо памяти Корфа и Муханова, такъ какъ ходатайствомъ ихъ мое изданіе, все таки, вызвано было къ жизни, которою оно, вотъ уже девятый годъ, и пользуется (писано въ 1878 г.), не теряя сочувствія и поддержки своихъ, довольно многочисленныхъ, читателей. Заговоривъ о зарѣ жизни моего изданія, прослѣжу здѣсь и тѣ моменты его страданій, которые ему, какъ одному изъ сочленовъ журналистики, довелось на себѣ испытать.

«Съ первой же книги, вышедшей безъ предварительной цензуры, мнѣ удалось вздохнуть свободнѣе. Такъ, въ Апрѣльской книгѣ 1870 г. помѣстилъ я въ высшей степени интересный отрывокъ изъ воспоминаній моего друга М. А Бестужева; въ этомъ отрывкѣ передается Бестужевымъ, извѣстнымъ декабристомъ, та таинственная стѣнная азбука, которую онъ изобрѣлъ и при посредствѣ которой разговаривалъ со своими соузниками въ казематахъ Петропавловской и Шлиссельбургской крѣпостей. Вырѣзки начались въ Августовской книжкѣ «Русской Старины» за 1870 г.; тамъ былъ напечатанъ значительный

отрывокъ изъ подлинной, бывшей у меня въ рукахъ, записки князя Щербатова «О повреждении нравовъ въ Россіи»... Начались нескончаемые переговоры или, лучше сказать, переторжки съ П. о пропускѣ тѣхъ или другихъ строкъ и страницъ изъ записки Щербатова. Разъ навсегда скажу, что я съ горячностью отстаивалъ при подобныхъ переговорахъ право напечатанія цѣликомъ историческаго документа; я готовъ всегда поступиться чуть не цѣлыми страницами въ статьяхъ собственныхъ, нынѣ живущихъ изслѣдователей и писателей, но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о воспроизведеніи историческаго акта, созданіе котораго принадлежитъ эпохѣ минувшей, тамъ, гдѣ дѣло идетъ о сохраненіи мысли и слова давно опочившаго дѣятеля, тѣмъ болѣе подвижника науки, тамъ я дѣйствую настоятельно и неуклонно. Записка Щербатова принадлежитъ именно къ тому роду документовъ, сохраненіе которыхъ полностью въ печати всецѣло принадлежитъ задачѣ того или другого историческаго изданія. Документъ этотъ написанъ почти девяносто лѣтъ назадъ (писано 1878 г.), написанъ человѣкомъ, хотя желчнымъ, одностороннимъ, но безспорно умнымъ, оказавшимъ большія услуги отечественной исторіографіи, занимавшимъ высокій постъ, по тогдашнему времени, русскаго сенатора, и вообще лицомъ, вполнѣ авторитетнымъ.... и я счелъ святымъ своимъ долгомъ воспроизвести его съ буквальною точностью.»....

«Двѣнадцать книжекъ долженъ я выпустить ежегодно; изданіе въ настоящее время безцензурное, но, тѣмъ не менѣе, за четыре дня до выхода книжки, какъ извѣстно, по закону 1865 г. и дополненію къ нему, по постановленію Государственнаго Совѣта, кажется, 1873 и 1874 г., книга такъ называемаго безцензурнаго періодическаго изданія должна посылаться на четверо сутокъ въ Цензурный комитетъ, и въ эти-то четверо сутокъ она проходитъ черезъ всевозможныя испытанія, а ея редакторъ испытываетъ душевно-нравственныя муки; обыкновенно на второй, самое позднее, на третій день изъ цензуры получается записка въ третьемъ лицѣ, начертанная либо рукою почтеннаго Предсѣдателя комитета, Александра Григорьевича *Петрова*, или рукою его секретаря, Николая Ивановича Пантелѣева; обыкновенно пишется, что «Предсѣдатель Цензурнаго комитета, свидѣтельствуя почтеніе, а иногда и глубочайшее почтеніе Михаилу Ивановичу Семевскому, покорнѣйше проситъ пожаловать для объясненій, либо переговоровъ о

такой-то книгѣ «Русской Старины» къ нему на квартиру или въ цензурный комитетъ, отъ такого-то по такой-то часъ». Въ первые годы подобныя приглашенія являлись для меня сильнымъ нравственнымъ толчкомъ; я тревожился, волновался, безпокоился, но въ послѣдніе годы — къ чему только не привыкнешь — получая приглашеніе, отправлялся по немъ въ самомъ обыкновенномъ настроеніи духа...

« — Вотъ потому-то, что ваше изданіе такъ много читается и, притомъ, читается лицами, такъ высоко стоящими, поэтому самому», вѣщаетъ мнѣ обыкновенно Предсѣдатель Цензурнаго Комитета — и вынуждены мы относиться къ нему какъ можно внимательнѣе. Вы уже и безъ того представленіемъ на страницахъ своего журнала историческихъ матеріаловъ произвольно надвинулись на времена, до крайности къ намъ близкія, говорите о лицахъ, нерѣдко еще въ настоящее время живыхъ, хотя и черпаете ихъ изъ временъ прошедшихъ».

«Въ теченіе 1881—1882 годовъ «Русская Старина» выдержала только одинъ натискъ со стороны цензурнаго управленія. Въ Январьской книгѣ 1881 г. было помѣщено начало обширныхъ записокъ Дмитрія Алексѣевича Завалишина. Это личность, въ высшей степени своеобразная и въ высшей степени несимпатичная. 79-ти лѣтній старецъ, онъ получилъ солидное образованіе въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ почти тотчасъ, со школьной скамьи, сдѣлался преподавателемъ; потомъ принялъ участіе въ кругосвѣтномъ плаваніи и во время поѣздки заграницей измыслилъ цѣлый проектъ объ учрежденіи Ордена возстановленія порядка и поддержки авторитета правительства, словомъ сказать, Орденъ съ самымъ благонамѣреннымъ направленіемъ для противодѣйствія развивавшимся тогда тайнымъ кружкамъ и обществамъ. Проектъ былъ посланъ имъ въ руки Государя, и, вотъ, къ Завалишину летитъ приглашеніе или повелѣніе явиться для разъясненія этого проекта лично къ Государю. Повелѣніе застало Завалишина чуть не при устьяхъ Амура, и онъ черезъ всю Сибирь проѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь, однако, дѣло, такъ сказать, не выгорѣло, такъ какъ отдано было въ руки Аракчеева, который, конечно, на каждое вмѣшательство частныхъ людей въ дѣло власти не могъ смотрѣть благосклонно. И вотъ Завалишинъ, обиженный такимъ оборотомъ дѣла, начинаетъ волновать офицеровъ Морскаго экипажа разными либеральными разсужденіями о возможности производства въ Россіи рево-

люціи и постепенно примыкаетъ къ Сѣверному Тайному Обществу. Декабристы, однако, какъ тогда, такъ и значительно позднѣе, всегда чурались Завалишина и утверждали, что онъ къ ихъ семьѣ никогда не принадлежалъ. И, дѣйствительно, въ то время, когда производились аресты, именно въ концѣ 1825—1826 г.г., Завалишинъ не только не былъ привлеченъ, но судьба едва не наградила его флигель-адъютантскими эксельбантами. Императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ морской музей, блистательно устроенный по тому времени однимъ изъ декабристовъ, Николаемъ Александровичемъ Бестужевымъ, и здѣсь молодой офицеръ Завалишинъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, былъ весьма расторопнымъ и умѣлымъ путеводителемъ молодому Императору при объясненіи разныхъ примѣчательностей музея. Государь былъ очень доволенъ толковыми и интересными объясненіями Завалишина и тогда же приказалъ окружающему его начальству имѣть этого молодаго офицера въ виду, какъ умнаго и дѣятельнаго. Но, вотъ, одинъ изъ арестованныхъ офицеровъ морскаго Гвардейскаго Экипажа пробалтывается о слышанныхъ имъ и даже не ему говоренныхъ либеральныхъ разсужденіяхъ Завалишина, и Завалишина арестуютъ. Тутъ, при слѣдственной коммисіи, увлекаемый своимъ непомѣрнымъ самолюбіемъ, Завалишинъ постепенно додумывается сдѣлать изъ себя крупнаго политическаго человѣка и едва-ли не возводитъ на себя того, что у него, если и было, то только въ его фантазіи, возбужденной обиженнымъ самолюбіемъ со стороны Императора Александра I-го. Завалишинъ, не будучи въ сущности декабристомъ, попадаетъ, однако, въ одинъ изъ высшихъ съ ними разрядовъ по приговору и отправляется въ Сибирь. Отщепенецъ отъ артели декабристовъ, въ теченіе долголѣтняго заточенія въ острогахъ Читинскомъ и Петровскомъ, Завалишинъ посвящаетъ себя наукамъ, изученію языковъ и, вслѣдствіе своего крайне вздорнаго характера и болѣзненнаго самолюбія, остается, какъ я сказалъ, во все время въ полномъ отчужденіи отъ своихъ соузниковъ. Этому отчужденію содѣйствовало, между прочимъ, и то, что подъ одною крышею острога, по его же ходатайству, помѣстили сосланнаго въ каторжныя работы его роднаго младшаго брата, едвали не больнаго страстью весьма необыкновенною, страстью къ доносамъ. Подробное изложеніе тѣхъ обстоятельствъ, которыя привели Ипполита Завалишина-втораго въ Сибирь, находится въ запискахъ ба-

рона Штейнгеля, напечатанныхъ въ Декабрьской книгѣ «Русской Старины» 1881 г. и въ Январьской книгѣ 1882 г. Этотъ послѣдній Завалишинъ вызывалъ къ себѣ всеобщее омерзѣніе, и, конечно, омерзѣніе это не могло содѣйствовать развитію добрыхъ чувствъ и къ старшему брату. Съ начала 1840-хъ годовъ, съ появленіемъ въ Иркутскѣ предпріимчиваго Генералъ-Губернатора, Николая Николаевича Муравьева, завязывается дѣло о присоединеніи Амура. Завалишинъ, какъ умный человѣкъ и почти сибирякъ-туземецъ, вслѣдствіе долговременнаго пребыванія своего въ краѣ, не могъ, конечно, остаться въ сторонѣ въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ такъ нуждались въ людяхъ. Онъ и помогалъ своими совѣтами, къ нему и обращались, доколѣ, опять таки, болѣзненно развитое непомѣрное самолюбіе не привело къ разрыву его добрыхъ отношеній какъ съ Муравьевымъ-Амурскимъ, такъ и съ его ближайшими сподвижниками. Начались непріятности. Появились статьи Завалишина въ «Морскомъ сборникѣ» по вопросу объ Амурѣ, и дѣло кончается ссылкою Дмитрія Завалишина, но уже ссылкою изъ Сибири въ Москву, кажется, въ 1858 г. Съ 1860 г., при составленіи моихъ статей объ одномъ изъ декабристовъ, Александрѣ Александровичѣ Бестужевѣ, я, ради собиранія матеріаловъ, сначала чрезъ переписку, а потомъ и лично познакомился съ нѣкоторыми весьма уважаемыми старцами-декабристами. Таковы были: баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ, Михаилъ Александровичъ Бестужевъ, Оржицкій, Цебриковъ и, въ особенности, съ престарѣлымъ декабристомъ барономъ Владиміромъ Ивановичемъ Штейнгелемъ. Всѣ они и, въ особенности, послѣдній неодобрительно отзывались о Дмитріѣ Завалишинѣ, не признавали его *своимъ* и совѣтывали не вступать съ нимъ ни въ какія сношенія.

«Помня этотъ совѣтъ, я отвѣчалъ совершеннымъ отказомъ Дмитрію Завалишину, когда тотъ, при началѣ моего изданія «Русская Старина» въ 1870 г., обратился съ предложеніемъ своего сотрудничества изъ Москвы. Но прошло одиннадцать лѣтъ, и на новое предложеніе Завалишина, выразившееся присылкою какихъ-то замѣтокъ о пребываніи декабристовъ въ Читѣ и Петровскѣ, я имѣлъ неосторожность вступить съ нимъ въ переписку, исходя изъ той мысли, что о себѣ-то самомъ, въ особенности, объ эпизодѣ, съ нимъ бывшемъ въ царствованіе Александра I, когда онъ представилъ свой проектъ

«Ордена возстановленія», онъ, какъ мнѣ казалось, можетъ разсказать подробности не безъинтересныя, что я ему и предложилъ, но вскорѣ и самъ не радъ былъ своему предложенію. Заскрипѣло перо Завалишина, и потянулись длиннѣйшія, мелкимъ бисеромъ нанизанныя письма-статьи, въ четвертную долю формата, объ этомъ злополучномъ «Орденѣ возстановленія». Въ началѣ почему-то, безъ сомнѣнія, опасаясь возраженій со стороны оставшихся въ живыхъ семи или восьми декабристовъ, Дмитрій Завалишинъ просилъ статьи его хранить только въ архивѣ редакціи и отнюдь не печатать, что, однако, не мѣшало ему брать отъ меня гонораръ и перебрать до четырехсотъ рублей впередъ за эти статьи. Но, вотъ, въ «Русскомъ архивѣ» появляется перепечатка донесенія слѣдственной коммисіи 1826 г. по дѣлу декабристовъ; въ этомъ донесеніи, перомъ его составителя, Дмитрія Николаевича Блудова, нравственный образъ Завалишина очерченъ крайне неблагопріятно и даже нѣсколько въ комическомъ родѣ. Видимо задѣтый за живое возстановленіемъ въ печати текста полузабытаго документа, Завалишинъ далъ мнѣ разрѣшеніе начать печатать рядъ его статей объ «Орденѣ возстановленія». Этимъ я и занялся въ Январской книгѣ. Въ теченіе длиннаго ряда годовъ существованія «Русской Старины» крайне рѣдко Январская книга проходила между Сциллою и Харибдою: непремѣнно ножницы цензуры болѣе или менѣе ее потрошили. Такъ случилось и теперь. Нѣсколько страницъ разсужденій Завалишина въ его запискахъ, разсужденій о томъ, что во всякомъ революціонномъ движеніи, если виноваты революціонеры, то едвали не болѣе виноваты реакціонеры, вызывающіе революцію, разсужденія, не представляющія изъ себя ничего ни особенно новаго, ни особенно интереснаго, вызвали докладъ со стороны цензуры Игнатьеву, бывшему тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ. Я даже не явился и отстаивать эти страницы болтовни, такъ какъ принялъ за правило защищать только неоспоримой важности историческіе документы.

«Закончу настоящую замѣтку нѣсколькими словами о Завалишинѣ. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1881 года, въ бытность мою въ Москвѣ, я нашелъ его давно уже живущимъ въ меблированныхъ комнатахъ дома Скворцова. Ко мнѣ вышелъ небольшаго роста желтенькій, тщательно весь выбритый старичекъ, крайне сухой, жилистый и въ высшей степени несим-

Библиотека Академии наук

(В. О. Биржевая линия, д. № 1. Телефоны: Директор — 511-25, Уч. Секретарь — 637-26,

патичный. Обстановка была бѣдная. Видѣлъ я его окруженнымъ тремя маленькими ребятишками и постояннымъ сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей», куда онъ переводитъ телеграммы и всякую газетную мелочь. Онъ принялъ меня очень радушно и торопливо сталъ показывать свой объемистый бумажный хламъ. Чего, чего тутъ только не было: и исторія Сибири чуть ли не за пятьдесятъ лѣтъ, и громадный фоліантъ библіи еврейской, на поляхъ покрытый замѣтками; только впослѣдствіи я догадался, что этотъ фоліантъ онъ хранитъ и показываетъ всѣмъ, какъ бы доказательство своего знанія древне-еврейскаго языка, который будто бы изучилъ въ Петровскомъ острогѣ. Поразило меня также и то обстоятельство, что старикъ тщательно хранитъ повѣстки во всевозможныя благотворительныя и другія общества города Москвы и, показывая эти повѣстки, объяснялъ мнѣ, опираясь на эти *доказательства*, что эти общества чуть не всѣ имъ либо основаны, либо только и держатся его совѣтами и личною дѣятельностью. Хвастовство и жалкое тщеславіе почти восьмидесятилѣтняго старца было разоблачено въ двухъ статьяхъ нѣкоего Фролова-декабриста, появившихся въ «Русской Старинѣ» въ книгахъ Майской и Іюньской.

«Строго держась правила полнаго безпристрастія, я не могъ не дать мѣста этимъ скромнымъ и съ большимъ достоинствомъ написаннымъ статьямъ честнаго старика Фролова. Шагъ за шагомъ онъ разбилъ росказни Завалишина о декабристахъ и его значеніи въ ихъ обществѣ. Послѣдній почти захлебнулся отъ злости и желчи, и вмѣсто того, чтобы представить опроверженіе, возможно спокойное и толковое, онъ излился въ письмахъ ко мнѣ въ цѣломъ потокѣ ругательствъ. Тутъ досталось и Фролову, и прочимъ декабристамъ, и, разумѣется, мнѣ. Отвѣтомъ было съ моей стороны возвращеніе Завалишину, чрезъ одного изъ московскихъ нотаріусовъ, цѣлой кучи статей Д. Завалишина.

«Старецъ продолжаетъ, однако, еще мнѣ угрожать и время отъ времени выстрѣливаетъ въ меня длиннымъ и злобнымъ письмомъ, но я уже твердо теперь помню предостереженіе, данное мнѣ еще въ 1862 г. барономъ Штейнгелемъ, а позднѣе еще и другими декабристами, и не протянулъ, конечно, руки этому лживому старику.

«2 іюня 1882 г., въ бытность мою со всей семьею въ Швейцаріи, я прочелъ телеграмму о назначеніи графа Д. А. Толстого министромъ внутреннихъ дѣлъ. Конечно, это внезапное назначеніе удивило меня.

Назначеніе новаго министра внутреннихъ дѣлъ вызвало со стороны редакціи «Русской Старины» опасенія за участь нѣкоторыхъ интересныхъ матеріаловъ, предназначавшихся къ помѣщенію въ ближайшихъ книжкахъ журнала. Но, вотъ, съ 24 іюня 1882 г. я опять въ Россіи, и книжка за книжкой «Русской Старины» выходятъ совершенно спокойно. Между прочимъ, случилось мнѣ въ концѣ Сентября получить весьма интересный разсказъ изъ Одессы объ Іосифѣ Сѣмашко. Зная, что графъ Дмитрій Толстой нѣкогда, именно въ 1869 году, составилъ обширную и весьма интересную статью по запискамъ митрополита Сѣмашко, я препроводилъ полученный мною разсказъ на его, т. е. министра, заключеніе, прося дать о статьѣ его отзывъ и сдѣлать, буде признаетъ нужнымъ, нѣкоторыя въ разсказѣ поправки. Толстой возвратилъ корректуру при письмѣ, сравнительно весьма любезномъ, въ которомъ оговариваетъ нѣсколько весьма существенныхъ поправокъ, сдѣланныхъ имъ въ статьѣ. Поправками этими я и воспользовался, помѣстивъ статью о Сѣмашкѣ въ Ноябрьской книгѣ «Русской Старины». Къ чести графа Толстаго, съ признательностью скажу, что, видимо, его оборонѣ я обязанъ, что Ноябрьская книга «Русской Старины» 1882 г. прошла безъ сучка и задоринки, а между тѣмъ въ ней, и именно въ ней, помѣщена первая половина весьма важныхъ записокъ графа Муравьева-Виленскаго. Конечно, не направленіе этихъ записокъ (кто не знаетъ Муравьева-Виленскаго и его направленія), но нѣкоторые желчные отзывы его о разныхъ современныхъ ему государственныхъ дѣятеляхъ, наконецъ, его рѣзкое показаніе о той паникѣ, которая овладѣла нѣкоторыми лицами въ 1863 году по предмету польскаго вопроса, вызвали мое опасеніе, что цензура наложитъ свою желѣзную лапу на эти, во всякомъ случаѣ, драгоцѣнныя записки. Книга, однако, прошла благополучно и появленіемъ своимъ вызвала весьма оживленную полемику въ нашихъ газетахъ».

«Въ Апрѣльской книжкѣ (1886 г.) «Русской Старины» я намѣревался печатать обширный переводъ, исполненный В. А. Бильбасовымъ, переводъ сочиненія Гельбига «Русскіе любимцы и случайные люди въ XVIII вѣкѣ»... Изданіе этого перевода доставило мнѣ много хлопотъ въ цензурномъ отношеніи. Независимо отъ словесныхъ объясненій, я представилъ министру обстоятельную записку, въ которой

горячо отстаивалъ сочиненіе Гельбига, и, благодаря ходатайству президента Академіи наукъ, графа Толстаго, *изъ книги, предположенной со стороны Цензурнаго комитета къ полнѣйшему запрету, не было выброшено ни единаго слова.*

«За всѣмъ тѣмъ, съ грустью смотришь на шаткость положенія у насъ, въ русскомъ обществѣ, даже и такихъ спеціальныхъ журналовъ, которые посвящены исключительно разработкѣ отечественной старины и, притомъ, трудятся, какъ, напр., мое изданіе, съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ, ревнуя лишь *о правдѣ*, объ одной только правдѣ. По простому произволу, по невниманію и небреженію къ наукѣ со стороны лицъ, у власти стоящихъ, журналъ постоянно рискуетъ своимъ существованіемъ, ибо достаточно обречь журналъ на крайнюю сдержанность въ выборѣ матеріала, чтобы предсказать ему медленную, но вѣрную смерть, да и самый успѣхъ у насъ журнала выражается въ столь скромныхъ цифрахъ, что число его подписчиковъ является песчинкой въ многомилліонномъ нашемъ отечествѣ. «Русская Старина» считается по успѣху не только первымъ изъ спеціальныхъ изданій, но однимъ изъ первыхъ также въ ряду вообще ежемѣсячныхъ русскихъ журналовъ, а между тѣмъ и въ 17 лѣтъ (писано въ 1887 году) своего существованія она не выходитъ изъ шести тысячъ годовыхъ подписчиковъ, т. е. можетъ считать у себя шестьдесятъ тысячъ читателей, полагая по десяти человѣкъ на каждый экземпляръ».

Какъ ни мала можетъ казаться выше приведенная цифра по сравненію съ тѣмъ кругомъ читателей, который могъ бы имѣть этотъ журналъ, еслибы количество публики читающей, а тѣмъ болѣе выписывающей серьезныя изданія, было у насъ болѣе велико, совершенно иною покажется она, если сравнить ее съ числомъ подписчиковъ другихъ повременныхъ изданій, которыя по своему, главнымъ образомъ, литературному характеру могутъ разсчитывать на гораздо болѣе обширный кругъ читателей. При сравненіи числа подписчиковъ, имѣвшихся у этихъ журналовъ въ разные годы, оказывается, что «Русская Старина», въ изданіи М. И. Семевскаго, не смотря на свой спеціальный характеръ, занимала по числу подписчиковъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей журналистикѣ, и что она весьма быстро пріобрѣла прочный успѣхъ и извѣстный, постоянный кругъ читателей; все это произошло, благодаря обилію появлявшагося въ ней новаго, крайне

любопытнаго и разнообразнаго матеріала, благодаря удачному составу ея книгъ и, въ особенности, той объективности, къ которой стремился ея покойный основатель; при этомъ надобно замѣтить, что интересъ къ журналу съ теченіемъ времени не только не ослабѣвалъ, но, напротивъ того, постоянно возросталъ.

Уже къ Сентябрю мѣсяцу 1870 года всѣ первыя шесть книгъ журнала разошлись сполна и были напечатаны вторымъ изданіемъ (въ обоихъ изданіяхъ разошлось 2.600 экз.), которое точно также было разобрано весьма быстро и вскорѣ сдѣлалось библіографической рѣдкостью. Вслѣдствіе продолжавшихъ поступать въ редакцію требованій, «Русская Старина» 1870 года была отпечатана въ 1875 году *третьимъ* изданіемъ. Нѣкоторые другіе года, какъ 1872, 1876, 1880 и 1884, выдержали по два изданія. Успѣхъ для подобнаго періодическаго изданія небывалый!

Съ 1871 г., т. е. на второй годъ изданія, «Русская Старина» имѣла уже 3500 подписчиковъ; въ послѣдующіе года количество ихъ постоянно увеличивалось и одно время доходило до шести тысячъ; среднимъ числомъ журналъ расходился ежегодно въ количествѣ пяти тысячъ экземпляровъ. Самыя книжки «Русской Старины» становились мало по малу объемистѣе; увеличилось ежегодно и число томовъ, въ которые соединялись эти книжки. Въ первые года на одинъ томъ приходилось по шести книгъ, впослѣдствіи по четыре, а съ 1882—по три, и каждый томъ заключалъ въ себѣ не менѣе 600—800 страницъ убористой печати, что значительно превосходило условія, объявленныя при первоначальной подпискѣ на журналъ. При всемъ томъ издатель заботился и о внѣшности изданія и, не останавливаясь передъ издержками, обратилъ «особенное вниманіе на то, чтобы бумага, шрифты, а равно и точность, чистота и исправность печати были безукоризненны». Съ теченіемъ времени «Русская Старина» стала украшаться превосходными гравюрами—портретами достопамятныхъ русскихъ дѣятелей,—которыя съ 1879 г. сдѣлались *постоянною*, хотя и не обязательною принадлежностью *каждой* книги этого журнала. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что именно Михаилу Ивановичу Семевскому принадлежитъ починъ постояннаго украшенія историческихъ сборниковъ портретами; его примѣръ вызвалъ подражаніе въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ, но гравюры «Русской Старины»,

по художественному исполненію, безспорно стояли выше подобныхъ же приложеній другихъ историческихъ журналовъ. Хотя въ послѣдніе годы дорого стоющая гравюра на мѣди совершенно исчезаетъ изъ употребленія въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ, но «Русская Старина» продолжала пользоваться ею, какъ самымъ лучшимъ способомъ художественнаго воспроизведенія портретовъ. Благодаря прекрасной и удачной мысли своего основателя, этотъ журналъ далъ русской читающей публикѣ цѣлую коллекцію портретовъ самыхъ выдающихся нашихъ дѣятелей на разныхъ поприщахъ служенія отечеству. Всѣ эти портреты исполнены на деревѣ или на мѣди съ лучшихъ оригиналовъ рѣзцомъ нашихъ первыхъ граверовъ: для «Русской Старины» работали нашъ извѣстный ксилографъ, академикъ Л. А. Сѣряковъ, и его достойные ученики и сотрудники—Г. И. Грачевъ, В. В. Матэ и И. И. Матюшинъ, и граверы на мѣди — академики И. П. Пожалостинъ, Ѳ. И. Веревкинъ, Ѳ. А. Мѣркинъ и А. О. Шейманъ.

Независимо отъ портретовъ, рисунковъ, снимковъ съ медалей, чертежей, плановъ и автографовъ, появлявшихся на страницахъ «Русской Старины» въ видѣ приложеній, она стала украшаться съ 1891 г. виньетками, заставками и рисунками, исполненными маститымъ профессоромъ археологической живописи и другомъ покойнаго Михаила Ивановича Семевскаго, Ѳ. Г. Солнцевымъ. Имѣя девяносто лѣтъ отъ роду (р. 1800†1892 г.), этотъ патріархъ русскихъ художниковъ, съ присущими ему талантомъ и тщательностью отдѣлки, нарисовалъ для журнала массу виньетокъ, большинство которыхъ составляетъ вполнѣ точное изображеніе видѣнныхъ имъ предметовъ стариннаго русскаго быта.

Прилагая всевозможное стараніе къ улучшенію журнала съ внѣшней, издательской, стороны, Семевскій еще болѣе заботился о томъ, чтобы придать ему интересъ удачнымъ подборомъ статей.

Благодаря его связямъ и сношеніямъ со многими выдающимися современными дѣятелями, въ архивъ «Русской Старины» стекались со всѣхъ сторонъ отъ частныхъ лицъ матеріалы высокаго интереса. Безъ преувеличенія можно сказать, что почти ежедневно редакторъ этого журнала получалъ съ разныхъ концовъ Россіи новые матеріалы, а иногда и многотомныя рукописи, о чемъ свидѣтельствуютъ редакціонныя книги, собственноручно имъ веденныя, въ которыхъ онъ всегда

съ удовольствіемъ отмѣчалъ мѣсяцъ и число поступленія въ его архивъ того или другого матеріала. По длинному списку лицъ, сообщившихъ «Русской Старинѣ» свои статьи и матеріалы (списокъ этотъ печатался ежегодно въ декабрьской книжкѣ), можно судить, какъ богатъ былъ источникъ, изъ котораго питался журналъ; по словамъ Михаила Ивановича, «всѣ лица, къ которымъ онъ только ни обращался съ просьбою о содѣйствіи изданію своими статьями и сообщеніемъ матеріаловъ, отозвались на его призывъ съ полнымъ сочувствіемъ и весьма многіе изъ нихъ доставили ему, по истинѣ, драгоцѣнные матеріалы [1])»

Уваженіе къ исторической правдѣ, къ чужому слову было отличительной чертою М. И. Семевскаго; эта черта выразилась при изданіи имъ «Русской Старины» въ томъ, что онъ всегда ревностно отстаивалъ цѣлость того или другого матеріала, предпочитая повременить печатаніемъ документа, нежели помѣщать его въ искаженномъ, урѣзанномъ видѣ; съ своей стороны, онъ никогда не позволялъ себѣ дѣлать въ матеріалахъ какіе-либо пропуски, сокращенія, которые могли бы измѣнить или затемнить ихъ смыслъ. Это высоко цѣнилось людьми, обладавшими какими-либо важными, въ историческомъ отношеніи, воспоминаніями или бумагами, и многіе съ полнымъ довѣріемъ вручали Семевскому для храненія въ его архивѣ свои записки или фамильные документы съ просьбою напечатать ихъ послѣ ихъ кончины, или когда настанетъ удобное для этого время, вполнѣ увѣренные, что ихъ воля будетъ свято имъ исполнена. Михаилъ Ивановичъ не довольствовался одною пассивною ролью редактора, который, по словамъ Шелгунова, «спокойно стоитъ на мѣстѣ, а на него откуда-то, сверху, точно изъ рога изобилія, сыплются разныя умственныя блага, и задача коего состоитъ только въ томъ, чтобы приводить эти блага въ систему и порядокъ». Отнюдь не желая довольствоваться только тѣмъ, что могло болѣе или менѣе случайно попасть въ его руки, онъ всегда старался самъ отыскать новые матеріалы и извлечь ихъ у тѣхъ лицъ, у которыхъ, по его соображеніямъ, таковые могли оказаться. Съ этою цѣлью М. И. Семевскій поддерживалъ связи съ людьми самыхъ разнообразныхъ профессій, стараясь побудить ихъ къ составленію своихъ воспоминаній или къ приведенію въ порядокъ

[1]) «Русская Старина» 1870 г. изд. 3, стр. 3.

фамильныхъ архивовъ и бумагъ. Такимъ путемъ онъ получилъ многіе документы, которые иначе, быть можетъ, долго залежались бы въ частныхъ, семейныхъ, архивахъ или, по какой-нибудь случайности, совершенно были бы потеряны для потомства.

Зачастую бываетъ, что люди, стоящіе у власти, видные дѣятели на томъ или другомъ поприщѣ служенія отечеству, сходятъ въ могилу, оставаясь въ долгу передъ потомствомъ, унося съ собою драгоцѣнныя воспоминанія, которыя со временемъ могли бы пролить яркій свѣтъ на событія и лица ихъ времени. По присущей многимъ лѣни и привычкѣ откладывать все въ долгій ящикъ, за частую бываетъ необходимо, чтобы какая-нибудь посторонняя сила принудила ихъ взяться за дѣло, а тѣмъ болѣе за перо и бумагу. Такою силою, по отношенію ко многимъ, являлся Михаилъ Ивановичъ, обладавшій особымъ даромъ вызывать соприкасавшихся съ нимъ людей на откровенные разсказы на затронутую тему, умѣвшій заставить ихъ разговориться, воскресить въ своей памяти давно забытые образы и событія минувшаго. Приведемъ нѣсколько примѣровъ этого.

Читателямъ «Русской Старины», конечно, памятны весьма интересные и увлекательные очерки Т. П. Пассекъ «Изъ дальнихъ лѣтъ». Покойная писательница приступила къ составленію этихъ записокъ единственно лишь по совѣту и настоянію М. И. Семевскаго въ то время, когда ей было почти семьдесятъ лѣтъ; поэтому можно сказать съ полною увѣренностью, что ея интересныя воспоминанія, заключающія драгоцѣнный матеріалъ для характеристики лучшихъ представителей нашей литературы 1820 — 30-хъ годовъ, сошли бы въ могилу вмѣстѣ съ нею, еслибы Семевскій при свиданіяхъ съ нею не настаивалъ энергично на ихъ составленіи.

По его же почину возникли интересныя «Записки сельскаго священника», рельефно изображающія бытъ православнаго духовенства. Составитель этихъ очерковъ былъ уже человѣкъ весьма пожилой въ то время, когда съ нимъ познакомился Михаилъ Ивановичъ; онъ никогда и нигдѣ ничего не печаталъ и взялся за перо исключительно по вызову редактора «Русской Старины», подавшаго ему мысль изложить для потомства все имъ видѣнное и пережитое.

По приглашенію Михаила Ивановича изложилъ свои интересныя записки незадолго до своей кончины и Н. В. Бергъ; онѣ были достав-

лены въ редакцію уже послѣ кончины автора; то же можно сказать и о воспоминаніяхъ П. А. Каратыгина, которыя служатъ превосходнымъ матеріаломъ для исторіи русскаго театра и заключаютъ мастерскія характеристики многихъ артистовъ и лицъ, соприкасавшихся съ театральнымъ міромъ; хотя черновые эскизы этихъ воспоминаній были набросаны Каратыгинымъ лѣтъ за пять до ихъ появленія въ «Русской Старинѣ», но, еслибы не толчекъ, данный ему Михаиломъ Ивановичемъ, они такъ и остались бы въ видѣ отрывочныхъ, разрозненныхъ замѣтокъ, не вылившихся въ одно цѣлое, такъ какъ эти воспоминанія не были еще окончены печатаніемъ, какъ смерть свела ихъ автора въ могилу (24 сентября 1879 г.). Упомянемъ еще о запискахъ основателя Императорскаго Новороссійскаго Историческаго Общества въ Одессѣ Н. Н. Мурзакевича, который также былъ вызванъ къ ихъ составленію настойчивыми просьбами Михаила Ивановича. «Каждый разъ, когда только пріѣзжалъ Николай Никифоровичъ въ Петербургъ, разсказываетъ по этому поводу Михаилъ Ивановичъ,—«онъ посѣщалъ насъ; его добродушные, остроумные разсказы представляли много любопытнаго, каждый разъ мы просили его сохранить эти воспоминанія въ связно изложенныхъ, возможно подробныхъ запискахъ.

«—Онѣ васъ не минуютъ», говаривалъ, шутя Мурзакевичъ; но вотъ онъ умираетъ въ Одессѣ, и, конечно, намъ не могло придти и въ голову, чтобы сочлены его по Одесскому Историческому Обществу упустили изъ виду какъ записки, такъ и вообще бумаги лица, которое всю свою жизнь отдало преимущественно на упроченіе и развитіе дѣятельности имъ основаннаго Общества; между тѣмъ, это случилось, и мы совершенно неожиданно получили какъ записки, такъ и бумаги покойнаго отъ почтеннаго священника одного изъ полковъ, расположенныхъ въ западныхъ губерніяхъ. Этотъ священникъ, племянникъ покойнаго, унаслѣдовалъ его бумаги и избралъ «Русскую Старину» для помѣщенія своего интереснаго для отечественной исторіи наслѣдія».

Что касается разсказовъ или бесѣдъ съ Семевскимъ тѣхъ лицъ, которыя, за отсутствіемъ досуга или охоты, не могли приняться за составленіе своихъ воспоминаній, то подобные, не рѣдко въ высшей степени замѣчательные, разсказы записывались имъ или стенографировались со словъ этихъ лицъ, а затѣмъ, съ ихъ согласія, помѣщались на страницахъ его журнала; такъ возникли, еще недавно,

высокаго интереса воспоминанія И. К. Айвазовскаго, А. Г. Рубинштейна, Ѳ. Г. Солнцева и др. лицъ. Собраніе и воспроизведеніе на страницахъ «Русской Старины» подобныхъ записокъ и воспоминаній составляетъ личную, весьма крупную и неотъемлемую заслугу М. И. Семевскаго передъ русскою историческою наукою, которая, благодаря его заботливости и любви къ ней, обогатилась, какъ вышеназванными, такъ и многими другими драгоцѣнными матеріалами. Въ этомъ отношеніи М. И. Семевскій представлялъ собою идеальный типъ редактора-собирателя, тщательно и умѣло отыскивающаго всюду нужные ему матеріалы. Къ сожалѣнію, относительно самого Михаила Ивановича никто не сослужилъ той службы, которую онъ такъ охотно бралъ на себя по отношенію къ другимъ: никто не натолкнулъ его на составленіе его собственныхъ воспоминаній, глубокій интересъ которыхъ не подлежалъ бы ни малѣйшему сомнѣнію. Послѣ него остались автобіографическія замѣтки, но ему не удалось обработать, привести ихъ въ порядокъ.

Изо всѣхъ матеріаловъ, поступившихъ въ редакцію «Русской Старины», не говоря о подлинныхъ актахъ, указахъ и т. п. документахъ, значеніе которыхъ понятно само собою, покойный основатель и редакторъ ея въ особенности цѣнилъ подлинные дневники, записки и воспоминанія русскихъ людей, къ какому бы слою общества ни принадлежалъ писавшій, и охотно помѣщалъ автобіографіи и памятныя записки самыхъ скромныхъ дѣятелей на ряду съ записками лицъ, высоко стоявшихъ и по своему общественному положенію, и по образованію и заслугамъ. Такъ, напр., въ 1881 году были напечатаны въ «Русской Старинѣ» обширныя записки бывшаго крѣпостнаго крестьянина Шипова подъ заглавіемъ «Исторія жизни», затѣмъ воспоминанія Чемесова, Второва и другихъ. Такъ какъ главное достоинство подобныхъ записокъ и дневниковъ заключается единственно въ правдивости разсказа и въ томъ особомъ колоритѣ, который накладываютъ на изложеніе извѣстная эпоха или кругъ дѣятельности писавшаго, то эти матеріалы печатались, насколько это зависѣло отъ редакціи, съ совершенною точностью, дословно, а нѣкоторые, почему либо особенно важные или характеристичные, и буквально съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

«Для тѣхъ, кто незнакомъ близко съ процессомъ изданія рукописныхъ историческихъ памятниковъ, трудъ этотъ можетъ казаться

весьма легкимъ и незамысловатымъ, когда онъ относится къ ближайшей намъ эпохѣ [1]). На дѣлѣ, однако, это выходитъ нѣсколько иначе. Добросовѣстная редакція письменныхъ памятниковъ даже позднѣйшаго времени требуетъ очень часто самой тщательной обработки; не говоря уже о томъ, что иные списки бываютъ или распространены, или сокращены противъ подлинника по какимъ-нибудь особымъ соображеніямъ, они зачастую искажаются только вслѣдствіе малограмотности ихъ переписчиковъ. Въ подобныхъ случаяхъ сличеніе нѣсколькихъ разнящихся между собою рукописей, при отсутствіи подлинной, и выборъ изъ нихъ наиболѣе достовѣрной составляютъ не малую часть редакціоннаго труда; иной разъ неразборчивость почерка, сокращеніе именъ собственныхъ, неопредѣленное означеніе личностей и отсутствіе хронологическихъ данныхъ заставляютъ подолгу вдумываться въ дѣйствительный смыслъ написаннаго и собирать разныя справки о тѣхъ личностяхъ, къ которымъ можетъ относиться какое-либо извѣстіе, встрѣчающееся хотя бы и въ подлинной рукописи. Кромѣ того, для такихъ провѣрокъ встрѣчается у насъ не мало препятствій вслѣдствіе крайне неудовлетворительной разработки біографическихъ и генеалогическихъ свѣдѣній даже о такихъ личностяхъ, которыя занимали весьма видное мѣсто въ нашей государственной или общественной дѣятельности». Образцомъ подобныхъ крайне неразборчивыхъ рукописей могутъ служить записки А. Т. Болотова, которыя были начаты печатаніемъ въ 1871 г. и изданы въ приложеніи къ «Русской Старинѣ». Писанныя старинным почеркомъ на пожелтѣвшей отъ времени бумагѣ, подъ титлами и съ массою недописанныхъ словъ и именъ собственныхъ, онѣ доставили редактору, по истинѣ, египетскую работу при возстановленіи тѣхъ пропусковъ, которые оставлялись переписчиками въ копіи, снятой съ этой рукописи.

Краткій перечень наиболѣе выдающихся мемуаровъ, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ» съ 1870 г. по 1892 г., краснорѣчиво говоритъ о томъ, что за 20 лѣтъ редактированія журнала М. И. Семевскимъ въ немъ появилась масса матеріаловъ, имѣющихъ значеніе и интересъ не только для тѣснаго кружка писателей-историковъ, но не менѣе интересныхъ и для образованнаго читателя-неспеціалиста,

---

[1]) «Русская Старина» 1873 г. ст. VII стр. 5.

и затрогивающихъ всѣ области частной, общественной и государственной жизни нашего отечества.

Въ ряду этихъ мемуаровъ назовемъ записки *А. Т. Болотова*, рисующія бытъ средняго великорусскаго дворянства въ XVIII столѣтіи, записки *Гарновскаго*, всесторонне изображающія дворъ и правительственныя сферы въ царствованіе Екатерины II, чрезвычайно любопытныя записки Александра Михайловича *Тургенева* о той же эпохѣ и о кратковременномъ царствованіи Павла Петровича, записки сенатора *П. С. Рунича*, принадлежащія къ числу важнѣйшихъ матеріаловъ для изслѣдованія Пугачевщины, записки Семена *Порошина*, воспитателя великаго князя Павла Петровича, изданныя безъ тѣхъ значительныхъ пропусковъ и сокращеній, которыя были сдѣланы цензурою въ первомъ ихъ изданіи (въ 1844 году), записки одного изъ ближайшихъ сподвижниковъ Александра I адмирала *П. В. Чичагова*, не менѣе любопытныя записки начальника тайной полиціи при Александрѣ I Якова Ивановича *де-Санглена*, записки *Добрынина* о духовенствѣ (1752 — 1827)—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ очерковъ русскаго быта минувшаго времени, заключающій живыя картины изъ жизни духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, помѣщиковъ и современнаго автору мелкаго чиновничества; высокій интересъ и значеніе этихъ записокъ были въ свое время вполнѣ оцѣнены органами русской періодической печати; затѣмъ назовемъ обширныя записки профессора С.-Петербургской духовной академіи *Д. И. Ростиславова*, по отношенію къ описанію быта нашего духовенства, имѣющія такое-же историческое значеніе, какъ записки Болотова по отношенію къ быту русскаго дворянства XVIII вѣка, воспоминанія *П. М. Дараганa*, перваго камеръ-пажа великой княгини Александры Ѳеодоровны, дающія любопытныя подробности придворнаго быта 1817—1820 г.г. и рисующія типическія черты характера Императора Николая Павловича въ его юности, дневникъ Вильгельма Карловича *Кюхельбекера* (1831—45 г.г.), представляющій богатый матеріалъ для обрисовки литературнаго и философскаго направленія представителей нашего образованнаго общества первой четверти XIX вѣка, записки *М. А. Бестужева*, знакомящія съ положеніемъ участниковъ возмущенія 14 Декабря во время содержанія ихъ въ Петропавловской крѣпости и пребыванія въ ссылкѣ; въ этомъ же отношеніи любопытны записки *Бѣляева*, *Завалишина*, Матвѣя Ивано-

вича *Муравьева-Апостола*, Прасковьи Егоровны *Анненковой*, читающіяся, какъ самый интересный романъ; укажемъ еще на воспоминанія и очерки *О. А. Пржецлавскаго* — цѣнный матеріалъ для исторіи русской цензуры, записки *Жиркевича*, посвященныя разсказамъ о нашей военной администраціи въ послѣдніе годы царствованія Александра I и въ первые годы по воцареніи Императора Николая, записки сенатора *Я. А. Соловьева*, имѣющія серьезное значеніе въ ряду матеріаловъ для исторіи крестьянской реформы, виднымъ дѣятелемъ которой былъ самъ авторъ этихъ записокъ, рѣдкія по своей своеобразности и интересу записки бывшаго повстанца, а затѣмъ энергическаго миссіонера уніи и, наконецъ, архимандрита русскаго монастыря Владиміра *Терлецкаго*, увлекательно и живо изложенныя воспоминанія *Т. П. Пассекъ*, рисующія русское общество 1810—1862 г.г. и пр. и пр.

Менѣе всего «Русская Старина» представила записокъ лицъ, принадлежавшихъ къ медицинскому міру, но въ этомъ отношеніи она была щедро вознаграждена «Посмертными Записками» знаменитаго хирурга, педагога и мыслителя *Н. И. Пирогова*, которыя имѣютъ высокое значеніе не только, какъ матеріалъ для его біографіи, но представляютъ богатыя данныя и для исторіи развитія русскаго общества за первыя сорокъ лѣтъ текущаго столѣтія. Эти громаднаго интереса записки, составленіе которыхъ до нѣкоторой степени было вызвано письмами Михаила Ивановича къ Пирогову, были завѣщаны послѣднимъ «Русской Старинѣ» и, согласно волѣ завѣщателя, переданы въ ея архивъ вдовою покойнаго хирурга.

Изъ воспоминаній, представителей медицинскаго міра можно отмѣтить также любопытныя записки лейбъ-медика *Д. К. Тарасова*, представляющія много интересныхъ подробностей объ Императорѣ Александрѣ I и о близкихъ къ нему лицахъ, а также записки почетнаго лейбъ-медика *Н. Ѳ. Здекауера* о военно-медицинской академіи.

Самымъ крупнымъ вкладомъ въ журналъ за послѣдніе годы явились записки и дневникъ академика Александра Васильевича *Никитенка*, печатавшіеся въ немъ безпрерывно въ теченіе пяти лѣтъ; къ сожалѣнію, за смертью М. И. Семевскаго, они не были окончены въ «Русской Старинѣ» и вышли полностью только въ отдѣльномъ изданіи. Почти всѣ органы нашей печати отвели на своихъ страни-

цахъ мѣсто многочисленнымъ выпискамъ изъ этого весьма важнаго историко-литературнаго памятника. Отличаясь образцовымъ слогомъ, дневникъ А. В. Никитенка, кромѣ драгоцѣнныхъ фактовъ чисто историческаго значенія, даетъ рядъ весьма тонко очерченныхъ характеристикъ нашихъ государственныхъ, общественныхъ и литературныхъ дѣятелей и массу интересныхъ данныхъ для исторіи русскаго образованнаго общества, вообще, и петербургскаго въ частности за время 1861—1870 гг. Довольно одного указанія на эти годы, чтобы представить себѣ богатство содержанія дневника, писаннаго, притомъ, человѣкомъ, столь высоко образованнымъ, какъ покойный А. В. Никитенка.

Въ «Русской Старинѣ» появилось также не мало записокъ и воспоминаній, относящихся къ исторіи искусствъ; таковы обширные мемуары Михаила Ивановича *Глинки*, воспоминанія *А. Г. Рубинштейна*, строителя храма Спасителя въ Москвѣ *А. Л. Витберга*, автобіографія академика *И. И. Пожалостина*, воспоминанія *И. Е. Рѣпина* о *И. Н. Крамскомъ*, записки *И. К. Айвазовскаго*, *Ѳ. И. Іордана*, *Ѳ. Г. Солнцева*, автобіографія *Сѣрякова*, воспоминанія *В. В. Самойлова*, *П. А. Каратыгина*, *Л. Л. Леонидова* и мн. др.

Менѣе крупныя по достоинству, но все же интересныя записки *Огаревой-Тучковой*, *М. Н. Кирѣева*, *Золотухиной* и многихъ другихъ лицъ даютъ картины домашняго быта русскаго общества въ разные моменты текущаго столѣтія.

Такимъ образомъ, передъ читателями «Русской Старины» въ весьма любопытныхъ запискахъ и воспоминаніяхъ современниковъ, а также въ многочисленныхъ монографіяхъ, изслѣдованіяхъ и очеркахъ прошелъ длинный рядъ историческихъ событій и дѣятелей XVIII и XIX вѣковъ: тутъ и сподвижники Екатерины II, и герои отечественной войны (Кульневъ, партизаны Фигнеръ, Сеславинъ), и «безъ лести преданный» Аракчеевъ, и исполнители предначертаній Александра II по освобожденію крестьянъ: *Я. И. Ростовцевъ*, *В. А. Черкасскій*, *Н. А. Милютинъ*, *Ю. Ѳ. Самаринъ*, *К. В. Чевкинъ*, *А. В. Головнинъ*, *С. И. Зарудный*, *Я. А. Соловьевъ*, *С. М. Жуковкій*, князь *А. И. Барятинскій*, *Н. И. Евдокимовъ* и др. О многихъ изъ нихъ въ «Русской Старинѣ» явились совершенно новыя или вполнѣ забытыя данныя.

Не будемъ перечислять тѣ многочисленные очерки и, болѣе или менѣе, обширныя изслѣдованія по вопросамъ новѣйшей русской исторіи, которые были помѣщены въ «Русской Старинѣ» покойнымъ Семевскимъ, и въ которыхъ эти вопросы разрабатывались на основаніи вновь добытыхъ данныхъ; достаточно сказать, что «Русская Старина» могла назвать по этому отдѣлу въ числѣ своихъ сотрудниковъ извѣстнѣйшихъ нашихъ профессоровъ, педагоговъ и писателей въ области отечественной исторіи: *В. А. Бильбасова*, *А. Г. Брикнера*, князя *Н. С. Голицына*, *Д. И. Иловайскаго*, *П. П. Карцова*, барона *Н. А. Корфа*, *Н. И. Костомарова*, *И. И. Ореуса*, *А. Н. Петрова*, *В. И. Семевскаго*, *Н. К. Шильдера* и др., талантливому перу которыхъ принадлежатъ многія статьи, помѣщенныя на страницахъ журнала.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Семевскій отводилъ въ своемъ журналѣ много мѣста матеріаламъ, относящимся къ исторіи отечественной словесности. Въ этомъ отношеніи ему «посчастливилось», какъ онъ самъ говорилъ приступая къ изданію «Русской Старины», онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи многія произведенія нашихъ писателей, которыя по разнымъ причинамъ или не были изданы ранѣе, или появились въ печати со значительными сокращеніями и пропусками; мало того, приливъ въ редакцію еще неизданныхъ произведеній многихъ нашихъ писателей, вопреки ожиданію, не прекращался, и «Русская Старина» съ каждымъ годомъ обогащалась матеріалами чисто литературнаго характера въ видѣ черновыхъ набросковъ, варіантовъ, плановъ и первообразовъ поэтическихъ твореній, а равно и произведеній нашихъ лучшихъ писателей, еще не бывшихъ въ печати.

При этомъ «Русская Старина» представляла ежегодно новыя данныя для біографій и оцѣнки произведеній выдающихся представителей отечественной литературы, въ особенности, ея новѣйшаго періода. Такимъ образомъ, на страницахъ этого журнала появились почти всѣ думы, посланія, эпиграммы *К. Ѳ. Рылѣева*, басни *И. А. Крылова*, *И. И. Хемницера*, *Измайлова*, до тѣхъ поръ существовавшія въ рукописи; стихотворенія графа *А. К. Толстаго*, извѣстнаго поэта, скрывающагося подъ иниціалами «К. Р.», трагедіи *Я. Б. Княжнина*, сатирика *А. Н. Нахимова*, *К. Н. Батюшкова*, барона *Дельвига*, *Розенгейма*, небывшія въ печати стихотворенія *В. А. Жуковскаго*, *М. Ю. Лермонтова*, (между прочимъ, вновь открытый варіантъ «Ма-

скарада»), *А. И. Одоевскаго*, *Кюхельбекера*, *Баратынскаго*, вновь найденныя строфы изъ «Евгенія Онѣгина» и отрывки изъ «Мертвыхъ душъ». Весь этотъ матеріалъ составилъ богатый вкладъ въ исторію русской литературы вмѣстѣ съ автобіографіями и перепискою нашихъ писателей, помѣщавшейся подъ тщательной редакціей знатока исторіи отечественной литературы *П. А. Ефремова*. Особенное значеніе и интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ обширная переписка *Н. В. Гоголя*, помѣщенная въ «Русской Старинѣ» въ 1888 году. Время отъ времени въ журналѣ помѣщались и нѣкоторые памятники русской народной словесности.

Этотъ бѣглый перечень матеріала, собраннаго на страницахъ «Русской Старины» ея покойнымъ основателемъ и редакторомъ, свидѣтельствуетъ о чрезвычайномъ разнообразіи содержанія журнала, затрогивавшаго положительно всѣ стороны нашей общественной жизни. Человѣкъ военный, чиновникъ, государственный дѣятель, служитель церкви, литераторъ, художникъ, музыкантъ, артистъ—одинаково находили въ немъ массу матеріала способнаго заинтересовать ихъ, и въ этомъ заключалась тайна популярности и успѣха, которые завоевала себѣ «Русская Старина».

Появленіе въ печати многихъ изъ этихъ документовъ, въ особенности, относящихся къ исторіи послѣднихъ десятилѣтій, было сопряжено для редактора съ массою хлопотъ и волненій, передъ которыми онъ однако никогда не останавливался. Прежде всего, имѣя въ виду историческую истину, онъ усердно хлопоталъ о разрѣшеніи напечатать тотъ или иной матеріалъ, просилъ, убѣждалъ кого слѣдуетъ и зачастую успѣвалъ отстоять его, завоевать ему права гражданства. При этомъ Семевскій руководился твердо укоренившимся въ немъ взглядомъ на задачи и обязанности редактора историческаго журнала, которыя онъ понималъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова и которымъ старался неуклонно слѣдовать.

«Мы полагаемъ», писалъ Михаилъ Ивановичъ Семевскій еще въ 1873 г. [1]), «что, печатая матеріалы, выставляющіе какую-либо личность въ неблагопріятномъ свѣтѣ, мы не только не вредимъ ея чести, но, напротивъ, предоставляемъ удобный случай ограждать ее (если

[1]) «Русская Старина» 1873 г., Дек..

это кому-нибудь желательно) отъ несправедливыхъ нареканій. Нельзя не принять въ соображеніе, что тѣ рукописные матеріалы, которые до настоящаго времени хранились подъ спудомъ и теперь являются впервые на страницахъ нашего изданія, все равно, рано или поздно, выступили бы въ печати на свѣтъ Божій. Между тѣмъ, *чѣмъ болѣе проходитъ времени* отъ дѣятельности какого-нибудь лица, тѣмъ болѣе представляется затрудненій для возстановленія ея въ истинномъ видѣ. Современники такого лица сходятъ постепенно съ земнаго поприща, у остающихся же въ живыхъ многія частности улетучиваются изъ ихъ памяти, а также утрачиваются или теряются изъ виду разные письменные документы, которые въ извѣстныхъ случаяхъ, еще по горячимъ слѣдамъ, могли бы представить собою оправдательныя данныя. Вслѣдствіе этого мы приходимъ къ тому *твердому убѣжденію*, что *чѣмъ ранѣе* появится о комъ-нибудь въ печати такой отзывъ, который можетъ показаться оскорбительнымъ или ему самому, или близкимъ къ нему по родству лицамъ, считающимъ своею обязанностью охранять его честь, тѣмъ болѣе представляется удобства и средства для защиты дѣйствительно оскорбленнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для возстановленія правды путемъ печати».

«Если мы, не довольствуясь временами давно минувшими, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ [1]), — приближаемся къ недавнимъ, такъ сказать, вчерашнимъ событіямъ и даемъ мѣсто на страницахъ нашего изданія воспоминаніямъ дѣятелей и очевидцевъ Крымской кампаніи, усмиренія Польши и даже послѣдней войны (1877—78 г.г.)—причиною тому *глубокое наше убѣжденіе*, что событія, ближайшія къ намъ, уроки и ошибки недавняго прошлаго особенно назидательны для будущаго. Допуская возраженія на повѣствованія составителей воспоминаній (если только эти возраженія не проникнуты духомъ грубой полемики или крайняго пристрастія), мы, на страницахъ нашего изданія, предоставляемъ мѣсто для того разумнаго обмѣна мнѣній, изъ котораго вытекаетъ историческая правда. Возраженіями, примѣчаніями, дополненіями и поправками мы дорожимъ точно такъ же, какъ и статьями, ихъ вызвавшими».

Мы позволили себѣ привести эти выписки изъ обзоровъ, которые

[1]) «Русская Старина» 1879 г., Дек., стр. 739.

М. И. Семевскій помѣщалъ въ «Русской Старинѣ» въ концѣ каждаго года, единственно въ виду того, что онѣ ярко характеризуютъ его взглядъ на обязанности редактора историческаго журнала, взглядъ, которому онъ остался вѣренъ въ своей издательской дѣятельности, не только не отказываясь печатать въ своемъ журналѣ сколько-нибудь серьезную поправку или разъясненіе, хотя бы они касались непосредственно трудовъ самой редакціи и обнаруживали ея ошибку, но весьма дорожилъ этими поправками и просилъ сообщать таковыя именно «Русской Старинѣ», а не другому повременному изданію, гдѣ онѣ могли бы пройти незамѣченными ея читателями. Преслѣдуя цѣли чисто научно-историческія, заботясь о сохраненіи историческихъ памятниковъ, Семевскій, правда, иногда слишкомъ увлекался желаніемъ воспроизвести на страницахъ своего изданія матеріалы, относящіеся къ событіямъ едва минувшимъ. Однажды онъ вызвалъ даже по этому поводу замѣчаніе Е. И. В. въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III. Вотъ что занесено объ этомъ въ автобіографическія замѣтки Михаила Ивановича.

«1-го Января 1889 года я, какъ членъ Археографической Комиссіи, имѣлъ честь получить Высочайшую награду — орденъ Анны I степени. 11-го Января, въ среду, къ 12 часамъ утра явился я въ Аничковъ дворецъ для принесенія Его Величеству благодарности за Высочайшую награду.

«Въ залахъ Аничкова дворца собралась громадная толпа чиновъ военныхъ, морскихъ и гражданскихъ для принесенія благодарности и вообще для представленія по разнымъ случаямъ Ихъ Величествамъ въ отдѣльности. Кругомъ большой залы, вдоль стѣнъ, отдѣльно стали лица, представлявшіяся Государю Императору. Въ началѣ стояли военные, затѣмъ морскіе чины, имѣя передъ собой Генералъ-Адмирала, Великаго Князя Алексѣя Александровича, далѣе—сенаторы съ предсѣдателями нѣкоторыхъ сенатскихъ департаментовъ, какъ, напр., г. Есиповичъ и другіе; затѣмъ стоялъ товарищъ управляющаго дѣлами Комитета господъ Министровъ, Тайный Совѣтникъ Штольцъ, далѣе я, далѣе статсъ-секретарь Государственнаго Совѣта Шидловскій, за ними еще человѣкъ 20 разныхъ гражданскихъ чиновъ.

«Въ первомъ часу пополудни вышелъ Государь Императоръ въ обще-генеральскомъ сюртукѣ и съ обычной благосклонностью, начи-

ная съ военныхъ, сталъ подходить къ каждому изъ представлявшихся. Первымъ представился генералъ-адъютантъ М. И. Драгомировъ, приносившій благодарность за продолженіе Высочайше пожалованной ему аренды. Каждому изъ лицъ Государь, какъ всегда, милостиво протягивалъ руку и спрашивалъ о мѣстѣ и прохожденіи службы. Откланявшись, каждый послѣ пріема немедленно оставлялъ залу. Такъ дошло наконецъ до гражданскихъ чиновъ, и всѣ, другъ за другомъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ объясненія, стоявшіе выше меня, удалились.

«Приблизившись ко мнѣ, Государь Императоръ съ благосклонною улыбкой протянулъ мнѣ руку, и дежурный флигель-адъютантъ, глядя въ списокъ, доложилъ Его Величеству: «Тайный Совѣтникъ Семевскій — по случаю пожалованія ордена Анны I степени.

« — Вы служите въ Археографической Коммисіи Министерства Народнаго Просвѣщенія?

« — Такъ точно, Ваше Императорское Величество, имѣю честь служить въ Археографической Коммисіи и нынѣ лѣтомъ совершилъ большую поѣздку по Россіи для осмотра архивовъ и архивныхъ ученыхъ коммисій; посѣтилъ довольно много городовъ и видѣлъ, какъ въ нихъ все болѣе и болѣе занимаются нѣкоторыя отдѣльныя лица, а иногда и цѣлыя группы трудами въ области археологіи, и, въ особенности, трудятся по отечественной исторіи и археологіи, подъ высокимъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Величества, архивныя ученыя коммисіи».

« — Продолжаете заниматься въ той же Коммисіи?—продолжалъ Государь, благосклонно улыбаясь.

« — Такъ точно, Ваше Величество.

«Видя, что Государь еще стоитъ предо мной, и вспомнивъ, что и въ прежніе годы, когда я имѣлъ счастье представляться Его Величеству, я излагалъ передъ Государемъ нѣкоторыя обстоятельства, до предмета моего представленія касавшіяся, я нашелъ возможнымъ воспользоваться настоящимъ случаемъ, дабы принести слѣдующую благодарность:

« — Осмѣлюсь, Ваше Величество, сказалъ я съ глубокимъ поклономъ, — принести признательность Вамъ, Государь, за постоянно благосклонное вниманіе, какое являете Ваше Императорское Величество

въ теченіе 20 лѣтъ къ издаваемому мною журналу «Русская Старина». Ваше Величество и почти всѣхъ Особъ Августѣйшей Вашей Фамиліи я имѣю счастье видѣть въ числѣ постоянныхъ читателей моего журнала».

«Государь Императоръ съ тою же улыбкой, и ни мало не измѣняя голоса, сказалъ:

« — Да, это изданіе весьма интересно, но въ немъ иногда появляются матеріалы и свѣдѣнія не вполнѣ исторической давности».

«Кивнувъ, какъ и прочимъ изъ представлявшихся, головой, Государь обратился къ моему сосѣду съ лѣвой стороны, статсъ-секретарю Шидловскому. Эти нѣсколько словъ, едва-ли разслышанныя болѣе, нежели двумя или тремя подлѣ меня стоявшими лицами, такъ какъ Государь говорилъ тихо, быстро разнеслись, какъ и все, что исходитъ изъ устъ Его Величества, но разнеслись въ искаженномъ видѣ и не въ пользу редактора «Русской Старины».

«16-го Января, утромъ, ко мнѣ пріѣхалъ одинъ мой близкій другъ и сотрудникъ съ тревожными разспросами о суровомъ будто-бы выговорѣ со стороны Государя мнѣ, какъ редактору-издателю журнала «Русская Старина».

«Вечеромъ того же дня, 16-го Января, Д. К., на балѣ въ Зимнемъ дворцѣ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «полно говорить объ исторіи (я говорилъ въ это время съ членомъ судебной палаты Н. Б. Якоби о фамиліи Якобія и объ извѣстномъ намѣстникѣ вѣка Екатерины II), —полно говорить объ исторіи, вы получили Высочайшій выговоръ». Между тѣмъ, слова Государя Императора, не заключая въ себѣ и тѣни выговора, а, напротивъ, свидѣтельствуя о его вниманіи къ журналу, который онъ видимо знаетъ и читаетъ, были для меня весьма понятны. Они прямо имѣли связь и отношеніе къ слѣдующему эпизоду. Въ 1886 году началъ я печатаніе въ «Русской Старинѣ» записокъ генерала-отъ-инфантеріи П. Д. Зотова о войнѣ 1877—78 годовъ. Записки этого корпуснаго командира и нѣкоторое время, между 2-ой и 3-ьей Плевной, начальника дѣйствующей подъ Плевной арміи отличались рѣзкостью противъ многихъ генераловъ и вообще по поводу нашихъ распоряженій во время помянутой кампаніи. Появленіе первыхъ же главъ замѣчательныхъ записокъ П. Д. Зотова возбудило недовольство многихъ, посыпались жалобы... Печатаніе этихъ записокъ въ «Русской

Старинѣ» было немедленно остановлено. Въ томъ же году я имѣлъ счастье представить Его Величеству копію съ записокъ генерала Зотова при письмѣ, въ которомъ объяснилъ черезъ генералъ-адъютанта Р., что представляю записки на благовозрѣніе Его Величества, дабы Государь лично убѣдился, что записки эти не суть памфлетъ, а имѣютъ безспорно большое историческое значеніе, но, конечно, только, какъ матеріалъ, такъ какъ могутъ быть и односторонни, и не лишены крупныхъ ошибокъ. Я просилъ Его Величество прочесть эти записки, дабы видѣть, что «Русская Старина» и въ данномъ случаѣ печатала не какой-нибудь ничтожный памфлетъ, а преслѣдовала интересы исключительно исторіи. Покойный правитель канцеляріи Коммисіи принятія прошеній Мамонтовъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, увѣдомилъ меня, что Его Величество съ большимъ интересомъ читалъ эти записки, но находитъ печатаніе ихъ преждевременнымъ.

«Въ послѣднихъ книгахъ «Русской Старины» 1886 года появились очерки и замѣтки В. В. Верещагина о той же войнѣ 1877 — 78 годовъ. Записки эти, не имѣя историческаго значенія, важны лишь по бойкости и живости, а главнымъ образомъ потому, что принадлежатъ русскому знаменитѣйшему художнику, имя и талантъ котораго буквально пользуются всемірной извѣстностью, — слѣдовательно, обойти замѣтки этого геніальнаго русскаго человѣка мнѣ было невозможно безъ вниманія; за содержаніе же замѣтокъ, подписывая ихъ, Верещагинъ самъ отвѣтствуетъ передъ публикой. Несомнѣнно, что его разсказы и воспоминанія о войнѣ 1877 — 78 годовъ, затронувъ вновь нѣкоторыхъ военныхъ дѣятелей кампаніи 1877 — 78 годовъ, вызвали выраженіе мнѣнія Его Величества о томъ, что нѣкоторые матеріалы, появляющіеся въ «Русской Старинѣ», не имѣютъ исторической давности. Итакъ, въ словахъ Государя Императора кромѣ выраженнаго и, при томъ, вполнѣ справедливаго мнѣнія благосклоннаго къ моему изданію Читателя я ничего иного не вижу. Слова Его Величества будутъ приняты редакторомъ «Русской Старины» къ самому точному исполненію при полной увѣренности, что это изданіе будетъ неизмѣнно пользоваться вниманіемъ и вызывать интересъ со стороны Государя, со стороны почти всѣхъ Особъ Августѣйшей Фамиліи и многочисленныхъ на Руси читателей «Русской Старины».

«Я имѣю этому лучшія доказательства въ томъ, что и нынѣ на «Русскую Старину» 1889 года Государь Императоръ и за нимъ Государь Наслѣдникъ-Цесаревичъ и болѣе 20 Особъ Августѣйшей Фамиліи возобновили Свою подписку. Незабвеннымъ для меня пребудетъ и представленіе меня графомъ Д. А. Толстымъ въ 1884 году въ Зимнемъ дворцѣ Наслѣднику-Цесаревичу, при пріемѣ различныхъ депутацій Его Императорскому Высочеству по случаю празднованія совершеннолѣтія Его Высочества...

«Все вышеизложенное да сохранится въ моихъ запискахъ»...

X.

Пользованіе для «Русской Старины» переводными матеріалами.—Труды М. И. Семевскаго, какъ редактора.—Отраженіе на «Русской Старинѣ» личности ея основателя.—Чуткость «Русской Старины» къ вопросамъ современной жизни. — Характеръ литературно-научной дѣятельности М. И. Семевскаго послѣ появленія «Русской Старины».—Письма подписчиковъ.—Изданія редакціи «Русской Старины».—Книга «Павловскъ».—Аудіенція по поводу этой книги у в. к. Константина Николаевича.—Замѣтки на нее Императора Александра II.

Приступая въ 1870 г. къ изданію «Русской Старины», Михаилъ Ивановичъ имѣлъ въ виду еще одинъ богатый источникъ для своего журнала—обширную иностранную литературу о Россіи, полагая печатать ее въ переводахъ, съ необходимыми примѣчаніями, дополненіями и поправками; но съ первыхъ же лѣтъ изданія оказалось, что, благодаря наплыву чрезвычайно интересныхъ записокъ и дневниковъ *русскихъ* людей, ему не придется прибѣгать къ нему въ тѣхъ размѣрахъ, какъ онъ предполагалъ, ибо въ его распоряженіи въ избыткѣ находился матеріалъ, болѣе важный и достовѣрный, который ему не пришлось исчерпать, пользуясь имъ въ теченіе 22-хъ съ лишнимъ лѣтъ. Поэтому изъ записокъ иностранцевъ въ «Русской Старинѣ» появились лишь тѣ, которыя заслуживали наиболѣе довѣрія или представляли болѣе крупный интересъ. Въ числѣ ихъ упомянемъ записки брильянтщика Позье, Уильяма Кокса, особенно интересныя записки графа Фицтума-фонъ-Экштедта, Саксонскаго посла при дворѣ Императора Николая Павловича, извлеченіе изъ книги Джоржа Макартнея «Описаніе Россіи», обширный трудъ Гельбига «Русскіе избранники и случайные люди

въ XVIII в.» въ превосходномъ переводѣ В. А. Бильбасова — хроника русскаго общества и Петербургскаго Двора XVIII в. въ біографіяхъ тѣхъ русскихъ и иноземныхъ людей, которымъ, такъ или иначе, улыбнулось счастье, записки полковника Гагерна, посѣтившаго Русскій Дворъ въ 1839 г., и французскаго путешественника де-Кюстина, относящіяся къ тому же году, и нѣк. другія.

Кромѣ упомянутыхъ мемуаровъ, записокъ и, болѣе или менѣе, пространныхъ очерковъ и изслѣдованій, на страницахъ «Русской Старины», за все время изданія ея Семевскимъ, появилась масса мелкихъ, но крайне важныхъ для историка матеріаловъ, каковы разные подлинные акты, указы, рескрипты Императоровъ и Императрицъ Петра I, Анны Іоанновны, Елисаветы Петровны, Петра III, Павла Петровича и другихъ Царственныхъ Особъ, а также переписка ихъ, общественная и частная. Особенно видное мѣсто по своему значенію занимаетъ въ этомъ отношеніи переписка Императора Николая съ графомъ Дибичемъ, какъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики Императора Николая Павловича и его внѣшней и внутренней политики и какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ, первичныхъ, источниковъ для исторіи войны 1828 года.

Такимъ образомъ, «Русская Старина» въ изданіи М. И. Семевскаго представляетъ собою громадную и интереснѣйшую сокровищницу, въ которой собрана и сохранена для потомства масса важнѣйшаго матеріала, въ особенности, для исторіи царствованій Императоровъ Николая I и Александра II; при томъ, матеріалъ этотъ такъ разнообразенъ и новъ, что наши изслѣдователи, при своихъ историческихъ занятіяхъ, еще долго будутъ вынуждены пользоваться имъ, тѣмъ болѣе, что всѣ документы воспроизведены въ «Русской Старинѣ» съ величайшими тщательностью и точностью. Смѣло можно сказать, что безъ справокъ съ этимъ изданіемъ немыслимъ въ настоящее время ни одинъ трудъ по русской исторіи XVIII и XIX столѣтій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пользованіе тѣми матеріалами, которые заключаются на страницахъ «Русской Старины», весьма облегчается указателемъ личныхъ именъ, помѣщаемымъ ежегодно въ декабрьской книжкѣ журнала, и весьма обстоятельно составленными «Систематическими росписями ея содержанія» [1]).

[1]) Систематическая роспись содержанія „Русской Старины“ за первыя пятнадцать лѣтъ ея изданія, именно, съ 1870 по 1884 годъ включительно, составлена и издана въ 1885 году въ 8 д. листа; въ ней показано до 3.300 названій мемуаровъ, очерковъ, раз-

Почти въ каждой книгѣ «Русской Старины», съ самого основанія этого изданія, М. И. Семевскій помѣщалъ свои собственныя статьи, замѣтки, предисловія къ другимъ статьямъ, мемуарамъ или матеріаламъ, обставлялъ ихъ примѣчаніями, составлялъ обзоры, некрологи и пр., однимъ словомъ, выполнялъ весь трудъ, лежащій на редакторѣ, не имѣя другого помощника, кромѣ корректора; поэтому большую часть дня онъ проводилъ въ неустанныхъ трудахъ по изданію «Русской Старины», которую называлъ своимъ любимымъ дѣтищемъ. Не смотря на полную объективность и безпристрастіе, которыми онъ руководился при помѣщеніи въ журналѣ самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ, его личность ярко отпечатлѣлась на немъ въ тѣхъ многочисленныхъ предисловіяхъ и примѣчаніяхъ, которыми сопровождалось, какъ мы сказали выше, печатаніе того или другого документа; этими-то замѣтками, безмолвными вопросительными знаками, ссылками на года, ковычками, подчеркиваніями того или другого слова въ текстѣ, Михаилъ Ивановичъ съумѣлъ придать своему журналу весьма опредѣленные обликъ и характеръ и краснорѣчиво обозначалъ свой критическій взглядъ на помѣщаемые имъ матеріалы. Личные взгляды и симпатіи покойнаго основателя «Русской Старины» выразились также въ обиліи матеріала, относящагося къ царствованію Царя-Освободителя. Развившись подъ вліяніемъ теченій, ознаменовавшихъ собою эпоху Александра II, онъ постоянно съ особенными охотою и любовью останавливался на личности державнаго Царя-Освободителя и на его времени. Изъ всѣхъ вопросовъ, выдвинутыхъ эпохой Александра II, крестьянскій вопросъ былъ излюбленнымъ вопросомъ Михаила Ивановича Семевскаго, — ему отводились страницы журнала положительно въ каждомъ году. Такія событія, какъ освобожденіе крестьянъ, созданіе новыхъ судовъ и судебныхъ уставовъ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній, отмѣна винныхъ откуповъ, покореніе Кавказа, завоеванія въ Центральной Азіи, великая борьба за освобожденіе славянъ и рядъ воспоминаній объ Александрѣ II и его сподвижникахъ занимали видное мѣсто на страницахъ «Русской Старины» 1870—1892 годовъ.

Одною изъ особенностей этого журнала, весьма выгодно отличав-

---

личныхъ матеріаловъ, замѣтокъ и прочихъ сообщеній, вошедшихъ въ это изданіе за упомянутый періодъ времени; дополненія къ первоначальной росписи изданы—одно въ 1888 году, другое въ 1891 году.

шею его отъ другихъ спеціальныхъ изданій, были его всегдашняя отзывчивость на событія современной жизни, пріурочиваніе печатанія тѣхъ или другихъ мемуаровъ, изслѣдованій или замѣтокъ къ вопросамъ, занимавшимъ русское общество въ данный моментъ. Эта отзывчивость, несомнѣнно, являлась слѣдствіемъ личнаго характера редактора; всегда бодрый, энергичный, готовый откликнуться на каждый вопросъ, выдвигаемый жизнью, онъ и дѣтищу своему съумѣлъ придать характеръ «Старины» *живой*, способной жить одною жизнью съ русскимъ обществомъ и освѣщать современныя событія, разумѣется, въ предѣлахъ, допускавшихся программою журнала. Загоралась ли борьба на той или другой окраинѣ нашего отечества, посѣщало ли его какое-нибудь народное бѣдствіе, напримѣръ, голодъ, скорбѣла ли Россія объ утратѣ виднаго общественнаго дѣятеля, чествовалось ли какое-нибудь лицо или учрежденіе, праздновался ли юбилей какого-нибудь историческаго событія, — Михаилъ Ивановичъ Семевскій считалъ своею нравственною обязанностью представить историческую справку объ однородномъ событіи въ недавнемъ прошломъ, либо группировалъ въ ближайшей книжкѣ журнала воспоминанія, разсказы и очерки, касающіеся того лица, которое занимало въ ту минуту общественное вниманіе, или печаталъ рядъ документовъ, затрагивавшихъ переживаемое событіе, стараясь, по возможности, не ограничиваться однѣми сухими, формальными, справками или голыми формулярами чествуемыхъ лицъ, а предпочитая имъ такія воспоминанія и замѣтки, которыя возможно полнѣе обрисовывали бы нравственную личность дѣятеля или характеръ событія. Его журналъ, не смотря на свои спеціальныя задачи, отзывался на каждое біеніе общественнаго пульса, и вслѣдствіе этого интересъ къ нему не только не ослабѣвалъ, но, напротивъ того, возрасталъ въ тѣ моменты, когда общество было увлечено и всецѣло занято какимъ-нибудь выдающимся событіемъ въ жизни народа. Благодаря всѣмъ указаннымъ нами выше особенностямъ и достоинствамъ, «Русская Старина» заняла видное мѣсто въ нашей журналистикѣ, стала однимъ изъ популярнѣйшихъ повременныхъ изданій, а имя ея редактора-основателя М. И. Семевскаго сдѣлалось извѣстно каждому образованному русскому человѣку. Въ изданіи этого журнала заключается главная заслуга М. И. Семевскаго передъ русскимъ обществомъ. «Русская Старина» составляетъ лучшій памятникъ, оставленный по себѣ Михаиломъ

Ивановичемъ, въ лицѣ котораго общество утратило талантливаго журналиста, честно и неустанно трудившагося надъ выполненіемъ намѣченной имъ себѣ задачи.

Съ возникновеніемъ «Русской Старины» литературная дѣятельность Семевскаго сосредоточилась исключительно на этомъ изданіи. Его перу, какъ мы упомянули выше, принадлежатъ и тѣ многочисленныя примѣчанія и объясненія, которыми сопровождалось печатаніе въ журналѣ различныхъ статей, также, и многіе некрологи, обзоры дѣятельности ученыхъ архивныхъ коммисій, отчеты объ о бѣдахъ участниковъ 19 Февраля, весьма живо и интересно изложенные «Путевые очерки» его путешествій по Россіи (1888 г.) и многія другія болѣе мелкія статьи, появлявшіяся за подписью «Ред.»

Съ самого перваго года изданія «Русской Старины» Михаилъ Ивановичъ сталъ получать отъ многочисленныхъ читателей и подписчиковъ своего журнала письма съ восторженными отзывами объ этомъ изданіи; этими письмами онъ весьма дорожилъ и каждое изъ нихъ тщательно сохранялъ. Эти ободряющіе отзывы поддерживали Семевскаго въ его трудѣ, были для него важнымъ нравственнымъ стимуломъ. Сознаніе того, что «Русская Старина» вызываетъ сочувствіе публики, что она охотно читается и, слѣдовательно, отвѣчаетъ требованіямъ общества, придавало ему силъ и бодрости вести изданіе въ томъ же духѣ по разъ навсегда намѣченной программѣ.

Упомянутыя письма составили за время издательской дѣятельности М. И. Семевскаго двадцать два объемистыхъ рукописныхъ тома.

Время отъ времени редакціей «Русской Старины» издавались отдѣльно нѣкоторые памятники новой русской исторіи, или въ видѣ приложеній къ журналу, или же совершенно самостоятельно; такъ были изданы: «Записки Андрея Тимофеевича Болотова», «Записки князя Шаховскаго», «Россія и Русскій Дворъ въ первой половинѣ XVIII вѣка», записки и замѣчанія гр. Эрнеста Миниха, пять выпусковъ альбома «Русскіе дѣятели въ портретахъ», новыя, вторичныя, изданія прежнихъ сочиненій М. И. Семевскаго—«Царица Прасковья», «Слово и дѣло» и «Царица Екатерина Алексѣевна». (Подробный списокъ изданій редакціи «Русской Старины» помѣщенъ въ концѣ настоящей книги).

Сдѣлавшись по службѣ своей въ Государственной Канцеляріи

лично извѣстнымъ бывшему предсѣдателю Государственнаго Совѣта, великому князю Константину Николаевичу, который всегда умѣлъ отыскивать и выдвигать людей талантливыхъ и въ числѣ другихъ привлекъ и М. И. Семевскаго къ работѣ по кодификаціи положенія о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, Михаилъ Ивановичъ, благодаря благосклонному вниманію великаго князя къ его литературнымъ трудамъ, получилъ доступъ въ архивъ и библіотеку принадлежавшаго в. кн. Константину Николаевичу Павловскаго дворца. По подлинной рукописи, хранившейся въ этой библіотекѣ и составлявшей собственность Августѣйшаго владѣльца г. Павловска, были переведены и изданы при «Русской Старинѣ» записки Манштейна.

Подъ ближайшимъ наблюденіемъ и редакціей Семевскаго появилась въ 1877 г. и составленная по архивному матеріалу Павловской библіотеки и изданная иждивеніемъ в. кн. Константина Николаевича книга «Павловскъ», очеркъ возникновенія и современнаго положенія этого города.

По поводу этого изданія въ замѣткахъ М. И. Семевскаго сохранились слѣдующія строки:

«27-го Ноября 1877 г. пригласилъ меня къ себѣ великій князь Константинъ Николаевичъ. Онъ болѣе и болѣе поправляется послѣ непріятнаго съ нимъ приключенія въ Парижѣ, гдѣ онъ оступился и вновь сломалъ ногу, которая уже разъ была у него сломана. Великій князь, какъ извѣстно, очень близорукъ, и этотъ случай произошелъ также по его близорукости. Но и вообще здоровье великаго князя, кажется, не изъ лучшихъ. Онъ довольно худъ, блѣденъ, что, впрочемъ, не мѣшаетъ его наружности быть весьма симпатичной, исполненной ума и особенной привлекательности. Въ пріемной я нашелъ адмирала Попова, — бодрый, живой, постоянно съ своими проектами то миноносокъ, то поповокъ. На этотъ разъ онъ привезъ Генералъ-Адмиралу особенный альбомъ фотографическихъ снимковъ съ разныхъ судовъ. Альбомъ устроенъ на какой-то подставкѣ, при томъ, вертящейся на поперечной перекладинкѣ, при чемъ каждый рисунокъ при поворотѣ опускается, выдвигая новый рисунокъ. Тутъ же былъ и управляющій Балтійскимъ заводомъ, — высокій, худой брюнетъ — г. Кази.

— А, любезнѣйшій! обратился ко мнѣ великій князь, выходя съ костылькомъ въ рукахъ, на который опирался. — Я васъ пригласилъ на два

слова. Государь [1]) возвратилъ мнѣ вчера исторію г. Павловска и очень благодарилъ за весьма интересное чтеніе, какое доставила ему эта книга. Но онъ ее не только прочелъ, а и сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя замѣтки; замѣтки эти не велики, но мнѣ пріятно, что онѣ показываютъ, что Государь прочелъ сочиненіе съ большимъ и особеннымъ вниманіемъ. Пожалуйте за мной.

«Въ маленькой проходной комнаткѣ, между большимъ кабинетомъ князя и билліардною, всегда въ эти часы, отъ двѣнадцати до часу, толчется народъ; здѣсь же можно было видѣть двухъ сыновей великаго князя, являющихсяеся ежедневно, именно въ это время, привѣтствовать съ добрымъ утромъ отца. На этотъ разъ великаго князя здѣсь же встрѣтилъ очень маленькій офицерикъ съ подвязанной рукою, въ полной парадной формѣ. Великій князь встрѣтилъ его весьма радушно, обнялъ, подставилъ щеку свою для поцѣлуя и сталъ разспрашивать о здоровьѣ. Оказалось, что это одинъ изъ раненыхъ, въ которомъ принялъ особое участіе великій князь, давши ему пріютъ на время излѣченія въ своей дачѣ «Оріанда», на южномъ берегу Крыма. Князь и вновь приглашалъ русскаго офицера, когда то понадобится, пріѣхать пожить къ нему на дачу. Въ разговорѣ великій князь какъ-то упомянулъ съ прискорбіемъ, что адмиралъ Сколковъ, «старикъ Сколковъ», какъ онъ упомянулъ, вчера скончался. Въ кабинетѣ великаго князя (очень большая высокая комната, весьма заставленная множествомъ вещей и мебели) два стола, поставленные другъ къ другу подъ угломъ, составляютъ мѣсто обычныхъ и многочисленныхъ докладовъ Предсѣдателю Государственнаго Совѣта, Морскаго Министерства и предсѣдателю множества различныхъ учрежденій.

— Вотъ пожалуйте сюда, ко мнѣ, поближе. Я вамъ прочту эти замѣчанія.

«Замѣтки Государя писаны карандашемъ, весьма извѣстнымъ мнѣ почеркомъ, мелкимъ, убористымъ, безъ малѣйшихъ ошибокъ. Замѣтокъ, дѣйствительно, было не много, и онѣ касались поправокъ о времени прибытія или отъѣзда тѣхъ или другихъ Особъ Августѣйшей Фамиліи 1820-хъ годовъ, равнымъ образомъ о времени пребыванія въ тѣ же годы въ городѣ Павловскѣ первенца-сына великаго князя Николая Павловича, т. е. самого Государя Императора. Составитель

[1]) Александръ II Николаевичъ.

книги, не имѣя возможности провѣрить нѣкоторые мелочные факты, въ особенности, указанія на мѣсяцы тѣхъ или другихъ годовъ, бралъ свѣдѣнія этого рода изъ различныхъ воспоминаній и записокъ, не имѣвъ возможности провѣрить эти данныя съ показаніями камеръ-фурьерскихъ журналовъ.

«Журналы эти, какъ извѣстно, напечатаны Министерствомъ Императорскаго Двора, но напечатаны не для публики, да и самое изданіе ихъ окончилось 1776 годомъ. Важны или не важны этого рода поправки, но нельзя не подивиться необыкновенно обширной и свѣтлой памяти Государя о событіяхъ, отстоящихъ отъ нынѣшняго времени болѣе, нежели на полвѣка, и, притомъ, повидимому, далеко не столь крупныхъ, чтобы они могли врѣзаться въ память шести-семилѣтняго отрока.

«Вотъ, напримѣръ, образчикъ помянутыхъ поправокъ. Составитель книги о Павловскѣ говоритъ, что великая княгиня Марія Павловна была гостьей своей матери Маріи Ѳеодоровны въ Павловскѣ въ 1824 г. съ своей дочерью Августою или Августиною, нынѣшнею Императрицею Германскою. Впрочемъ, въ книгѣ сказано, что Марія Павловна именно весну и часть лѣта 1825 г. провела съ этою дочерью въ Павловскѣ (стр. 225). Государь Императоръ замѣчаетъ: «Марія Павловна съ своими дочерьми, принцессами Маріею и Августою, равно и великая княгиня Анна Павловна, обѣ прибыли въ Гатчино въ Сентябрѣ 1824 г. и оставались до Августа 1825 года». Гораздо позже, справившись въ случайно доставшейся мнѣ выпискѣ изъ камеръ-фурьерскаго журнала, я убѣдился, что эта поправка почти дословно вѣрна: разница весьма не велика.

«Княгиня Анна Павловна пріѣхала въ Августѣ и уѣхала въ Іюлѣ слѣдующаго 1825 г., а Марія Павловна прибыла въ Октябрѣ 1824 г., но уѣхала съ дѣтьми именно 1-го Августа 1825 г. Но удивительно, что такого рода обстоятельство, какъ прибытіе тетокъ въ Россію, посѣщавшихъ, впрочемъ, свое отечество и свою родительницу довольно часто, такъ глубоко и ясно врѣзалось въ память Государя Императора. Въ этомъ же родѣ и прочія замѣтки.

« — Справьтесь, пожалуйста, сказалъ мнѣ князь — и провѣрьте. Быть можетъ, что и Государь самъ ошибается. Но, во всякомъ случаѣ, пріятно помѣстить эти замѣтки и поправки особымъ приложеніемъ къ

книгѣ о Павловскѣ. Государь, впрочемъ, полагалъ, чтобы по нимъ сдѣлать надлежащее исправленіе въ будущихъ изданіяхъ этой книги, но, Богъ вѣсть, будетъ ли когда второе и третье изданіе; и первое очень плохо идетъ. Итакъ, напишите эти замѣтки на особыхъ листахъ, и я разошлю ихъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ лицамъ, которымъ разосланы экземпляры этой книги. Какъ видите, въ погрѣшностяхъ ничего нѣтъ особенно серьезнаго, а тѣмъ болѣе колоссальнаго. Но опять повторяю, что мнѣ крайне пріятно, что Государь не только прочелъ книгу, но прочелъ ее съ большимъ вниманіемъ, и она ему очень и очень понравилась. При этомъ Государь разсказалъ мнѣ довольно интересный анекдотъ. Въ книгѣ ошибочно упомянуто, будто въ одномъ изъ спектаклей въ Павловскѣ играла дѣвица Марсъ; играла не Марсъ, а, какъ поправилъ Государь, знаменитая артистка Жоржъ. Эта Жоржъ пользовалась громадною славою въ Парижѣ, и съ нею только соперничала артистка Марсъ.

«— Все парижское высшее общество и Дворъ, вслѣдствіе этого, раздѣлялись на двѣ партіи: одна партія была за Жоржъ, а другая поклонялась Марсъ. Какъ извѣстно, Императоръ Наполеонъ I-ый былъ поклонникомъ артистки Жоржъ, ну и, конечно, къ ней уже никто не смѣлъ прикоснуться, и она для Двора была особеннымъ свѣтиломъ и кумиромъ. И что-же вы думаете? Пріѣзжаетъ въ Парижъ молодой бравый русскій офицеръ; это былъ впослѣдствіи очень извѣстный Б... Онъ влюбляется въ Жоржъ, ухаживаетъ за нею и, наконецъ, внезапно увозитъ ее въ Россію. Здѣсь, конечно, ей тотчасъ даютъ дебютъ, все петербургское общество спѣшитъ на спектакль, въ которомъ участвуетъ геніальная артистка. Дѣло было лѣтомъ. Государь жилъ во дворцѣ на Каменномъ островѣ; онъ также отправляется на этотъ первый спектакль, но, при этомъ, не беретъ съ собой, вопреки обыкновенію, дежурнаго флигель-адъютанта и оставляетъ его во дворцѣ. Этотъ дежурный былъ ни кто другой, какъ Б.

«— Легко представить себѣ огорченіе страстно влюбленнаго въ Жоржъ!»

«Пользуясь настоящею бесѣдой съ великимъ княземъ, я доложилъ Его Высочеству, что февральскую книгу «Русской Старины» предполагаю посвятить истекшему 25-лѣтнему періоду, и, такъ какъ мое изданіе, говорилъ я, посвящено событіямъ и лицамъ минувшимъ, лицамъ,

сошедшимъ уже за смертью со сцены, то я именно предполагаю вывести рядъ изъ нихъ, рядъ изъ дѣятелей, наиболѣе замѣчательныхъ на государственномъ поприщѣ въ послѣднее время.

«Таковы, напримѣръ, князь Барятинскій, графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, князь Гагаринъ, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, Николай Алексѣевичъ Милютинъ и нѣкоторые другіе.

«— Что же, мысль очень хорошая, сказалъ великій князь. — «Не забудьте, однако, присоединить графа Панина — вѣдь онъ преемникъ Якова Ивановича Ростовцева по Крестьянскому Комитету. Изъ документовъ Ростовцева надо бы помѣстить его записку, которую онъ подалъ передъ смертью Государю».

«Я доложилъ, что записка эта уже была напечатана въ «Русскомъ Архивѣ» 1868 г.

«— Ну, что же, замѣтилъ великій князь,—слѣдовало бы ее вновь напечатать, она въ высшей степени важна для характеристики Якова Ивановича и его отношеній къ великому дѣлу освобожденія крестьянъ. Надо бы также вамъ не забыть князя Воронцова. Вѣдь лебединая пѣснь его относится къ пережитому послѣднему періоду, и, если выведете Ивана Матвѣевича Толстаго, то не забудьте доктора Янохина: онъ принадлежалъ къ числу близкихъ Государя, входилъ въ его интимный кружокъ. Разумѣется, нѣкоторыя вещи, какъ, напримѣръ, дневникъ путешествія 1830-хъ годовъ съ Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ Ивана Матвѣевича Толстаго, необходимо будетъ показать Государю и испросить его разрѣшенія. Но мысль, повторяю, вообще подобнаго состава книги очень хорошая.

«Вотъ уже почти три года, что мнѣ случается, а въ 1876 и 1877 гг. случалось довольно часто, бесѣдовать съ великимъ княземъ» продолжаетъ Михаилъ Ивановичъ.—«Онъ очень простъ въ обращеніи, и въ немъ ничего нѣтъ такого, что бы смущало, а тѣмъ болѣе пугало собесѣдника. Я ему не рѣдко возражалъ и спорилъ, а однажды довелось сказать и нѣсколько горячо довольно большое возраженіе. Такъ какъ великій князь довольно внимательно читаетъ «Русскую Старину», то мнѣ случалось показывать ему нѣкоторые интересные документы и записки. Такъ были предъявлены ему письма изъ Севастополя князя Меншикова къ князю Горчакову. А когда онъ замѣтилъ однажды по поводу записокъ бывшаго адъютанта Меншикова, Панаева, что Па-

наевъ сильно увлекается и во многомъ совершенно напрасно восторгается княземъ Меншиковымъ, что князь Меншиковъ былъ, безспорно, замѣчательнаго ума человѣкъ, но при этомъ страшный себялюбецъ, человѣкъ, въ высшей степени холодный, эгоистъ и именно такой, который не былъ способенъ выдвинуть какое-либо дарованіе и ободрить это дарованіе ласкою, наградою и вообще какимъ бы то ни было поощреніемъ. Послѣ этого разговора я доложилъ какъ то великому князю поступившую ко мнѣ замѣтку одного изъ моряковъ, старыхъ вице-адмираловъ, въ которой почти дословно высказано было то же, что сказалъ мнѣ объ этомъ лицѣ самъ великій князь. Замѣтка была уже набрана и тиснута въ цензурномъ экземплярѣ «Русской Старины», не вышедшемъ еще въ свѣтъ. Дѣло было въ Павловскѣ въ обычный утренній пріемъ. Былъ ли великій князь не въ духѣ, дѣйствительно ли онъ забылъ самъ, что мнѣ же говорилъ о князѣ Меншиковѣ, тѣмъ не менѣе, онъ насупился и сильно раздраженнымъ тономъ сталъ говорить:

— Что это такое, какъ можно это печатать, кто это пишетъ, о комъ? Меншиковъ такихъ громадныхъ заслугъ человѣкъ, такого необыкновеннаго ума и достоинства, что говорить о немъ такъ въ высшей степени странно, и тотъ, кто говоритъ это, не стоитъ сапога покойнаго Меншикова».

«Спокойно выслушавъ эти замѣчанія, я, не менѣе спокойно же и неторопливо, въ присутствіи бывшаго тутъ же третьяго лица, управляющаго городомъ Павловскомъ, Голенко, сказалъ великому князю:

«Если позволите мнѣ объяснить, Ваше Высочество, такъ я долженъ сказать въ защиту моего изданія «Русской Старины», что это изданіе, прежде всего, имѣетъ цѣлью историческую истину. Для достиженія этой цѣли оно открываетъ свои страницы одинаково какъ похвалѣ, такъ и порицанію. Грѣшно было бы сказать, что «Русская Старина» не умѣетъ оцѣнивать по достоинству тѣхъ людей, которые оказали заслуги общему нашему отечеству. Я бы могъ упомянуть о длинномъ рядѣ дѣятелей, которые нашли вполнѣ справедливую оцѣнку на страницахъ моего изданія. Говоря, напримѣръ, о томъ же Меншиковѣ, кто же, какъ не я, издатель «Русской Старины», вызвалъ появленіе тѣхъ восторженныхъ мемуаровъ Панаева, которые превознесли Меншикова необыкновенно; но, помѣстивъ эти мемуары и нисколько

ихъ не ослабивъ никакими выпусками, я, тѣмъ не менѣе, думаю, что «Русская Старина» сохраняетъ за собою полное право представить отзывы о томъ же князѣ Меншиковѣ и его порицателей. Только тогда, имѣя передъ собою и восторженныя похвалы поклонниковъ историческаго лица, и строгую, быть можетъ, и крайне придирчивую критику его враговъ и порицателей, можно сдѣлать совершенно справедливый выводъ объ историческомъ дѣятелѣ. Вотъ причины, почему я предполагалъ дать мѣсто этой замѣткѣ; она, впрочемъ, еще не окончательно отпечатана, и я именно только хотѣлъ выслушать Ваше о ней мнѣніе».

«Великій князь немедля смягчился и уже въ видѣ просьбы сказалъ: — «Да, вы правы относительно программы и цѣли вашего изданія; но на этотъ разъ, все-таки, прошу эту слишкомъ придирчивую статейку исключить; въ ней почти нѣтъ фактовъ, а только голословныя разсужденія, и изданіе отъ этого ничего не проиграетъ, если вы не примете эту замѣтку».

«Я, было, раскланялся и направился изъ кабинета, но князь, уже совсѣмъ ласково, остановилъ меня, сказавъ: «куда же вы спѣшите? потолкуемте о нашемъ общемъ изданіи» [1]).

«Въ концѣ концовъ скажу, что это одинъ изъ самыхъ образованныхъ, начитанныхъ и уже, конечно, по самому своему положенію, весьма много видѣвшій государственный человѣкъ. Онъ доступенъ наукѣ, литературѣ и воспріимчивъ на все доброе и хорошее».

[1]) Книга «Павловскъ».

XI.

Дальнѣйшее прохожденіе службы въ Государственной Канцеляріи. Женитьба М. И. Семевскаго на Е. М. Протопоповой.— Содѣйствіе М. И. Семевскаго къ открытію въ Великихъ Лукахъ реальнаго училища. — Близкое участіе, которое онъ принималъ въ судьбѣ и дѣлахъ этого училища и Великолуцкой женской прогимназіи —Выходъ въ отставку.—Приведеніе въ порядокъ дѣлъ Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія.

Приступивъ къ изданію основаннаго имъ журнала, М. И. Семевскій продолжалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и службу въ Канцеляріи Государственнаго Совѣта и въ томъ же году, когда зародилась «Русская Старина», былъ произведенъ 1-го Января 1870 г., за отличіе по службѣ, въ статскіе совѣтники и командированъ, отъ комитета по дѣламъ Царства Польскаго, участвовать въ трудахъ Высочайше учрежденной коммисіи объ устройствѣ въ Имперіи архивовъ.

Два года спустя, именно 9 Февраля 1872 г., онъ вступилъ въ бракъ съ Елизаветою Михайловною Протопоповой, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей: Татьяну, родившуюся въ 1873 году и преждевременно скончавшуюся 12-го Ноября 1888 года, и Анастасію, родившуюся въ 1875 году.

Въ 1878 г., въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (съ 1877 г.), Семевскій былъ назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта. Тогда же онъ былъ утвержденъ и почетнымъ попечителемъ основаннаго въ Великихъ Лукахъ въ 1877 г. Реальнаго училища.

Когда въ этомъ городѣ былъ поднятъ вопросъ о необходимости имѣть средне-учебное заведеніе, то Михаилъ Ивановичъ оказалъ жи-

вѣйшую поддержку ходатайству великолучанъ и значительно подвинулъ это дѣло, благодаря своему тогда уже упрочившемуся служебному положенію. Великолуцкая Дума, въ знакъ признательности М. И. Семевскому за его хлопоты и содѣйствіе, постановила (въ засѣданіи своемъ 19 Мая 1877 г.) выразить ему благодарность, «какъ лицу, принимавшему горячее участіе» въ этомъ общеполезномъ для города дѣлѣ.

Помимо того, совмѣстно со своимъ братомъ Александромъ, онъ пожертвовалъ вновь открывшемуся училищу изъ ихъ прекрасной библіотеки 2818 томовъ, составляющихъ 989 названій отдѣльныхъ сочиненій. Этотъ щедрый даръ послужилъ основаніемъ фундаментальной библіотекѣ Реальнаго училища и хранится въ ней отдѣльно, подъ названіемъ «книгохранилища братьевъ Семевскихъ». Особенно богатъ въ немъ отдѣлъ словесности (363 т.), періодическихъ изданій, сборниковъ и альманаховъ. Въ отдѣлѣ словесности имѣются сочиненія извѣстнѣйшихъ отечественныхъ писателей XVIII-го и первой половины XIX столѣтій и произведенія наиболѣе выдающихся иностранныхъ авторовъ — англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и другихъ, переведенныя на русскій языкъ. Между періодическими изданіями особенно выдается собраніе «Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» съ перваго года ихъ основанія (съ 1840 по 1850 г. включительно), въ которыхъ помѣщено много статей, замѣтокъ и матеріаловъ, относящихся къ исторіи Псковскаго и Великолуцкаго края»[1]). Не подлежитъ сомнѣнію, что даръ братьевъ Семевскихъ Реальному училищу принесъ и продолжаетъ приносить огромную пользу какъ учащимъ, такъ и учащимся въ этомъ заведеніи, которое при своихъ скромныхъ средствахъ долго не могло бы обзавестись подобной библіотекой; впрочемъ, она приноситъ пользу не одному училищу, но и многимъ изъ живущихъ въ Великихъ Лукахъ, которые, благодаря любезности училищнаго начальства, могутъ пользоваться, съ особаго разрѣшенія директора, книгами изъ этой библіотеки. Кромѣ этого единовременнаго дара училищу, Семевскій ежегодно посылалъ ему свои изданія, а также дарилъ ихъ въ прекрасныхъ переплетахъ, въ видѣ награды, лучшимъ ученикамъ.

---

[1]) См. краткій историч. обзоръ Великолуцкаго Реальнаго училища Е. Я. Гречина и „Образованіе и образовательныя средства въ Великихъ Лукахъ“.

Присутствуя въ 1883 г., какъ почетный попечитель Великолуцкаго Реальнаго училища, на актѣ, ознаменовавшемъ собою *первый* выпускъ учениковъ, окончившихъ полный курсъ семи классовъ училища, Михаилъ Ивановичъ обратился къ молодежи со слѣдующей прочувствованной рѣчью. «Считаю себя счастливымъ, сказалъ онъ, между прочимъ,—что могу лично привѣтствовать васъ, молодые люди, съ нынѣшнимъ вполнѣ знаменательнымъ днемъ въ жизни не только сего училища, но и въ бытѣ города Великихъ Лукъ и прилегающихъ къ нему уѣздовъ...

«Если семья, выростивъ своего питомца, давши ему полное образованіе, радуется при видѣ вполнѣ поставленнаго, такъ сказать, на собственныя свои ноги члена семьи, то еще болѣе радуемся мы, великолучане, члены большой семьи, при видѣ того, что училище, издивеніемъ городскаго общества и земства хорошо поставленное и затѣмъ заботливо веденное директоромъ Е. Я. Гречиною и его сотрудниками, вошло, наконецъ, въ полное свое развитіе и выпускаетъ нынѣ своихъ питомцевъ въ жизнь или къ продолженію высшаго спеціальнаго образованія. Сохраните, молодые люди, чувство признательности навсегда, во всю свою жизнь. Любовь къ родинѣ, основа любви къ отечеству, соединенная съ готовностью самоотверженно и честно ему служить, есть то святое чувство, къ упроченію котораго въ сердцахъ вашихъ было направлено ваше воспитаніе. Куда бы ни перенесла васъ судьба, помните, что есть на Руси городъ, живописно раскинутый на исторической рѣкѣ Ловати, а въ немъ Реальное училище, подъ сѣнью котораго, при любви и заботахъ о васъ согражданъ и наставниковъ, взросли и воспитались вы. Сохраните же въ сердцахъ вашихъ признательность къ землякамъ вашимъ и вообще къ краю, васъ возростившему, любите родину и потщитесь отблагодарить ее честнымъ служеніемъ общественному благу вообще и какъ матеріальному, такъ и нравственному преуспѣянію этого края въ особенности... Честность, скромность, любовь къ труду и постоянное стремленіе къ самоусовершенствованію, при строгомъ и внимательномъ отношеніи, прежде всего, къ собственнымъ недостаткамъ, да будутъ присущи всѣмъ вашимъ дѣйствіямъ, питомцы нашего училища!

«Итакъ, идите бодро въ жизнь или по пути дальнѣйшаго высшаго образованія. Выходя нынѣ изъ училища, вы оставляете намъ надежду,

что съ полнымъ достоинствомъ поддержите всюду честь воспитавшаго васъ учебнаго заведенія».

Семевскій неоднократно присутствовалъ и на послѣдующихъ выпускныхъ экзаменахъ и актахъ въ Великолуцкомъ Реальномъ училищѣ и напутствовалъ вступавшихъ въ жизнь молодыхъ людей добрыми совѣтами и пожеланіями; но участіе, принимаемое имъ въ этихъ юношахъ, не ограничивалось одними добрыми пожеланіями, напротивъ, онъ всегда былъ готовъ придти къ нимъ на помощь и болѣе существеннымъ образомъ. Многіе великолучане, въ особенности, изъ представителей юнаго поколѣнія, могутъ засвидѣтельствовать, что Михаилъ Ивановичъ никогда не отказывалъ «своимъ землякамъ», какъ онъ называлъ ихъ, въ нравственной и матеріальной поддержкѣ. Всякій изъ нихъ, безъ различія званія и образовательнаго ценза, являясь къ нему въ Петербургъ съ какою-либо просьбою, встрѣчалъ самый ласковый, радушный пріемъ, подвергался самымъ подробнымъ разспросамъ о мѣстныхъ дѣлахъ и объ общихъ великолуцкихъ знакомыхъ и находилъ въ Михаилѣ Ивановичѣ усерднаго ходатая по своему дѣлу. Многихъ изъ нихъ онъ вывелъ на дорогу, опредѣлилъ въ учебныя заведенія, пристроилъ на мѣста, пріискалъ имъ занятія; живя вдали отъ роднаго города, онъ всю жизнь былъ близокъ ему душою, и одно званіе великолучанина уже было въ его глазахъ правомъ на сочувствіе съ его стороны.

Въ Великихъ Лукахъ не одно Реальное училище было предметомъ усердныхъ заботъ со стороны М. И. Семевскаго; весьма многимъ ему обязана и Великолуцкая женская прогимназія, о которой онъ заботился, какъ членъ ея попечительнаго совѣта съ 1879 г. Въ недавно изданной членомъ псковскаго губернскаго статистическаго комитета А. И. Пульхеровымъ брошюрѣ, подъ заглавіемъ «Образованіе и образовательныя средства г. Великихъ Лукъ», нѣсколько страницъ посвящено воспоминаніямъ о Михаилѣ Ивановичѣ и выясненію его значенія для роднаго края. Въ этой брошюрѣ г. Пульхеровъ говоритъ, между прочимъ, что Семевскій, при своей разносторонней обширной дѣятельности, не забывалъ роднаго города и каждое свое посѣщеніе ознаменовывалъ какимъ-нибудь добрымъ дѣломъ; такъ, напр., въ 1880 г. «въ Попечительномъ Совѣтѣ женской прогимназіи возникли продолжительныя пренія о томъ, имѣть ли двухъ классныхъ надзирательницъ или

одну. Михаилъ Ивановичъ, присутствуя на этомъ совѣтѣ, какъ его почетный членъ, находя крайне необходимымъ, для воспитательныхъ цѣлей, имѣть большій надзоръ за дѣвочками и желая прекратить возникшій споръ, просилъ совѣтъ принять отъ него двѣсти рублей, съ условіемъ оставленія двухъ классныхъ надзирательницъ хотя бы въ продолженіе одного года. Совѣтъ съ благодарностью принялъ пожертвованіе, и съ тѣхъ поръ при прогимназіи всегда имѣются двѣ классныя надзирательницы».

Семевскій состоялъ также почетнымъ членомъ Общества пособія бѣднымъ учащимся въ г. Великихъ Лукахъ и его уѣздѣ, которое было основано по его мысли и при его содѣйствіи.

Желая сохранить въ памяти своихъ земляковъ-великолучанъ и, въ особенности, воспитанниковъ и воспитанницъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній воспоминаніе о знаменательныхъ для города дняхъ 29 Мая и 5 и 10 Іюня 1883 г., когда состоялись первый выпускъ воспитанницъ изъ педагогическаго класса четырехклассной прогимназіи и первый выпускъ изъ Реальнаго училища, Михаилъ Ивановичъ издалъ двѣ брошюры, подъ заглавіемъ «Великолуцкія учебныя заведенія въ 1883 г.» и «въ Великихъ Лукахъ 29 Мая, 5 и 10 Іюня 1883 г.», въ которыхъ имъ описаны состояніе этихъ училищъ и тѣ наблюденія, которыя онъ вынесъ изъ кратковременнаго знакомства съ ними. Это изданіе было предоставлено Семевскимъ въ полное распоряженіе «Общества для пособія ученикамъ и ученицамъ всѣхъ учебныхъ заведеній г. Великихъ Лукъ и Великолуцкаго уѣзда», «Общества для пособія бѣднымъ въ Великихъ Лукахъ» и комитета, завѣдывающаго Великолуцкою публичною библіотекою.

Не говоря уже о Реальномъ училищѣ и женской прогимназіи, М. И. Семевскій всегда былъ готовъ ходатайствовать за свой родной городъ. Когда въ 1880 г. пронесся слухъ о предполагаемомъ закрытіи въ Великихъ Лукахъ окружнаго суда, то городъ, встревоженный этимъ извѣстіемъ, рѣшилъ хлопотать о сохраненіи у него этого учрежденія, пославъ съ этою цѣлью въ Петербургъ особую депутацію. Однимъ изъ депутатовъ былъ избранъ М. И. Семевскій; узнавъ о предметѣ ходатайства, онъ посовѣтовалъ повременить съ нимъ до весны, когда дѣло о закрытіи окружнаго суда должно было поступить въ Государственный Совѣтъ, но, съ своей стороны, предложилъ немедленно

*

представить ходатайство министру юстиціи и подать прошеніе о томъ же министру внутреннихъ дѣлъ. Великолуцкая Дума послѣдовала его совѣту, и окружной судъ существуетъ въ городѣ и понынѣ.

Какъ видимъ, Великіе Луки имѣли въ лицѣ Михаила Ивановича усерднаго и ревностнаго ходатая. Горячее сочувствіе и признательность къ нему за это великолуцкаго общества выразились въ томъ, что онъ восемь трехлѣтій сряду былъ избираемъ почетнымъ мировымъ судьею по Великолуцкому уѣзду и въ 1891 г. былъ избранъ на девятое трехлѣтіе, а въ собраніи Великолуцкой Думы 15 Марта 1883 г. былъ избранъ за труды на пользу города и просвѣщенія Великолуцкаго уѣзда почетнымъ гражданиномъ г. Великихъ Лукъ и Высочайше утвержденъ въ этомъ званіи 2 Февраля 1884 года.

Въ это время Михаилъ Ивановичъ уже находился въ отставкѣ, окончивъ свою службу въ Государственной Канцеляріи 17 Іюня 1882 г., когда, по случаю упраздненія Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, онъ былъ уволенъ, согласно прошенію, отъ службы съ производствомъ, «въ награду за особенно полезную долголѣтнюю и отлично усердную службу», въ тайные совѣтники, съ назначеніемъ пенсіи въ двѣ тысячи рублей въ годъ. Такимъ-то образомъ завершилась служебная карьера Михаила Ивановича, начатая за двадцать семь лѣтъ до того въ скромномъ чинѣ прапорщика лейбъ-гвардіи Павловскаго полка.

Съ упраздненіемъ, по Высочайшему Указу отъ 25 Мая 1882 года, Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, было приступлено къ передачѣ дѣлъ этого Комитета въ архивъ Государственнаго Совѣта. Независимо отъ архива собственно бывшаго Главнаго Комитета (1861—1882 гг.), при этомъ же учрежденіи хранилось обширное собраніе бумагъ предшествовавшихъ ему учрежденій, [1]) а именно Секретнаго (1857—1858 гг.) и Главнаго Комитетовъ (1858—1861 гг.) по крестьянскому дѣлу, а также бумаги состоявшихъ при семъ послѣднемъ Комитетѣ Редакціонныхъ коммисій (1859—1860 гг.) и, наконецъ, бумаги, разновременно присланныя въ Главный Комитетъ послѣ смерти

[1]) Эти свѣдѣнія взяты изъ записки Михаила Ивановича Семевскаго о приведеніи въ порядокъ и составленіи описей архивовъ бывшихъ Секретнаго и Главнаго Комитетовъ по крестьянскому дѣлу и Редакціонныхъ коммисій. Записка эта была напечатана въ 1883 г. всего въ десяти экземплярахъ.

нѣкоторыхъ его членовъ. Все это обширное собраніе бумагъ сохранялось частью въ самомъ помѣщеніи канцеляріи Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, частью въ подвальномъ этажѣ, въ кладовой, подъ Государственной Канцеляріей (до Февраля 1880 г.) Нѣсколько болѣе четвертой части всѣхъ этихъ бумагъ было въ разное время, до 1881 года, соединено въ дѣла, связки, пронумеровано и скрѣплено, но наибольшая часть ихъ оставалась въ томъ видѣ, въ какомъ была передана туда при учрежденіи вышеназванныхъ временныхъ учрежденій или прислана послѣ смерти нѣкоторыхъ членовъ Главнаго Комитета. Въ виду необходимости привести это обширное собраніе бумагъ въ порядокъ и составить ему общую опись, бывшій управляющій дѣлами Главнаго Комитета сенаторъ Чернавскій въ Іюлѣ 1882 г., а затѣмъ бывшій Государственный Секретарь, членъ Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарь Е. А. Перетцъ 30 Сентября того же года обратились къ Семевскому, уже бывшему тогда въ отставкѣ, какъ къ лицу, служившему въ Главномъ Комитетѣ до закрытія сего учрежденія и какъ къ члену Археографической коммисіи съ 1872 года, съ предложеніемъ принять на себя трудъ приведенія помянутыхъ архивовъ въ порядокъ и составленія необходимыхъ описей. При этомъ статсъ-секретарь Перетцъ, въ виду особой важности означенныхъ бумагъ, какъ матеріаловъ для исторіи крестьянской реформы, призналъ настоятельно необходимымъ, дабы всѣ эти документы, по приведеніи ихъ въ порядокъ, были переплетены.

Имѣя въ своемъ распоряженіи двухъ чиновниковъ Государственной Канцеляріи для перебѣлки описей и нумераціи бумагъ, Михаилъ Ивановичъ энергично принялся за дѣло и такъ быстро подвинулъ его, что уже 7 Декабря 1882 г. представилъ о положеніи своей работы довольно обширную записку статсъ-секретарю Е. А. Перетцу, который 14 Декабря обозрѣлъ, въ наибольшей части уже приведенный тогда въ порядокъ, архивъ Редакціонныхъ Коммисій и Комитетовъ по крестьянскимъ дѣламъ. Къ 1 Февраля 1883 г. весь трудъ, по приведенію въ порядокъ архива Главнаго Комитета, былъ оконченъ. По замѣчательной быстротѣ, съ какою была исполнена эта работа, можно подумать, что она была не особенно сложна; между тѣмъ, это былъ трудъ весьма кропотливый, и онъ могъ быть оконченъ Семевскимъ въ такой, сравнительно, короткій срокъ, только благодаря особому

навыку въ пользованіи и распредѣленіи архивнаго матеріала, пріобрѣтенному имъ во время его занятій въ архивахъ. Особенно продолжительнаго и усидчиваго труда потребовалъ разборъ тѣхъ многочисленныхъ проектовъ, писемъ, очень часто отъ лицъ неизвѣстныхъ, которые, со времени возникновенія въ 1856 году мысли объ улучшеніи быта крестьянъ, посылались въ собственныя руки Императора, либо къ великому князю Константину Николаевичу, къ ген.-ад. Ростовцеву, къ графу В. Н. Панину или прямо въ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу. Для того, чтобы разсортировать эти письма по фамиліямъ лицъ, къ коимъ они поступали, подобрать ихъ въ строго хронологическомъ порядкѣ, что очень важно для опредѣленія постепеннаго развитія тѣхъ или другихъ мыслей въ вопросѣ объ улучшеніи быта и освобожденіи крестьянъ, составить подробныя описи съ указаніями лицъ, писавшихъ тѣ или другіе проекты или отзывавшихся письменно на вопросы, возбужденные крестьянской реформой, и съ указаніями на мѣста, откуда бумаги присылались, требовалось, конечно, не мало опытности въ обращеніи съ историческими документами.

Всѣ бумаги Главнаго Комитета были распредѣлены Михаиломъ Ивановичемъ по группамъ и соединены въ дѣла, которыя были переплетены, тщательно пронумерованы, причемъ имъ были составлены частныя описи.

Дѣло приведенія въ порядокъ бумагъ Главнаго Комитета было окончено Семевскимъ, какъ мы сказали, къ началу 1883 года; такимъ образомъ, въ настоящее время въ двухстахъ пятидесяти четырехъ книгахъ соединены всѣ главнѣйшіе и, можно сказать, драгоцѣннѣйшіе матеріалы для исторіи освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи, и ими можно пользоваться съ большимъ удобствомъ, такъ какъ они подобраны въ строгомъ порядкѣ опытною рукою и снабжены подробными и толковыми описями.

XII.

Выборы М. И. Семевскаго въ гласные С.-Петербургской Думы. — Его дѣятельность, какъ члена училищной коммисіи.—Его заботы объ учебномъ персоналѣ.—Его любовь къ дѣтямъ и отношеніе къ нимъ.—Его отношеніе къ учащимъ.—Воспоминанія о М. И. Семевскомъ, какъ попечителѣ начальныхъ городскихъ училищъ.

Не смотря на многочисленныя занятія по службѣ и по изданію «Русской Старины», М. И. Семевскій, чуткій и отзывчивый на всякое живое дѣло, всю жизнь интересовался вопросами общественнаго характера, въ особенности, образованіемъ народа, и поэтому весьма естественно, что онъ пожелалъ вступить въ среду гласныхъ С.-Петербургскаго общественнаго управленія въ тотъ знаменательный для нашей столицы моментъ, когда, вслѣдъ за введеніемъ Городоваго Положенія (16-го Іюня 1870 г.), она была призвана къ заботамъ о народномъ образованіи, когда въ ея вѣдѣніе должны были перейти всѣ начальныя училища, и городу оказались необходимы люди, готовые съ любовью и полнымъ самоотверженіемъ отдаться этому дѣлу.

Избранный въ гласные С.-Петербургской городской Думы въ 1877 г., Михаилъ Ивановичъ до самой своей кончины, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, работалъ на пользу города; особенно много трудовъ онъ посвятилъ училищной коммисіи, на которую была возложена Думою организація начальныхъ городскихъ училищъ. Семевскій участвовалъ въ 1877 г. въ пріемѣ этихъ школъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, исполняя обязанности члена училищной коммисіи съ самаго избранія своего въ Думу; эту нелегкую, требующую большой любви къ дѣтямъ и къ самому дѣлу, обязанность онъ несъ до конца своей жизни съ небольшимъ, въ 1884 и 1885 гг., перерывомъ, вызваннымъ

избраніемъ его въ товарищи городскаго головы; чтобы уяснить себѣ ту массу дѣла и хлопотъ, которыя выпали на долю членовъ училищной коммисіи, а слѣдовательно и на М. И. Семевскаго, особенно, въ первые годы ея существованія, надобно оглянуться на прошлое городскихъ училищъ и, хотя въ краткихъ словахъ, напомнить о томъ, чѣмъ они были до передачи ихъ въ вѣдѣніе города [1]).

Городскія училища до 1877 г. находились исключительно подъ вѣдѣніемъ министерства народнаго просвѣщенія, Дума же, отпуская ежегодно на содержаніе ихъ извѣстную, съ теченіемъ времени, постепенно возроставшую сумму денегъ, не имѣла голоса въ управленіи ни хозяйственной, ни учебной частями этихъ школъ.

Училища помѣщались въ темныхъ сырыхъ квартирахъ, не имѣли библіотекъ, за здоровьемъ и нравственностью учениковъ не существовало никакого надзора, преподаватели получали столь незначительное вознагражденіе (13 р. 50 к. въ мѣсяцъ), что къ нимъ нельзя было предъявлять никакихъ серьезныхъ требованій; наконецъ, не прилагалось особыхъ заботъ и къ умноженію числа городскихъ училищъ.

Съ переходомъ же школъ въ вѣдѣніе города всѣ эти неблагопріятныя условія въ скоромъ времени измѣнились до неузнаваемости. Для наблюденія за принятіемъ школъ отъ прежней училищной дирекціи, для организаціи ихъ и полнаго завѣдыванія ими С.-Петербургскимъ городскимъ училищнымъ Совѣтомъ [2]) была избрана постоянная коммисія изъ семи гласныхъ Думы, знакомыхъ съ училищнымъ дѣломъ.

Однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и весьма полезныхъ членовъ этой коммисіи явился М. И. Семевскій, въ томъ году только что избранный, какъ мы сказали, въ гласные Думы. Его имя, на ряду съ именами Ѳ. Ѳ. Эвальда, А. А. Краевскаго, М. М. Стасюлевича, бар. П. Л. Корфа и нѣкоторыхъ другихъ почтенныхъ членовъ училищной коммисіи, «всю свою душу» [3]) положившихъ во ввѣренное имъ дѣло, занимаетъ видное и почетное мѣсто въ исторіи развитія и упроченія народнаго образованія въ Петербургѣ.

---

[1]) Свѣдѣнія о ходѣ и развитіи школьнаго вопроса въ Спб. заключаются въ отчетѣ о городскихъ начальныхъ училищахъ, чиганномъ въ Думѣ предсѣдателемъ училищной коммисіи Ѳ. Ѳ. Эвальдомъ въ 1879 г. Изв. Гор. Думы 1879 г. № 21, стр. 1809 и сл.

[2]) Началъ свою дѣятельность 7 Іюля 1877 г.

[3]) Рѣчь Городскаго Головы 8 Сент. 1879 г. Изв. Гор. Думы 1879 г. № 21, стр. 1809.

Благодаря энергіи и дѣятельности этихъ лицъ, училищная коммисія въ самое короткое время (съ Іюня по Декабрь 1877 г.) приняла отъ Дирекціи существовавшія тогда 16 училищъ и успѣла преобразовать ихъ и открыть нѣсколько новыхъ училищъ, «во многомъ превзошедшихъ тѣ крайне неудовлетворительныя во всѣхъ отношеніяхъ школы», которыя были переданы ей.

Старыя училища были переведены въ просторныя и болѣе отвѣчавшія требованіямъ гигіены помѣщенія, за ними былъ учрежденъ не существовавшій дотолѣ санитарный надзоръ; во всѣхъ училищахъ были введены лучшія руководства, при нѣкоторыхъ изъ нихъ устроены библіотеки, обращено вниманіе на нравственность дѣтей, учреждено общество для пособія бѣднымъ учащимся, а, главное, училищамъ были даны прекрасные учителя и учительницы.

Одинъ перечень этихъ нововведеній и преобразованій лучше всякихъ разсужденій говоритъ о томъ, что члены училищной коммисіи положили не мало труда для достиженія въ такое короткое время столь благихъ результатовъ, и что въ городскомъ управленіи нашлись люди, оказавшіеся способными отнестись къ ввѣренному имъ дѣлу въ высшей степени заботливо и добросовѣстно [1]), жертвуя для него своимъ временемъ и силами.

Одною изъ постоянныхъ заботъ училищной коммисіи было открытіе новыхъ училищъ; въ этомъ отношеніи починъ нерѣдко принадлежалъ М. И. Семевскому, не упускавшему ни одного случая выступить въ Думѣ съ подобнымъ предложеніемъ; всякое, болѣе или менѣе выдающееся событіе, какъ-то, юбилей или кончина общественнаго дѣятеля, педагога, писателя, празднованіе событія историческаго, — все являлось для него поводомъ предложить Думѣ ознаменовать данное событіе или почтить память чествуемаго лица открытіемъ одного или нѣсколькихъ начальныхъ училищъ.

Михаилъ Ивановичъ постоянно ратовалъ также за улучшеніе уже существующихъ школъ, заботился объ участи городскихъ учителей и учительницъ, объ обезпеченіи ихъ подъ старость и особенно настойчиво преслѣдовалъ и проводилъ мысль о необходимости содержать городскія училища въ собственныхъ, спеціально для учебныхъ

[1]) Рѣчь Городскаго Головы. Изв. Город. Думы 1879 г. № 21.

цѣлей приспособленныхъ домахъ, на подобіе существующихъ за границею. При всякомъ удобномъ случаѣ возвращаясь къ этой своей излюбленной темѣ, какъ въ засѣданіяхъ Думы, такъ и въ засѣданіяхъ городской коммисіи по народному образованію, онъ добился того, что Дума въ 1891 г. передала, наконецъ, его предложеніе на обсужденіе въ коммисію по народному образованію, куда незадолго до кончины Михаила Ивановича, именно въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1891 г., была представлена имъ докладная записка «по вопросу о сооруженіи зданій соединенныхъ городскихъ училищъ». Говоря въ этой запискѣ объ устройствѣ подобныхъ помѣщеній для школъ въ разныхъ городахъ Франціи, Германіи и Швейцаріи, гдѣ во время его заграничныхъ путешествій имъ были осмотрѣны различные типы учебныхъ заведеній, Михаилъ Ивановичъ доказывалъ, что помѣщеніе школъ въ собственныхъ домахъ будетъ выгодно не въ однихъ только санитарныхъ и училищныхъ видахъ, но и въ отношеніи экономіи, такъ какъ городъ изъ своего 500,000 школьнаго бюджета тратитъ ежегодно на наемъ квартиръ для училищъ свыше 200,000 р., и этотъ весьма крупный расходъ значительно сократится, когда училища будутъ помѣщаться въ собственныхъ, принадлежащихъ городу, домахъ.

Упомянутый докладъ былъ послѣднею письменною работою Михаила Ивановича Семевскаго по городскимъ училищнымъ дѣламъ; онъ не дожилъ до разрѣшенія возбужденнаго имъ вопроса, но успѣлъ поставить его настолько твердо и прочно, что въ настоящее время можно надѣяться, что завѣтная мечта покойнаго осуществится, и наши городскія училища будутъ помѣщаться современемъ въ такихъ же «обширныхъ, прекрасно освѣщаемыхъ и вентилируемыхъ домахъ», на каторые Семевскій не могъ безъ зависти смотрѣть за границею.

Когда это осуществится, когда городъ будетъ праздновать освященіе *перваго* школьнаго дома, онъ помянетъ, конечно, добрымъ словомъ и того изъ своихъ гласныхъ, которому принадлежалъ настойчивый починъ въ этомъ полезномъ дѣлѣ.

Состоя попечителемъ двѣнадцати начальныхъ городскихъ училищъ, Семевскій считалъ своею нравственною обязанностью, своимъ долгомъ, быть имъ полезнымъ и словомъ, и дѣломъ. Въ своихъ рѣчахъ, которыя онъ, въ качествѣ члена училищнаго совѣта, произносилъ ежегодно въ Думѣ при обсужденіи гласными вопроса объ откры-

тіи кредита на народное образованіе на слѣдующій годъ, онъ всегда старался склонить Думу къ увеличенію этого кредита, уяснялъ гласнымъ тѣ цѣли, къ которымъ должно стремиться общественное управленіе въ дѣлѣ образованія народа. Цѣли эти Михаилъ Ивановичъ понималъ весьма широко и находилъ, что, не смотря на быстрый, можно сказать, гигантскій ростъ школъ и улучшеніе ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, городу не слѣдуетъ останавливаться на этомъ пути, что ему предстоитъ еще многое сдѣлать для раціональной постановки дѣла начальной школы.

Все, что было неоднократно говорено Семевскимъ по школьному вопросу въ стѣнахъ Городской Думы, всѣ его взгляды на этотъ предметъ вылились въ рѣчи, съ которой онъ обратился къ учителямъ и учительницамъ городскихъ начальныхъ училищъ въ отвѣтъ на ихъ привѣтствіе по случаю избранія его въ 1883 г. на должность товарища городскаго головы, почему мы и считаемъ вполнѣ умѣстнымъ привести здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ этой рѣчи.

чертивъ современное положеніе начальныхъ городскихъ училищъ въ Петербургѣ и сравнивъ его съ состояніемъ этихъ школъ до передачи ихъ въ 1877 г. въ вѣдѣніе города, Михаилъ Ивановичъ высказалъ, что въ настоящее время «дѣло народнаго образованія въ С.-Петербургѣ поставлено на твердую почву, пустило глубокіе корни и принесетъ еще въ будущемъ неисчислимыя, самыя благотворныя послѣдствія»...

«И такъ, несомнѣнно, сдѣлано много», сказалъ онъ — «но цѣлый рядъ вопросовъ предстоитъ еще разрѣшить. Число школъ, какъ показали статистическія данныя, выработанныя въ послѣднее время, относительно дѣтей школьнаго возраста, далеко еще не соотвѣтствуетъ тому числу, которое должно быть непремѣнно водворено. Между тѣмъ, нужды городскаго хозяйства, во всѣхъ его разносторонних областяхъ, чрезвычайно расширяются, платежныя средства населенія далеко не въ такой пропорціи увеличиваются. Является опасеніе, что еще далеко то время, когда Петербургъ получитъ, дѣйствительно, потребное для него число начальныхъ училищъ. Дай Богъ, чтобы эти опасенія не осуществились.

«Денежное содержаніе «учителей и учительницъ» не представляется свыше 650 р. въ годъ. Не говорю 30, 20, даже 10 лѣтъ тому

назадъ это содержаніе было порядочное, теперь же оно является ничтожнымъ, но, главное, оно представляется неподвижною цифрою, *съ чѣмъ уже никакъ невозможно помириться* въ виду того, какъ поставлено вознагражденіе учащихъ у нашихъ сосѣдей — нѣмцевъ, французовъ, швейцарцевъ. Человѣкъ трудится нѣсколько лѣтъ, трудится, быть можетъ, всю жизнь и знаетъ, что отъ этого труда матеріальный достатокъ его останется въ той же цифрѣ, а между тѣмъ прибавляются годы, упадаютъ силы, падаетъ здоровье, ослабляется энергія. Такое положеніе вредно отзывается на веденіи учебнаго дѣла.

«Мысль о *прогрессивномъ* вознагражденіи по числу лѣтъ службы есть мысль самая *вѣрная* и признанная давно и всюду; она еще не признана пока у насъ, т. е. не получила одобренія нашей почтенной Думы. Будемъ надѣяться, что данная, здравая и справедливая, мысль не будетъ погребена, но будетъ всецѣло принята, и вознагражденіе за трудъ учителей и учительницъ въ этомъ отношеніи будетъ поставлено на наилучшую почву...

«У нашихъ сосѣдей города гордятся прекрасными, спеціально устроенными для школъ зданіями; только такія зданія могутъ всецѣло удовлетворять и гигіеническимъ, и воспитательно-учебнымъ цѣлямъ. Будемъ надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ Петербургъ украсится таковыми зданіями, и что въ мѣстахъ съ особенно скученнымъ населеніемъ въ нихъ помѣстится по нѣсколько училищъ. Такимъ образомъ, достигнется и экономія, а главное — цѣли гигіеническія и педагогическія».

«Ничего еще не сдѣлано въ отношеніи къ обезпеченію будущихъ инвалидовъ учебнаго труда. И тутъ быстро пройдетъ четверть вѣка, а наши учителя и учительницы не будутъ убѣждены, что при упадкѣ силъ и при выходѣ въ отставку они будутъ имѣть кусокъ хлѣба, какъ справедливое воздаяніе за свои неустанные и долголѣтніе труды. Этотъ вопросъ на очереди, и надо надѣяться, что Дума взглянетъ на него какъ можно шире, и не только чиновники въ ея канцеляріи, но и всѣ служащіе по найму при ней и въ подвѣдомственныхъ ей учрежденіяхъ получатъ опредѣленныя права на пенсію по числу потраченныхъ лѣтъ» [1]).

[1]) Ожиданія Семевскаго на этотъ счетъ не оправдались. Когда проектъ пенсіонной кассы, о которомъ онъ упоминаетъ, былъ выработанъ Управою и представленъ Думѣ,

«По отношенію къ учебному нашему міру мы можемъ гордиться и тѣмъ, что подлѣ училищной коммисіи стоитъ общество для пособія бѣднѣйшимъ учащимся; такимъ образомъ, вопіющая бѣдность нашихъ учениковъ и ученицъ получитъ когда-нибудь какое-либо воспособленіе. Но мы не имѣемъ еще патронатства надъ дѣтьми, оканчивающими у насъ курсъ; ребенокъ 11 лѣтъ, нерѣдко прекрасно окончившій курсъ въ нашей школѣ, возвращается въ самыя ужасныя бытовыя условія той среды, къ которой онъ принадлежитъ. Оказать ему поддержку, дать ему возможность встать на честную дорогу работы—вотъ задача, которую должно бы преслѣдовать общество, и поддержку которой должна бы оказать Дума» [1]).

«Въ вѣдѣніи Думы находятся лишь начальныя училища, а вѣдь шесть съ половиною лѣтъ (1877—1883) показали всю глубину, всю силу заботливости Думы объ этомъ излюбленномъ ею дѣтищѣ. Не слѣдуетъ ли пожелать, чтобы въ ея вѣдѣніе перешли школы и болѣе высшаго типа, чѣмъ одноклассныя училища?»

«Затѣмъ, дѣятельность Думы по отношенію къ ремесленному образованію, о которомъ такъ много писали и пишутъ, и которое, если можно такъ выразиться, особенно сильно и не безъ основанія выдвигается, какъ единственная гарантія противъ распространенія умственнаго пролетаріата, это дѣло находится еще у насъ въ младенческомъ состояніи... Если бы не побоялся злоупотребить вашимъ вниманіемъ, то я бы долго еще не кончилъ намѣчать рядъ задачъ, осуществленіе которыхъ желательно видѣть намъ... но и сказаннаго довольно, чтобы понять, что, если сдѣлано много въ области народнаго образованія об-

---

то оказалось, что о пенсіяхъ учителямъ и учительницамъ городскихъ начальныхъ училищъ въ немъ не было и помина. Поэтому М. И. Семевскій подалъ въ Думу въ Мартѣ мѣсяцѣ 1884 г. записку «къ вопросу о пенсіонной кассѣ», въ которой указалъ на необходимость распространить дѣйствія ея какъ на учителей и учительницъ, такъ и на всѣхъ лицъ, служащихъ по выборамъ и получающихъ жалованье изъ городскихъ кассъ. Иначе, «при тѣсныхъ рамкахъ, которыя приняла Управа для проекта пенсіонной кассы», указывалъ онъ,—«значительное число служащихъ городу лицъ было бы лишено пенсій, притомъ, именно тѣхъ служащихъ, трудныя занятія которыхъ повсюду и въ правительственныхъ учрежденіяхъ цѣнятся выше службы обыкновенныхъ чиновниковъ». (Изв. Гор. Думы 1884 г., Мартъ, № 12).

[1]) Какъ членъ Совѣта Ремесленнаго училища Цесаревича Николая, Семевскій указывалъ на необходимость открыть при училищѣ попечительство надъ окончившими курсъ воспитанниками съ цѣлью пріисканія имъ мѣстъ и наблюденія за ходомъ ихъ занятій. (Попечительство основано въ 1886 г.).

щественнымъ управленіемъ Петербурга, то еще *очень многое* предстоитъ сдѣлать.»

Искренно сочувствуя дѣлу развитія и упроченія народной школы, Семевскій намѣтилъ въ приведенной рѣчи, въ общихъ чертахъ, цѣлую программу дѣятельности, которую, по его мнѣнію, предстояло разработать училищной коммисіи, цѣлый рядъ благихъ задачъ, къ осуществленію которыхъ должно стремиться городское управленіе. Въ журналы училищной коммисіи занесена такая масса въ высшей степени полезныхъ предположеній, сдѣланныхъ Семевскимъ, что Городской Думѣ, какъ замѣтилъ предсѣдатель этой коммисіи М. М. Стасюлевичъ, говоря о заслугахъ покойнаго, — «придется не разъ услышать имя его въ своихъ засѣданіяхъ, когда пойдетъ рѣчь о томъ или другомъ училищномъ дѣлѣ» [1]).

Личныя отношенія Семевскаго, какъ попечителя городскихъ начальныхъ училищъ, къ учебному персоналу отличались рѣдкими теплотою и сердечностью. Случалось, по отзыву этихъ лицъ, что, когда имъ приходилось впервые сталкиваться съ нимъ, онъ принималъ съ ними довольно суровый, ему вовсе несвойственный тонъ; но, при ближайшемъ знакомствѣ, при совмѣстномъ обсужденіи потребностей школы, этотъ тонъ уступалъ мѣсто самому дружескому, привѣтливому обхожденію, такъ что учители и учительницы его района смѣло обращались къ нему за содѣйствіемъ, за совѣтомъ или съ просьбою, смѣло шли къ нему въ его пріемные дни и часы и въ другой, неурочный, часъ, въ полной увѣренности, что для нихъ его двери всегда открыты, что для нихъ «онъ всегда дома», и что они найдутъ въ немъ усерднаго и энергичнаго ходатая передъ Управою, и въ ихъ собственныхъ дѣлахъ, и въ надобностяхъ школы.

Учащіе, съ своей стороны, чрезвычайно уважали и цѣнили своего попечителя и сохранили о немъ самыя свѣтлыя, отрадныя воспоминанія. Слѣдующая краткая, но, какъ видно, изъ глубины сердца вылившаяся замѣтка одной изъ бывшихъ учительницъ его района, А. И. Кедриной, въ замужествѣ Ястребовой, весьма обязательно прислащей намъ эти строки въ отвѣтъ на нашу просьбу обрисовать личность Михаила Ивановича, какъ попечителя городскихъ школъ, свидѣтельствуетъ о томъ, какими любовью и участіемъ было преисполнено его

[1]) Изв. Гор. Думы 1892 г. Апр.

сердце по отношенію къ учащимъ и учащимся въ городскихъ школахъ, которые, безъ сомнѣнія, долго сохранятъ о немъ добрую память.

«Когда Михаилъ Ивановичъ при посѣщеніи имъ школы вошелъ въ классную комнату, говоритъ въ своей замѣткѣ А. И. Ястребова — его появленіе было громко привѣтствовано дѣтьми. По радостнымъ лицамъ ученицъ видно было, что пріѣздъ посѣтителя обрадовалъ ихъ. Дѣйствительно, это былъ любимый дѣтьми попечитель училища. Въ школѣ шелъ урокъ русскаго языка. Учительница объясняла дѣтямъ отрывокъ изъ стихотворенія Пушкина «Мѣдный всадникъ». Такъ какъ дѣло касалось описанія Петербурга, то попечитель, попросивъ разрѣшенія учительницы, началъ съ дѣтьми бесѣду по этому вопросу. Начавъ бесѣду о построеніи Петербурга, онъ невольно перешелъ къ великому преобразователю, которому Петербургъ обязанъ своимъ существованіемъ. Онъ старался, въ доступной дѣтямъ формѣ, выяснить личность Петра I, значеніе его реформъ и т. п.

«Его рѣчь лилась плавно, и маленькая аудиторія сосредоточила всѣ свои взоры на новомъ профессорѣ.

«Но, вотъ, пробило два часа: дѣтямъ пора было расходиться по домамъ. Бесѣда прекратилась...

«Нужно было видѣть, съ какою ласкою обращался попечитель съ маленькими дѣвочками, и какъ ободряло ихъ это обращеніе. Дѣти смѣло отвѣчали своему начальнику. Попечитель училища былъ всѣмъ извѣстный редакторъ популярнаго журнала «Русская Старина». Его обращеніе съ дѣтьми было просто, трогательно-задушевно.

«Михаилъ Ивановичъ очень любилъ, чтобы дѣтей называли уменьшительными именами. «Скажи-ка мнѣ, родненькая», обращался онъ къ семилѣткѣ,—«сколько у тебя пальчиковъ на одной ручкѣ?»

«Ребенокъ, иногда только что поступившій въ школу, видя такую ласку, нѣжность, смѣло отвѣчаетъ своему попечителю. Вообще, каждый ребенокъ въ училищѣ, гдѣ Михаилъ Ивановичъ состоялъ попечителемъ, пользовался его заботами. Заболѣвала ли ученица, попечитель тотчасъ-же распоряжался, чтобы къ ней на домъ прислали врача или ее отправили, въ случаѣ заразительной болѣзни, въ больницу, конечно, если на это были согласны родители больнаго ребенка.

«Узналъ ли онъ, что въ школѣ есть круглая сирота, которую

надобно пристроить, какъ немедленно дѣлалъ распоряженіе по этому поводу.

«Онъ постоянно заботился, чтобы дѣти городскаго училища пользовались на праздникахъ доступными имъ удовольствіями: посѣщали, подъ надзоромъ учащихъ, циркъ, гдѣ спеціально для дѣтей давались представленія.

На Рождествѣ, когда въ училищахъ обыкновенно устраивались елки, Михаилъ Ивановичъ иногда жертвовалъ нѣкоторую сумму денегъ для улучшенія елки. Если онъ имѣлъ возможность, то непремѣнно посѣщалъ этотъ дѣтскій праздникъ, который обыкновенно очень оживлялся съ его пріѣздомъ...

«Про Михаила Ивановича вообще можно сказать, что это былъ ревностный защитникъ школъ и просвѣщенія, другъ учащихъ и учащихся.

«Онъ зорко слѣдилъ за интересами ввѣренныхъ его попеченію училищъ. Узнавалъ ли онъ, что есть возможность на думскій счетъ устроить нѣсколько ученицъ въ профессіональную школу, какъ немедленно извѣщалъ учащихъ своего района, рекомендуя мѣры, которыя слѣдовало принять.

«Наступало время экзаменовъ, и Михаилъ Ивановичъ, состоявшій также членомъ Училищнаго Городскаго Совѣта, назначался обыкновенно въ экзаменаціонную коммисію.

«Пріятно было присутствовать у той группы, которую экзаменовалъ Михаилъ Ивановичъ. Безъ торопливости, съ серьезнымъ видомъ обращался онъ къ экзаменующимся съ вопросами и внимательно выслушивалъ ихъ отвѣты. Малѣйшій проблескъ мысли, соображенія въ маленькой головкѣ вызывалъ одобреніе съ его стороны. Польщенныя успѣхомъ дѣти все болѣе и болѣе старательно обдумывали свои отвѣты, и экзаменъ кончался хорошо даже при средней подготовкѣ учащихся, не говоря уже о хорошей.

«Присутствуя однажды при повѣркѣ школьной библіотеки, онъ выразилъ удовольствіе, что книги носили слѣды частаго употребленія. Другой разъ онъ былъ весьма недоволенъ, когда учительница представила ему книги школьной библіотеки съ неразрѣзанными страницами и совершенно новыми переплетами, хотя школа существовала уже 5 лѣтъ. Покойный охотно разрѣшалъ всѣ остававшіяся суммы школьныхъ

денегъ (отъ ремонта квартиры, отъ дровъ и т. п.) употреблять на пополненіе библіотеки.

«Михаилъ Ивановичъ всегда горячо стоялъ за дѣло народнаго образованія. Когда въ Думѣ шли пренія о количествѣ училищъ, потребныхъ для открытія, то онъ постоянно стоялъ за открытіе, по возможности, большаго числа училищъ.

«— Открывайте больше училищъ», говорилъ онъ,—«и вамъ не нужно будетъ открывать новыхъ тюремъ».

«Михаилъ Ивановичъ очень сожалѣлъ, что городское общественное управленіе, давъ прекрасную подготовку своимъ питомцамъ въ школахъ, не имѣетъ патроната надъ дѣтьми, окончившими курсъ. «Часто ребенокъ 10-ти, 11-ти лѣтъ, отлично окончившій школу, возвращается въ самыя ужасныя бытовыя условія той среды, къ которой принадлежитъ, и часто видитъ восхваленіе того, что такъ порицалось въ школѣ; дома оказать поддержку такому ребенку, дать ему возможность встать на честную дорогу труда—вотъ задача, которую должно преслѣдовать «Общество вспомоществованія учащимся», говорилъ онъ, — поддержку которому должна оказать Дума».

«Михаилъ Ивановичъ всегда высказывалъ, что на обязанности Думы лежитъ поощрять открытіе ремесленныхъ училищъ, такъ какъ ремесленное образованіе, по его словамъ, единственная гарантія противъ распространенія умственнаго пролетаріата. Оказывать имъ поддержку, выдавать субсидіи—будутъ ли эти училища частныя или казенныя — прямо въ интересахъ городскаго общественнаго управленія.

«Какъ радовался покойный, что сравнительно въ короткое время Петербургъ обогатился народными школами, вывѣски которыхъ краснорѣчиво говорятъ о заботахъ городскаго общественнаго управленія о дѣтяхъ бѣдныхъ родителей...

«Сознавая всю важность народнаго образованія, Михаилъ Ивановичъ очень высоко ставилъ и лицъ, стоявшихъ въ непосредственной близости къ школѣ. Онъ всегда весьма сочувственно относился къ учителямъ и учительницамъ народныхъ училищъ.

«Надо было присутствовать въ кабинетѣ Михаила Ивановича въ дни, назначенные для пріема учащихъ, чтобы видѣть, съ какимъ вниманіемъ разспрашивалъ онъ учителей и учительницъ объ ихъ занятіяхъ, успѣхахъ учащихся, нуждахъ дѣтей и самихъ учащихъ. Если учащіе

встрѣчались въ кабинетѣ Михаила Ивановича съ кѣмъ-нибудь изъ представителей литературнаго или ученаго міра, то онъ тотчасъ же рекомендовалъ ихъ, хваля ихъ педагогическую дѣятельность.

«Случалось ли учащему заболѣть, Михаилъ Ивановичъ немедленно справлялся, оказана-ли ему медицинская помощь, заботился, чтобы учащій хорошо поправился послѣ болѣзни, прежде чѣмъ приступить къ занятіямъ.

«Всякое радостное или горестное событіе въ семьѣ учащаго вызывало удовольствіе или горесть Михаила Ивановича. Выходила ли замужъ учительница, или женился учитель ввѣреннаго ему училища, Михаилъ Ивановичъ непремѣнно присутствовалъ у нихъ на свадьбѣ, давалъ родительскіе совѣты, какъ самый преданный и доброжелательный родственникъ.

«Покойный очень заботился, чтобы всѣ необходимыя для учащаго руководства и пособія покупались на счетъ школы, и весьма охотно разрѣшалъ пріобрѣтать книги для усовершенствованія наставниковъ въ преподаваніи. Очень многимъ изъ учащихъ своего района Михаилъ Ивановичъ присылалъ журналъ, редакторомъ котораго состоялъ много лѣтъ, и очень обижался, если учащіе невнимательно относились къ журналу, не прочитывали статей и т. п.

«Онъ вовсе не желалъ, какъ говорили нѣкоторые, чтобы его журналъ прочитывали отъ доски до доски, но былъ радъ, если учащіе, получавшіе его, прочитывали наиболѣе интересныя описанія событій и фактовъ отечественной исторіи.

«Нѣсколько разъ Михаилъ Ивановичъ выступалъ на каѳедрѣ Соляного Городка въ качествѣ лектора по русской исторіи. Замѣтивъ на лекціи представителей и представительницъ ввѣренныхъ его попеченію училищъ, онъ въ послѣдующіе раза снабжалъ ихъ своими визитными карточками на право безплатнаго входа въ аудиторію, гдѣ читалась имъ лекція.

«— Хотя я предполагалъ, говорилъ Михаилъ Ивановичъ, — что многіе учащіе моего района, интересующіеся наукой, захотятъ посѣтить нѣкоторыя изъ моихъ лекцій, но не рѣшился предложить имъ входные билеты, чтобы этимъ самымъ не стѣснять ихъ; получивъ билеты, они, изъ вѣжливости, поѣхали-бы на лекціи, а между тѣмъ ихъ трудныя занятія требуютъ вечерняго отдыха».

«Въ методы преподаванія Михаилъ Ивановичъ никогда не вмѣшивался, а предоставлялъ ихъ благоусмотрѣнію учащихъ. Ходомъ же дѣла преподаванія онъ всегда интересовался. Особенно радовался онъ успѣхамъ учащихся въ родномъ языкѣ и Законѣ Божьемъ, который считалъ основаніемъ народнаго образованія.

«Къ законоучителямъ Михаилъ Ивановичъ относился съ большимъ почтеніемъ и любилъ бесѣдовать съ ними о религіозномъ воспитаніи дѣтей.

«Въ женскихъ школахъ онъ обращалъ вниманіе на рукодѣліе и считалъ его важнымъ предметомъ въ домашнемъ обиходѣ той среды, къ которой принадлежало большинство учащихся дѣвочекъ.

«Бесѣдуя съ родителями учениць, онъ старался внушить имъ, какъ много дѣлаетъ для ихъ дѣтей школа, и какъ они должны быть благодарны учителямъ и учительницамъ, которые такъ много заботятся объ ихъ дѣтяхъ.

«Хорошо понималъ Михаилъ Ивановичъ, что занятія въ городской школѣ съ 50 учащимися, раздѣленными на 2, а часто и на 3 группы, дѣло нелегкое, требующее большой затраты силъ и здоровья, а потому всѣмъ, намѣревавшимся принять должность учащаго, онъ всегда хвалилъ службу, но старался убѣдить и въ томъ, что преподаваніе при такихъ условіяхъ чрезвычайно трудно, что только тотъ долженъ за него браться, кто чувствуетъ призваніе къ педагогической дѣятельности и имѣетъ достаточный запасъ силъ и здоровья, а иначе, замѣчалъ онъ, самъ учащій будетъ страдать, и, не менѣе того, будутъ страдать успѣхи дѣтей.

«Зная, сколько силъ и здоровья требуетъ трудъ учащихъ въ начальныхъ училищахъ, Михаилъ Ивановичъ считалъ необходимымъ ввести прогрессивное вознагражденіе по числу лѣтъ ихъ службы. Онъ находилъ, что недостаточная обезпеченность ихъ въ будущемъ повлечетъ за собою, вмѣстѣ съ упадкомъ силъ, ослабленіе энергіи, что крайне вредно отзовется на ходѣ учебнаго дѣла.

«Михаилъ Ивановичъ состоялъ членомъ коммисіи по народному образованію пятнадцать съ половиною лѣтъ. Подъ его ближайшимъ завѣдываніемъ перебывала масса учащихъ и нѣсколько тысячъ учащихся.

«Какъ у всякаго общественнаго дѣятеля, у него было много вра-

*

говъ, которые, какъ это обыкновенно бываетъ, старались подмѣтить его слабыя стороны, умалить его заслуги по народному образованію. Что бы ни говорили эти люди о дѣятельности покойнаго, онъ дѣйствовалъ безкорыстно и съ любовью къ дѣлу народнаго образованія. Принести пользу просвѣщенію — вотъ была его единственная задача.

«Всѣ, близко знавшіе Михаила Ивановича, какъ члена коммисіи по народному образованію, могутъ засвидѣтельствовать, что это былъ ревностный защитникъ просвѣщенія, другъ учащихъ и учащихся.

«Вотъ почему всѣ, кому дорого дѣло народнаго образованія, были глубоко огорчены, когда 9 Марта 1892 г. смерть навсегда сомкнула уста этого честнаго дѣятеля, много лѣтъ поработавшаго для школъ не только безвозмездно, но удѣлявшаго для нихъ нѣкоторыя суммы изъ своихъ собственныхъ средствъ.

«Вѣчная память тебѣ, искренній ревнитель просвѣщенія!

«Дай Богъ, чтобы новые члены коммисіи по народному образованію хотя немного походили въ своей дѣятельности на этого горячаго и убѣжденнаго ревнителя народной школы»!

Въ заключеніе настоящей главы, для лучшей характеристики покойнаго Семевскаго, какъ попечителя начальныхъ городскихъ училищъ, мы позволимъ себѣ привести воспоминанія о немъ одного изъ старѣйшихъ учителей его района, А. Ѳ. Кузьмина. Эти воспоминанія проникнутыя рѣдкими теплотою и сердечностью, являются въ данномъ случаѣ и самымъ наглядным доказательствомъ правильности взгляда Семевскаго на принятыя имъ на себя обязанности, и лучшей посмертной наградой ему за его дѣятельность въ области начальной городской школы.

«Помню я первую съ нимъ встрѣчу, пишетъ А. Ѳ Кузьминъ,—это было въ 1877 году. Онъ показался мнѣ тогда холоднымъ формалистомъ. Какъ было тяжело первое впечатлѣніе, произведенное имъ, такъ, напротивъ, было отрадно и легко, когда этотъ, повидимому, угрюмый человѣкъ оказался мягкимъ и добрѣйшимъ изъ людей. Съ каждою новою встрѣчею съ нимъ я все болѣе убѣждался въ этомъ. Ранѣе покойный Михаилъ Ивановичъ занимался педагогическою дѣятельностью, и ему пришлось работать вмѣстѣ съ К. Д. Ушинскимъ, а потому въ немъ вскорѣ и сказался педагогъ. Онъ много интересовался успѣхами дѣтей, устраивалъ повѣрочныя испытанія, въ которыхъ самъ, съ начала до конца, прини-

малъ участіе, приглашая всѣхъ учащихъ своего района присутствовать на нихъ. На такихъ испытаніяхъ онъ, конечно, и самъ знакомился съ дѣломъ народнаго образованія и могъ видѣть, что̀ можно сдѣлать и чего нельзя требовать. Въ особенности онъ любилъ выразительное чтеніе и декламацію, что̀ въ народной школѣ такъ важно. Пріѣзжая въ школу, онъ всегда умѣлъ сказать дѣтямъ ласковое слово, и дѣти любили его. Воспитательная часть въ школахъ очень интересовала его: онъ внимательно присматривался къ тому, что дѣлали учащіе въ этомъ отношеніи, и чего можно достигнуть. Онъ замѣтилъ, что внѣклассныя сношенія учащихъ съ учащимися оказываютъ громадное вліяніе въ воспитательномъ отношеніи на дѣтей. А сношенія эти заключались въ прогулкахъ за городъ, въ посѣщеніяхъ театра и т. п., но главнымъ матеріаломъ для этого являлись рождественскіе праздники. Учащіе еще задолго до дня Рождества Христова вмѣстѣ съ дѣтьми готовились къ нему, устраивая дѣтскій праздникъ. Тутъ масса приготовленій и заботъ для всѣхъ. Особенно много хлопотъ и приготовленій было въ тѣхъ училищахъ, гдѣ устраивались дѣтскіе спектакли, живыя картины, чтенія съ туманными картинами, разныя игры и т. п. Вотъ такіе-то праздники особенно и любилъ Михаилъ Ивановичъ. Онъ съ большимъ удовольствіемъ присутствовалъ на нихъ вмѣстѣ со своимъ семействомъ и знакомыми. Онъ отлично понималъ, какого труда стоило это для учащихъ, а потому цѣнилъ это и всѣми силами поощрялъ. Своимъ присутствіемъ, вниманіемъ, поощреніемъ онъ воодушевлялъ учащихъ, и то, что казалось почти невозможнымъ, выполнялось съ любовью: учащій зналъ, что труды его цѣнятъ, понимаютъ. А до какой степени это важно, можно видѣть изъ того, что такое отношеніе со стороны Михаила Ивановича настолько поддерживало энергію учащихъ, что они почти не замѣчали этого, можно сказать, гигантскаго труда: дѣятельность эта удовлетворяла ихъ, благодаря Михаилу Ивановичу, а вѣдь чувство удовлетворенія своею дѣятельностью есть высшая награда, которой только можно достигнуть.

«Вотъ въ школѣ идетъ дѣтскій спектакль; дѣти, а главное учащій много поработали надъ его устройствомъ, и вотъ они теперь передъ родителями и знакомыми; вотъ мальчикъ или дѣвочка удачно пропѣли или продекламировали: это мѣсто было такое трудное, а вышло такъ хорошо, удачно! И Михаилъ Ивановичъ видитъ это, онъ самъ испыты-

ваетъ ту-же радость, какую испытываютъ дѣти и учащій, и отъ него перваго и идетъ поощреніе, и вполнѣ заслуженное; а вѣдь это такъ хорошо понимаютъ дѣти: значитъ, замѣтили и оцѣнили ихъ труды, а въ этомъ-то—въ умѣньи оцѣнить, подмѣтить этотъ моментъ—все и заключается. И всѣ довольны—и родители, и дѣти, и учащій, а прежде всего самъ Михаилъ Ивановичъ. Да, надо дѣйствительно любить живое дѣло воспитанія дѣтей, чтобы переживать такія минуты. Правда, эти минуты протекаютъ въ маленькой школѣ, но потому-то онѣ и важны, что въ ней поняты, а такихъ-то школъ тысячи, и изъ нихъ-то, этихъ первоначальныхъ чистыхъ источниковъ, и пойдутъ струйки чистой благотворной воды, и сольются онѣ въ большую рѣку. Вотъ эти-то чистые источники такъ и любилъ Михаилъ Ивановичъ. И уже разъ покойный привязывался къ школѣ, то нераздѣльно съ этимъ онъ привязывался и къ учащему, какъ составляющему одно цѣлое, неразрывное со школою. Онъ уже по одному виду учащаго замѣчалъ, что дѣлается у него на душѣ, и старался разузнать все; онъ, какъ добрый отецъ, не хотѣлъ оставаться въ невѣдѣніи, если его что-либо безпокоило съ этой стороны. И учащіе скоро поняли это и относились къ нему, не какъ къ начальнику, чужому, постороннему, а какъ къ родному. Въ этихъ отношеніяхъ было много задушевнаго. И учащіе работали спокойно, а вслѣдствіе этого и болѣе производительно: ничто ихъ не тревожило, а все это такъ непосредственно отзывается на успѣхахъ школы! Школа и учащій — тѣло и душа.

«Сердечность и теплота — незамѣнимыя достоинства въ великомъ, живомъ дѣлѣ народнаго образованія; безъ нихъ ничто — и знаніе, и трудъ: это первые и самые важные двигатели. Вотъ это то и было понятно доброй и любящей душѣ Михаила Ивановича. Когда учащему надо было видѣть Михаила Ивановича, онъ могъ приходить къ нему во всякое время: двери его дома всегда были открыты. Случалось, что учащіе приходили къ нему во время обѣда, и онъ нерѣдко, чтобы не заставлять ждать себя, вставалъ изъ-за стола. Нерѣдко Михаилъ Ивановичъ приглашалъ учащихъ и къ себѣ, когда у него бывали гости, по какимъ-либо торжественнымъ для него днямъ; бывали у него и извѣстные литераторы, артисты, художники, и онъ всегда въ этихъ случаяхъ былъ особенно любезенъ и внимателенъ къ учащимъ. Бывали случаи, когда онъ приглашалъ къ себѣ въ извѣстные праздники и

школьныхъ дѣтей, и тогда они пользовались любезнымъ гостепріимствомъ его супруги и милыхъ его дочерей-подростковъ, которыя сами обносили дѣтей сластями и подчивали по русскому обычаю. Да вѣдь и самъ Михаилъ Ивановичъ былъ вполнѣ русскій человѣкъ со всѣми присущими ему особенностями и даже, подчасъ, странностями; но всякій, знавшій его хорошо, никогда не ставилъ ему этого въ вину и не обижался на него: одно теплое, задушевное слово, шутка, и все забывалось. Въ высшей степени гуманное отношеніе къ нимъ не могло не вселить въ учащихъ чувства любви и благодарности къ покойному Михаилу Ивановичу, что они и выразили въ адресѣ, поднесенномъ ему отъ лица всѣхъ учащихъ въ городскихъ начальныхъ училищахъ въ то время, когда онъ покидалъ училищную коммисію по случаю выбора его на постъ товарища городскаго головы. Нѣтъ Михаила Ивановича, но живъ его духъ, и долго еще будетъ жить онъ въ сердцахъ людей хорошо его знавшихъ. Много онъ дѣлалъ добра и дѣлалъ такъ, что правая рука не знала, что дѣлаетъ лѣвая. Учащіе, въ лицѣ его, потеряли покровителя и защитника, а утрата его для народной школы незамѣнима. Миръ праху твоему, дорогой дѣятель»!

XIII.

Дѣятельность М. И. Семевскаго, какъ гласнаго Думы.—Поднятый имъ вопросъ объ упорядоченіи смѣтъ и отчетовъ Управы.—Его мысль объ открытіи Городскаго Ломбарда.—М. И. Семевскій, какъ представитель въ Думѣ духовныхъ интересовъ города.—Чествованіе Н. М. Пржевальскаго.—Юбилей Академіи Генеральнаго Штаба.—Поддержка, оказанная городомъ женскимъ врачебнымъ курсамъ по случаю взятіи Плевны.—Рѣчь М. И. Семевскаго по поводу ходатайства Русскаго Музыкальнаго Общества объ отводѣ ему городской земли для постройки зданія Консерваторіи.

Изъ всѣхъ разнообразныхъ отраслей дѣятельности, дѣятельность общественная наиболѣе подходила къ подвижному темпераменту Семевскаго; онъ былъ совершенно неспособенъ замкнуться въ своей личной жизни, въ своихъ личныхъ дѣлахъ и интересахъ; напротивъ того, онъ всегда былъ готовъ откликнуться на всякую злобу дня, на всякое живое дѣло; эта отзывчивость была до того присуща его характеру, что она отразилась, какъ мы видѣли, даже на веденіи имъ такого вполнѣ спеціальнаго по своей программѣ журнала, какъ «Русская Старина». Поэтому весьма понятно, что, вступивъ въ ряды общественныхъ дѣятелей столицы, Михаилъ Ивановичъ не могъ ограничиться одними занятіями по училищной коммисіи, однѣми заботами объ образованіи народа, но принялъ живое участіе и въ прочихъ городскихъ дѣлахъ, въ особенности, послѣ оставленія имъ въ 1882 году службы въ Государственной Канцеляріи.

Онъ былъ однимъ изъ самыхъ постоянныхъ и усердныхъ посѣтителей всѣхъ думскихъ собраній, являясь на нихъ однимъ изъ первыхъ, съ цѣлымъ ворохомъ всевозможныхъ справокъ и замѣтокъ, на основа-

ніи которыхъ онъ дѣлалъ свои возраженія и замѣчанія при обсужденіи Думою самыхъ серьезныхъ вопросовъ городскаго хозяйства, независимо отъ того, шла ли рѣчь о богоугодныхъ и учебныхъ заведеніяхъ, больницахъ, или о водопроводахъ, освѣщеніи улицъ, сооруженіи мостовъ, разведеніи скверовъ, постановкѣ въ нихъ памятниковъ писателямъ и т. д.

За тѣ 15 лѣтъ, въ теченіе которыхъ Михаилъ Ивановичъ состоялъ гласнымъ, положительно не было ни одного важнаго и полезнаго для города дѣла, по поводу котораго онъ не высказалъ бы своего авторитетнаго слова, какъ о томъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ «Извѣстія С.-Петербургской Городской Думы»; перелистывая ихъ за тѣ года, когда Михаилъ Ивановичъ состоялъ гласнымъ (1877—1892), постоянно встрѣчаешь слѣды его неутомимой готовности, тѣмъ или другимъ образомъ, быть полезнымъ городу.

Достаточно назвать нѣкоторыя изъ выборныхъ должностей и коммисій, въ которыхъ участвовалъ Семевскій, чтобы придти къ убѣжденію, что Дума считала его однимъ изъ своихъ достойнѣйшихъ представителей, способнымъ высказать по всякому предмету дѣльное мнѣніе и замѣчаніе.

По выбору Думы Семевскій не разъ входилъ въ составъ различныхъ подготовительныхъ и исполнительныхъ коммисій; такъ, между прочимъ, съ 1879 по 1881 г. онъ былъ членомъ финансовой коммисіи, участвовалъ въ коммисіяхъ «по пересмотру существующей системы выборовъ», «для изысканія и указанія мѣръ къ успѣшному веденію дѣлъ въ Думѣ», «по учрежденію городскихъ учебныхъ мастерскихъ и завѣдыванію ими», «по назначенію городскихъ стипендіатовъ въ учебныя заведенія», «по составленію отчета за первое десятилѣтіе со дня введенія въ дѣйствіе городоваго положенія въ 1870 г.», «для обсужденія вопроса объ отношеніяхъ города С.-Петербурга къ губернскому земству и по участію столицы въ губернскихъ земскихъ расходахъ», «по разсмотрѣнію городскихъ смѣтъ и отчетовъ городской Управы и другихъ городскихъ установленій», «для составленія соображеній о постановкѣ въ Александровскомъ саду бюстовъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ дѣятелей» и пр. и пр.

Работая въ этихъ многочисленныхъ коммисіяхъ, М. И. Семевскій, въ теченіе своей пятнадцатилѣтней дѣятельности въ составѣ Городской

Думы, несомнѣнно принесъ не мало пользы Петербургу и его населенію, такъ какъ всегда ревностно защищалъ въ нихъ интересы города и его обывателей; не признавая въ общественной дѣятельности ни духа сословности, ни партій, онъ стоялъ всегда на сторонѣ общихъ интересовъ, защищалъ лишь то, что считалъ совмѣстимымъ со своей репутаціей высоко честнаго человѣка, и по всѣмъ возникавшимъ въ Думѣ вопросамъ говорилъ и дѣйствовалъ въ извѣстномъ, строго опредѣлившемся направленіи, отстаивая всѣ мѣры, которыя клонились къ распространенію народнаго образованія, къ улучшенію положенія столичнаго мироваго суда, созданнаго судебными уставами императора Александра II, къ усиленію средствъ призрѣнія и врачеванія населенія столицы.

Доклады коммисій, въ которыхъ участвовалъ Михаилъ Ивановичъ, подъ его редакціей всегда были содержательны и полезны, и онъ неоднократно получалъ отъ Городской Думы полную за эти труды признательность и благодарность.

Особенно выдѣлялся М. И. Семевскій своими рѣчами при обсужденіи годовыхъ бюджетовъ. Указывая Думѣ на то, что смѣты и отчеты Городской Управы, заключая въ себѣ однѣ голыя цифры, представляются крайне безсодержательными и не даютъ никакого понятія о дѣйствительныхъ нуждахъ города и о томъ, въ чемъ состоятъ источники его доходовъ, онъ настаивалъ на томъ, чтобы Управа, представляя на обсужденіе гласныхъ свои смѣты, во вступительной къ нимъ запискѣ обрисовывала бы, какъ это дѣлаетъ каждое общественное управленіе повсемѣстно во всей Европѣ, не только состояніе всѣхъ средствъ городскаго хозяйства, но и давала бы указанія на то, на что Думѣ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе.

Имѣя въ виду упорядоченіе городскаго хозяйства, Михаилъ Ивановичъ постоянно ратовалъ за ревизію его въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; ревизія городскихъ дѣлъ въ томъ видѣ, какъ она существовала, не удовлетворяла его; онъ настаивалъ на томъ, чтобы она производилась посредствомъ особой контрольной коммисіи и не только документально, но и фактически, и заключалась бы въ ежегодномъ осмотрѣ и провѣркѣ цѣнностей городской кассы, въ осмотрѣ городскихъ учрежденій гласными непремѣнно въ натурѣ, т. е. въ осмотрѣ той или другой школы, арестнаго дома, полицейскихъ домовъ и тому

подобныхъ общественныхъ зданій, съ цѣлью убѣдиться, въ какомъ состояніи они находятся въ день ревизіи, и дѣйствительно ли произведенъ въ нихъ тотъ или другой, въ особенности, капитальный ремонтъ [1]). Онъ достигъ того, что Городовое Положеніе 11-го Іюня 1892 г. (уже послѣ его кончины) обязало Думу избирать особую ревизіонную коммисію, которая производитъ теперь ревизію не только документально, но и фактически.

Съ своей стороны, Семевскій никогда не уклонялся отъ контроля надъ тѣми дѣлами, которыя ввѣрялись ему самому.

При разсмотрѣніи смѣтъ онъ останавливалъ вниманіе Думы на томъ, что дефицитъ, обнаруживаемый при исполненіи городскихъ смѣтъ (напр. на 1890 г.), настоятельно указываетъ на необходимость осуществлять такія предпріятія, которыя, удовлетворяя насущнымъ потребностямъ обывателей, въ то же время давали бы городу изъ года въ годъ значительный доходъ, не обременяя жителей новымъ налогомъ. Къ числу таковыхъ предпріятій онъ относилъ сооруженіе зданій для помѣщенія городскихъ училищъ, открытіе городскаго ломбарда, который приносилъ бы городу значительный и постоянно возростающій доходъ, сберегая, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишнюю копѣйку въ карманѣ обывателя; указывалъ на необходимость сооруженія хорошо устроенныхъ рынковъ, въ которыхъ нуждаются многія части Петербурга и т. д.

Касаясь организаціи городскаго общественнаго управленія, Семевскій высказывался за необходимость упорядочить систему выборовъ въ гласные Думы, и избраніе гласныхъ по территоріямъ города, за которое онъ ратовалъ, вошло въ законъ.

Семевскій чрезвычайно высоко ставилъ свое званіе гласнаго и отстаивалъ въ Думѣ всѣ мѣры, направленныя къ охраненію достоиство городскаго самоуправленія; такъ напр., когда, въ видахъ сокращенія расходовъ, въ Думѣ возникло въ 1889 г. предложеніе объ уничтоженіи многочисленныхъ коммисій, трудившихся надъ разрѣшеніемъ разныхъ вопросовъ, касающихся городскаго хозяйства, и о введеніи этихъ коммисій, для объединенія ихъ дѣятельности, въ общій составъ Городской Управы, назначивъ усиленные оклады служащимъ въ ней, то М. И. Семевскій энергично возсталъ противъ этого, дока-

[1]) «Изв. Гор. Думы», 1890 г.. Февр. № 4, «Письмо стараго гласнаго», «Нов. Вр.» 2 Мая 1890 г.

зывая, что эта перемѣна «исказить весь строй общественнаго самоуправленія и тотъ характеръ, по преимуществу, безмезднаго труда органовъ этого управленія, каковой его издавна отличаетъ, испортитъ дѣло, возложенное на гласныхъ незабвеннымъ императоромъ Александромъ II, даровавшимъ Городовое Положеніе».

«Во всей Россіи организація земскаго и городскаго хозяйства создана не тѣми деньгами, которыя расходуются на земскія и городскія управы», говорилъ онъ по этому поводу [1]), — «но все дѣло земскаго и городскаго хозяйства, главнымъ образомъ, создано безплатнымъ трудомъ выборныхъ лицъ, гласныхъ земскихъ собраній и городскихъ Думъ. Не напрасно же законодатель назначилъ для Петербурга 252 гласныхъ; должно въ возможно широкомъ размѣрѣ пользоваться ихъ безмезднымъ трудомъ въ интересахъ упроченія и развитія благосостоянія города... Замѣна 83-хъ лицъ тремя десятками лицъ, при стремленіи доклада за каждый шагъ платить, даже платить въ подготовительныхъ коммисіяхъ, противъ этого стремленія, противъ урѣзыванія права Городской Думы работать чрезъ своихъ выборныхъ какъ можно въ большей мѣрѣ, нельзя не возражать.»

Къ числу заслугъ М. И. Семевскаго, какъ общественнаго дѣятеля, слѣдуетъ отнести также и то, что онъ побуждалъ Думу интересоваться вопросами научнаго и литературнаго характера, возникавшими въ обществѣ. Онъ не пропускалъ ни одного юбилейнаго дня какого-нибудь изъ выдающихся учрежденій или отдѣльныхъ дѣятелей въ области государственной, общественной или литературной, чтобы не напомнить о немъ Думѣ и заблаговременно обратить на него вниманіе гласныхъ. Имѣя въ виду смѣшанный составъ Городской Думы, онъ въ своихъ рѣчахъ старался всесторонне очертить личность вспоминаемаго или чествуемаго лица, выяснить его заслуги передъ обществомъ и какъ увидимъ далѣе, зачастую бралъ на себя иниціативу предложить городскому общественному управленію принять участіе въ подобныхъ торжествахъ и связывалъ свои предложенія съ мыслью объ осуществленіи какого-либо добраго дѣла, имѣющаго общественное значеніе, въ родѣ учрежденія для бѣднаго населенія столицы стипендій въ гимназіяхъ, въ университетѣ и въ разныхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, открытія читаленъ для

[1]) «Изв. Городской Думы», Іюнь 1889 г. № 21.

народа или основанія новыхъ училищъ съ присвоеніемъ имъ имени чествуемаго лица, дабы, какъ говорилъ онъ, «сотни дѣтей, которыя будутъ воспитываться подъ сѣнью этихъ школъ, читая на вывѣскахъ училищъ имя писателя или общественнаго дѣятеля, усвояли себѣ сознаніе, что честная служба не только чтится при жизни, но и почитается въ грядущихъ поколѣніяхъ».

Въ этомъ отношеніи особенно выдаются его рѣчи по поводу кончины Ѳ. Ѳ. Эвальда, А. Н. Островскаго, И. С. Аксакова, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова, В. П. Коховскаго, Н. М. Пржевальскаго, профессора И. Е. Андреевскаго, Н. В. Исакова и многихъ другихъ лицъ.

По его предложенію и мысли С.-Петербургское городское общественное управленіе принимало участіе въ празднованіи юбилеевъ И. Т. Осинина, Н. И. Пирогова, А. Г. Рубинштейна. Онъ же горячо поддержалъ предложеніе гласнаго Жуковскаго привѣтствовать И. К. Айвазовскаго по случаю 25-лѣтней годовщины его художественной дѣятельности, напомнивъ городу, что высокоталантливый маринистъ многократно устраивалъ выставки въ пользу бѣдныхъ города Петербурга. По почину же Михаила Ивановича было поднесено городомъ въ 1881 г. званіе почетнаго гражданина Н. М. Пржевальскому, по возвращеніи его изъ перваго путешествія въ Центральную Азію. Когда же Н. М. Пржевальскій возвратился въ Петербургъ, благополучно совершивъ и свое второе путешествіе, то Семевскій, заявивъ объ этомъ Думѣ (засѣданіе 29 Янв. 1886 г.), обратилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ея вниманіе на то, что возвращеніе согражданина на родину изъ новаго, крайне опаснаго и весьма богатаго по научнымъ открытіямъ путешествія является событіемъ, возбуждающимъ общій интересъ и сочувствіе, и предложилъ Думѣ привѣтствовать нашего славнаго путешественника особымъ засѣданіемъ гласныхъ, въ которое пригласить Пржевальскаго и просить его сдѣлать въ немъ сообщеніе о главнѣйшихъ результатахъ его многолѣтнихъ путешествій въ Центральную Азію.

Чтеніе Н. М. Пржевальскаго въ залахъ Городской Думы было публичное, сопровождалось туманными картинами, и плата за входъ была обращена, по желанію лектора, на устройство *первой* въ Петербургѣ безплатной читальни.

Когда исполнилась 150-лѣтняя годовщина дня рожденія императ-

рицы Екатерины II, Семевскій подалъ въ Думу записку, въ которой указалъ на то, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ свято соблюдается обычай праздновать юбилейные дни рожденія великихъ людей, перечислилъ мѣропріятія царствованія Екатерины II, клонившіяся ко внѣшнему и внутреннему благоустройству Петербурга, указалъ на ея заботы о народномъ образованіи, объ открытіи училищъ и предложилъ увѣковѣчить память великой Государыни учрежденіемъ новыхъ училищъ, названныхъ ея именемъ [1]).

Въ 1882 г. онъ напомнилъ Думѣ о наступавшемъ пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба и предложилъ городу избрать депутацію для поздравленія этого учрежденія съ высокознаменательнымъ для него днемъ.

Объ этомъ празднованіи и о своемъ участіи въ немъ, въ качествѣ депутата отъ Думы, Михаилъ Ивановичъ занесъ въ свою записную книгу слѣдующее.

«24-го Ноября 1882 г., въ засѣданіи Думы, я въ довольно длинной рѣчи, здѣсь прилагаемой, при всеобщемъ вниманіи и сочувствіи гласныхъ, сдѣлалъ обзоръ заслугъ Академіи. Въ заключеніе и согласно моему же заявленію, предварительно подписанному двадцатью тремя довольно вліятельными гласными, я предложилъ поднести въ день акта Академіи, 28 Ноября 1882 г., адресъ отъ Думы чрезъ особо избранную депутацію съ городскимъ головою. Въ депутацію были назначены гг. Глазуновъ, Ягуловскій, Поливановъ и я. Адресъ, согласно постановленію той же Думы, долженъ былъ въ существѣ передать мою рѣчь. Я, тѣмъ не менѣе, округлилъ и значительно исправилъ самый текстъ рѣчи, давъ ей видъ адреса.

«Мои сочлены по депутаціи сдѣлали лишь небольшія, хотя весьма полезныя указанія. Одно изъ нихъ, между прочимъ, состояло въ томъ, что я готовъ былъ въ адресѣ сказать, что каждый изъ офицеровъ Генеральнаго Штаба, кончившихъ курсъ въ Академіи, былъ достойнымъ слугою Россіи и ея державнаго Вождя, совершенно забывъ, что съ добрый десятокъ офицеровъ-академиковъ, поляковъ, измѣнили русскому мундиру и русскому знамени и были довудцами польскихъ бандъ въ 1863 г. Текстъ мною составленнаго адреса былъ разукрашенъ при-

[1]) «Изв. Гор. Думы» 1879 г., №. 8, стр. 740.

личествующими случаю виньетками, акварельными рисунками художника Бенуа и, вложенный въ роскошный переплетъ, своевременно доставленъ депутаціей на актъ въ Академіи 28-го Ноября. Торжество продолжалось два дня, 27 и 28 Ноября; оно подробно описано въ газетахъ. Здѣсь только замѣчу, что въ первый день праздника, 27-го, Государь [1]), бывшій на молебнѣ, былъ, дѣйствительно, веселъ; выраженіе добраго лица его сіяло полнымъ удовольствіемъ. По обыкновенію, онъ ограничился весьма немногими словами привѣта, такъ какъ рѣчей говорить онъ не любилъ, но болѣе получаса обходилъ ряды питомцевъ Академіи всѣхъ выпусковъ. Въ воскресенье, 28 числа, былъ пріемъ депутацій въ одной изъ небольшихъ залъ Академіи. Едва ли какое-нибудь собраніе въ Петербургѣ было болѣе блистательное, чѣмъ настоящее; на него съѣхались питомцы Академіи изъ Закавказья и изъ Средней Азіи. Все это блистало красивыми мундирами Генеральнаго Штаба, эксельбантами и множествомъ орденовъ.

«Но наибольшій блескъ торжества, конечно, составляло то, что въ этой многосотенной толпѣ было нѣсколько десятковъ такихъ лицъ, которыя, по истинѣ, вѣдомы во всей Россіи, таковы: Пржевальскій, Обручевъ, Столѣтовъ, Куропаткинъ, Раухъ, Петрушевскій, Левицкій, графъ Н. П. Игнатьевъ, Драгомировъ, Лееръ и многіе другіе.

«Городское общественное управленіе столицы было очень почтено въ Академіи Генеральнаго Штаба. Въ самомъ дѣлѣ, на столь торжественномъ актѣ, въ присутствіи двухъ великихъ князей и генералъ-фельдмаршаловъ и нѣкоторыхъ молодыхъ великихъ князей, депутація отъ Думы была поставлена первою, и за нею уже постепенно на эстраду подымались депутаціи: отъ Академіи Наукъ, Пулковской обсерваторіи, различныхъ университетовъ и спеціальныхъ ученыхъ обществъ и ученыхъ спеціальныхъ учрежденій, каковы: Общество Географическое, академіи: Медицинская, Артиллерійская, Инженерная, Институтъ путей сообщенія, Академія Горная и т. д. до Института историко-филологическаго; сей послѣдній состоялъ по № 23 депутаціею, 24-ымъ и послѣднимъ № явился, съ предварительнаго согласія начальника Академіи Драгомирова, редакторъ «Русской Старины». Мною также былъ приготовленъ адресъ отъ этого журнала, красиво отпечатанный и вложенный въ бюваръ.

[1]) Въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ III.

«Но я его лишь держалъ въ рукахъ и звонко и твердо произнесъ краткій привѣтъ, по общему свидѣтельству, да и какъ видно было по взрыву рукоплесканій, весьма удачно окончившій настоящую церемонію. Этотъ привѣтъ я началъ такимъ обращеніемъ: «къ многочисленнымъ привѣтамъ, въ сей день обращеннымъ къ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, позволяю себѣ присоединить скромный, но вполнѣ сердечный привѣтъ редакціи историческаго журнала «Русская Старина», посвященнаго разработкѣ памятниковъ отечественной исторіи». Затѣмъ, указавъ на то, что нѣсколько монументальныхъ сочиненій профессоровъ военной академіи и ея питомцевъ, служатъ украшеніемъ не только военной, но и исторической литературы (таковы между прочимъ труды графа Д. А. Милютина, М. И. Богдановича и другихъ), я напомнилъ и то, что многочисленныя описанія губерній и областей Россіи, составленныя офицерами Генеральнаго Штаба, заключаютъ въ себѣ не только данныя для мѣстной статистики и географіи, но и для мѣстной археологіи и исторіи края, безъ чего немыслима разработка исторіи всей Россіи. «Да продлится, заключилъ я свой привѣтъ, — на многія и многія поколѣнія плодотворная дѣятельность Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба, въ теченіе полувѣка вызывавшая къ себѣ чувства всеобщаго уваженія и сочувствія, столь наглядно, столь рельефно выразившіяся въ сей, отнынѣ приснопамятный въ лѣтописяхъ Академіи день 28 Ноября 1882 г. въ многочисленныхъ привѣтахъ, отовсюду къ ней обращенныхъ».

«Что касается до адреса Думы, нашею депутаціею поднесеннаго, то онъ былъ прекрасно прочитанъ городскимъ головою, и не потому, чтобы онъ былъ мною составленъ, но по общему отзыву присутствовавшихъ, адресъ этотъ былъ наиполнѣйшимъ, всестороннимъ и наилучшимъ изображеніемъ всѣхъ заслугъ, оказанныхъ Академіею. Вся церемонія продолжалась полтора часа и закончилась весьма умною благодарностью, сказанною въ краткой рѣчи генераломъ Драгомировымъ, который началъ торжество чтеніемъ весьма мастерски составленнаго очерка исторіи военной и Николаевской Академіи, въ каковомъ очеркѣ очень тонко, но выразительно была подчеркнута та борьба, которую вынесла Академія съ невѣжествомъ и застоемъ, прежде чѣмъ упрочить за наукою въ военномъ дѣлѣ на Руси надлежащее мѣсто. Въ 6 часовъ въ Дворянскомъ Собраніи былъ обѣдъ, едва-ли не на

пятьсотъ пятьдесятъ человѣкъ. Депутаты Думы сидѣли за почетнымъ столомъ. Раздавались, возвѣщались обычные въ таковые обѣды тосты, но для меня особенный интересъ представляла бесѣда съ моимъ сосѣдомъ, капитаномъ французскаго Генеральнаго Штаба, г. Мулинъ, а послѣ обѣда знакомство, сдѣланное мною съ нѣкоторыми изъ г.г. офицеровъ Генеральнаго Штаба, каковы: генералъ Куропаткинъ—брюнетъ, съ сдвинутыми, весьма выразительными глазами, очень бойкій, подвижной и, какъ извѣстно, очень умный, генералъ Раухъ и нѣсколько профессоровъ Академіи.»

Напомнимъ еще, что въ 1889 г. Дума, опять-таки, по предложенію М. И. Семевскаго, приняла участіе въ торжественномъ празднованіи двадцатипятилѣтняго юбилея С.-Петербургскаго Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній. Обративъ особенное вниманіе гласныхъ на значеніе для города этого Музея, который много способствовалъ упроченію и распространенію образованія въ Россіи вообще и въ массѣ петербургскаго населенія въ частности, привлекши къ слушанію лекцій, чтеній, курсовъ и уроковъ въ 25 лѣтъ своего существованія до полутора милліона лицъ изъ населенія столицы, Михаилъ Ивановичъ предложилъ городскому управленію столицы принести поздравленіе этому учрежденію и его директору, В. П. Коховскому, за его плодотворную дѣятельность.

Семевскій всегда сожалѣлъ о томъ, что мы не умѣемъ чтить и помнить своихъ знаменитыхъ дѣятелей и ученыхъ, какъ это дѣлается за границею, гдѣ ставятъ ихъ бюсты, прибиваютъ коммеморативныя доски на домахъ, гдѣ родился, жилъ и трудился извѣстный дѣятель. Въ Думѣ онъ постоянно горячо оспаривалъ мнѣніе тѣхъ гласныхъ, которые находили, что, «въ виду плохаго состоянія городской кассы, надобно воздерживаться отъ постановки памятниковъ и бюстовъ, и что знаменитыхъ людей можно чествовать и дешевле, даже безо всякихъ расходовъ, присвоивая ихъ имена петербургскимъ улицамъ».

Отстаивая свой взглядъ на этотъ вопросъ, Семевскій имѣлъ въ виду культурное значеніе подобнаго нагляднаго напоминанія потомству о заслугахъ и дѣятельности лучшихъ представителей общества и всегда заботился о томъ, чтобы ихъ заслуги были выяснены, оцѣнены и увѣковѣчены современниками.

Съ своей стороны Михаилъ Ивановичъ старался осуществлять свою

мысль при первомъ удобномъ случаѣ, гдѣ бы онъ ни представился. Такъ, напр., въ бытность свою лѣтомъ 1889 г. въ Гапсалѣ, узнавъ о внезапной кончинѣ уроженца этого города, профессора Петербургскаго университета О. Ѳ. Миллера († 1 іюня 1889 г.), онъ тотчасъ же возбудилъ среди лицъ, съѣхавшихся въ этотъ городокъ на лечебный сезонъ, мысль объ увѣковѣченіи памяти Ореста Ѳедоровича помѣщеніемъ коммеморативной доски на стѣнѣ дома, въ которомъ родился покойный, и подалъ въ мѣстную Думу заявленіе съ просьбою о дозволеніи прибить таковую. Гапсальская Дума, въ засѣданіи своемъ 1 Августа 1889 г., единогласно приняла предложеніе М. И. Семевскаго и уполномочила своего городскаго голову, г. Мирзалиса, выразить ему именемъ Городской Думы благодарность за сдѣланный имъ починъ [1]).

Черезъ годъ послѣ этого, 10-го Іюля 1890 года, мысль Михаила Ивановича была приведена въ исполненіе, и мраморная доска въ честь О. Ѳ. Миллера была вдѣлана при торжественной обстановкѣ въ стѣну дома, въ которомъ онъ родился.

Припомнимъ также, что по почину и мысли М. И. Семевскаго былъ возобновленъ въ С.-Петербургѣ памятникъ на исторической могилѣ кабинетъ-министра Артемія Петровича Волынскаго, П. М. Еропкина и А. Ѳ. Хрущова, павшихъ 27 Іюня 1740 г. жертвою злобы всесильнаго Бирона. Статья Михаила Ивановича, появившаяся на страницахъ «Русской Старины», въ которой онъ яркими красками описывалъ жалкое состояніе, въ какое пришла могила этихъ трехъ государственныхъ дѣятелей XVIII-го вѣка, вызвала со стороны ихъ почитателей пожертвованія на возобновленіе памятника надъ ихъ могилою, въ оградѣ Сампсоніевскаго кладбища, что на Петербургской сторонѣ, который и былъ сооруженъ въ 1885 г. при энергическомъ содѣйствіи Михаила Ивановича по проекту профессора Щурупова [2]).

Отмѣтимъ еще одну черту общественной дѣятельности М. И. Семевскаго — его сочувствіе къ высшему, практическому образованію женщинъ, выразившееся въ заботахъ объ обезпеченіи слушательницъ женскихъ врачебныхъ курсовъ.

Когда послѣ взятія Плевны, въ средѣ Петербургской Городской

---

[1]) «Эстлянд. Губ. Вѣд.» 17 Авг. 1889 г.

[2]) «Русская Старина» 1886 г., Іюнь, стр. 711—724.

Думы возникла мысль ознаменовать, со стороны Городскаго Управленія, это достопамятное событіе какимъ-либо благотворительнымъ дѣломъ, то Михаилъ Ивановичъ, будучи избранъ въ коммисію для обсужденія этого вопроса, воспользовался этимъ, чтобы высказать, что было бы особенно полезно и умѣстно со стороны города оказать поддержку женскимъ врачебнымъ курсамъ, какъ одному изъ тѣхъ учрежденій, цѣль которыхъ состоитъ въ оказаніи помощи страждущему человѣчеству, тѣмъ болѣе, что, изъ числа окончившихъ пятилѣтній курсъ, 22 слушательницы проявили свою полезную дѣятельность на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Слѣдующія строки изъ автобіографическихъ замѣтокъ Семевскаго показываютъ, какъ энергично онъ взялся за дѣло, желая явиться передъ Думою во всеоружіи тѣхъ данныхъ, коими считалъ нужнымъ подкрѣпить свое предложеніе.

«Извѣстіе о взятіи Плевны[1]) было встрѣчено въ средѣ Петербургской Городской Думы, равно какъ и во всей столицѣ, самымъ искреннимъ и полнымъ восторгомъ», читаемъ мы въ этой замѣткѣ. — «Въ томъ засѣданіи, которое было на другой день послѣ полученія этого извѣстія въ городѣ, однимъ изъ гласныхъ думы, именно Ратьковымъ-Рожновымъ, сдѣлано было предложеніе ознаменовать это счастливое событіе какимъ-либо благотворнымъ дѣломъ. Предложеніе принято Думою, и составленіе соображенія о томъ, въ чемъ должно состоять это дѣло, передано въ особую коммисію, въ томъ же засѣданіи выбранную. Я не былъ въ тотъ день въ Думѣ, а на другой день получилъ повѣстку отъ городскаго головы, который увѣдомлялъ меня о приглашеніи меня Думою въ число членовъ этой коммисіи. Какъ ни застало меня въ расплохъ это приглашеніе, но я пожелалъ воспользоваться настоящимъ моментомъ, дабы предложить Думѣ одно изъ дѣлъ, вполнѣ благотворныхъ—поддержать женскіе врачебные курсы, въ теченіе пяти лѣтъ уже существующіе въ столицѣ, но о которыхъ Дума ни мало не заботилась; даже громадное число гласныхъ, какъ полагаю, и вовсе не знало о ихъ существованіи. Въ тотъ же вечеръ написалъ я рядъ вопросовъ, относящихся до этихъ курсовъ, и на другой день рано утромъ отправился на Пески, въ Николаевскій сухопутный военный госпиталь, гдѣ находится аудиторія этихъ курсовъ, и гдѣ я полагалъ застать начальницу этихъ курсовъ, Марію Григорьевну Ермолову,

[1]) Автобіогр. записки. Рукопись.

ежедневно посѣщающую это учрежденіе. Вовсе не зная г-жи Ермоловой, я однако былъ вполнѣ увѣренъ, что эта почтенная особа съ полнымъ сочувствіемъ отнесется къ возникшей во мнѣ мысли и представитъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія по заданному мною вопросу. Любопытно, что мысль моя появилась въ то самое время, когда въ этомъ заведеніи производился первый выпускной экзаменъ пятому курсу и производился передъ лицомъ многихъ высокопоставленныхъ медицинскихъ чиновъ. Г-жа Ермолова не скрыла моихъ вопросовъ отъ нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ, и всѣ они отозвались на самую мысль о привлеченіи города къ пособію столь полезному заведенію весьма сочувственно. Посланный принесъ мнѣ карточку старшаго доктора Николаевскаго госпиталя съ отвѣтомъ, что г-жа Ермолова вечеромъ лично вручитъ мнѣ отвѣты на всѣ мои вопросы. Дѣйствительно, въ тотъ же день, часовъ въ десять вечера, 2-го Декабря, г-жа Ермолова привезла мнѣ довольно обстоятельныя свѣдѣнія съ устнымъ своимъ объясненіемъ. Изъ представленныхъ мнѣ такимъ образомъ данныхъ оказалось, что врачебные женскіе курсы, съ Высочайшаго разрѣшенія, основаны были въ 1872 году, первоначально при Медицинской Академіи, безъ малѣйшаго правительственнаго пособія. Въ 1876 году, по докладу военнаго министра, и также съ Высочайшаго разрѣшенія, это учрежденіе переведено на Пески, и ему предоставлена довольно обширная аудиторія въ Николаевскомъ госпиталѣ, и, при этомъ, назначено къ ежегодному отпуску изъ Государственнаго Казначейства на воспомоществованіе этому учрежденію 7000 руб. Учащихся на курсахъ было уже четыреста двадцать одна, ежегодный расходъ на уплату профессорамъ и ихъ помощникамъ и на ученыя и учебныя пособія простирался уже до тридцати тысячъ рублей. На поддержаніе этого заведенія нѣкто Лидія Родственная пожертвовала капиталъ въ пятьдесятъ тысячъ рублей, проценты съ которыхъ, въ двѣ тысячи восемьсотъ рублей, составляютъ довольно полезный добавокъ къ семи тысячамъ руб., отпускаемымъ Правительствомъ.

«За всѣмъ тѣмъ, безъ малаго двадцать одна тысяча рублей требуется на то, чтобы заведеніе могло продолжать свое существованіе. Откуда берутся эти двадцать одна тысяча рублей? Они взимаются въ видѣ пятидесяти-рублевой платы съ каждой изъ слушательницъ этихъ курсовъ. Такъ какъ на этой платѣ основано собственно обезпеченіе всего

заведенія почти, то понятно, что она является обязательною, и ни для кого не представляется возможнымъ освободить ту или другую изъ бѣдныхъ слушательницъ отъ уплаты этихъ денегъ. Между тѣмъ, кто же эти слушательницы? Болѣе $^2/_3$ изъ нихъ, дѣйствительно, самыя неимущія женщины и дѣвицы, привлеченныя со всѣхъ концовъ Россіи жаждою труда и прочнаго обезпеченія своей будущности. Г-жа Ермолова показывала мнѣ и списки всѣхъ слушательницъ, при разсмотрѣніи которыхъ оказалось, что здѣсь находятся дочери священниковъ, оберъ-офицеровъ, церковниковъ и мелкихъ чиновниковъ. Курсы на столько пріобрѣли къ себѣ довѣріе, что земства разныхъ губерній выслали до тридцати пяти стипендіатокъ, обучающихся въ этихъ курсахъ. Но тридцать пять изъ четырехсотъ двадцати одной цифра крайне ничтожная, а потому бѣдность, доходящая до совершеннаго нищенства, есть отличительная черта громаднаго большинства этихъ студентокъ. Въ этомъ отношеніи г-жа Ермолова подтвердила, что многія изъ этихъ труженицъ живутъ въ совершенныхъ лачугахъ на окраинахъ города, либо въ подвалахъ, нѣкоторыя, хотя, впрочемъ, немногія, имѣютъ даже дѣтей при себѣ, питаются какъ попало и чѣмъ попало, и, не будь Общества для выдачи пособія слушательницамъ этихъ и педагогическихъ курсовъ, то очень многія изъ бѣднѣйшихъ давнымъ-давно должны бы были бросить непосильныя для нихъ занятія, непосильныя въ томъ отношеніи, что тамъ, гдѣ приходится думать о кускѣ насущнаго хлѣба послѣ лекцій, едва-ли возможно продолжать курсы высшаго, притомъ, спеціальнаго образованія. Но средства Общества оказываются совершенно ничтожными въ послѣднее время, когда благотворительность вся направлена на пользу Краснаго Креста. Отсюда помощь со стороны города является настоятельно необходимою. Что эта помощь была бы вполнѣ своевременною и заслуживаетъ особаго вниманія, въ подтвержденіе этого почтенная начальница ихъ или, какъ правильнѣе называется она, почетная инспектриса представила мнѣ слѣдующіе доводы: 1) Учрежденіе это — единственное въ Россіи и не только что возникшее, а уже существующее пять лѣтъ и нынѣ окончательно сформировавшееся, такъ какъ уже изъ среды его производится первый выпускъ лицъ, вполнѣ закончившихъ свое медицинское спеціальное образованіе. 2) Въ этихъ курсахъ до одной трети общаго числа слушательницъ принадлежитъ

къ семьямъ петербургскихъ обывателей, или по происхожденію, или по своему воспитанію, оконченному въ томъ или другомъ институтѣ, въ той или другой женской гимназіи. 3) Петербургъ, кромѣ одной или двухъ личностей, вовсе не имѣетъ женщинъ-врачей, между тѣмъ, въ многочисленныхъ госпиталяхъ его и въ массѣ больныхъ, находящихся въ домахъ, потребность въ такихъ лицахъ, именно женщинахъ-врачахъ, не можетъ не быть ощутительна, въ особенности, относительно женщинъ, дѣвицъ и дѣтей. 4) Болѣе двадцати студентокъ именно этихъ курсовъ, частью четвертаго, а еще болѣе пятаго курса, и понынѣ продолжаютъ трудиться, въ качествѣ врачей, на театрѣ военныхъ дѣйствій за Дунаемъ, гдѣ своими свѣдѣніями, усердіемъ, доходящимъ до самоотверженія, пріобрѣли всеобщую признательность и обратили на себя вниманіе Государя Императора, который выразилъ, по поводу ихъ, главному военно-медицинскому инспектору Козлову свое Монаршее благоволеніе. Сказаннаго достаточно, чтобы понять, почему я еще болѣе утвердился въ моей мысли о необходимости именно теперь же испросить у представителей города пособіе столь полезному учрежденію. Пособіе это могло бы быть выдано или въ видѣ уплаты за особенно недостаточныхъ слушательницъ, конечно, преимущественно петербургскихъ обывательницъ, или же въ видѣ стипендій».

Ходатайство Семевскаго передъ Думою было успѣшно, просимая сумма была ассигнована съ условіемъ, чтобы пособіе выдавалось по преимуществу сестрамъ, вдовамъ и женамъ лицъ, убитыхъ и раненыхъ въ восточную войну [1]).

Въ 1878 и 1880 г.г. Семевскій двукратно вызывалъ единогласное постановленіе С.-Петербургскаго губернскаго земскаго собранія ходатайствовать предъ правительствомъ объ уравненіи правъ слушательницъ женскихъ врачебныхъ курсовъ съ правами мужчинъ-врачей и не разъ возбуждалъ въ Петербургской Думѣ вопросъ о принятіи въ вѣдѣніе городскаго общественнаго управленія этого полезнаго учрежденія.

Въ послѣдніе годы, когда врачебные курсы были временно закрыты, Михаилъ Ивановичъ едва ли не болѣе всѣхъ гласныхъ интересовался вопросомъ объ учрежденіи женскаго медицинскаго института; [2])

[1]) „Изв. Гор. Думы“ 1877 г. стр. 1923.

[2]) Нынѣ, вопросъ объ открытіи женскаго медицинскаго института рѣшенъ окончательно и открытіе его ожидается въ 1897 году.

насколько онъ былъ занятъ мыслью объ этомъ полезномъ для Россіи дѣлѣ, видно изъ того, что одно изъ своихъ предложеній онъ прислалъ въ Думу даже изъ Ниццы, куда поѣхалъ для возстановленія своего здоровья въ 1885 г. Городская Дума и къ этому его предложенію отнеслась справедливо и рѣшила жертвовать ежегодно на содержаніе курсовъ по 15 т. р. въ годъ.

Вообще, можно сказать, что не было, положительно, ни одной отрасли городскаго общественнаго дѣла, которымъ бы не интересовался Семевскій.

Такъ напр. «1-го Февраля 1878 г., между прочими дѣлами, которыя разсматривались Петербургскою Городскою Думою, было ходатайство Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества объ отчужденіи ему земли, въ количествѣ 900 кв. саж., на Манежной площади для постройки консерваторіи. Ходатайство это», — читаемъ въ замѣткахъ Михаила Ивановича [1]), — «настолько несочувственно было принято большинствомъ гласныхъ, и настолько ясно выразилось это несочувствіе еще до засѣданія, что городской голова готовъ былъ безъ всякихъ преній поставить это дѣло на баллотировку одновременно съ вопросомъ о продажѣ двухъ городскихъ домовъ, бывшихъ подъ пожарнымъ депо и Управою благочинія. Нѣкоторые гласные потребовали, однако, преній. Шутками, балагурствомъ и рѣзкими выходками отвѣчали говорившіе противъ удовлетворенія ходатайства Русскаго Музыкальнаго Общества. Опасаясь, что, такимъ образомъ, въ собраніи не будетъ высказано ни единаго слова о дѣйствительномъ значеніи и, по истинѣ, высокихъ заслугахъ Императорскаго Музыкальнаго Общества, я, *изъ уваженія къ достоинству Думы*, выступилъ съ подробнымъ и возможно обстоятельнымъ изложеніемъ всей дѣятельности этого общества съ самаго его основанія въ 1859 г.; при этомъ я обратилъ Особенное вниманіе представителей города, что важнѣйшая въ нашихъ глазахъ заслуга его есть та, что оно, при посредствѣ своего музыкальнаго университета (Консерваторіи) и многихъ музыкальныхъ школъ, образовало и образуетъ многія сотни, даже тысячи бѣдняковъ, поддерживающихъ свое существованіе и дающихъ средства своимъ семьямъ, единственно благодаря музыкальному или драматическому искусству. Далѣе я

[1]) Автобіогр. записки. Рукопись.

разобралъ нѣкоторыя изъ возраженій, направленныхъ противъ ходатайства Общества, и просилъ Думу, прежде чѣмъ отклонять это ходатайство, поручить Управѣ или какой-либо коммисіи выговорить возможно льготныя условія для города, при исполненіи которыхъ со стороны Общества могла бы быть ему отчуждена просимая имъ земля.

«Всѣ мои доводы и объясненія, основанные на весьма тщательномъ просмотрѣ всѣхъ отчетовъ помянутаго Общества, остались, однако, какъ справедливо замѣтилъ репортеръ газеты «Новое Время», гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

«Значительнымъ большинствомъ, 97 противъ 37, ходатайство Общества было отклонено. Въ такомъ результатѣ этого дѣла я былъ совершенно убѣжденъ, когда выступилъ со своею рѣчью, тѣмъ не менѣе, признавалъ ее настоятельно необходимою *именно изъ уваженія къ достоинству Думы. Было бы крайне грустно, если бы какая бы то ни было просьба учрежденія или отдѣльнаго лица, клонящаяся къ прямой или косвенной поддержкѣ великаго дѣла развитія наукъ, художествъ и искусства въ нашемъ отечествѣ, была бы отклоняема представителями русской столицы въ концѣ XIX вѣка безъ всесторонняго и возможно внимательнаго разсмотрѣнія таковыхъ просьбъ и ходатайствъ.* Нѣсколько почтенныхъ гласныхъ обратились ко мнѣ по окончаніи засѣданія съ любезными отзывами о полнотѣ и обстоятельности моей рѣчи, но, при этомъ, дѣлали замѣчанія, что рѣчь эта вышла нѣсколько длинна и будто бы поэтому не привела къ желаемому мною результату. «Большинство нашихъ гласныхъ», говорили они, «надо огорашивать самымъ краткимъ словомъ, а то они начинаютъ скучать, зѣвать и заглушаютъ, наконецъ, говорящаго». Но такъ какъ не въ моихъ видахъ *срывать* какое-либо скороспѣлое рѣшеніе, а тѣмъ болѣе огорашивать моихъ слушателей, то я нахожу, что полнота и обстоятельность доклада не могла повредить дѣлу; напротивъ, кто знаетъ, не представь я своего объясненія, можетъ быть, къ стыду Думы, не явилось бы и пяти шаровъ въ пользу ходатайства Общества, между тѣмъ какъ оказалась, все таки, сравнительно, цифра порядочная. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что многимъ изъ думцевъ рано или поздно придется пожалѣть о томъ узкомъ эгоизмѣ и крайне ошибочной бережливости по отношенію къ городскому имуществу, съ которымъ они отнеслись къ просьбѣ учрежденія, долженствующаго соста-

вить одинъ изъ предметовъ славы и величія царствованія Императора Александра II».

Эти слова какъ нельзя лучше обрисовываютъ Михаила Ивановича, какъ общественнаго дѣятеля въ качествѣ гласнаго думы, постоянно заботившагося не только о пользѣ и выгодѣ города и его обывателей, но и о достоинствѣ этого учрежденія.

Надобно также упомянуть о заботахъ Семевскаго о городской библіотекѣ, которая, благодаря его стараніямъ, была значительно пополнена. Онъ неоднократно дѣлалъ пожертвованія въ библіотеки училищъ городскихъ и разныхъ общественныхъ учрежденій, какъ, напр. въ больницы [1]), и интересовался постановкой дѣла въ городскомъ архивѣ, указывая на то, что, подобно многимъ другимъ архивамъ, онъ долженъ имѣть въ печати свое описаніе. Семевскому же принадлежитъ мысль о необходимости устроить при Думѣ городской музей, въ которомъ было бы собрано все, касающееся исторіи города, находились бы модели различныхъ городскихъ сооруженій — мостовъ, водопроводовъ, театровъ — для нагляднаго ознакомленія съ ними въ стѣнахъ самой Думы [2]).

Будучи человѣкомъ въ высшей степени отзывчивымъ на всякое доброе дѣло, Михаилъ Ивановичъ также ратовалъ въ Думѣ за принятіе въ вѣдѣніе городскаго общественнаго управленія дѣла призрѣнія нищихъ. Хотя и теперь этимъ дѣломъ завѣдуетъ особый комитетъ, состоящій внѣ городскаго управленія, но Москва уже приняла дѣло призрѣнія нищихъ въ свое завѣдываніе, да и въ Петербургѣ объ этомъ идетъ совѣщаніе въ коммисіи подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота.

---

[1]) Въ 1883 г. Семевскій пожертвовалъ свой журналъ за 9 лѣтъ въ Александровскую барачную больницу для чтенія выздоравливающимъ больнымъ. („Изв. Гор. Думы“, 1884 г. Февр. № 8).

[2]) „Изв. Гор. Думы“ 1887 г., нояб., № 42.

XIV.

Выборы М. И. Семевскаго въ товарищи Городскаго Головы.—Его рѣчь къ гласнымъ.—Представленіе министру внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстому.—Его разговоръ съ нимъ.—Адресъ, поднесенный М. И. Семевскому городскими учителями и учительницами.—Отвѣтная рѣчь М. И. Семевскаго.—Оппозиція Управы начинаніямъ М. И. Семевскаго, какъ товарища Городскаго Головы.—Поѣздка для отдыха въ Меррекюль.—Сложеніе съ себя обязанностей товарища Городскаго Головы.—Выборы 22 Декабря 1888 г.—Участіе въ коммисіи о закупкѣ Управою муки въ голодный годъ.

Плодотворная дѣятельность М. И. Семевскаго на пользу города была вполнѣ оцѣнена гласными Петербургской Думы, которые въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1883 г., значительнымъ большинствомъ голосовъ, избрали его въ товарищи Городскаго Головы.

Объ этомъ моментѣ его общественной дѣятельности сохранились въ его автобіографическихъ замѣткахъ нѣкоторыя интересныя подробности [1]). Между прочимъ, въ нихъ приведена рѣчь, съ которою онъ обратился къ гласнымъ по поводу предложенія его въ кандидаты на должность товарища Городскаго Головы.

«Было бы лицемѣріемъ съ моей стороны», сказалъ Михаилъ Ивановичъ въ упомянутой рѣчи, обращаясь къ избирателямъ, — «если бы я, въ виду желанія нѣкоторыхъ гласныхъ С.-Петербургской Городской Думы предложить меня въ товарищи Городскаго Головы, отклонилъ отъ себя подобную честь. Съ такою честью соединенъ большой трудъ, а отъ него едва-ли можетъ уклоняться кто-либо изъ гласныхъ, интересующихся городскимъ хозяйствомъ и желающихъ принести пользу своею дѣятельностью въ общественномъ управленіи столицы; но нельзя не

---

[1]) Записаны 29-го Октября и 14-го Ноября 1883 года.

сказать, что подобное предложеніе для меня сдѣлано при обстоятельствахъ, весьма и весьма неблагопріятныхъ.

«4 Мая 1883 г. Думѣ угодно было избрать меня значительнымъ большинствомъ на помянутую должность. Но тогда эти выборы происходили одновременно съ выборомъ на ту же должность и другого почтеннаго гласнаго, который получилъ двумя, даже, кажется, тремя голосами болѣе. Такимъ образомъ, окончательный выборъ остался за нимъ.

«Онъ былъ представленъ на утвержденіе, но этого утвержденія, какъ извѣстно, къ величайшему сожалѣнію, не послѣдовало, что произвело, и не могло не произвести, удручающее впечатлѣніе на все городское общественное управленіе. Совершенно оставляя въ сторонѣ личность, которая не удостоилась утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ на постъ, въ сущности, довольно скромный и требующій только труда и труда, оставляя, повторяю, въ сторонѣ эту личность, во всѣхъ отношеніяхъ, впрочемъ, гласнаго достойнаго, самый фактъ неутвержденія общественнаго приговора, выразившагося осязательнымъ большинствомъ голосовъ и, притомъ, въ такомъ дѣлѣ, какъ выборъ лица на городскую должность, былъ слишкомъ новъ, слишкомъ неожиданъ и оставался совершенно необъяснимымъ, каковымъ остается и до нынѣ. Всѣ мы, какъ члены общественнаго управленія, конечно, уже принципіально не могли не быть огорченными подобнымъ отношеніемъ къ городскому самоуправленію. Прошло шесть мѣсяцевъ, но это впечатлѣніе едва-ли ослабло. И, вотъ, при такихъ-то обстоятельствахъ возникаетъ здѣсь вновь крайне лестное для меня предложеніе въ товарищи Городскаго Головы. Очень можетъ быть, что то же впечатлѣніе, подъ давленіемъ котораго я и самъ нахожусь, можетъ неблагопріятно воздѣйствовать на результатъ баллотировки. За всѣмъ тѣмъ, я, все таки, отдаю себя въ распоряженіе моихъ почтенныхъ товарищей по Думѣ.

«Кто ближе знаетъ мое положеніе, тотъ знаетъ также хорошо, что я не связываю съ предлагаемою должностью матеріальные для себя интересы; но не скрою, что самая возможность быть болѣе полезнымъ городу, чѣмъ было до сихъ поръ, въ моемъ положеніи простаго гласнаго, нѣкоторая опытность, пріобрѣтенная въ городскомъ хозяйствѣ въ теченіе шестилѣтней службы городу, участіе во множествѣ хозяйственныхъ и исполнительныхъ коммисій, городскою Думою учрежден-

ныхъ, затѣмъ, полная свобода отъ государственной службы, которая прекратилась для меня съ закрытіемъ Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія при Государственномъ Совѣтѣ, не могутъ не давать мнѣ увѣренности, что я нашелъ бы въ себѣ и достаточно силы, и времени, и усердія для исполненія этого дѣла, которое могло бы быть возложено на меня настоящими выборами.»

Избранный въ должность товарища Городскаго Головы 28-го Октября 1883 г., Семевскій былъ утвержденъ въ ней министромъ внутреннихъ дѣлъ 4 Ноября того же года и, нѣсколько дней спустя, явился къ нему съ оффиціальнымъ визитомъ.

«Министра внутреннихъ дѣлъ, графа Дмитрія Андреевича Толстаго, собственно, какъ министра внутреннихъ именно дѣлъ, я видѣлъ всего раза три, во всякомъ случаѣ, не болѣе четырехъ разъ, записалъ Михаилъ Ивановичъ [1]);—въ томъ числѣ одна бесѣда моя съ нимъ выпадаетъ на первое Января 1882 года, на выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ, и касалась записокъ графа Михаила Николаевича Муравьева, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ». Затѣмъ, во второй разъ, мнѣ довелось быть у него, въ кабинетѣ министра, въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1882 г. по поводу моего ходатайства о пропускѣ въ свѣтъ одной главы записокъ Я. И. де-Санглена... Министръ тогда, въ отвѣтъ на мое письмо о назначеніи мнѣ аудіенціи, недѣли двѣ спустя по полученіи моего письма, назначилъ одинъ изъ вторниковъ и подарилъ мнѣ болѣе получаса. Принятъ былъ я весьма любезно. Читалъ я ему корректуру записокъ де-Санглена... Затѣмъ, ровно годъ мнѣ не довелось видѣть министра внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ извѣстно, что доступъ къ нему крайне не легокъ, да, впрочемъ, и поводовъ я не имѣлъ, если исключить изъ числа поводовъ хлопоты мои о снятіи запрещенія съ изданія записокъ о Московіи знаменитаго Флетчера. Объ этомъ я письменно ходатайствовалъ въ Іюнѣ 1883 г. предъ гр. Толстымъ, но не получилъ никакого отвѣта.

«Въ настоящее мое посѣщеніе, 9 Ноября 1883 г., я уже явился, какъ утвержденный имъ товарищъ С.-Петербургскаго Городскаго Головы; пришелъ за четверть часа до пріема. Пріемный залъ былъ еще пустъ. Гр. Толстой тотчасъ же принялъ меня въ своемъ громадномъ

[1]) Автобіогр. записки. Рукопись, стр. 573—583.

кабинетѣ, посадилъ передъ собою на маленькій диванъ и заговорилъ въ самомъ дружелюбномъ тонѣ.

«Я нашелъ министра нѣсколько пополнѣвшимъ, но лицо довольно блѣдно, глаза впали. Сидѣлъ онъ передо мною въ вицъ-мундирчикѣ, съ одной звѣздою и безъ всякихъ другихъ орденовъ.

« — Я буду просить васъ отнюдь не заниматься въ Думѣ вопросами *внутренней* политики», началъ министръ. — «Вы справедливо указали въ вашей рѣчи въ Думѣ, которую я прочелъ, что общественное управленіе города имѣетъ Городовое Положеніе, что этимъ Положеніемъ опредѣлены задачи дѣятельности Думы, и этихъ задачъ, какъ вы опять такъ справедливо сами замѣтили, гг. гласнымъ слишкомъ достаточно: ихъ хватитъ не на одно, а и на два поколѣнія. Работы у васъ предстоитъ очень много, но, главное, для выполненія ея надо распредѣлить свое время. Я позволю себѣ указать на то, какъ я справляюсь съ своимъ хозяйствомъ, которое, какъ вы справедливо замѣчаете, во многіе десятки разъ больше вашего.

« — Все, что присылается ко мнѣ, сосредоточивается и должно быть собираемо къ 9 часамъ утра въ одной изъ первыхъ комнатъ, у г. Романченко, котораго вы, вѣроятно, знаете. Тамъ, къ этому часу, ждетъ меня порядочная груда пакетовъ. Ровно въ 9 часовъ я подхожу къ этому столу, требую эти пакеты и ихъ вскрываю. Валуевъ былъ послѣдній министръ внутреннихъ дѣлъ, который все читалъ...

« — Надо умѣть, что читать и какъ читать. Я, кажется, набилъ себѣ въ этомъ отношеніи руку и глазъ, управляя болѣе десяти лѣтъ двумя министерствами — народнаго просвѣщенія и вѣдомствомъ Святѣйшаго Синода.

« — Напомню одинъ анекдотъ. Былъ я какъ-то съ докладомъ у покойнаго государя Александра Николаевича. Его Величество оставилъ меня обѣдать; со мною же обѣдали кн. Горчаковъ, Урусовъ и Валуевъ. Государь былъ утомленъ. На вопросъ о причинѣ его утомленія, Государь замѣтилъ:

« — У меня сегодня было пять учителей (т. е. пять министровъ съ докладами).

« — Васъ утомляютъ эти доклады, Государь?

« — Нѣтъ, доклады меня не утомляютъ, а утомляютъ меня эти постоянныя присылки пакетовъ и телеграммъ, въ особенности, иногда

по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Эти ежеминутныя присылки меня тормошатъ, терзаютъ и какъ бы держатъ въ лихорадкѣ.

« — Говоря это, Императоръ, видимо, намекалъ на кн. А. М. Горчакова, у котораго была слабость всякій вздоръ, въ видѣ телеграммы, которую онъ получалъ отъ своихъ консуловъ, не только отъ послапниковъ, по прочтеніи посылать Государю-Императору.

« — Ваше Величество, сказалъ я тогда Государю, — позвольте доложить Вамъ, и, притомъ, въ видѣ совѣта, пріемъ, мною уже употребляемый болѣе десяти лѣтъ при управленіи двумя министерствами. У меня запрещено подавать пакеты въ разное время дня; все должно сосредоточиваться къ извѣстному часу рано утромъ, напр., къ девяти.

« — Какъ же, однако? возразилъ Государь, — а если что случится въ 10 часовъ, и тебѣ принесутъ въ десять пакетъ, ты его не примешь и не прочтешь до завтрашняго дня?

« — Не распечатаю, Ваше Величество. Что же можетъ случиться такое, что бы вызвало необходимость присылки ко мнѣ экстреннаго пакета позже того срока, который долженъ быть извѣстенъ моимъ служащимъ, моимъ подчиненнымъ? Что можетъ случиться? Загорится Императорская Публичная Библіотека—ко мнѣ пришлютъ сторожа сказать, или пріѣдетъ чиновникъ. Зашалятъ студенты — пріѣдетъ директоръ, опять нѣтъ надобности въ пакетѣ. Если же не установить такого режима, то будетъ совершенное безурядье.

« — Въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ Толстой,—когда я вступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, это безурядье было весьма велико, но я скоро установилъ мой порядокъ. Да и судите сами: министерство, напр., должно посылать въ Комитетъ министровъ къ каждому первому числу извѣстныя вѣдомости. Вдругъ я получаю наканунѣ 31 или 30 числа, часовъ въ 12 утра, пакетъ съ надписью: «весьма и весьма нужное». Это, значитъ, департаментъ запоздалъ представить на мою подпись закономъ установленныя для Комитета министровъ вѣдомости. Я очень хорошо понимаю, что таковой пакетъ, дѣйствительно, является весьма нужнымъ, но я не вскрываю его, дабы не давать поблажку неисправному чиновнику, а надписываю подъ словами «весьма нужное» — «*не вѣрю*». И возвращаю пакетъ обратно. Пусть пришлетъ завтра утромъ. Вскорѣ это замѣтили, и явилась полная аккуратность. Но за то я, и со своей стороны, никогда не заставляю чиновниковъ,

отъ директора до начальника отдѣленія, буде для доклада такового назначенъ у меня часъ, прождать хоть пять минутъ въ пріемной. Мнѣ случается иногда ждать запоздавшаго директора, вице-директора или начальника отдѣленія, но изъ нихъ никто не можетъ сказать, чтобы я продержалъ ихъ въ передней послѣ установленнаго часа. Другое правило, котораго я держусь твердо—никто въ мірѣ не можетъ прервать у меня доклада. Мнѣ даже о пришедшемъ или пріѣхавшемъ не смѣютъ доложить, пока у меня идетъ докладъ; исключеніе изъ этого правила въ полтора года послѣдняго моего управленія министерствомъ было, быть можетъ, одинъ или два раза, но не болѣе.

« —Время до самаго обѣда, —продолжалъ графъ,—распредѣлено строго и пунктуально между этими служебными занятіями. Послѣ обѣда, вечеромъ, я дома, и столъ у меня совершенно свободенъ отъ всякихъ бумагъ, чего я строго держусь, ибо, если вы одинъ день запустите на вашемъ столѣ непросмотрѣнныя и неподписанныя бумаги, на другой день ихъ накопится втрое, вчетверо. Вечеромъ пріѣзжаетъ ко мнѣ тотъ, либо другой министръ или начальникъ управленія, собственно, уже для частной бесѣды или для какихъ-нибудь случайныхъ объясненій.

« — Читать книги или газеты, или журналы — ну, этого не удается, да и не можетъ удаваться во время управленія министерствомъ; исключеніе я дѣлаю только для историческихъ изданій, именно «Русскую Старину» проглядываю въ первый же день по ея выходѣ. Въ ней много интереснаго, притомъ, всегда встрѣчаю кое-что и для моего труда, къ исторіи Екатерины II. Кстати, вы вѣдь не имѣете моей послѣдней монографіи «Взглядъ на воспитаніе въ Россіи въ XVIII вѣкѣ до 1782 г.». Вотъ эта книга, возьмите ее; въ ней, въ сжатомъ очеркѣ, представлена картина образованія въ Россіи до 1782 г.. Сухомлиновъ, въ своей «Исторіи Академіи», во многомъ ошибается, здѣсь-же вы найдете довольно много новаго».

«Гр. Толстой съ видимымъ увлеченіемъ, увлеченіемъ предметомъ научнымъ, его занимавшимъ и даже, какъ видно, и теперь (1883 г.) занимающемъ, сталъ мнѣ говорить о взглядахъ Шлецера, Екатерины II, Іосифа II и другихъ дѣятелей XVIII-го вѣка на воспитаніе, на учебныя заведенія... Словомъ, передо мною въ эти минуты, вполнѣ для меня интересныя, сидѣлъ умный, любознательный человѣкъ, интересующійся историческою наукою.

«Бесѣда затянулась добрыхъ полчаса.

« — Ну, желаю вамъ полнаго успѣха, сказалъ графъ въ заключеніе,—поработаемъ, поработаемъ»!

«Вотъ и все, что было на моей аудіенціи, какъ товарища С.-Петербургскаго Городскаго Головы, у министра внутреннихъ дѣлъ. Во всей бесѣдѣ гр. Толстой два-три слова обронилъ относительно будущей моей дѣятельности. Онъ держалъ себя съ такимъ замѣчательнымъ тактомъ, что ни звука не процѣдилъ о моемъ патронѣ или Городскомъ Головѣ, не позволилъ себѣ взвести ни малѣйшаго укора на наши думскіе распорядки, на составъ Думы, на наши занятія въ Думѣ, на гг. гласныхъ—ни слова... ни единымъ намекомъ не коснулся щекотливыхъ предметовъ; онъ сразу отдался бесѣдѣ со мною, какъ съ человѣкомъ, такъ-же страстно любящимъ отечественную исторію, какъ любитъ ее онъ, графъ Толстой».

«Кстати, отмѣчу, что утвержденъ я министромъ 4-го Ноября, т. е. ровно недѣлю спустя, какъ того и требуетъ законъ, послѣ выбора моего на этотъ крайне лестный и весьма трудный постъ.

«Избраніе состоялось въ пятницу 28-го Октября, въ два часа пополудни. Въ выборахъ участвовало 184 гласныхъ, и я совершенно неожиданно, по крайней мѣрѣ, для меня, получилъ крайне рѣдкое большинство голосовъ: 120 противъ 64... Короче сказать, чести мнѣ оказано моими сотоварищами по Думѣ много, и я молю только Господа Бога, дабы онъ помогъ мнѣ оправдать ихъ столь лестное для меня довѣріе».

Съ избраніемъ Семевскаго на постъ товарища Городскаго Головы, онъ долженъ былъ оставить занятія въ училищной коммисіи и завѣдываніе ввѣренными его попеченію двѣнадцатью городскими училищами; по этому случаю учителя и учительницы этихъ школъ выразили ему свои симпатіи за его отношеніе къ общественной дѣятельности, какъ гласнаго Думы, въ вопросѣ объ упроченіи и развитіи въ Петербургѣ начальнаго народнаго образованія, и свою признательность за его заботливое, отеческое отношеніе къ нимъ, поднесеніемъ ему адреса, подписаннаго 118 учителями и учительницами городскихъ училищъ.

Вотъ текстъ этого адреса, поднесеннаго ему особой депутаціей отъ учащихъ.

«Ваше Превосходительство, милостивый государь, Михаилъ Ива-

новичъ! Съ самаго дня возрожденія начальнаго народнаго образованія въ нашей столицѣ, въ теченіе шести слишкомъ лѣтъ, мы привыкли васъ видѣть во главѣ дѣла, которому служимъ. Успѣхъ этого дѣла, его быстрое развитіе многимъ и очень многимъ обязаны лично вамъ. Вы были однимъ изъ самыхъ ревностныхъ ходатаевъ и истолкователей его нуждъ предъ городомъ, въ лицѣ его представителей, всюду и вездѣ двигая впередъ вопросъ о народномъ образованіи, — рѣчи ваши въ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ служатъ блестящимъ доказательствомъ словъ нашихъ.

«Мы, стоящіе у самаго корня народнаго образованія, были ближайшими зрителями вашей плодотворной дѣятельности на пользу школы и внимательными слушателями рѣчей вашихъ, въ которыхъ вы никогда не забывали школы, выдвигая всегда заботы о ней на первый планъ. Что касается лично насъ, учащихъ, мы, не обинуясь, скажемъ, что видѣли въ васъ руководителя гуманнаго, мягкаго, заботливаго, готоваго помочь дѣломъ и словомъ, старающагося при каждомъ удобномъ случаѣ ободрить насъ и поддержать въ насъ энергію къ труду.

«Да будетъ позволено намъ теперь, при разставаніи съ вами, за всѣ тѣ искреннія отношенія къ дѣлу народнаго образованія и къ намъ лично выразить вамъ нашу сердечную благодарность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, позвольте, глубоко уважаемый Михаилъ Ивановичъ, сохранить полную увѣренность, что и въ послѣдующее время, стоя на болѣе широкой ступени общественной дѣятельности, вы не будете чуждымъ дѣлу народнаго образованія въ столицѣ, по прежнему будете горячо принимать это дѣло къ сердцу, по старому останетесь поборникомъ и радѣтелемъ школы и выразителемъ ея потребностей, отдавая народному образованію принадлежащее ему первенствующее значеніе среди многочисленныхъ отраслей вашей новой дѣятельности, преслѣдующей благосостояніе обывателей столицы.»

Текстъ этого адреса украшенъ акварельными рисунками—портретомъ М. И. Семевскаго, видомъ училища и разными орнаментами, относящимися къ дѣлу просвѣщенія. Адресъ былъ вложенъ въ бюваръ съ выбитою золотомъ надписью: «Его Превосходительству Михаилу Ивановичу Семевскому отъ учителей и учительницъ С.-Петербургскихъ начальныхъ городскихъ училищъ 1877—1883».

Объ этомъ адресѣ Михаилъ Ивановичъ говорилъ всегда, какъ о

самомъ дорогомъ для него событіи, и поднесеніе его считалъ лучшею наградою, какая только могла быть для него, какъ дѣятеля по народному образованію.

«Въ данный моментъ, «сказалъ онъ, благодаря депутацію за оказанное ему вниманіе,—«эта награда для меня тѣмъ особенно дорога, что въ началѣ моей службы на посту, несравненно труднѣйшемъ, каковъ постъ товарища Петербургскаго Городскаго Головы, она даетъ мнѣ силы, даетъ энергію, даетъ твердость принять и перенести ту тучу непріятностей и столкновеній, съ которыми неизбѣжно сопряжена служба на такомъ отвѣтственномъ посту; она даетъ мнѣ увѣренность, что, если продолжать служить честно, отдаваться дѣлу съ полной энергіей, то, не смотря на всю горечь испытаній, всегда можно получить со стороны своихъ сотоварищей и участниковъ по общественному служенію и справедливое воздаяніе за свою работу, воздаяніе именно въ той прекрасной формѣ, въ какой я имѣю счастье сегодня, въ вполнѣ дорогой для меня день, получить отъ васъ, мои добрые товарищи и друзья».

Занявъ трудную, хлопотливую и отвѣтственную должность товарища Городскаго Головы съ самымъ искреннимъ желаніемъ оправдать довѣріе, оказанное ему городомъ, М. И. Семевскій съ живѣйшимъ интересомъ отдался своимъ новымъ многочисленнымъ занятіямъ, но былъ твердо намѣренъ и на этомъ поприщѣ общественной службы дѣйствовать согласно съ тѣми принципами, которыхъ онъ держался съ самаго вступленія своего въ среду гласныхъ С.-Петербургской Думы.

Къ сожалѣнію, онъ встрѣтилъ въ самой Управѣ нѣкоторые несимпатичные ему элементы, чрезвычайно затруднявшіе для него исполненіе и безъ того нелегкихъ служебныхъ обязанностей. Не боясь работы, Михаилъ Ивановичъ пожелалъ лично ознакомиться со всѣми дѣлами Управы, хотѣлъ самъ вникнуть во все. Чтобы ускорить и подвинуть разработку нѣкоторыхъ вопросовъ городскаго хозяйства, разсматривавшихся въ отдѣльныхъ коммисіяхъ, Семевскій провелъ требованіе, чтобы, въ дополненіе къ помѣщаемой ежемѣсячно съ 1884 г. въ «Извѣстіяхъ Городской Думы», согласно его же предложенію, вѣдомости докладовъ, выработанныхъ Управою или коммисіями и имѣющихъ быть разсмотрѣнными въ Думѣ, въ «Извѣстіяхъ» печатались также хотя бы краткія,

*

но въ опредѣленное время и обстоятельныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ той или другой думской коммисіи. Такимъ образомъ являлась возможность судить какъ о количествѣ дѣлъ, такъ и о времени, употребляемомъ на разсмотрѣніе ихъ, что, въ свою очередь, должно было вызвать оживленіе дѣятельности этихъ коммисій, въ которыхъ дѣла залеживались иногда годами.

Между тѣмъ, со стороны нѣкоторыхъ лицъ, не сочувственно относившихся къ его нововведеніямъ и порядкамъ, смотрѣвшихъ на дѣло съ иной точки зрѣнія, началось систематическое противодѣйствіе его начинаніямъ; многіе вопросы, возбужденные Семевскимъ, тормозились, затягивались, но, стоило ему уѣхать въ отпускъ, какъ дѣло получало благопріятный исходъ. Въ Управѣ, видимо, не желали, чтобы его имя было связано съ рѣшеніемъ нѣкоторыхъ дѣлъ; такъ было со статистическими работами, съ сокращеніемъ дѣловой переписки въ Управѣ, съ вопросомъ объ электрическомъ освѣщеніи столицы и т. д. Бороться съ этимъ теченіемъ Михаилу Ивановичу было тѣмъ труднѣе, что онъ стоялъ внѣ всякихъ партій. Принимая интересы городскаго хозяйства близко къ сердцу, неся такую обширную, сложную и отвѣтственную обязанность, при массѣ нареканій и столкновеній, онъ не имѣлъ необходимаго для занятій нравственнаго покоя: какое-либо иное направленіе дѣла, несогласное съ его взглядами, всякая малѣйшая неисправность, всякое заявленіе въ Думѣ, касавшееся того или другого дѣйствія Управы, наконецъ, затрудненія въ осуществленіи его искренняго желанія какъ можно скорѣе привести исполнительный органъ Думы въ болѣе надлежащій видъ—все это крайне волновало Семевскаго и, разумѣется, пагубно отзывалось на его здоровьѣ и нервахъ.

Необходимость отдыха, физическаго и нравственнаго, сказалась уже на второй годъ его службы въ званіи товарища Городскаго Головы. Лѣтомъ 1885 г. Михаилъ Ивановичъ взялъ двухмѣсячный отпускъ съ твердымъ намѣреніемъ отдыхать и лечиться и 23 Іюня уѣхалъ къ семейству въ Меррекюль, гдѣ провелъ только пять недѣль. Воспользоваться полнымъ отдыхомъ ему, однако, не удалось, такъ какъ въ концѣ Іюля онъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ Городскимъ Головою, уѣзжавшимъ за границу.

Окунувшись въ водоворотъ дѣловой петербургской жизни, начавъ

усиленно заниматься и своими, и общественными дѣлами, Михаилъ Ивановичъ вскорѣ убѣдился, что его здоровье настолько расшатано, что ему необходимъ полный и продолжительный отдыхъ. Вслѣдствіе этого 4-го Сентября 1885 г. онъ прислалъ въ С.-Петербургскую Городскую Думу заявленіе о томъ, что, по разстроенному здоровью, не имѣетъ возможности продолжать общественную службу, соединенную со званіемъ товарища Городскаго Головы, а въ Октябрѣ мѣсяцѣ уѣхалъ за границу въ Висбаденъ, гдѣ провелъ всю зиму 1885—1886 года. Здоровье его, благодаря продолжительному отдыху, настолько возстановилось, что, по возвращеніи въ Петербургъ въ 1886 г., онъ могъ по прежнему принять дѣятельное участіе въ занятіяхъ училищной коммисіи и въ засѣданіяхъ Думы. Но треволненія, испытанныя имъ въ бытность товарищемъ Городскаго Головы, не прошли безслѣдно: они отразились на дѣятельности сердца и вызвали тѣ страданія, которыя, года за два до кончины Михаила Ивановича, внушали пользовавшему его врачу серьезныя опасенія за его жизнь.

Семевскому, который такъ дорожилъ своею общественною дѣятельностью, удѣлялъ ей такъ много времени и трудился на пользу города такъ безкорыстно, довелось пережить въ послѣдніе годы жизни одинъ прискорбный фактъ, чрезвычайно огорчившій его, — мы говоримъ о выборахъ гласныхъ, происходившихъ въ С.-Петербургской Думѣ 22-го Декабря 1888 года; выборы эти, въ свое время обратившіе на себя вниманіе и общества, и печати, всѣ органы которой единогласно высказались противъ того направленія, какое приняла тогда избирательная агитація, стремившаяся устранить изъ Городскаго Управленія нѣкоторыхъ лицъ, по своимъ нравственнымъ достоинствамъ и преданности городскимъ интересамъ имѣвшихъ полное право быть избранными въ гласные. Въ числѣ этихъ лицъ, со стороны избирателей перваго и втораго разрядовъ, подвергся забаллотировкѣ и М. И. Семевскій; онъ прошелъ въ Думу только по третьему разряду.

Это было, конечно, явленіемъ весьма прискорбнымъ для человѣка, твердо вѣрившаго, что, «если служить честно, то всегда можно получить со стороны своихъ сотоварищей и участниковъ по общественному служенію справедливое воздаяніе за свои труды». Тяжело было для него сознаніе, что многолѣтняя служба на пользу общества можетъ быть

прервана единственно по произволу небольшой, тѣсно сплотившейся кучки дѣльцовъ, тогда какъ общественная дѣятельность Семевскаго, по отзыву лицъ, бывшихъ ближайшими ея свидѣтелями, была вполнѣ безупречна: въ ней нельзя было подмѣтить ни стремленія къ личнымъ выгодамъ, ни внесенія въ общественные вопросы личныхъ соображеній и разсчетовъ.

Правда, въ Думѣ Семевскій подвергался иногда упрекамъ въ излишней горячности, въ несоразмѣрности своихъ желаній и требованій съ городскими средствами, но эта горячность, эти желанія имѣли своимъ источникомъ любовь къ городскому дѣлу, преданность интересамъ его населенія, стремленіе возвысить значеніе общественнаго управленія, достоинство котораго онъ охранялъ всегда.

Послѣднимъ дѣломъ Семевскаго на пользу города было его участіе въ извѣстной ревизіонной коммисіи по изслѣдованію вопроса о закупкѣ Управою муки въ Либавѣ, произведенной для облегченія столичному населенію послѣдствій страшнаго неурожая, постигшаго Россію въ 1891 году.

XV.

М. И. Семевскій, какъ членъ Археографической Коммисіи.—Его поѣздки по Россіи.—Архивъ князя Ѳ. А. Куракина.—Лекціи о Петрѣ Великомъ, читанныя М. И. Семевскимъ въ Соляномъ Городкѣ.

Въ 1872 году Семевскій, уже составившій себѣ имя своими историко-литературными очерками и изслѣдованіями и изданіемъ «Русской Старины», былъ избранъ, во вниманіе къ его трудамъ въ области отечественной исторіи, членомъ Археографической Коммисіи, состоящей при министерствѣ народнаго просвѣщенія, а вслѣдъ за тѣмъ и почетнымъ членомъ Археологическаго института въ С.-Петербургѣ и многихъ ученыхъ Обществъ и учрежденій какъ въ Россіи, такъ и заграницей, какъ то: Императорскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ и Новороссійскомъ университетахъ, Географическаго Общества, Русскаго Археологическаго, Королевскаго Общества исторіи въ Лондонѣ, Музея имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича въ Москвѣ (съ 1873 г.), Одесскаго Общества исторіи и древностей (съ 1873 г.), Общества исторіи и древностей въ Москвѣ (съ 1882 г.), почетнымъ членомъ Общества исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ, членомъ Орловской, Костромской, Нижегородской, Пермской, Рязанской, Саратовской, Тамбовской и Тверской архивныхъ коммисій, почетнымъ членомъ Ростовскаго музея древностей, почетнымъ членомъ Петровскаго Общества изслѣдователей астраханскаго края и т. д.

Не смотря на свои служебныя занятія въ Государственной Канцеляріи, на редактированіе журнала и на общественную дѣятельность

въ качествѣ гласнаго С.-Петербургской Думы (съ 1877 г.), Семевскій не отказывался ни отъ одного порученія, возлагавшагося на него, какъ на члена Археографической Коммисіи [1]). Весьма подвижной и дѣятельный, онъ и каникулярное время рѣдко посвящалъ полному отдыху, который былъ необходимъ ему при его трудовой жизни. Имѣя въ виду потребности своего журнала или какія-либо научныя цѣли, въ особенности, чрезвычайно интересуясь развитіемъ и упроченіемъ ученыхъ архивныхъ коммисій, онъ предпринималъ въ лѣтніе мѣсяцы поѣздки по Россіи, во время которыхъ знакомился съ положеніемъ этихъ коммисій, съ состояніемъ открытыхъ при нихъ въ провинціальныхъ городахъ музеевъ и историческихъ архивовъ. Эти археографическія экскурсіи доставляли ему богатый матеріалъ для его сообщеній въ «Русской Старинѣ» и въ Археологическомъ Обществѣ; онѣ сближали съ нимъ провинціальныхъ тружениковъ науки, которыхъ онъ охотно поддерживалъ своими совѣтами и широкимъ содѣйствіемъ ихъ начинаніямъ. Семевскій не разъ называлъ себя въ шутку «сѣятелемъ архивнаго сѣмени [2]), и это сѣмя часто приносило наукѣ обильные плоды.

Особенно интересны и плодотворны по своимъ результатамъ были его поѣздки по Волгѣ, предпринятыя имъ въ 1888—1890-хъ годахъ. Семевскій посѣтилъ за это время Тверь, Москву, Ростовъ, Ярославль, Кострому, Нижній-Новгородъ, Казань, Пермь, Екатеринбургъ, Симбирскъ, Самару, Саратовъ и Царицынъ, вездѣ осматривалъ разныя ученыя и общественныя учрежденія, знакомился съ представителями науки. Его интересныя и весьма живо изложенныя путевыя впечатлѣнія были напечатаны въ свое время въ «Русской Старинѣ», а 4 Марта 1889 г., въ засѣданіи Археологическаго института, въ присутствіи собравшейся многочисленной аудиторіи, онъ представилъ интересный обзоръ этого путешествія и познакомилъ слушателей съ современнымъ положеніемъ и дѣятельностью архивныхъ коммисій. Кромѣ того, во время этихъ путешествій имъ былъ осмотрѣнъ богатѣйшій семейный архивъ князей Куракиныхъ, хра-

[1]) Одновременно съ возложеннымъ на него, какъ на члена этой коммисіи, трудомъ по приведенію въ порядокъ бумагъ Главнаго Комитета, о чемъ мы говорили выше, онъ участвовалъ въ Высочайше учрежденной коммисіи по пересмотру устава Реальныхъ училищъ подъ предсѣдательствомъ барона А. П. Николаи.

[2]) «Саратовскій Листокъ» 15 Марта 1892 г. № 59.

нящійся въ ихъ имѣніи, селѣ Надеждинѣ Саратовской губерніи. Результатомъ его ознакомленія съ этимъ архивомъ, богатымъ данными, относящимися къ исторіи XVIII вѣка, было предпринятое нынѣшнимъ владѣльцемъ села Надеждина, княземъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ Куракинымъ, изданіе бумагъ, заключавшихся въ немъ и до тѣхъ поръ недоступныхъ не только публикѣ, но и изслѣдователямъ отечественной исторіи.

Вышедшіе тома «Архива князя Ѳ. А. Куракина» подтверждаютъ высказанное Семевскимъ мнѣніе, что положительно всѣ документы, составляющіе его, имѣютъ огромное значеніе для науки, представляя въ совершенно новомъ свѣтѣ историческія личности и событія временъ Петра Великаго. М. И. Семевскій тщательно осмотрѣлъ и изучилъ Надеждинскій архивъ, какъ спеціалистъ, выяснилъ значеніе хранившихся въ немъ документовъ и тѣмъ самымъ побудилъ князя Ѳ. А. Куракина приступить къ ихъ изданію. Этимъ, по нашему мнѣнію, онъ оказалъ русской исторической наукѣ неоцѣнимую услугу.

Археологическій институтъ, избравъ князя Ѳ. А. Куракина за изданіе «Архива» своимъ почетнымъ членомъ, тѣмъ самымъ призналъ и подтвердилъ всю важность и значеніе этого сборника.

Близко ознакомившись во время своихъ поѣздокъ по Россіи съ архивными сокровищами села Надеждина, Семевскій охотно принялъ на себя, по предложенію князя Ѳ. А. Куракина, редактированіе упомянутаго сборника, къ изданію котораго было приступлено по его настоятельному совѣту. Подъ его редакціей вышли въ свѣтъ въ теченіе 1891—1892 г.г. первые два тома этого «Архива», а третій былъ уже сверстанъ, когда смерть прервала ученые труды Михаила Ивановича.

Со свойственнымъ ему постояннымъ стремленіемъ популяризировать историческія знанія, дѣлать ихъ достояніемъ массы, онъ, цѣлымъ рядомъ публичныхъ сообщеній, познакомилъ русское общество съ новыми матеріалами, открытыми имъ въ семейномъ архивѣ князей Куракиныхъ.

8-го Марта 1890 г., въ засѣданіи Археологическаго института, въ присутствіи Августѣйшаго покровителя этого учрежденія, великаго князя Сергія Александровича, почтившаго засѣданіе своимъ присутствіемъ, Семевскій подробно познакомилъ собраніе съ отдѣломъ Пет-

ровскихъ бумагъ этого архива и изложилъ содержаніе наиболѣе интересныхъ изъ нихъ весьма удачно иллюстрировавъ ихъ гравюрами, взятыми изъ извѣстнаго собранія Д. А. Ровинскаго.

15 Марта того же года и 29 Ноября 1891 г. онъ дѣлалъ сообщенія о Надеждинскомъ архивѣ въ Императорскомъ Обществѣ любителей древней письменности.

Въ бытность въ Саратовѣ въ 1890 г., проѣздомъ изъ села Надеждина, гдѣ онъ работалъ надъ подготовкой къ печати третьяго тома «Архива», Семевскій прочелъ въ засѣданіи мѣстной архивной комиссіи, по приглашенію ея предсѣдателя, князя Л. Л. Голицына, рефератъ о Петрѣ Великомъ и его ближнихъ людяхъ съ 1682 по 1696 г., основанный на запискахъ князя Б. И. Куракина.

Подобное же сообщеніе было сдѣлано имъ въ Великихъ Лукахъ 7-го Августа 1890 г. Въ гимнастическомъ залѣ Великолуцкаго Реальнаго Училища Семевскій прочелъ въ этотъ вечеръ лекцію о Петрѣ Великомъ и демонстрировалъ ее туманными картинами, подаренными имъ впослѣдствіи городу для народныхъ чтеній [1]). Его лекція привлекла массу публики. Это было его послѣднее посѣщеніе Великихъ Лукъ.

Вскорѣ послѣ возвращенія изъ Великихъ Лукъ, осенью 1890 г., Михаилъ Ивановичъ получилъ отъ комитета Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній приглашеніе прочитать нѣсколько публичныхъ лекцій въ Соляномъ Городкѣ. Избравъ предметомъ этихъ лекцій жизнь и дѣянія Императора Петра Великаго, онъ изложилъ ихъ, главнымъ образомъ, на основаніи новыхъ матеріаловъ, добытыхъ изъ архива князя Ѳ. А. Куракина.

Какъ видимъ, Семевскій, страстно любя исторію и дорожа каждымъ новымъ пріобрѣтеніемъ въ этой области знанія, энергично заботился о распространеніи новыхъ данныхъ этой науки, охотно урывая для этого время отъ своихъ многочисленныхъ занятій.

Рядъ лекцій о Петрѣ Великомъ и его царствованіи, прочитанныхъ имъ въ аудиторіи Солянаго Городка 26 Ноября, 3, 10 и 17 Декабря 1890 г. и затѣмъ 16, 23 и 30 Марта и 6 Апрѣля 1891 г., привлекъ массу слушателей.

---

[1]) «Образованіе и образоват. средства Вел. Лукъ». Прилож I, стр. 1—5.

Чтеніе, полное интереса само по себѣ, оживлялось снимками съ современныхъ описываемому времени (1682—1725) картинъ и гравюръ, показанныхъ при помощи волшебнаго фонаря, при чемъ лекторъ давалъ объясненія о ихъ происхожденіи. Всѣ гравюры времени Петра Великаго, съ которыхъ были воспроизведены, по выбору Михаила Ивановича, фотографическіе снимки для его публичныхъ лекцій, были весьма обязательно предоставлены въ его распоряженіе для этой цѣли извѣстнымъ собирателемъ и знатокомъ по этой части, Д. А. Ровинскимъ, въ подлинныхъ, нерѣдко, *единственныхъ* экземплярахъ. Равнымъ образомъ ему сообщили для такихъ же снимковъ оригиналы весьма рѣдкихъ гравюръ А. Ѳ. Бычковъ и П. Я Дашковъ. По одному этому можно судить о чрезвычайномъ интересѣ, какой представляли эти иллюстраціи къ лекціямъ о Петрѣ Великомъ; между прочимъ, М. И. Семевскимъ было показано слушателямъ до двадцати трехъ снимковъ съ портретовъ, снятыхъ въ разное время съ царя Петра Алексѣевича, воспроизведены автографы его и современныхъ ему лицъ, портреты ближнихъ и птенцовъ Петра I, рисунки современнаго ему вооруженія и одежды русскихъ войскъ (1700—1732), виды мѣстностей, городовъ и зданій того времени, картины военныхъ событій (взятіе Азова, планы битвъ подъ Нарвою, Нотебургомъ), народные типы первой четверти XVIII вѣка, календарь того времени, газета 1713 г., карета Петра I, наконецъ, изображеніе множества предметовъ, принадлежавшихъ царю Петру, начиная съ извѣстнаго «ботика» и кончая его любимымъ котомъ, съ которымъ онъ игралъ въ дѣтствѣ, и много другихъ снимковъ.

Вызванный къ прочтенію этихъ лекцій желаніемъ подѣлиться съ публикою тою массою совершенно новаго сыраго матеріала, который появился въ печати за послѣднія десятилѣтія, и которымъ еще никто не воспользовался для самостоятельнаго труда (таковы, напр., письма Петра Великаго, изданныя подъ редакціею А. Ѳ. Бычкова, исторія Карла XII, написанная нынѣшнимъ королемъ Шведскимъ Оскаромъ, «Архивъ князя Ѳ. А. Куракина» и др.), Семевскій сообщилъ, основываясь на этихъ матеріалахъ, много новаго относительно Петровской эпохи и, благодаря своему замѣчательному умѣнію пользоваться источниками и группировать факты для яркаго освѣщенія извѣстнаго историческаго лица или событія, съумѣлъ придать своимъ чтеніямъ

живѣйшій интересъ. При томъ, какъ лекторъ, онъ обладалъ отличною дикціею, читалъ громко, внятно, давая слушателямъ полную возможность слѣдить за каждымъ сказаннымъ словомъ. Его опытъ воспользоваться вновь изданными сырыми матеріалами для освѣщенія исторіи XVIII вѣка замѣчателенъ еще въ томъ отношеніи, что онъ послужилъ наглядным указаніемъ, до какой степени ощущается надобность въ новыхъ изслѣдованіяхъ, въ новой переработкѣ накопленнаго сырья даже относительно исторіи такихъ моментовъ нашего прошлаго, какъ, напримѣръ, эпоха Петра Великаго.

Остается пожалѣть, что Михаилу Ивановичу не довелось, какъ онъ предполагалъ, обработать эти лекціи для печати и издать ихъ; его компетентность во всемъ, что касается исторіи прошлаго столѣтія, засвидѣтельствованная его многочисленными трудами, служитъ порукою того, что эти лекціи, будучи напечатаны, составили бы цѣнный вкладъ въ нашу историческую литературу.

XVI.

Заграничныя поѣздки. — Выдержки изъ путевыхъ замѣтокъ М. И Семевскаго: встрѣчи, впечатлѣнія, наблюденія. – Его постоянныя мысли и заботы о «Русской Старинѣ» въ бытность его за границей.

Коснувшись поѣздокъ Семевскаго по Россіи, имѣвшихъ, какъ мы видѣли, большое значеніе для его журнала и для разработки матеріаловъ по отечественной исторіи, такъ какъ онъ всегда привозилъ съ собою изъ этихъ поѣздокъ много новыхъ документовъ и осматривалъ во время ихъ частные архивы въ провинціи, нельзя пройти молчаніемъ и заграничныхъ путешествій, которыя онъ совершилъ въ восьмидесятыхъ годахъ, частью для отдыха, частью для поправленія здоровья, своего и старшей своей дочери. Бѣглыя замѣтки въ его записной книжкѣ «о всемъ, видѣнномъ и слышанномъ» имъ за границею, краснорѣчиво говорятъ о томъ, что и вдали отъ родины онъ постоянно былъ занятъ мыслью о ней и, имѣя въ виду свою общественную дѣятельность въ качествѣ гласнаго С.-Петербургской Думы, пользовался каждою болѣе или менѣе продолжительною остановкою въ томъ или другомъ городѣ Западной Европы, чтобы самымъ подробнымъ и обстоятельнымъ образомъ осмотрѣть мѣстныя учебныя заведенія, изучить ихъ программы, познакомиться съ постановкою въ нихъ учебнаго дѣла и санитарной части, осмотрѣть различныя общественныя и богоугодныя заведенія, отмѣтить тѣ улучшенія и усовершенствованія, какія, по его мнѣнію, было бы желательно и возможно примѣнить въ нашихъ столичныхъ учрежденіяхъ. Груды привезенныхъ имъ съ собою изъ заграничныхъ путешествій брошюръ

и отчетовъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ и, въ особенности, разныхъ народныхъ, начальныхъ и среднеучебныхъ заведеній, испещрены его замѣтками, по которымъ можно прослѣдить, на что именно онъ считалъ необходимымъ обратить особенное вниманіе при своихъ будущихъ докладахъ въ Думѣ въ качествѣ члена училищной коммисіи.

Какъ видно изъ этихъ замѣтокъ, его интересовали за границею, прежде всего, школы, библіотеки, музеи и архивы; онъ осматривалъ и изучалъ ихъ по возможности подробно.

Преждевременная кончина не дозволила Семевскому привести свои записи въ порядокъ, изложить эти бѣглыя мысли и замѣтки въ болѣе связной формѣ, что онъ намѣревался сдѣлать, но, тѣмъ не менѣе, онѣ наглядно обрисовываютъ неустанныя заботы и думы, которыя волновали его, какъ одного изъ членовъ С.-Петербургскаго общественнаго управленія, при видѣ тѣхъ улучшеній и усовершенствованій въ городскомъ хозяйствѣ за границею, которыя онъ горячо желалъ бы видѣть у себя на родинѣ. Приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ.

«Поѣздка моя за границу (Сентябрь — Декабрь 1881 г. и Мартъ — Іюнь 1882 г.), по случаю нездоровья моего собственнаго и болѣзни старшей моей дочери Татьяны, объемлетъ всего шесть мѣсяцевъ», записалъ Михаилъ Ивановичъ. — «Я пробылъ недѣлю въ Берлинѣ, въ Парижѣ всего три недѣли, въ Ниццѣ — четыре мѣсяца и остальное время въ Швейцаріи, главнымъ образомъ, близъ Монтре.

«Изо всего, что мнѣ пришлось видѣть, наибольшее время употреблялъ на знакомство со школами начальными, народными; замѣтивъ, что, съ годами и по отсутствію практики во французскомъ языкѣ въ Россіи, началъ забывать его, я принялся за серьезное его изученіе и сдѣлалъ весьма большіе успѣхи, занимаясь почти каждый день, дабы не отстать впослѣдствіи отъ дѣтей моихъ... Довольно много читалъ, гулялъ, но изъ этого всего, что встрѣтилъ и видѣлъ, особенный интересъ представили знакомства мои и встрѣчи съ нѣсколькими замѣчательными русскими людьми, таковы: Е. И. В. великій князь Константинъ Николаевичъ, подарившій мнѣ, его давнему и самому искреннему почитателю, четыре утра, часа по два и болѣе, своими бесѣдами, князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, дотолѣ лично мнѣ незнакомый,

но теперь радушно меня принимавшій, какъ уважаемаго имъ редактора «Русской Старины», графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій — членъ Государственнаго Совѣта, мой давній знакомый, который, умирая, пригласилъ меня подписать его духовное завѣщаніе и неоднократно со мной бесѣдовалъ, Александръ Аггѣевичъ Абаза, встрѣченный мною у графа М. Т. Лорисъ-Меликова, но всего болѣе, всего интереснѣе и всего сердечнѣе, познакомился я съ этимъ истинно замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ: графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ почтилъ меня полной, самой дружеской откровенностью. Лишь сотая доля изъ его бесѣдъ, и то въ видѣ наброска, конспекта, занесена въ эту тетрадку вмѣстѣ съ двумя, тремя копіями съ документовъ историческихъ.

«Незабвенными пребудутъ въ памяти моей вечера и часы, проведенные у графа М. Т. Лорисъ-Меликова (въ Ниццѣ въ 1881 году): вечеръ $\frac{28\ \text{Октября}}{9\ \text{Ноября}}$, среда, $\frac{30\ \text{Октября}}{11\ \text{Ноября}}$, пятница, $\frac{1\ \text{Ноября}}{13\ \text{Ноября}}$, воскресенье, вечеръ, 3 (15) Ноября, вторникъ, 4 (16) Ноября, среда,—этотъ вечеръ, буквально, у одра больнаго: у него наканунѣ сдѣлался сильный припадокъ кашля съ кровью. Повторяю, незабвеннымъ пребудетъ это время, у него проведенное. Это человѣкъ въ высшей степени обаятельный, съ сердцемъ, горячо любящимъ отечество, очень глубокимъ пониманіемъ людей, опредѣленнымъ взглядомъ на задачи государственнаго дѣятеля. Глубоко скорблю я, что не могу закрѣпить здѣсь, на бумагѣ, на память потомству, и десятой доли его увлекательнаго, отъ души льющагося разсказа, да и то, что передалъ, не въ состояніи дать понятія объ образности, одушевленіи и искренности его рѣчи. Разговоръ нашъ обыкновенно начинался съ предметовъ постороннихъ; два раза я читалъ сцены изъ Островскаго комедіи «Лѣсъ», иногда я разсказывалъ эпизоды изъ моей жизни, и, незамѣтно для меня самого, графъ Михаилъ Таріеловичъ увлекался недавними воспоминаніями своей жизни, и она развертывалась предо мною...

«Разсказъ его въ высшей степени увлекателенъ. Онъ говоритъ, не торопясь, плавно, нерѣдко съ весьма образными сравненіями и остроумно. Память—необыкновенная; ни тѣни хвастовства, ни тѣни пристрастія. Таковой разсказъ мнѣ невольно представляется вполнѣ военно-академическою лекціею».

Въ бытность Семевскаго въ Швейцаріи, лѣтомъ 1882 г., онъ

вторично встрѣтился съ гр. Лорисъ-Меликовымъ и отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ:

«Оставилъ Веве въ $3^1/_2$ ч. по полудни, послѣ отличнаго обѣда, даннаго мнѣ графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ у себя въ комнатѣ.

«Графъ былъ очень оживленъ и читалъ мнѣ весьма интересную свою записку о дѣйствіяхъ за Кавказомъ въ 1877 году.

Вотъ еще нѣкоторыя изъ путевыхъ замѣтокъ Семевскаго:

«Въ Лозаннѣ осматривалъ училище для слѣпыхъ; небольшое; тридцать слѣпыхъ дѣтей отъ шести до шестнадцати лѣтъ. Плетенье, чулки, туфли, токарное дѣло, печатаютъ книги точками, очень развито вязаніе. Основатель Haldimen, его портретъ. Выпуклыя географическія карты.

«Въ особой мастерской работаютъ съ замѣчательнымъ усердіемъ взрослые, до пятнадцати человѣкъ; живутъ на свободѣ; одинъ лишь начальникъ мастерской зрячій.

«Игры для дѣтей: особые шахматы, домики, куклы, и все это употреблено, значитъ, пользуются.

«Домъ съумасшедшихъ, Dr. Challand directeur, dr. Kayzer, second médecin. Этотъ послѣдній и водилъ меня. Необыкновенно предупредительный: точно начальникъ къ нему пріѣхалъ, а на моей карточкѣ только и значилось, что «редакторъ «Русской Старины». Больныхъ до четыреста человѣкъ; выздоравливаетъ отъ тридцати до сорока въ годъ; всюду паркетъ, рѣшетки очень затѣйливыя, точно для украшенія... На каждые шестнадцать человѣкъ полагается по сторожу.

«Мебель самая простая, въ садахъ мало деревьевъ. Ужасный коридоръ съ окнами вверху, желѣзными дверьми, каменный полъ, безъ печей... ни одного пузырька съ лекарствомъ не видѣлъ, леченье ваннами...

«У нихъ въ каждомъ кантонѣ такія убѣжища. Тюрьма—pénitentiaire. Громадное зданіе; сверху у боковой стѣны маховыя колеса, точно фабрика. Главный входъ—цвѣтникъ изъ розъ, точно ко дворцу. Директоръ двадцать два года служитъ; нигдѣ никакой формы. Зданіе въ два, три этажа... Въ каждой камерѣ наблюдатель-тюремщикъ съ верхней галлереи, сидитъ за газетой или самъ работаетъ. Заключенныхъ сто тридцать мужчинъ и двадцать женщинъ.

«Самое большое общее число до ста восьмидесяти четырехъ лицъ

обоего пола. Работы: плетенье соломенныхъ корзинъ, матрацовъ или ковровъ, иные очень большіе; ткачи сначала подготовляются въ большихъ мастерскихъ, затѣмъ переходятъ въ отдѣльные; до совершенства доведены узоры въ скатертяхъ, салфеткахъ, полотнахъ; альбомы рисунковъ для этого; кого ни спросимъ: обучился здѣсь. Сроки 2, 3, 5 и до тридцати лѣтъ и т. д. и т. д. Магазинъ—складъ вещей—дѣйствительно, богатъ: чего тутъ нѣтъ!

«Церковь, школа, патронатство для вышедшихъ; пасторъ—дѣятельный членъ.

«При осмотрѣ Люцерна, между прочими достопримѣчательностями, съ особеннымъ интересомъ остановился на музеѣ Мозера, автора книги «A travers l'Asie Centrale, impressions de voyage. Paris, 1886 г.

«Тутъ же фотографія генерала Черняева, подаренная г. Мозеру въ 1883 г. Въ музеѣ Мозера (это выставка его вещей) множество тканей, головныхъ и прочихъ уборовъ, много оружія, кинжалы, пояса, разныя украшенія домовыя, халаты, ковры; множество вещей выставлено восточныхъ здѣсь же на продажу, тигровыя шкуры; тутъ же довольно большія картины; одна изображаетъ Мозера ѣдущаго въ тарантасѣ, несется тройка и татаринъ или ташкентецъ на козлахъ.

«Весь городъ (Цюрихъ; записано въ 1887 г.) обрамляетъ конецъ озера, охватывая его своими предмѣстьями. Встрѣча съ ремесленникомъ-механикомъ 27 л. Онъ пѣшкомъ, въ шесть дней, пришелъ изъ Милана; мы его встрѣтили въ Цугѣ; багажъ онъ отправилъ желѣзной дорогой. Работаетъ точеные инструменты; знаетъ очень хорошо исторію и свой край; немножко соціалистъ, но безъ крайностей...

«Всѣхъ студентовъ русскихъ до семидесяти двухъ въ Политехнической школѣ, а всего съ университетомъ до девятидесяти, да женщинъ двадцать. Всѣ имѣютъ общую читальню, общую кухмистерскую, будто бы по очереди не только дежурятъ, но варятъ; обѣдъ въ два блюда обходится сорокъ одинъ сантимъ. Прожить въ мѣсяцъ обходится до ста пятидесяти франковъ; заработковъ нѣтъ; есть бѣдняки; болѣе достаточные дѣлятся. Библіотека получаетъ, по словамъ встрѣченнаго мною въ кабинетѣ Песталоцци, много газетъ и журналовъ, но отдѣлъ спеціальныхъ знаній, конечно, очень обширенъ.

«Я, однако, не посѣтилъ ни библіотеки, ни кухмистерскихъ и встрѣтилъ только одного русскаго, будто бы «Орловъ», но и по вы-

говору, и по произношенію—еврей, да и самъ сказалъ—изъ Гродненской губерніи.

«Осмотрѣлъ еще городскую библіотеку, зданіе кантональнаго собранія, Политехническую школу. Въ срединѣ города небольшой, но хорошо содержимый ботаническій садъ, а у насъ-то только во Псковѣ изъ провинціальныхъ городовъ явился ботаническій садъ, да и то, полно, не заброшенъ ли? Здѣсь опять два, три бюста, одинъ изъ нихъ Zollinger 1861 г.; памятники скромные, не дорогіе, но артистически выполненные и, все-таки, сохранятъ надолго память въ населеніи о людяхъ науки и общественныхъ заслугахъ ихъ!

«Политехническая школа: громадное трехъэтажное, съ подвальнымъ этажемъ зданіе на горѣ; Цюрихъ лежитъ у ея подошвы; красивое зданіе, не менѣе Технологическаго нашего института и красивѣе. Одинъ изъ фасадовъ росписанъ фресками съ аллегорическимъ изображеніемъ всѣхъ техническихъ производствъ и искуствъ; тутъ же и портреты нарисованы (головы) лицъ, составляющихъ славу всего міра, какъ свѣтила наукъ по естествознанію. Надъ главнымъ входомъ: Аристотель и Периклъ, Лапласъ, Кювье, Конрадъ Геснеръ (его же бюстъ и на променадѣ въ саду у большаго вокзала), Александръ Гумбольдтъ, Исаакъ Ньютонъ, Леонардо да Винчи, Jean Perone, Микель-Анджело, Даніилъ Бернулли, Галилей, Рафаэль Санчіо, Яковъ Берцеліусъ, Уатъ (русскихъ ни одного еще нѣтъ).

«Почему у насъ въ университетахъ и въ высшихъ заведеніяхъ не ставятъ бюстовъ знаменитыхъ профессоровъ? Да и по естествознанію мы имѣемъ уже много достойнѣйшихъ дѣятелей.

«Зданіе выстроено въ 1862—1864 г.г. Программы и списки я получилъ. Кабинетъ минералогическій и геологическій громадный; масса камней съ дивно отпечатавшимися животными, нѣкоторые нашли въ сажень длины: допотопныя ящерицы, черепахи, лягушки, цвѣты, деревья, особенно много рыбъ,—драгоцѣнная коллекція!

«Зоологическій кабинетъ не менѣе громаденъ, обширнѣйшее собраніе чучелъ обезьянъ и т. д...

«Наши музей не достаточно открыты даже въ столицахъ; слѣдовало бы открыть хотя по воскресеньямъ, да публиковать объ этомъ, а въ простые дни пускать хотя за деньги.

«Господи, какъ у насъ много добра можно бы сдѣлать! Очень,

очень важно, когда люди науки стоятъ у дѣла: пожелаемъ, чтобы именно они достигли мѣстъ съ властью.

«Еще осмотрѣлъ пріютъ глухонѣмыхъ, музей новыхъ искуствъ, начальныя школы, музей древностей.

«Кабинетъ Песталоцци въ двухъ или трехъ комнатахъ; одна большая. Все биткомъ набито. Это прародитель нашего Педагогическаго Музея въ Соляномъ городкѣ въ С.-Петербургѣ. Колыбель Песталоцци, дипломъ, ему данный, его палка, портреты, альбомъ портретовъ разныхъ учителей и учительницъ и т. д...

«...(Шафгаузенъ) Одинъ изъ самыхъ маленькихъ кантоновъ, сорокъ тысячъ жителей. Городъ расположенъ по Рейну, въ виду его живописнаго каскада.

«До 1850-хъ годовъ въ немъ было семь тысячъ жителей; это былъ уголъ аристократіи; здѣсь даже въ одномъ упраздненномъ монастырѣ кладбище только для дворянства: бюргеры и крестьяне не могутъ хоронить.

«Промышленности не было никакой, или она была ничтожна; всѣ мѣста были въ рукахъ аристократіи (древняго дворянства), которое de jure не существуетъ издавна, а de facto имѣется до восьмисотъ фамилій, которыхъ большинство происходитъ отъ фамилій Чуди.

«Является Генрихъ Мозеръ; пришелъ онъ въ С.-Петербургъ подмастерьемъ, нажилъ тамъ часовымъ производствомъ до семи милліоновъ франковъ, и, вотъ, съ конца 1850-хъ годовъ, онъ обратилъ эти средства на подъемъ производительныхъ силъ своего роднаго уголка. Встрѣчаетъ оппозицію въ консерватизмѣ дворянскихъ родовъ, борется; съ 1862 или 1863 г. эксплоатируетъ силы каскада Рейна, устроиваетъ плотину, устроиваетъ турбину, вверхъ по Рейну маховыя колеса передаютъ силу въ деревню и городокъ; теперь работа тысячи шестисотъ лошадиныхъ силъ передается повсюду, кабели лежатъ подъ каждою улицею; чугунныя рѣшетчатыя окна для наблюденія за порчею кабеля. Въ мастерскихъ работаетъ по двѣ, по три, по пяти лошадиныхъ силъ; плата сто и болѣе франковъ въ день; даже рукодѣльныя машинки женскія и то работаютъ отъ привода водянаго въ каждомъ домѣ, въ каждой комнатѣ она проведена. Мозеръ устроилъ большую фабрику вагоновъ и оружія. Пустилъ въ ходъ, сдалъ одному изъ своихъ родственниковъ. Устроилъ затѣмъ фабрику земледѣльческихъ и

*

хозяйственныхъ машинъ и предоставилъ одному изъ жителей постепенно выкупить у него. Кладбище близъ Рейна обращено въ площадь для индустріи.

«Все оживилось! Населеніе удвоилось до двѣнадцати съ половиною тысячъ, нѣтъ промышленности, которая бы здѣсь ни развилась. Двѣ фабрики для земледѣльческихъ машинъ и бездна маленькихъ мастерскихъ.

«Улица, цѣлый кварталъ именуется его именемъ — *Мозеръ*. На кладбищѣ прекрасный памятникъ, ставятъ большой монументъ на площади города. Я получилъ цѣлую книгу его біографіи. Надо будетъ перевести для «Русской Старины» [1]).

«Генрихъ Мозеръ съ одушевленіемъ говоритъ о заслугахъ отца, о томъ какъ онъ чуть не помѣшался, додумываясь о подъемѣ промышленности родного города.

«Самъ молодой Мозеръ сорока двухъ лѣтъ, замѣчательный человѣкъ. Его рефератъ о консулахъ коммерціи изъ Швейцаріи въ высокой степени замѣчателенъ. Книга его «Путешествіе чрезъ Среднюю Азію» (на французскомъ языкѣ) очень хороша. Пржевальскій для него идеалъ путешественника; эгоистичный, славолюбивый Стенли для него не симпатиченъ».

«Печальная судьба Мозера (отца): на шестьдесятъ пятомъ году онъ женился на семнадцатилѣтней нѣмкѣ, быстро охладѣлъ ко всему; на шестьдесятъ седьмомъ его не стало.

«Все богатство въ Россіи поступило его женѣ, и лишь небольш о достояніе здѣсь (въ Швейцаріи) и, правда, отличная вилла поступили къ единственному сыну, съ которымъ онъ былъ не въ ладахъ, ибо сынъ не пошелъ за часовой верстакъ.

«Элементарная школа для мальчиковъ, въ другомъ зданіи для дѣвочекъ. До восьми классовъ, въ каждомъ есть и параллельные. Свѣтло; столы съ половинками, подъемными, на шарнирахъ; просто, чисто (нѣтъ паркетовъ), дѣти въ блузахъ. Учитель каллиграфіи (онъ же и оберлереръ); въ старшемъ классѣ старикъ-учитель географіи; это старцы въ 60, въ 74 года, свѣжіе, бодрые, румяные! Трудно представить себѣ ихъ

---

[1]) Книга, о которой упоминаетъ Семевскій, была переведена на русскій языкъ для его журнала и появилась въ извлеченіи въ „Русской Старинѣ“ за 1888 годъ, т. LVII—LX.

одушевленіе, ихъ умѣнье держать классъ сосредоточеннымъ въ постоянномъ вниманіи! Весь урокъ проходитъ тутъ же, въ классѣ, на домъ ничего.

«И вспомнился мнѣ учитель нашъ С—въ! Питомецъ Педагогическаго института, учитель по наряду и заклятый пьяница, а это готовились будущіе офицеры генеральнаго штаба, будущіе администраторы Россіи...

«Въ городѣ съ двѣнадцатью тысячами жителей пять библіотекъ: городская, тутъ и масса живописныхъ портретовъ шафгаузенцевъ XVI—XVIII вѣковъ, историческаго общества и археологическаго (но это любители), медицинскаго, библіотека ферейна учителей, библіотека консерваторская...

«Въ гимназіи шесть классовъ классическихъ и четыре класса реальныхъ. Учащіеся вовсе не платятъ ни въ начальныхъ школахъ, ни въ гимназіи, даже все получаютъ для ученья. Платятъ только иностранцы, т. е. другихъ кантоновъ, до сорока франковъ въ годъ. Отель набитъ путешественниками, богатыми, образованными; чтобы вамъ заглядывать сюда, въ эти учрежденія! А они лишь любуются на водопадъ!

«Все есть въ этомъ уголку Европы, въ этомъ государствѣ, меньшемъ, чѣмъ половина Великолуцкаго уѣзда, все, рѣшительно, все: отличный климатъ, чудная рѣка, красоты природы, дороги, дешевая жизнь, судъ, наплывъ иноземцевъ (значитъ, деньги), наука, наука кругомъ, рядъ отличныхъ учебныхъ заведеній, пріюты для стариковъ, медицина...

«...Во Франкфуртѣ на Майнѣ бросается въ глаза громадное сооруженіе центральнаго вокзала. Это городъ со ста пятьюдесятью тысячами жителей, городъ богачей.

«Городъ весьма оживленъ: 8, 9 и 10-го Августа стараго стиля многіе дома и, въ особенности, рестораны расцвѣчены флагами въ честь велосипедистовъ. Ихъ собралось до трехъ тысячъ; здоровые люди, мускулы, икры выдающіяся, веселыя, здоровыя лица. Есть и до пятидесяти лѣтъ съ длиннѣйшими бородами. Всѣхъ членовъ до 8 т. восьмисотъ человѣкъ; триста тридцать шесть ферейновъ, а еще года два, три тому назадъ было не болѣе четырехъ тысячъ. Капиталъ двадцать тысячъ марокъ; издается оффиціальный органъ этого общества, на него расходуется до семнадцати тысячъ марокъ; объ этомъ была рѣчь въ собраніи

велосипедистовъ во Франкфуртѣ. Въѣздъ парадный въ воскресенье (9 Августа). Герольды въ шарфахъ. Значки отъ каждаго города (Лейпцигъ, Мюнхенъ, Мюнстеръ, Вѣна, Цюрихъ, отовсюду, гдѣ говорятъ по *нѣмецки*). Значки эти красивы, отлично вылиты. Странныя иногда эмблемы, напримѣръ, монахъ съ распростертыми руками. Эшелоны перемежались колясками, убранными флагами, зеленью, цвѣтами; въ нихъ сидѣли въ бѣлыхъ галстукахъ и сюртукахъ члены комитетовъ и муниципалитетъ съ оберъ-бургомистромъ Микелемъ во главѣ. Затѣмъ всѣ велосипедисты ѣхали по два. На велосипедѣ была одна только дама безъ шляпки. Улица была запружена народомъ шпалерами, балконы, окна, также.

«Затѣмъ два дня сряду, отъ трехъ до семи часовъ, былъ бѣгъ велосипедистовъ за Пальменъ-Гартенъ, на отлично устроенномъ мѣстѣ, гдѣ была трибуна. Мѣста (для нѣмцевъ) были довольно высоки: три марки ненумерованныя мѣста. Бѣгъ былъ на двуколесныхъ, трехколесныхъ и даже одноколесныхъ совершенно. Соревновали Берлинъ, Франкфуртъ, Лейпцигъ, Дрезденъ, Мюнстеръ, Нюренбергъ и другіе города. Призы отъ пятидесяти до четырехсотъ марокъ и медали отъ бронзовой до вызолоченной.

«Страсть украшаться медалями, значками ферейновъ и жетонами, выбитыми по случаю съѣзда.

«Вечеромъ, 10-го Августа, былъ большой балъ велосипедистовъ въ залѣ строительной коммисіи: двѣ трети нашей Думской залы, въ два яруса ложи, полны молодежи, но порядокъ замѣчательный. Нѣкоторые изъ велосипедистовъ совершили пріѣздъ сюда на велосипедахъ изъ Шлезвига, напримѣръ, изъ Страсбурга, будучи въ дорогѣ по два, по три дня, все это, большею частью, купеческіе сынки, довольно достаточные. Велосипедъ стоитъ отъ двухсотъ до пятисотъ марокъ.

«Въ Pommers залѣ—Дума. Это нѣсколько домовъ сряду. Зала въ два свѣта. Пятьдесятъ два депутата на шесть лѣтъ, чрезъ каждые два раза треть смѣняется. Оберъ-бургомейстеръ—Микель, юристъ, шестидесяти лѣтъ, членъ Рейхстага, — избирается на двѣнадцать лѣтъ. Предсѣдатель и вице-предсѣдатель собраній ежегодно выбираемы. Сначала идутъ предложенія управы, потомъ уже доклады коммисій. Говорятъ то сидя, то стоя. Микель спорилъ; говоритъ довольно разбитымъ голосомъ. Членовъ управы почти нѣтъ. Пришли въ засѣданіе въ шесть часовъ вечера двадцать восемь гласныхъ, потомъ тридцать пять. Рѣ-

шаютъ вставаніемъ. Газеты и докладъ на столикахъ предъ каждымъ. Споры затянулись до девяти съ половиною часовъ вечера. Собраніе не приняло заключенія коммисіи.

«Все утро ($^{14}|_{26}$ Августа 1887 г.) просматривалъ въ магазинѣ Бера книги, относящіяся до Россіи. Онѣ помѣщаются во второмъ этажѣ, въ комнатѣ, освѣщенной сверху. Три большихъ шкафа; порядка нѣтъ, полки открыты, пыли масса, но есть рѣдкости, отличныя изданія, напримѣръ, *Корба* 1699 (1700 г.). Очень хорошій экземпляръ; *Гельбигъ*: Russische Gunstlinge, 1809, хорошій экземпляръ, одинъ томъ (второй) его же исторіи Петра III; *Герберштейнъ*, нѣсколько изданій, *Поссевинъ*; есть немногія и русскія книги: *Костомарова* Польша и пр. Не только онъ, но молодой человѣкъ, его приказчикъ, очень хорошій библіографъ и знаетъ толкъ въ книгахъ. Тутъ уже не ждите, что, благодаря невѣжеству книгопродавца, вы купите задаромъ книгу. У Бера въ продажѣ различныя рукописи съ миніатюрами на пергаментахъ; до шести тысячъ марокъ экземпляры. Золото до того свѣжо, что невольно сомнѣваешься, не поддѣлка ли это».

«....Въ $4^{1}|_{2}$ часа [1]) по полудни представлялся Е. В. К. Э. О. К. Она гоститъ здѣсь уже дней двѣнадцать и пробудетъ до $^{1}|_{13}$ Іюля... Оставляя любезные вопросы Ея Величества обо мнѣ, моихъ дѣтяхъ, о томъ, долго ли я здѣсь живу, какъ и чему учатся дѣти мои, сведу въ одну рѣчь отвѣты и замѣтки, сказанныя Королевой въ теченіе тридцати пяти минутъ, въ продолженіе которыхъ Ея Величество со мною изволила бесѣдовать.

« — Общество въ Афинахъ вполнѣ хорошее, весьма образованное... Благотворительныхъ учрежденій много, устроены не въ миніатюрѣ... У меня зимой много занятій... не успѣваю даже вашъ журналъ «Русская Старина» прочитывать; здѣсь у меня съ собою ваша послѣдняя книжка. Записки *Мердера*, которыя были въ «Русской Старинѣ», меня живо заинтересовали. У меня семеро дѣтей, но я очень довольна, что у меня родились дѣти, когда я еще молода. Гораздо лучше, когда дѣтки ростутъ вмѣстѣ».

---

[1]) Приводимыя ниже выписки относятся къ пребыванію М. И. Семевскаго въ Висбаденѣ, гдѣ онъ провелъ, для поправленія здоровья, зиму 1886—1887 г. Это была наиболѣе продолжительная изъ его заграничныхъ поѣздокъ. Тогда же онъ побывалъ въ Дармштадтѣ и Гейдельбергѣ.

«Вмѣстѣ съ камергеромъ Bertouch осмотрѣли многія учрежденія въ городѣ Висбаденѣ.

«Государственный архивъ помѣщается за городомъ, обнесенъ стѣной; зданіе съ каменными сводами, полами; въ немъ дѣла, грамоты, акты герцогства Нассаускаго съ 920 по 1866 годъ. Дивно сохранились. Всякаго рода связокъ бумагъ до восьмидесяти тысячъ однихъ пергаментовъ. Шкафы и картоны имѣютъ окошечки для теченія воздуха, по четыре окошечка въ шкафѣ.

«Короля Оттона, 941 г., восковая печать прекрасно сохранена; 1059 г. печать очень хорошая, 1124 года грамота отличная, печать восковая; король Генрихъ съ его восковымъ портретомъ 1062 г.; грамота 24 Февраля 1129 г. другого государя и пр. и пр... На каждой двери шкафа висячая карточка съ надписью...

«Въ зданіи архива телеграфъ для переговоровъ. Архивъ выстроенъ 1879—1880 г.

«О Россіи документовъ всего лишь нѣсколько печатныхъ манифестовъ XVIII-го вѣка; но и то знаменитаго манифеста Екатерины II о Петрѣ III нѣтъ, да и былъ ли онъ переведенъ? Для занятій большой кабинетъ, теплый, свѣтлый. Никакого разрѣшенія кромѣ директора не надо. При архивѣ есть библіотека съ историческими, наиболѣе капитальными, изданіями и словарями.

«Для мѣстной исторіи особый шкафъ въ архивѣ. Изъ каждаго наиболѣе древняго акта сдѣлано особое извлеченіе—тутъ же лежитъ...

«Въ окнахъ желѣзныя ставни, хотя крыша деревянная, но громоотводъ есть, какъ и на многихъ, едва ли не на всѣхъ домахъ въ городѣ. Землю далъ городъ; плохенькій садикъ во дворѣ.

«Когда то у насъ? Воображаю, какъ болѣло сердце Н. В. Калачева при посѣщеніи уѣздныхъ и губернскихъ городовъ? Все отъ власти зависитъ.

«Противъ почти архива зданіе изъ особыхъ павильоновъ — камень и желѣзо—все новое; въ миніатюрѣ наша петербургская бойня. Во главѣ стоитъ докторъ-ветеринаръ; выстроена въ три года, стоила девятьсотъ тысячъ марокъ. Трихинная станція, восемь наблюдателей, по четыре человѣка каждый день. Въ шесть лѣтъ только три раза открыли

трихину, но въ Берлинѣ въ годъ натыкаются на трихину отъ четырнадцати до двадцати разъ...

«Въ главномъ зданіи отличный ресторанъ для скотопромышленниковъ.

«Привозятъ мелкій скотъ живой (телятъ, свиней) въ красивыхъ ящикахъ—шарабанахъ. Плата въ хлѣвахъ семьдесятъ пфениговъ за день стоянки. Эти хлѣва наиболѣе выгодная для города статья. Капиталъ на постройку бойни занятъ на тридцать семь лѣтъ изъ 5%.

«Библіотека городская занимаетъ большое зданіе съ колоннами въ два этажа, причемъ верхній этажъ, кромѣ свѣта сбоку, имѣетъ свѣтъ сверху. Библіотека существуетъ съ XIV вѣка. Въ ней теперь до трехсотъ тысячъ томовъ, нѣсколько изданій каталога; въ большой залѣ освѣщеніе сверху, центральное; въ витринахъ выставка манускриптовъ на пергаментѣ и первыхъ изданій Гутенберга. Чистота рукописей поразительна, есть 800-хъ годовъ, 900-хъ годовъ. И пожары не трогали.

«Городъ даетъ десять тысячъ марокъ на покупку книгъ ежегодно. Библіотека выдаетъ книги на домъ, на четыре недѣли, безъ залога, лишь съ ручательствомъ извѣстныхъ библіотекарю лицъ. До шести тысячъ книгъ всегда роздано. Никогда не пропадаютъ.

«Knabен-hort (пріютъ для мальчиковъ) на концѣ города; таковыхъ два. Нанимаютъ верхній этажъ надъ грязными мастерскими. До девяносто пяти дѣтей въ двухъ довольно низкихъ комнатахъ. Плата десять франковъ въ недѣлю. Содержитъ благотворительное общество.

«Какъ еще много надо сдѣлать для С.-Петербурга! Развѣ дѣтскіе пріюты у насъ подбираютъ дѣтей? Развѣ пріюты для мальчиковъ также существуютъ у насъ?

«Въ Висбаденѣ особенно хорошъ минералогическій кабинетъ; въ музеѣ предметы археологіи; памятники Римскаго періода владычества въ Германіи.

«Осмотрѣлъ реальную школу. Училище для слѣпыхъ.—Начальныя школы, ремесленныя училища.

«Въ Висбаденѣ живутъ на покоѣ до пятидесяти генераловъ и до ста пятидесяти штабъ-офицеровъ. Въ шестьдесятъ пять лѣтъ увольняютъ въ отставку. Тутъ же съ полдюжины писателей на покоѣ:

Фрейтагъ, извѣстный романистъ, *Боденштедтъ*, шестидесяти восьми лѣтъ и др.

«Строится новое, громадное зданіе Думы, въ которое помѣстятся всѣ коммисіи...

«... Музей (въ Дармштадтѣ) очень любопытенъ. Въ немъ громадная картина Rubens (1577—1640 г.), на ней одиннадцать фигуръ. Оторваться нельзя, что за свѣжесть красокъ! Ничего не идеализировано. Фигуры почти во весь ростъ. Нарочно стоитъ пріѣхать. Есть хорошій портретъ *Наталіи Алексѣевны*, первой супруги Павла, съ суровымъ красивымъ лицомъ.

«Замокъ посреди города. Чистые дворы, облупившіяся стѣны, подъемные мосты замѣнили постоянные, въ широкомъ рву, иногда полномъ воды, теперь садъ. Во внѣшнемъ замкѣ библіотека, музей, картинная галлерея. Библіотека громадна, каталогъ, на полулистахъ, доступенъ каждому. Портретъ Людовика I († 1830 г.), любителя музыки, съ нотами Моцарта въ рукахъ; гладко выбритое лицо; его сынъ, Людовикъ II († 1852 г.), былъ отецъ нашей Императрицы Маріи Александровны; очень пріятное, доброе лицо. Книгъ о Россіи (путешествія, исторія, литература)—всего около четырехсотъ найдется. Тутъ Академіи Наукъ изданіе съ 1747 г.; СПБ. Русскаго Историческаго Общества 21 томъ съ 1871 г.; Герберштейнъ 1549 г.; много компиляцій о Россіи и брошюръ на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ 1812—1820 г.г., когда Россія особенно живо интересовала Германію; Mayerberg 1861 г., Аделунгъ 1827, Корбъ съ отмѣткою въ каталогѣ (№ 3081) «*ein höchst seltenes Buch*» съ восемнадцатью рисунками, очень чистый экземпляръ. Литература русская преимущественно старая,—новой очень мало: Кантеміръ, «Живописецъ 1781 г.», Княжнинъ, «о, Время!» 1772 г., всѣ сочиненія Екатерины II, Сумароковъ, Озеровъ, Пушкинъ и Лермонтовъ въ переводахъ и оригиналахъ, И. С. Тургеневъ въ переводѣ Юргенсона 1883, Гоголь въ переводѣ Louis Viardot и пр. и пр...

«Комнаты Маріи Александровны. Очень простая обстановка; комнаты довольно низки; подарки Россіи: малахитовые столы, часы; дивный ея портретъ, оригиналъ того, что̀ изданъ «Русской Стариною». Въ бѣломъ платьѣ, воздушный шарфъ съ золотымъ пере-

кинутъ черезъ лѣвое плечо, лѣвая рука слегка поддерживаетъ подбородокъ, правая въ скромномъ браслетѣ лежитъ на колѣняхъ; нѣжныя черты лица, прекрасные глаза; на столѣ предъ нею портретъ Александра II въ синей лентѣ. Въ спальнѣ вся ея семья съ наслѣдникомъ Николаемъ Александровичемъ... Герцогская библіотека громадная, до полумилліона книгъ, занимаетъ много залъ, галлерей и комнатъ; всѣ онѣ съ некрашенными, плохо сколоченными полами, безъ печей; шкафы клѣтками, самые простые, но порядокъ большой, выдача быстрая. Отдѣлъ о Россіи считается между нѣмецкими библіотеками весьма изрядный... На экземплярѣ книги Корба (очень хорошемъ) на цѣлой бѣлой страницѣ въ началѣ написана замѣтка о томъ, что книга эта весьма рѣдка, и что всѣ экземпляры, въ угоду Петру I, были уничтожены.

«.. .Библіотека въ университетѣ (въ Тейдельбергѣ), старое зданіе, близъ стараго университета, обширная, до пяти тысячъ томовъ. Каталогъ весьма подвижной, in folio, въ прорѣзъ на большихъ листахъ; въ центрѣ карточки перетянуты шнуркомъ. Много книгъ о Россіи XVII вѣка. Герберштейнъ имѣется въ изд. 1557 г. (Антверпенъ) и 1571 г. (Basel); Helbig — два экземпляра; одинъ изъ библіотеки Шлоссера, которая цѣликомъ сюда поступила.

«Странно, что въ библіотекѣ Гейдельберга такъ мало изданій о Россіи; я думалъ, что въ 1860-хъ годахъ министерство прислало свои изданія, да молодежь пожертвуетъ, но нѣтъ. Изъ трудовъ Пирогова ничего нѣтъ. Надо прислать сюда экземпляръ «Русской Старины» 1885 г...

«Куно Фишеръ имѣетъ четыре лекціи въ недѣлю, во вторникъ въ семь часовъ утра и въ четыре часа пополудни...

«Большая аудиторія на сто семьдесятъ одинъ человѣкъ амфитеатромъ; крупные номера на скамьяхъ. Тутъ Куно Фишеръ читаетъ старую литературу нѣмецкую отъ семи часовъ утра до восьми и отъ четырехъ до пяти греческую философію по четыре раза въ недѣлю...

«Въ семь часовъ утра $^{12}/_{24}$ Мая лекція Куно Фишера. Большая аудиторія тихо наполнилась — до шестидесяти человѣкъ. Номера на столахъ; это тѣ номера, которые раздаетъ и продаетъ профессоръ своимъ слушателямъ. Ровно въ четверть восьмаго сильно затопали: это вошелъ профессоръ. Никто не встаетъ. Топанье — это привѣтъ,

одобреніе. Говоритъ стоя; съ той же минуты начинаетъ, какъ вошелъ. Самый живой, образный способъ выраженія; рѣчь доведена до полной формы разговорной рѣчи. Голосъ не громкій, тихій. Свѣжее румяное лицо, лысая голова съ сѣдыми, коротко подстриженными волосами на вискахъ, носъ — обрубленный и пришитый въ молодости послѣ студенческой дуэли. Масса годовъ, мѣсяцевъ, чиселъ, именъ, названій сочиненій, все это онъ съ поразительной точностью, на память, говоритъ, не справляясь ни съ чѣмъ, кромѣ памяти. Въ началѣ лекціи двадцать минутъ посвящается на повтореніе предъидущей (весьма хорошій педагогическій пріемъ). Затѣмъ двадцать пять минутъ новое. Проводы такіе же, какъ и пріемъ.

«Онъ идетъ прямо, безъ поклоновъ. Въ четыре часа пополудни нѣсколько болѣе студентовъ, лекція еще болѣе оживленная.

«Если профессоръ заслуживаетъ, всегда начинается шарканье, если диктуетъ быстро (иные профессора диктуютъ) — тоже шарканье. И такъ, ноги здѣсь дополненіе языка!

«Познакомился съ Куно Фишеромъ. Прекрасный пріемъ, порядочно говоритъ по французски. Переводъ Страхова знаетъ, но съ нимъ не переписывается. Мнѣ вписалъ въ записную книжку по гречески.

«Наканунѣ былъ у профессора Вебера; хорошая вилла на противоположномъ берегу Неккара; зеленая и цвѣтущая гора поднимается тотчасъ за домомъ. Старушка-жена бодрая, живая; ему восемьдесятъ одинъ годъ, ей восемьдесятъ лѣтъ. Прямо изъ XVIII вѣка. Не говоритъ по французски. Масса книгъ имъ написана. Переведена и у насъ на русскій его всеобщая исторія; другъ Шлоссера; пишетъ и теперь въ Аугсбургскую газету. У него секретарь — теологъ, говоритъ, что пора бы и перестать старику писать.

«Ѳедоръ Егоровичъ Мейеръ, бывшій лекторъ С.-Петербургскаго университета, его книга о Россіи.

«Встрѣча на лекціи Куно Фишера съ двумя молодыми русскими: одинъ кончилъ полный курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, г. Базилевичъ, и, въ ожиданіи мѣста по судебному вѣдомству, ѣздитъ по Германіи; былъ въ Берлинскомъ университетѣ и теперь здѣсь; другой — серьезный молодой человѣкъ, на естественномъ факультетѣ, г. Терешинъ, очень симпатичный, женатъ, серьезно занимается. «Русская читальня», въ домѣ № 105 Hauptstrasse, съ 1881 г. получила названіе Пироговской;

его громадный портретъ — фотографія. Здѣсь всѣ газеты русскія и всѣ журналы: «Правительственный Вѣстникъ», «Московскія Вѣдомости», «Вѣстникъ Европы» и пр. Порядокъ большой».

Не будемъ продолжать выписокъ изъ путевыхъ замѣтокъ Михаила Ивановича, такъ какъ приведенныя выдержки даютъ достаточное понятіе о томъ, что наиболѣе интересовало его за границею, на чемъ онъ останавливалъ особенное вниманіе, но отмѣтимъ, что, гдѣ бы ни былъ Михаилъ Ивановичъ во время своихъ лѣтнихъ отлучекъ изъ Петербурга, — путешествовалъ ли онъ по Волгѣ, въ Крыму, отдыхалъ ли въ кругу близкихъ въ своемъ родномъ городѣ Великихъ Лукахъ, осматривалъ ли музеи и школы Германіи, Швейцаріи и Франціи, — онъ никогда не забывалъ своего роднаго дѣтища, свою «Русскую Старину», и постоянно находился въ самой оживленной перепискѣ съ ближайшими къ редакціи лицами, въ особенности, съ своимъ корректоромъ, А. С. Лацинскимъ, который въ его отсутствіе выпускалъ заранѣе подготовленныя имъ книжки журнала. Какъ живо интересовался Семевскій всякою мелочью, касавшеюся «Русской Старины», видно изъ того, что во время своего пребыванія въ Висбаденѣ, съ 12-го Сентября 1886 г. по 20-е Августа 1887 г., имъ было отправлено въ редакцію не менѣе ста четырехъ писемъ съ разными распоряженіями и указаніями, касавшимися журнала и своевременнаго появленія въ немъ того или иного матеріала. На всѣ свои вопросы онъ требовалъ краткаго, но точнаго отвѣта и, когда ему случалось дней шесть не имѣть извѣстій изъ редакціи, онъ приходилъ въ безпокойство и засыпалъ своего помощника письмами, побуждая его писать какъ можно чаще.

«Послѣднее письмо ваше, добрѣйшій А. С., писалъ ему Семевскій, напримѣръ, изъ Висбадена 19 Ноября 1886 г., — было отъ 10 Ноября; затѣмъ прошло девять дней, и отъ васъ нѣтъ ни строчки, нѣтъ даже отчетца отъ 15-го Ноября, который вы мнѣ обѣщали прислать. Пожалуйста, другъ мой, отвѣчайте мнѣ *хотя очень коротенько*, но на каждое мое письмо и *тотчасъ*. Повѣрьте, что, при дальности разстоянія и мнительности (скорѣе сказать, моей нервности), мнѣ большое безпокойство причиняетъ ваше молчаніе, какъ главнаго моего довѣреннаго по «Русской Старинѣ» и единственному моему достоянію,

съ нею сопряженному. Итакъ, отвѣчайте мнѣ *отнынѣ въ тотъ же день*, какъ получите мое письмо.

«Письмо изъ С.-Петербурга до Висбадена получается на третій день... Послѣднее время я сильно безпокоился, не имѣя отъ васъ писемъ.»

Въ другомъ письмѣ (отъ 2 Іюня 1887 г.) онъ говоритъ:

«Скажите моимъ конторщицамъ, что во всѣхъ моихъ разлукахъ съ «Русскою Стариною», внутри ли Россіи или за границей, пусть каждая изъ нихъ непремѣнно пишетъ по одному разу въ недѣлю обязательно и, конечно, о всѣхъ дѣлахъ, до конторы и редакціи касающихся, какія составляютъ интересъ для меня.

«Для меня сто разъ лучше получить хотя и весьма краткую отповѣдь, самую лаконическую, на мои письма, но возможно частую и акуратную».

XVII.

Обѣды 19 Февраля.— Обѣды Полочанъ и Дворянъ.—Мысль объ устройствѣ библіотеки изъ трудовъ воспитанниковъ Полоцкаго кадетскаго корпуса и Дворянскаго Полка.— М. И. Семевскій, какъ членъ С.-Петербургскаго Общества Взаимнаго Кредита и его участіе въ ревизіонной коммисіи 1879 года.— Альбомъ «Знакомые.»—Близкіе люди къ М. И. Семевскому: И. Е. Андреевскій, А. П. Берже, Ѳ. Г. Солнцевъ.

По службѣ своей въ Главномъ Комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, М. И. Семевскій былъ приглашаемъ съ 1881 г. на такъ называемые обѣды 19-го Февраля, на которыхъ сходились, кромѣ бывшихъ членовъ редакціонныхъ коммисій, и другія лица, такъ или иначе причастныя къ дѣлу освобожденія крестьянъ.

Участіе Михаила Ивановича въ этихъ обѣдахъ не прошло безслѣдно. Первый обѣдъ членовъ редакціонныхъ коммисій состоялся въ Апрѣлѣ 1862 г. по случаю отъѣзда за границу Н. А. Милютина, по мысли котораго они стали устроиваться съ тѣхъ поръ ежегодно, 19-го Февраля, для чествованія этого знаменательнаго дня. О первыхъ четырехъ обѣдахъ этого кружка не сохранилось никакихъ свѣдѣній, но съ 1865 г. все происходившее на нихъ записывалось распорядителями. Семевскій, участвуя съ 1881 года въ этихъ обѣдахъ, заинтересовался замѣтками объ ихъ прошломъ и на основаніи ихъ составилъ очеркъ обѣдовъ 19-го Февраля за первые девятнадцать лѣтъ, который былъ напечатанъ имъ въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» за 1884 годъ.

Будучи избранъ въ предъидущемъ, 1883, году секретаремъ товарищескихъ собраній 19-го Февраля (онъ оставался имъ до самой

своей кончины), Михаилъ Ивановичъ сдѣлался ихъ «лѣтописцемъ» и изъ года въ годъ печаталъ въ своемъ журналѣ составлявшіеся имъ подробные отчеты о нихъ. Такимъ образомъ, благодаря Михаилу Ивановичу, осуществилось желаніе, выраженное иниціаторомъ этихъ собраній, Н. А. Милютинымъ, «чтобы воспоминанія объ этихъ дружескихъ собраніяхъ были записываемы и сохраняемы въ средѣ будущихъ тружениковъ по крестьянскому дѣлу.»

Личныя отношенія Семевскаго къ нѣкоторымъ дѣятелямъ крестьянской реформы были запечатлѣны искренностью и задушевностью, и онъ не упускалъ случая помянуть добрымъ словомъ тѣхъ изъ нихъ, которые отходили въ вѣчность, характеризуя каждаго изъ нихъ не только какъ дѣятеля общественнаго, но и какъ человѣка.

Какъ бывшій воспитанникъ Полоцкаго кадетскаго корпуса и Дворянскаго Полка, М. И. Семевскій принималъ также участіе въ товарищескихъ обѣдахъ бывшихъ воспитанниковъ этихъ военно-учебныхъ заведеній и неоднократно выступалъ на нихъ то съ тѣмъ, то съ другимъ полезнымъ предложеніемъ. Такъ, на одномъ изъ обѣдовъ Дворянъ и Константиновцевъ (14 Марта 1887 г.), имъ была высказана мысль о необходимости основать при библіотекѣ Константиновскаго военнаго училища (нынѣ 2-е Артиллерійское училище) особый отдѣлъ изъ трудовъ бывшихъ питомцевъ этихъ заведеній, чтобы увѣковѣчить память о тѣхъ изъ нихъ, которые потрудились въ области науки и литературы.

Мысль эта, поддержанная присутствовавшими, была приведена въ исполненіе. Семевскій пожертвовалъ въ означенную библіотеку свои историческіе труды и свое изданіе «Русская Старина». Этотъ отдѣлъ библіотеки Константиновскаго училища, основанный по его почину, заключаетъ въ настоящее время довольно много книгъ, брошюръ, оттисковъ отдѣльныхъ статей, принадлежащихъ перу бывшихъ Дворянъ и Константиновцевъ, и со временемъ составитъ драгоцѣнный матеріалъ для оцѣнки того умственнаго вклада, который внесли въ нашу жизнь питомцы названныхъ учебныхъ заведеній.

Достойно вниманія, что, за какое бы дѣло ни взялся Семевскій, онъ всегда относился къ нему въ высшей степени добросовѣстно и внимательно. Яркимъ примѣромъ этого можетъ служить его участіе въ дѣлахъ С.-Петербургскаго Общества Взаимнаго Кредита, пережи-

вавшаго въ концѣ семидесятыхъ годовъ сильный финансовый кризисъ, [1]) явившійся слѣдствіемъ обнаруженныхъ въ немъ крупныхъ безпорядковъ. Потери, понесенныя Обществомъ, доходили въ общемъ до трехъ милліоновъ рублей, кредитъ Общества былъ подорванъ, началось быстрое выбываніе членовъ, — болѣе тысячи заявленій было подано о желаніи выйти изъ Общества,—съ текущихъ счетовъ было снято около пятнадцати милліоновъ; положеніе Общества было въ высшей степени опасное.

«Робкія попытки, возникавшія въ средѣ членовъ Общества, на счетъ которыхъ отнесены были всѣ убытки, привлечь къ отвѣтственности членовъ Правленія и Совѣта, оставались безъ послѣдствій, встрѣтивъ сильное противодѣйствіе въ кругу лицъ, заправлявшихъ дѣлами Общества съ самаго его основанія.»

Въ это то время Семевскій, какъ членъ Общества, воспользовался принадлежавшимъ ему правомъ голоса и, примкнувъ къ небольшой группѣ лицъ, требовавшихъ назначенія немедленной ревизіи, произнесъ въ собраніи уполномоченныхъ Общества Взаимнаго Кредидита 28 Марта 1878 г. блестящую и обстоятельно мотивированную рѣчь, въ которой развилъ мысль о необходимости подвергнуть дѣйствія Общества строгому контролю, строгой ревизіи, о необходимости пересмотрѣть и исправить значительно устарѣвшій его уставъ и «изслѣдовать внутренній распорядокъ и дѣятельность этого учрежденія за нѣсколько лѣтъ, чтобы выяснить причины понесенныхъ Обществомъ потерь и предотвратить возможность повторенія ихъ въ будущемъ». Не смотря на то, что доводы, приведенные имъ въ своей рѣчи въ подтвержденіе вышеприведенныхъ требованій, были ясны и убѣдительны, его мнѣніе не одержало верха, причемъ нѣкоторыя лица даже утверждали, что ревизіонная комиссія «нанесетъ ущербъ Обществу разглашеніемъ его дѣлъ»и уронитъ достоинство Правленія. «До какой степени членами плохо сознавалась надобность назначенія ревизіи [2]), писалъ Михаилъ Ивановичъ въ одной замѣткѣ объ этомъ дѣлѣ», доказываетъ, что общимъ собраніемъ 22-го Марта 1878 г., большинствомъ 109 голосовъ противъ шестидесяти семи, отклонено мое и

[1]) См. докладъ ревизіонной коммисіи по отчету 1878 года С.-Петербургскаго Общества Взаимнаго Кредита и по объясненіямъ правленія по отчету 1877 г. СПБ. 1879 г.

[2]) «С.-Петерб. Вѣд.» 5 Сентября 1879 г. № 243.

прочихъ членовъ предложеніе объ учрежденіи ревизіонной коммисіи; наконецъ, въ собраніи 17-го Марта 1879 г., когда по предложенію, мною же поддержанному, приступлено было къ рѣшенію вопроса допускать ли учрежденіе ревизіонной комиссіи, — нашлось пятьдесятъ шесть лицъ изъ ста шестидесяти, которыя положили шары *противъ* назначенія ревизіи!»

Такимъ образомъ, только въ засѣданіи общаго собранія уполномоченныхъ 17 Марта 1879 г. была избрана ревизіонная комиссія для повѣрки отчета Правленія за предъидущіе годы, и, слѣдовательно, потребовался цѣлый годъ, чтобы высказанное Семевскимъ мнѣніе проникло въ сознаніе большинства.

Въ составъ ревизіонной комиссіи вошелъ и Семевскій, въ первомъ же засѣданіи единогласно избранный ея предсѣдателемъ. Занятія ревизіонной коммисіи, работавшей по группамъ и въ полномъ составѣ, подъ его предсѣдательствомъ, надъ повѣркою счетовъ и книгъ Общества, пошли такъ успѣшно, что, не смотря на многія неблагопріятныя обстоятельства и препятствія, какія ей пришлось встрѣтить при своихъ работахъ, какъ, напр., отказъ Правленія допустить разсмотрѣніе нѣкоторыхъ книгъ, въ теченіе одного мѣсяца она успѣла выполнить огромный трудъ по провѣркѣ всѣхъ операцій Общества и изслѣдовать ближайшія причины, обусловившія возможность происшедшей въ дѣлахъ Общества неурядицы. Въ докладѣ, представленномъ ревизіонной комиссіей 24 Апрѣля 1879 г., были обстоятельно изложены всѣ недостатки существовавшаго устава, обнаружена масса упущеній, невѣрностей, дутыхъ цифръ, почти по всѣмъ операціямъ Общества Взаимнаго Кредита, обращено особенное вниманіе на неудовлетворительное состояніе счетоводства и дѣлопроизводства, и указанъ рядъ мѣръ для поправленія дѣлъ и болѣе правильной организаціи дѣятельности Общества въ будущемъ, причемъ ревизіонная комиссія особенно настаивала на необходимости преобразовать счетоводство на болѣе современныхъ и раціональныхъ началахъ, имѣя въ виду, что правильное счетоводство должно составлять основу всякаго кредитнаго учрежденія.

Изъ этого доклада члены С.-Петербургскаго Общества Взаимнаго Кредита впервые познакомились съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ Общества, которое до тѣхъ поръ отъ нихъ тщательно скрывалось, и, такъ

какъ мѣры, предложенныя комиссіей для упорядоченія дѣлъ Общества, стали мало по малу приводиться въ исполненіе, то явилась надежда а затѣмъ и увѣренность, что печальные факты, пережитые Обществомъ въ 1877—79 годахъ, болѣе не повторятся. Мало по малу пошатнувшійся кредитъ возстановился, начался приливъ новыхъ членовъ, Общество вновь пріобрѣло утраченное довѣріе публики, и теперь дѣла его находятся въ блестящемъ положеніи.

Слѣдя за дѣятельностью М. И. Семевскаго, невольно удивляешься его изумительной энергіи и неутомимости въ трудѣ; въ этотъ же годъ (1879), когда онъ принималъ столь дѣятельное участіе въ дѣлахъ Общества Взаимнаго Кредита и усиленно работалъ во главѣ его ревизіонной комиссіи, онъ состоялъ еще на службѣ въ Государственной Канцеляріи, участвовалъ въ трудахъ С.-Петербургской училищной комиссіи и, какъ всегда, тщательно велъ изданіе своего журнала, вступившаго въ десятый годъ своего существованія.

Много замѣчательныхъ лицъ прошло въ двадцать два года (1870—1892) чрезъ кабинетъ редактора «Русской Старины»; въ назначенный пріемный день по дѣламъ редакціи, въ четвергъ, въ скромномъ кабинетѣ Михаила Ивановича, сверху до низу уставленномъ книгами и рукописями, можно было встрѣтить лучшихъ представителей нашей интеллигенціи: тутъ бывали государственные люди, ученые, писатели, артисты, вообще лица, пользовавшіяся извѣстностью на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ дѣятельности; объ этомъ краснорѣчиво говорятъ ихъ имена, внесенныя въ альбомъ М. И. Семевскаго, куда всѣ посѣщавшія его лица вписывали, по его просьбѣ, краткія автобіографическія замѣтки о себѣ.

Часть этого альбома, подъ заглавіемъ «Знакомые», была напечатана и выпущена въ продажу, причемъ вырученныя отъ продажи деньги предназначались въ пользу «Общества для пособія бѣднымъ учащимся въ начальныхъ городскихъ училищахъ въ С.-Петербургѣ.» [1]).

[1]) Упомянувъ объ этомъ изданіи, невольно вспоминаешь и тѣ нареканія, которыя посыпались на Михаила Ивановича при появленіи этой книги со стороны лицъ, которыя, расписываясь въ его «Альбомѣ», не предвидѣли, что ихъ бѣглыя, подъ часъ въ шутливомъ тонѣ изложенныя, замѣтки когда-либо появятся въ печати. Интересно сопоставить съ ними замѣтку, вписанную С. А. Венгеровымъ въ V томъ альбома «Знакомые», оставшемся, за смертью его владѣльца, въ рукописи. Замѣтимъ при этомъ, съ своей стороны, что Михаилъ Ивановичъ, приступая къ изданію этого «Альбома», руководился единственно желаніемъ сохранить въ немъ автобіографическія данныя и даты о современныхъ

О многихъ изъ этихъ лицъ сохранились въ записныхъ книжкахъ Семевскаго весьма интересныя замѣтки, отрывки бесѣдъ, но, къ сожалѣнію, воспользоваться этимъ драгоцѣннымъ матеріаломъ, по весьма понятнымъ причинамъ, является пока преждевременнымъ.

Изъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ Семевскій былъ особенно близокъ съ покойнымъ профессоромъ С.-Петербургскаго университета, Иваномъ Ефимовичемъ Андреевскимъ († 20 Мая 1891 г.), въ которомъ онъ потерялъ своего ближайшаго и самаго искренняго друга. Слѣдующія строки, внесенныя Иваномъ Ефимовичемъ въ альбомъ «Знакомые» (т. IV, стр. 9), свидѣтельствуютъ о его дружескомъ отношеніи къ Семевскому. «9 Мая 1888 г., С.-Петербургъ. На страницахъ альбома Михаила Ивановича Семевскаго, почетнаго члена Археологическаго института, вношу благодарственную замѣтку за его теплое отношеніе къ этому учрежденію, смѣло созданному незабвеннымъ Николаемъ Васильевичемъ Калачовымъ. Покойный Калачовъ, какъ оказывается, вѣрно разсчитывалъ, что Институту окажутъ поддержку интересующіеся Русской Стариною. Когда мнѣ пришлось, по необходимости, продолжать дѣло Калачова, я встрѣтилъ въ издателѣ «Русской Старины» ревностнаго поборника мысли Калачова, казавшейся весьма многимъ шаловливою затѣею. На страницахъ «Русской Старины» нашелся гостепріимный пріютъ если и не важнымъ, можетъ быть, до сихъ поръ, но трудолюбивымъ дѣяніямъ Археологическаго института, который въ лѣтопись свою, однако, внесъ краснорѣчивое сказаніе Михаила Ивановича Семевскаго о кн. Щербатовѣ и заручился его добрымъ обѣщаніемъ выносить по временамъ свои сокровища изъ собственнаго архива и дѣлиться имъ съ нашими архивистами. А число нашихъ милыхъ архивистовъ съ каждымъ годомъ растетъ и растетъ, и теперь

дѣятеляхъ, какъ драгоцѣнный справочный матеріалъ, а отнюдь не имѣлъ въ виду тѣхъ побочныхъ цѣлей, какія были ему приписаны по поводу этого изданія. Вотъ что занесено С. А. Венгеровымъ въ этотъ «Альбомъ» 27 Сентября 1890 г.: «Появившіяся въ нѣкоторыхъ изданіяхъ нападки на «Альбомъ М. И. Семевскаго» считаю совершенно нелѣпыми. Никого изданіе въ свѣтъ «Альбома» не скомпрометировало, а между тѣмъ въ общемъ получился драгоцѣннѣйшій сборникъ свѣдѣній о современникахъ. Лично мнѣ «Альбомъ» неоднократно оказывалъ своими датами самую серьезную помощь. Настоятельно совѣтую Михаилу Ивановичу издать дальнѣйшіе томы его высоко-любопытнаго сборника автобіографическихъ свѣдѣній».

уже видно значительное ядро, дѣйствительно, интересующееся дѣлами минувшаго, не только разрабатывающее ихъ, но и плѣняющееся ими. Будетъ время, когда изъ этой плеяды наростающихъ архивистовъ составится цѣльный букетъ, который соберется на страницахъ уважаемой и любимой архивистами «Русской Старины.» Директоръ Археологическаго института профессоръ И. Андреевскій.»

Къ числу лицъ, съ коими Семевскій былъ связанъ узами дружбы, принадлежалъ также бывшій предсѣдатель Кавказской Археографической Коммисіи, Адольфъ Петровичъ Берже, который познакомился съ нимъ въ 1872 г., принявъ участіе въ «Русской Старинѣ» сообщеніемъ отдѣльныхъ монографій изъ исторіи русскаго владычества на Кавказѣ. Въ каждый свой пріѣздъ въ Петербургъ Адольфъ Петровичъ часто и подолго видѣлся и бесѣдовалъ съ Михаиломъ Ивановичемъ, а въ бытность свою на Кавказѣ неизмѣнно переписывался съ нимъ, и только его кончина въ 1886 г. прервала ихъ многолѣтнія дружескія отношенія.

31-го Января 1886 г. не стало А. П. Берже, и въ томъ же году смерть похитила еще одного человѣка, который постоянно оказывалъ Семевскому особое расположеніе и имѣлъ огромное вліяніе на его развитіе и карьеру; мы говоримъ о бывшемъ министрѣ народнаго просвѣщенія и ближайшемъ сотрудникѣ великаго князя Константина Николаевича, А. В. Головнинѣ († 3 Ноября 1886 г.). Въ его домѣ М. И. Семевскій встрѣчался въ теченіе двадцати лѣтъ (1866—1886) со многими высоко образованными личностями, съ дѣятелями государственными, съ людьми науки, и нерѣдко подолго бесѣдовалъ съ самимъ просвѣщеннымъ хозяиномъ дома о событіяхъ прошлаго. У А. В. Головнина же онъ познакомился съ А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, С. М. Жуковскимъ, В. А. Арцимовичемъ и другими дѣятелями крестьянской реформы, по совѣту и при содѣйствіи которыхъ состоялось опредѣленіе его на службу въ Государственную Канцелярію, упрочившее его служебное положеніе.

Весьма близкимъ лицомъ къ редакціи «Русской Старины» былъ также почтенный профессоръ археологической живописи Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ, о которомъ мы находимъ въ автобіографическихъ замѣткахъ Михаила Ивановича слѣдующую интересную страничку:

«Въ пріемный день въ моей редакціи, въ четвергъ 31 Марта 1883 г., какъ это не рѣдко бываетъ, сошлось у меня нѣсколько стариковъ; на этотъ разъ было двое: Дмитрій Ивановичъ Гиліусъ и Александръ Ивановичъ Наставинъ, кандидаты Московскаго Университета 1843 г., т. е. одного выпуска съ Герценомъ, Огаревымъ, профессоромъ Горловымъ, профессоромъ Бѣляевымъ и другими замѣчательными людьми. Эти два старика впервые встрѣтились у меня чуть не послѣ двадцати лѣтъ разлуки. При нихъ же явился профессоръ археологической живописи Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ, мой давній другъ и почитатель моего изданія. Ѳедоръ Григорьевичъ пришелъ, между прочимъ, посовѣтоваться со мною, что ему отвѣчать на письмо къ нему нынѣшняго директора Оружейной Палаты въ Москвѣ, самую фамилію котораго ни Солнцевъ, ни я не могли разобрать подъ письмомъ. Увѣдомляя старика-археолога, что множество рисунковъ акварельной живописи, составлявшее громадное, до трехъ тысячъ листовъ, собраніе Солнцева для знаменитаго изданія, вышедшаго на средства Императора Николая Павловича лѣтъ сорокъ назадъ, «Древности Россійскаго Государства», именно рисунки, въ количествѣ нѣсколькихъ сотенъ, не попавшіе въ помянутое изданіе, такъ какъ таковое, за смертью Императора Николая Павловича и за прекращеніемъ отпуска денегъ изъ Министерства Императорскаго Двора, прекратилось, нынѣ, послѣ многихъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ считались затерявшимися въ складахъ Министерства, найдены, увѣдомляя объ этомъ, директоръ проситъ Ѳедора Григорьевича Солнцева присоединить къ этой находкѣ и всѣ остальные рисунки древности и костюмовъ русскихъ людей прежняго времени, какіе только остались въ частномъ собраніи Ѳедора Григорьевича. Само собою разумѣется, что безвѣстный для насъ обоихъ директоръ Оружейной Палаты, чуть ли не съ иностранною фамиліею, просилъ сдѣлать этотъ вкладъ въ Оружейную Палату совершенно даромъ. Солнцевъ, получающій довольно маленькую пенсію, не свыше, кажется, тысячи пятисотъ рублей и имѣющій внучекъ отъ брата своего, да и вообще живущій крайне скромно, чуть не бѣдно, выразилъ колебаніе разстаться со своими собственными рисунками, единственнымъ наслѣдствомъ, которое онъ можетъ оставить своимъ родственникамъ.

— «Тѣмъ болѣе», говорилъ онъ намъ, — съ чего я стану жертвовать

учрежденію, хотя бы по коллекціямъ своимъ крайне полезному для отечественной археологіи и исторіи, но столь небрежно управляемому, что оно, въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, не могло розыскать ему принадлежащіе прежніе мои рисунки для изданія «Древности Россійскаго Государства»; не позаботилось оно и о томъ, чтобы выхлопотать средства на продолженіе сего монументальнаго изданія». Мнѣ ничего не оставалось, какъ подкрѣпить Солнцева въ его колебаніи, и кончили мы на томъ, что онъ озаботится принести въ даръ эти рисунки самому Государю Императору, причемъ надѣется получить какое-либо вниманіе отъ Четвертаго Монарха, которому ему въ своей жизни доводится служить. Солнцева не можетъ не огорчать то невниманіе, которое являютъ къ нему всѣ заправители художественныхъ предпріятій въ *русскомъ стилѣ* въ послѣдніе десять-пятнадцать лѣтъ; онъ обиженъ тѣмъ, что при этомъ всегда обращаются либо къ молодежи, либо къ полунѣмцамъ и даже французамъ, точно полагаютъ, что Солнцева уже нѣтъ на свѣтѣ. А между тѣмъ никто другой, какъ онъ, положилъ основаніе археологической живописи; онъ — дѣйствительный знатокъ древней русской живописи и памятниковъ нашей старины, выражающихся въ одеждѣ, обуви, вооруженіи, принадлежностяхъ домашней жизни и въ другихъ особенностяхъ быта нашихъ предковъ. Труды Солнцева въ этомъ отношеніи, вышедшіе изъ-подъ его прелестной акварельной кисточки, навсегда останутся неизсякаемымъ источникомъ для вдохновенія и подражанія живописцамъ и архитекторамъ, рѣзчикамъ и лѣпщикамъ, скульпторамъ, литейщикамъ и столярамъ, созидающимъ что-либо въ области ихъ художества и ремеслъ, дѣйствительно, въ русскомъ вкусѣ, въ русскомъ стилѣ. Солнцевъ такъ еще бодръ и такъ еще свѣжъ, что могъ бы сослужить большую службу при нынѣшнихъ приготовленіяхъ къ празднествамъ коронаціи въ Москвѣ, возстановляя убранство храмовъ, дворцовыхъ залъ и созидая декораціи на площадяхъ и улицахъ и проч., и проч. Но о немъ, повторяю, совершенно забыли. А Ѳедоръ Григорьевичъ все еще живетъ да живетъ, почти каждую недѣлю пріѣзжаетъ ко мнѣ съ седьмой улицы Песковъ на простомъ извозчикѣ, спокойный, бодрый и веселый.

«— Откройте мнѣ секретъ свой, Ѳедоръ Григорьевичъ, спрашиваю я его. — Какъ вы сохранили себя до девятаго десятка?

«— Очень просто-съ, отвѣчалъ старикъ, по обычаю потирая

себѣ руки, — очень просто. Средствъ къ тому употреблялъ немного: во-первыхъ, я никогда не наѣдался и не наѣдаюсь до сыта, такъ что, вставая изъ-за стола послѣ завтрака и обѣда (ѣмъ всего только два раза въ день), я всегда чувствую себя не вполнѣ сытымъ. Такимъ образомъ, даю желудку работу, умѣренную и соотвѣтственную его силамъ; во-вторыхъ, вовсе не пью вина и не курю; въ-третьихъ, хотя веду жизнь совершенно сидячую, но полночь застаетъ меня всегда въ постели; вообще, во всѣхъ отношеніяхъ, веду жизнь самую умѣренную. И, вотъ, кто знаетъ, быть можетъ, я этому обязанъ, что имѣю удовольствіе на восемьдесятъ третьемъ году жизни читать безъ очковъ «Русскую Старину».

«Мы знали Ѳедора Григорьевича въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ», писалъ Михаилъ Ивановичъ, нѣсколько лѣтъ спустя, по случаю кончины этого маститаго старца («Новости» 5 Марта 1892 г.), — «это былъ ближайшій другъ редакціи «Русской Старины»; еженедѣльно видѣли мы его у себя. Всегда бодрый, Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ охотно углублялся въ живые разсказы и воспоминанія о временахъ Александра I и Николая I и о современныхъ ему русскихъ дѣятеляхъ... Заставки и виньетки, украшающія книги «Русской Старины», были однимъ изъ послѣднихъ, по времени, трудовъ Ѳедора Григорьевича. Его дружбѣ мы обязаны также тѣмъ, что еще въ 1876 году онъ сообщилъ намъ во всей подробности свою автобіографію [1]). Для насъ потеря Ѳедора Григорьевича такъ велика, что мы не въ силахъ продолжать наши строки... Онъ такъ любилъ нашъ трудъ — «Русскую Старину», что на прекрасномъ живописномъ портретѣ, исполненномъ его ученикомъ, художникомъ Г. Поляковымъ, Ѳедоръ Григорьевичъ пожелалъ увѣковѣчить привязанность свою къ «Русской Старинѣ», изобразивъ себя съ книгою этого изданія. Копія съ этого портрета, по желанію Ѳедора Григорьевича, была исполнена тѣмъ же художникомъ для редакціи «Русской Старины».

М. И. Семескій пережилъ маститаго своего друга, Ѳедора Григорьевича Солнцева всего на три дня. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ къ дочери, въ Ницу, отъ 6-го Марта 1892 года, снимокъ котораго приложенъ въ концѣ настоящей книги, онъ трогательно описываетъ кончину даровитаго старца:

---

[1]) Благодаря появленію этой автобіографіи, всѣми забытаго художника вспомнили и чествовали по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его служенія искуству.

«3-го Марта скончался общій другъ нашей семьи—Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ. Еще въ послѣдній четвергъ, 27-го Февраля, онъ у меня былъ, бодрый и веселый по обыкновенію; 3-го Марта ѣздилъ за пенсіей, въ Гостиный Дворъ; въ семь часовъ вечера былъ у него гость Далматовъ, занимающійся собираніемъ старинныхъ кружевъ и ихъ рисунковъ, а въ четверть девятаго Ѳедоръ Григорьевичъ зашатался, прилегъ, два раза охнулъ, жалуясь на боль головы, и въ 10 часовъ безъ четверти скончался, самъ закрывъ глаза и сложивъ руку въ крестное знаменіе; умеръ праведникомъ».

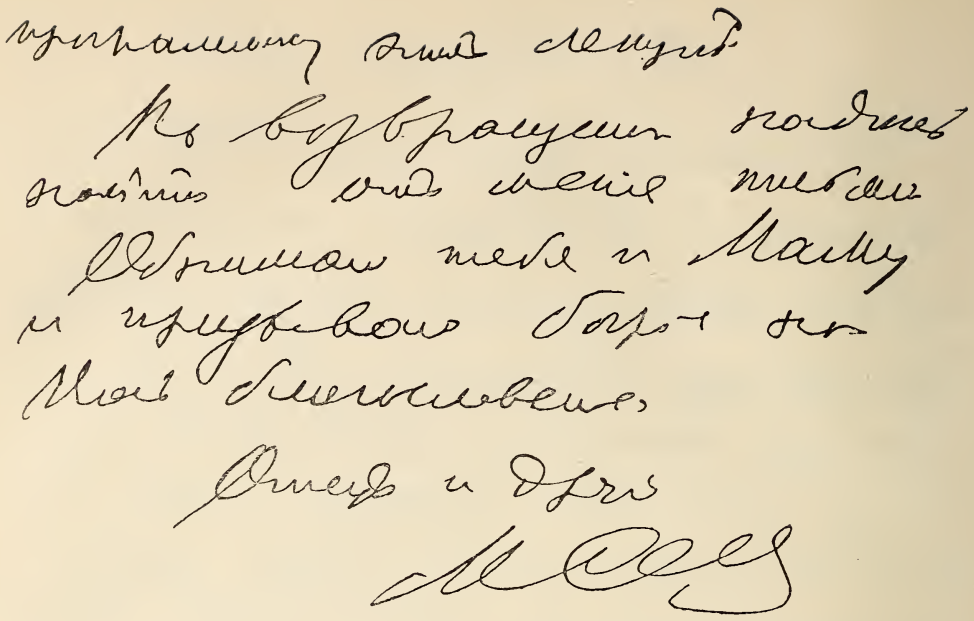
Невольно вспоминается по поводу этой кончины, какъ Семевскій, глубоко уважая и любя почтеннаго старца, не разъ говаривалъ ему, шутя, что считаетъ его геніемъ-хранителемъ своего журнала и вполнѣ увѣренъ, что, пока Ѳедоръ Григорьевичъ живъ и посѣщаетъ редакцію, «Русскую Старину» не постигнетъ никакая бѣда. Эти слова оказались пророческими. 3-го Марта 1892 года не стало Солнцева, а 9-го числа того же мѣсяца «Русскую Старину» постигло тяжкое горе — преждевременная кончина ея редактора! Невольно вспомнились вѣщія слова Михаила Ивановича и пріобрѣли особо трогательное значеніе, когда за панихидой, отслуженной въ Археологическомъ институтѣ по случаю кончины двухъ почетныхъ членовъ его — Ѳедора Григорьевича Солнцева и Михаила Ивановича Семевскаго, имена «новопреставленныхъ боляръ Ѳедора и Михаила» слились въ общей молитвѣ объ упокоеніи ихъ душъ.

6 Марта 1892

Безцѣнный другъ мой Павелъ Ивановичъ! 3го Марта скончался общій другъ нашей семьи — Федоръ Григорьевичъ Солнцевъ. Еще въ четвергъ наканунѣ; 27го февраля, онъ у меня былъ бодрый и веселый по обыкновенію; — 3 Марта пробылъ у [illegible], въ Потѣшномъ дворцѣ; въ 7 вечера былъ у него глазной докторъ, замѣтившій образованіе старческаго пузыря и катаракты, а въ 1/4 9го Ф. Г. задремалъ, прилегъ, [illegible] [illegible] [illegible] боль [illegible] и въ 11 часовъ безъ четверти — скончался сохранивъ память и ясность ума [?] въ полномъ сознаніи. — Умеръ — праведникомъ.

Любимаго моего стариба [?] и незабвеннаго [?]

Сегодня иду въ Политехнич. [?] музей [?] на двѣ лекціи К. М. Соколова [?] — Петръ Великій. — по приглашенію Морского Министерства. — Преданнаго —



Послѣднее письмо Михаила Ивановича къ дочери полученное въ Ниццѣ 10-го Марта

XVIII.

Ухудшеніе здоровья М. И. Семевскаго.—Лекція въ Кронштадтѣ.—Болѣзнь.—Предсмертные часы.—Кончина М. И. Семевскаго.—Прибытіе тѣла покойнаго въ Петербургъ.—Похороны.—Характеристика М. И. Семевскаго.

Неустанные труды по изданію журнала, волненія и непріятности, съ коими бываетъ сопряжена всякая общественная дѣятельность, преждевременно подорвали силы Михаила Ивановича; его здоровье было окончательно потрясено смертью его старшей дочери Татьяны († 1888 г.). Эта молодая дѣвушка, скончавшаяся на шестнадцатомъ году жизни, во многомъ походила на отца, была не по лѣтамъ серьезна, подобно ему, любила занятія, чтеніе, чрезвычайно интересовалась отечественной исторіей, дѣлала попытки переводовъ съ иностранныхъ языковъ, и Михаилъ Ивановичъ надѣялся имѣть въ ней со временемъ дорогую для него помощницу въ своихъ трудахъ по изданію журнала. Потеря дочери была страшнымъ ударомъ для него; онъ не могъ безъ слезъ вспоминать о понесенной утратѣ, не могъ примириться съ нею и старался найти утѣшеніе въ упорномъ трудѣ.

Болѣзненныя измѣненія въ сердцѣ еще за полтора года до кончины М. И. Семевскаго внушали лѣчившему его доктору Головину [1]) серьезныя опасенія на счетъ его здоровья: онъ сталъ нервенъ, нетерпѣливъ и раздражителенъ, нерѣдко чувствовалъ мучительное стѣсненіе въ груди и вполнѣ сознавалъ ухудшеніе своего здоровья.

[1]) Подробности о болѣзни и кончинѣ Михаила Ивановича заимствованы изъ его некролога, помѣщеннаго въ «Русской Старинѣ» 1892 года.

«Такъ, въ половинѣ Декабря 1891 г., отмѣтивъ въ своемъ дневникѣ какой-то неважный фактъ, вызвавшій въ немъ сильный припадокъ нервнаго раздраженія, онъ прибавляетъ: «Я вновь убѣждаюсь, что тяжко боленъ сердцемъ». Въ концѣ этого мѣсяца онъ былъ страшно огорченъ тѣмъ, что двѣ статьи, набранныя для январьской книги «Русской Старины», не могли появиться въ свѣтъ по независящимъ отъ редакціи причинамъ. 14-го Января онъ написалъ въ дневникѣ: «Тяжелое состояніе духа». 19-го Января, въ письмѣ къ І. В. Бертенсону, онъ выражается такъ: «Конецъ дней моихъ, увы, кажется, довольно близокъ, такъ какъ по состоянію здоровья чувствую, что скоро переселюсь въ тотъ блаженный край, гдѣ нѣтъ печали и воздыханія, и гдѣ прогуливается громадная толпа сотрудниковъ «Русской Старины», посмертные труды которыхъ украшаютъ страницы этого изданія» [1]).

Въ то же время онъ чрезвычайно много работалъ для Думы и волновался по поводу извѣстнаго дѣла о мукѣ, полубольной участвуя въ засѣданіяхъ хлѣбной комиссіи.

Въ концѣ Февраля 1892 г. онъ заболѣлъ инфлуэнцей, нѣсколько дней долженъ былъ просидѣть дома, но и въ это время не давалъ себѣ отдыха, усиленно подготовляясь къ двумъ лекціямъ, которыя, по приглашенію Морскаго Общественнаго Собранія, обѣщалъ прочесть въ Кронштадтѣ 6 и 7 Марта.

4-го Марта, еще не вполнѣ оправившись отъ простуды, Михаилъ Ивановичъ былъ на погребеніи В. М. Ведрова и прошелъ за гробомъ пѣшкомъ отъ Васильевскаго острова до Казанской улицы, притомъ, половину дороги съ непокрытой головою. Въ то же утро онъ былъ чрезвычайно опечаленъ извѣстіемъ о внезапной кончинѣ его друга Ѳ. Г. Солнцева.

Некрологъ покойнаго Ѳедора Григорьевича, продиктованный стенографу («Новости» 1892, № 64), былъ послѣднею литературною работою Семевскаго.

Утромъ 6-го Марта, Михаилъ Ивановичъ отправился въ Кронштадтъ, откуда ему уже не суждено было вернуться живымъ.

Лекція о Петрѣ Великомъ, которую онъ долженъ былъ прочесть

[1]) «Русская Старина» 1892 года. Апрѣль.

въ тотъ же вечеръ, обѣщала быть въ высшей степени интересной и привлекла массу публики [1]). Встрѣченный громомъ рукоплесканій, онъ приступилъ къ чтенію. Первая половина лекціи была прочитана, по общимъ отзывамъ, превосходно, хотя Михаилъ Ивановичъ чувствовалъ уже нѣкоторое недомоганіе; но во время перерыва онъ почувствовалъ себя очень дурно. «Точно оборвалось что-то въ груди!», говорилъ онъ потомъ. Тѣмъ не менѣе, сдѣлавъ усиліе надъ собою, онъ прочелъ и вторую половину, но голосъ его ослабѣлъ, и онъ не разъ хватался за голову и бокъ».

Приглашенный къ больному врачъ, К. И. Погобицкій, нашелъ у него крупозное воспаленіе легкихъ, развившееся на почвѣ инфлуэнцы. Не смотря на самый заботливый уходъ и безотлучное присутствіе двухъ врачей, воспаленіе легкихъ, вызванное сильной простудою при переѣздѣ моремъ, осложнилось внезапнымъ упадкомъ дѣятельности не вполнѣ нормальнаго сердца, и на выздоровленіе Михаила Ивановича на другой день его болѣзни уже не было никакой надежды. Но утромъ 9-го Марта ему стало настолько лучше, что онъ разговаривалъ совершенно сознательно и сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія по дѣламъ редакціи.

Но часовъ съ 12-ти дня ему стало гораздо хуже, и, по соглашенію съ докторомъ Погобицкимъ, нашли нужнымъ телеграфировать въ Петербургъ доктору Головину и просить его навѣстить больнаго. Од-

[1]) Приведемъ здѣсь дословно программы двухъ лекцій, которыя Михаилъ Ивановичъ долженъ былъ прочесть въ Кронштадтѣ.

Программа 1-й лекціи: «*Царь Петръ Алексѣевичъ и ближніе къ нему люди въ 1682—1709 г.г.* Русскіе люди въ эпоху преобразованія Россіи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в.в.—Царь Петръ Алексѣевичъ въ различные моменты его жизни до Полтавской побѣды—въ отзывахъ и характеристикахъ его современниковъ и въ его собственныхъ о себѣ показаніяхъ. (Письма и бумаги Петра Великаго, собранныя академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ).—Иконографическія изображенія (гравюры — портреты) царя Петра въ изданіи Д. А. Ровинскаго.—Ближніе люди Царя Петра въ его дѣтствѣ и юности.

Программа II-ой лекціи: «Соратники Петра Великаго въ его первыхъ походахъ.—Новыя данныя къ характеристикѣ первыхъ лѣтъ царствованія Петра. — Спутники его за границей.—Первые шаги реформъ по возвращеніи въ отечество. — Птенцы и сподвижники Великаго Государя и его противники въ отзывахъ ихъ современниковъ и въ иконографическихъ изображеніяхъ (гравюра той же эпохи). — Время, полное великихъ событій, выдвигаетъ и дѣятелей мощныхъ силами.—Заключеніе.

Примѣчаніе: Чтеніе будетъ сопровождаться изображеніями на экранѣ волшебнаго фонаря гравюръ Петровскаго времени изъ собранія Д. А. Ровинскаго и Императорской Публичной Библіотеки.

нако, затѣмъ, положеніе больнаго стало такъ быстро ухудшаться, что оба доктора, ухаживавшіе за нимъ, потеряли всякую надежду на выздоровленіе. Больной сильно мучился, пробовалъ прилечь, но тотчасъ же вновь садился, воскликнулъ однажды: «Какая каторга»! Возможность смерти онъ предчувствовалъ [1])».

Въ пятомъ часу онъ сказалъ брату, Василію Ивановичу Семевскому, пріѣхавшему наканунѣ изъ Петербурга: «Вася, я умираю», и черезъ полчаса, въ началѣ шестого, его не стало.

Скончался М. И. Семевскій, какъ и большинство нашихъ дѣятелей, преждевременно: ему едва исполнилось (4 Января 1892 г.) 55 лѣтъ.

Въ среду 11-го Марта, въ 4 ч. пополудни, тѣло покойнаго было привезено въ Петербургъ. На вокзалѣ Балтійской желѣзной дороги собрались встрѣтить его представители печати, члены городскаго управленія, родные и знакомые.

Депутація отъ товарищей по бывшему Дворянскому Полку, гдѣ Михаилъ Ивановичъ окончилъ свое образованіе, и отъ л.-гв. Павловскаго полка, въ которомъ онъ началъ службу, возложили на гробъ вѣнки съ подобающими надписями.

Печальную колесницу сопровождали до Новодѣвичьяго монастыря, куда было перевезено тѣло Михаила Ивановича, мальчики и дѣвочки изъ нѣсколькихъ городскихъ школъ, въ которыхъ покойный былъ попечителемъ, и ремесленное училище цесаревича Николая со своимъ директоромъ во главѣ.

Въ церкви обители была отслужена панихида.

На слѣдующій день, 12-го Марта, было совершено отпѣваніе и погребеніе М. И. Семевскаго при большомъ стеченіи публики, прибывшей отдать послѣдній долгъ почившему литератору и общественному дѣятелю. На гробъ была возложена масса вѣнковъ [2]).

---

[1]) «Русская Старина» 1892 года. Апрѣль.

[2]) Отъ товарищей «Дворянъ и Константиновцевъ», отъ «Павловцевъ»—«Старому однополчанину», отъ редакціи «Вѣстника Европы», отъ Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній, отъ СПБ. Думы, отъ членовъ городской коммисіи по народному образованію, отъ служащихъ въ СПБ. городскомъ управленіи съ надписью: «Доброму человѣку», отъ совѣта Дома призрѣнія ремесленнаго образованія бѣдныхъ дѣтей, отъ 1-го Коломенскаго женскаго училища,—«незабвенному попечителю», отъ второй частной профессіональной школы. Особенно выдѣлялись вѣнки «отъ преданныхъ друзей кн. Ѳ. А. и княг. С. В. Куракиныхъ» и отъ СПБ. Городской Думы.

Въ девятый день на могилу былъ возложенъ еще вѣнокъ отъ «товарищей-полочанъ».

Михаилъ Ивановичъ погребенъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря рядомъ съ могилою своей преждевременно скончавшейся дочери.

Когда въ Городской Думѣ Городской Голова заявилъ 18 Марта 1892 г. о кончинѣ М. И. Семевскаго и объ его заслугахъ для городскаго общественнаго дѣла, то предсѣдатель училищной коммисіи, профессоръ М. М. Стасюлевичъ, очертивъ особыя заслуги Михаила Ивановича, какъ дѣятеля по народному образованію, доложилъ Думѣ, что комиссія, принимая въ соображеніе всѣ заслуги М. И. Семевскаго, поручила ему «ходатайствовать предъ Думою о разрѣшеніи ей посвятить памяти покойнаго два училища въ Коломенской части, гдѣ онъ былъ завѣдывающимъ, изъ числа тѣхъ десяти, на открытіе которыхъ Думою уже сдѣлана ассигновка». Ходатайство Училищной коммисіи было удовлетворено; изъ двухъ школъ, посвященныхъ памяти Михаила Ивановича, одна помѣщается на Офицерской улицѣ, а другая въ Измайловскомъ полку.

Рѣдко можно встрѣтить человѣка съ такою разносторонею дѣятельностью, какую проявлялъ Семевскій. Казалось бы, огромный трудъ по изданію журнала долженъ былъ поглощать все его время, а между тѣмъ въ то же время онъ несъ службу въ Государственной Канцеляріи, принималъ въ качествѣ гласнаго близкое участіе въ занятіяхъ С.-Петербургской Городской Думы, былъ дѣятельнѣйшимъ членомъ ея училищной комиссіи, заботился о преуспѣяніи образованія въ своемъ родномъ городѣ, въ Великихъ Лукахъ, принималъ активное участіе въ работахъ попечительнаго совѣта Реальнаго Училища и женской прогимназіи, участвовалъ въ засѣданіяхъ разныхъ ученыхъ обществъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ читалъ свои доклады и рефераты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ дѣятельнымъ членомъ многихъ благотворительныхъ обществъ [1]).

[1]) Таковы: Общество для пособія бѣднымъ женщинамъ въ С.-Петербургѣ, въ которомъ онъ былъ товарищемъ предсѣдательницы, Приходское Благотворительное Общество церкви Вознесенія (Михаилъ Ивановичъ состоялъ членомъ совѣта этого Общества и принималъ живое и дѣятельное участіе въ его дѣлахъ), Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, Общество земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ, Общество для вспомоществованія нуждающимся студентамъ медико-хирургической академіи, Общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ С.-Петербургскаго университета, Александро-Невское братство, Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, Общество для пособія учащимся въ С.-Петербургскихъ городскихъ училищахъ, Общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, Петербургскій Отдѣлъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета, Славянскій Благотворительный Комитетъ въ Москвѣ; Прибалтійское Спасское Братство, Общество доставленія дешевыхъ квартиръ.

По истинѣ, надо было обладать удивительнымъ запасомъ энергіи, любви къ труду и большимъ желаніемъ посильно служить обществу, чтобы съ успѣхомъ подвизаться на столь разнообразныхъ поприщахъ.

Трудясь всю жизнь съ перомъ въ рукахъ, М. И. Семевскій отнюдь не былъ кабинетнымъ работникомъ или ученымъ въ строгомъ смыслѣ этого слова: онъ былъ талантливый популяризаторъ знанія и, по своему живому темпераменту, охотно увлекался общественною дѣятельностью, но во всякой сферѣ дѣятельности, до конца жизни, оставался вѣренъ своимъ основнымъ убѣжденіямъ, какъ горячій сторонникъ реформъ императора Александра II и поборникъ просвѣщенія.

Выдающеюся чертою его характера была замѣчательная доброта, отзывчивость ко всякой обращенной къ нему просьбѣ, соединенная съ рѣдкою доступностью. Это могутъ засвидѣтельствовать всѣ тѣ, кому приходилось работать у Михаила Ивановича или обращаться къ нему съ какою-либо просьбою. Не говоря уже о томъ, что онъ всегда былъ готовъ поддержать болѣе или менѣе близкихъ къ нему людей, поддержать ихъ матеріально и нравственно, похлопотать за нихъ во всевозможныхъ учрежденіяхъ, когда представлялась въ томъ надобность, онъ тратилъ массу денегъ на помощь нуждающимся вообще. Особенно охотно онъ помогалъ учащейся молодежи, оказывая эту помощь въ самой деликатной формѣ; лицамъ, служившимъ въ редакціи «Русской Старины», хорошо извѣстно, что молодые люди, въ особенности, студенты, нуждавшіеся въ работѣ, никогда не встрѣчали со стороны Михаила Ивановича отказа; если случалось, что въ данную минуту въ редакціи работы не было, то, не желая отказать просившему и не считая себя въ правѣ предложить ему денежное пособіе, Семевскій положительно создавалъ работу, извлекая съ этою цѣлью изъ своего архива болѣе или менѣе объемистую рукопись и предлагая ее для переписки, не взирая на то, что въ редакціи уже имѣлась копія съ нея, и тутъ же выдавалъ въ счетъ работы часть гонорара впередъ.

Въ архивѣ «Русской Старины» понынѣ хранится по двѣ и даже по три копіи съ нѣкоторыхъ рукописей и документовъ, происхожденіе которыхъ объясняется только этой гуманной и деликатной чертою его характера.

Не смотря на то, что Семевскій былъ усиленно занятъ, каждый,

встрѣчавшій надобность въ немъ, требовавшій, такъ сказать, его помощи, въ особенности, учителя и учительницы городскихъ школъ, могъ быть увѣренъ, что онъ всегда приметъ его, не заставивъ дожидаться. Случалось, что, встревоженный или озабоченный какою-нибудь неудачею въ Думѣ или по дѣламъ редакціи, онъ встрѣчалъ посѣтителя нахмурившись, начиналъ говорить нервно и раздражительно, но, послѣ нѣсколькихъ словъ, входилъ въ положеніе говорившаго и, въ концѣ концовъ, или давалъ ему добрый совѣтъ, или вообще, такъ или иначе, исполнялъ обращенную къ нему просьбу.

Экономный и акуратный во всемъ, Михаилъ Ивановичъ не умѣлъ ограничивать себя только въ двухъ случаяхъ: когда дѣло шло о пріобрѣтеніи интересовавшей его книги или рукописи и объ оказаніи помощи нуждающемуся.

Въ своемъ обращеніи онъ былъ весьма простъ и сердеченъ, но болѣзненность и переутомленіе, явившіяся слѣдствіемъ чрезмѣрныхъ занятій, сдѣлали его характеръ въ послѣдніе годы его жизни весьма неровнымъ и вызывали въ немъ припадки раздражительности, иной разъ сильно огорчавшіе самыхъ преданныхъ ему людей.

Другою выдающеюся чертою характера М. И. Семевскаго была удивительная энергія и выдержка въ трудѣ. Вся его разнообразная дѣятельность свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ относился ко всякому дѣлу съ величайшими рвеніемъ и горячностью, не щадя ни времени, ни силъ, чтобы разработать его во всѣхъ подробностяхъ. Только благодаря этой удивительной энергіи и упорному труду, онъ завоевалъ себѣ то прочное и видное положеніе въ обществѣ, на которое не могъ разсчитывать, вступая въ жизнь безъ всякихъ средствъ и связей. Любовь къ труду и стремленіе совершенствоваться и пополнять свои знанія не покидали его до конца жизни; въ этомъ отношеніи его энергія и сила воли были на столько велики, что еще за годъ до смерти онъ отводилъ ежедневно нѣкоторое время изученію нѣмецкаго языка: дѣлалъ переводы, заучивалъ слова, писалъ подъ диктовку и всегда съ удовольствіемъ говорилъ о дѣлаемыхъ имъ успѣхахъ.

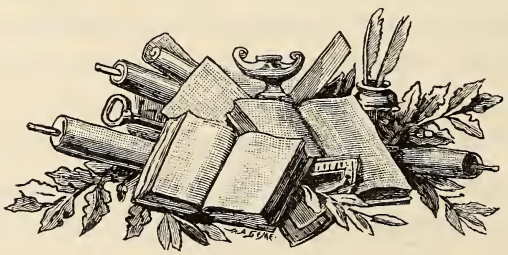
Дѣятельность Семевскаго была такъ разнообразна, затрогивала такъ много сторонъ общественной жизни и, главное, такъ близка къ намъ по времени и соприкасалась со столь обширнымъ кругомъ лицъ, изъ

которыхъ многіе здравствуютъ и по нынѣ, что, въ силу необходимости, настоящая біографія его должна грѣшить нѣкоторою неполнотою.

По этой же причинѣ многое изъ его чрезвычайно интересныхъ замѣтокъ, скажемъ даже, наиболѣе интересныя изъ нихъ, до поры до времени не могутъ появиться въ печати.

У Михаила Ивановича, какъ у всякаго человѣка, конечно, были свои недостатки, съ которыми приходилось считаться, но въ основѣ его дѣятельности лежала безупречная честность, и личные недостатки, каковы бы они ни были, не могутъ умалить ни его крупныхъ заслугъ передъ русскимъ обществомъ и наукою, ни тѣхъ рѣдкихъ достоинствъ, коими отличался его нравственный обликъ.

Онъ былъ вѣрный и преданный слуга своего отечества, истинный патріотъ въ лучшемъ, благороднѣйшемъ, смыслѣ этого слова; надо надѣяться, что его имя никогда не будетъ забыто въ области науки, общественной и издательской дѣятельности: вездѣ онъ внесъ много полезныхъ начинаній, вездѣ оставилъ плоды своихъ многолѣтнихъ трудовъ, и его жизнь можетъ служить прекраснымъ, достойнымъ подражанія, примѣромъ того, какъ много полезнаго можетъ сдѣлать человѣкъ, чего онъ въ состояніи достигнуть, когда онъ преисполненъ энергіи, трудолюбія и желанія отдать всѣ силы на служеніе отечеству.



ПРИЛОЖЕНІЯ.

Письма къ М. И. Семевскому подписчиковъ, сотрудниковъ, друзей и знакомыхъ.

Печатая помѣщаемыя ниже нѣкоторыя изъ писемъ къ М. И. Семевскому его подписчиковъ, мы этимъ вовсе не хотимъ преувеличивать значеніе и интересъ большинства этихъ писемъ, хотя они, почти безъ исключенія, подписаны именами, далеко не безъизвѣстными Россіи. Мы печатаемъ ихъ, потому, что покойный Семевскій особенно дорожилъ ими, такъ какъ они свидѣтельствовали о живой связи, устанавливавшейся между нимъ, создателемъ «Русской Старины», и его подписчиками, цѣнителями и судьями дѣла, которому онъ посвятилъ всѣ свои силы, всѣ свои задушевныя мечты. Эти письма говорили ему, что его труды не пропадаютъ даромъ, что его дѣятельность получила правильное направленіе, и сознаніе этого не могло не поддерживать его энергіи, являться для него нравственной поддержкой въ тяжелыя минуты, въ особенности, въ первое время существованія «Русской Старины», когда приходилось завоевывать успѣхъ для нея и бороться съ различными трудностями и непріятностями, отъ которыхъ не изъято ни одно живое дѣло. Каждое изъ этихъ писемъ, оттѣняя хотя ничтожную черточку въ дѣятельности покойнаго Семевскаго, въ то же время способствуетъ уясненію какъ личности самого основателя-редактора «Русской Старины», такъ и задачъ и направленія созданнаго имъ историческаго журнала.

I.

Москва, 26 Января 1870 г.

Отвѣчаю на ваше письмо, отъ 23-го Генваря, полученное 26-го, благодарностью, во первыхъ, за присылку 1-й книжечки «Русской Старины». Дай Богъ вамъ самый блестящій успѣхъ, какого только вы сами можете себѣ пожелать. Чѣмъ больше будетъ у насъ такихъ повременныхъ изданій, тѣмъ

лучше для насъ-же и нашей старой Руси. Во вторыхъ, Общество наше готово обмѣниваться на ваше изданіе. Наконецъ, изданіе «Русской Старины», по внѣшности судя, прекрасное: и бумага, и шрифтъ, отчасти и выправка, удовлетворительны; первые два даже щеголяютъ; разнообразіе тоже желательное. Вашъ покорный слуга *О. Бодянскій.*

II.

Москва, 27 Января 1870 г.

Нельзя судить по одной книжкѣ о всемъ изданіи журнала, о его духѣ и направленіи. Но сколько можно судить по тому, что я прочиталъ, оно есть пополненіе «Русскаго Архива». Постарайтесь же стать выше его сообщеніемъ статей болѣе современнаго интереса.

На зубокъ новорожденному вашему сынку присоединяю къ этому письму нѣсколько стихотвореній Одоевскаго. *М. Бестужевъ.*

III.

Москва, 21 Марта 1870 г.

Надѣюсь, что вы на столько меня знаете, что не можете сомнѣваться въ томъ, чтобы я когда-нибудь могла забыть доброе ваше къ намъ расположеніе и оказанныя вами одолженія нашему семейству. Находясь въ крайнемъ растройствѣ духа, я спѣшу сообщить вамъ въ краткихъ словахъ о нашемъ горѣ по причинѣ опасной болѣзни единственно оставшагося брата нашего *Михаила.* Онъ внезапно такъ сильно занемогъ, что на сихъ дняхъ причастился Святыхъ Тайнъ и благословилъ обоихъ своихъ малютокъ.

При всей своей слабости онъ изъявилъ желаніе, чтобы вамъ были доставлены бумаги, которыя я при семъ къ вамъ посылаю, и которыя вы по усмотрѣнію вашему, можетъ быть, найдете годными быть напечатанными. Такъ какъ вы, кажется, составили біографію брата нашего Александра, то очень обязали бы меня, если бы вы доставили мнѣ оную, хотя черновую.

Елена Бестужева.

IV.

Москва, 12 Февраля 1870 г.

Судя по началу, «Русская Старина» будетъ драгоцѣнное изданіе, и я съ своей стороны постараюсь доставить вамъ и мою лепту, какъ скоро представится что-нибудь интересное. Примите и проч. *Н. Качаловъ.*

V.

Москва, 20 Февраля 1870 г.

Благодарю васъ со всею искренностью за присылку журнала «Русская Старина». Я прочелъ первую книгу съ большимъ интересомъ и программѣ вашего журнала вполнѣ сочувствую. Относительно вашего приглашенія на сотрудничество долгомъ поставилъ извѣстить васъ, что я это приглашеніе принимаю съ большимъ удовольствіемъ, и лишь немного освобожусь отъ своихъ служебныхъ занятій, то поспѣшу приняться за разборку своего архива, и надѣюсь отыскать нѣсколько матеріаловъ, пригодныхъ для вашего журнала, а также постараюсь написать нѣсколько статей.

Вашъ покорный слуга *Ив. Бѣляевъ.*

VI.

Москва, 31 Іюля 1870 г.

Издаваемая вами «Русская Старина» охватываетъ всѣ стороны жизни русскаго общества въ XVIII столѣтіи и представляетъ много интереснѣйшихъ памятниковъ. Мы здѣсь видимъ дворъ, войско и общество съ ихъ преобразованіемъ и развитіемъ преобразованій, но не видимъ еще одной стороны тогдашней жизни русскаго общества—старообрядцевъ или раскольниковъ. А жизнь раскольниковъ въ XVIII столѣтіи была въ большомъ развитіи и представляетъ много интересныхъ сторонъ, какъ рѣшительная противоположность общей жизни, отвергающая реформы XVIII столѣтія. Общество раскольниковъ въ то время между своими представителями имѣло людей талантливыхъ и по своему довольно образованныхъ, и послѣ ихъ осталось довольно литературныхъ памятниковъ, которые ясно показываютъ, какіе это были люди, и изъ какихъ людей состояла та среда, на которую они имѣли огромное вліяніе. Въ настоящее время мы знаемъ уже, что эта среда состояла не изъ однихъ крупныхъ невѣждъ, какими ихъ обзывали люди реформы въ XVIII столѣтіи, но намъ еще не совсѣмъ извѣстна степень ихъ своеобразнаго умственнаго развитія. А посему на мой взглядъ было бы не лишнимъ познакомить читателей «Русской Старины» съ нѣкоторыми памятниками раскольнической литературы XVIII столѣтія. Примите и пр.

Ив. Бѣляевъ.

VII.

Москва, 3 Іюля 1870 г.

Прошу считать меня въ числѣ подписчиковъ на журналъ «Русская Старина», которому вполнѣ сочувствую. Прошедшее, изъясняя настоящее, вѣрнѣйшій руководитель нашего будущаго. *Муравьевъ-Апостолъ.*

VIII.

13 Августа 1870 г.

Читаю вашу «Старину» съ любезнымъ удовольствіемъ—даже и записки Болотова; что за дѣльная голова, какъ онъ представляетъ вѣрно условія хорошаго главнокомандующаго! Что за прелесть Апраксинъ на баталіи! Честь и слава вамъ за сохраненіе для потомства этого замѣчательнаго дневника.

2-е изданіе Русской Старины! Ура. Но сколько вы положили труда, сколько кипучей дѣятельности!

Прощайте, весь вашъ *П. Мухановъ.*

IX.

Изюмъ, 20 Августа 1870 г.

Нахожу, что вы поступаете справедливо, помѣщая статьи объ одномъ и томъ-же предметѣ различныхъ авторовъ, съ различными понятіями и взглядами: внимательный читатель безъ критики и полемики найдетъ легко, на чьей сторонѣ правдивость.

Со вниманіемъ читаю вашъ журналъ и не пропускаю ни единаго слова, когда повѣствованіе касается моихъ отшедшихъ товарищей. Потому считаю обязанностью отнестись къ вамъ каждый разъ, когда мною замѣчены будутъ или ошибка, или опечатка, или пропуски. Крѣпко стою за память отшедшихъ товарищей.

Съ совершеннымъ уваженіемъ *бар. Андрей Розенъ.*

X.

7 Іюля 1872 года.

Съ особеннымъ удовольствіемъ получилъ ваше письмо отъ 22 Іюня и обрадовался, что имѣете возможность хоть нѣсколько недѣль собраться съ силами для продолженія вашихъ безпрерывныхъ и часто досадныхъ трудовъ, сопряженныхъ съ препятствіями по редакціи.

Помню данное обѣщаніе и прилагаю списокъ карточкамъ; [1]) если въ сохранившейся у меня коллекціи найдется такихъ карточекъ, какихъ у васъ нѣтъ, то радъ переслать къ вамъ по возвращеніи вашемъ въ С.П.Б. Большую часть ихъ роздалъ ближайшимъ родственникамъ и добрымъ знакомымъ моихъ товарищей.

Прошу васъ передать мою искреннюю благодарность Н. А. Некрасову а доставленный мнѣ экземпляръ его стихотвореній, обратившихъ въ свое

[1]) Декабристовъ.

время общее вниманіе на бывшихъ крѣпостныхъ и вообще на бѣдняковъ крестьянскаго сословія и несомнѣнно имѣвшихъ большое вліяніе на улучшеніе ихъ быта и на ихъ освобожденіе. Тотчасъ по полученіи такого милаго подарка, поручилъ я издателю моихъ записокъ въ Лейпцигѣ—Дункеру и Гумблоту—выслать вамъ и Н. А. Некрасову по экземпляру чрезъ господина Исакова или какъ они знаютъ лучше и скорѣе. Еще прошу васъ благодарить Н. А. за доброе предложеніе напечатать въ «Отечественныхъ Запискахъ» хотя бы листовъ десять изъ моихъ «Записокъ Декабриста».....

Наслаждайтесь сельскимъ воздухомъ, ходите, какъ можно больше, послѣ сидячей жизни въ Петербургѣ и, по укрѣпленіи силъ, не уставайте трудиться на общую пользу.—Прошу принять увѣреніе въ искреннемъ къ вамъ уваженіи вашего покорнаго слуги *Барона Андрея Розена.*

XI.

Вильна, 7 Октября 1870 г.

Продолжительная отлучка изъ Вильны, сперва въ Рязанскую губернію, а потомъ въ Гродненскую, лишила меня возможности своевременно исполнить данное мною вамъ обѣщаніе, именно—познакомить читателей «Виленскаго Вѣстника» съ вашимъ, безъ лести говоря, прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ изданіемъ и сообщить въ вашъ журналъ матеріалы, замѣтки и статьи. Теперь я сижу надъ первымъ, уже переплетеннымъ, томомъ «Русской Старины» и готовлю подробный отчетъ. Въ заключеніе, желая вамъ отъ души большаго и большаго успѣха, искренно преданный *Петръ Гильтебрандтъ.*

XII.

Радомъ, 7 Октября 1870 г.

Вполнѣ сочувствуя вашему добросовѣстному и драгоцѣнному для Россіи и русской исторіи изданію, я счелъ обязанностью сообщить вамъ изъ рѣдчайшихъ документовъ царствованія Императора Николая I, именно—собственноручное письмо, отправленное 15-го Декабря 1825-го года, т. е., на другой день послѣ 14-го Декабря, Главнокомандующему 2-ю нашею арміею графу, впослѣдствіи, князю Витгенштейну.

Письмо это было вложено въ конвертъ, подписанный самимъ Императоромъ, и отправлено къ графу Витгенштейну съ генералъ-лейтенантомъ Корниловымъ.

Особый случай доставилъ мнѣ возможность снять копію съ этого письма, оригиналъ котораго, вмѣстѣ съ другими драгоцѣнными бумагами, находится въ майоратномъ имѣніи Витгенштейновъ, селеніи Дружноселье. Въ 1843 году я былъ посланъ въ Каменку (имѣніе князя Витгенштейна въ Подольской

губерніи) для устройства встрѣчи и похоронъ умершаго во Львовѣ князя. Супруга покойнаго князя, Антуанета Станиславовна поручила мнѣ разобрать архивъ князя и дозволила снять копію съ письма Николая I.

Не одинъ разъ я хотѣлъ напечатать это письмо, но обстоятельства тому препятствовали. Счастливымъ себя сочту, если появленіе его на страницахъ вашего изданія, позволитъ мнѣ подѣлиться съ вами и другими матеріалами, а ихъ у меня довольно: я слишкомъ 15 лѣтъ исключительно занимался русскою исторіею. Пользуюсь случаемъ и пр. *Петръ Лебедевъ* [1]).

XIII.

Орелъ, 18 Октября 1870 г.

Радуюсь вполнѣ заслуженному успѣху вашей «Старины» и желаю продолженія его, въ которомъ не сомнѣваюсь. Прошу принять и пр.

М. Лонгиновъ.

XIV.

Орелъ, 14 Сентября 1871 г.

Ваша «Старина», по истинѣ, процвѣтаетъ, и дай Богъ ей много лѣтъ здравствовать! Пожалуйста, не скупитесь только, напр., на письма Батюшкова и т. п. матеріалы. Желаю и надѣюсь видѣться съ вами зимою въ Петербургѣ, а пока заочно прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ истинномъ почтеніи и преданности. *М. Лонгиновъ.*

XV.

Октябрь 1870 г.

Двѣ причины могли быть предлогомъ и вмѣстѣ извиненіемъ моего молчанія и медленности въ изъявленіи вамъ, Милостивый Государь, искренней благодарности за присылку знаменательнаго изданія вашего и за привѣтное письмо ваше. Эти причины — болѣзнь и неимѣніе вѣрнаго адреса. То и другое сошлось вмѣстѣ; я получилъ «Русскую Старину» и, одолѣваемый недугами, могъ только глядѣть на любопытную присылку. Теперь, вскрывъ завѣтную связку, я начинаю понемногу читать и вчитываться. Мимо многого прошелъ я, и многое, въ видѣ туманныхъ картинъ, прошло мимо меня! Кое-что, зачерпнутое налету, отливалось, въ свое время въ статьи. Но постоянныхъ записокъ, по складу жизни моей, не довелось мнѣ имѣть. Многое остается еще и теперь (говоря восточнымъ выраженіемъ) нанизаннымъ на ниткѣ памяти моей; но изъ того многого иное снизывать уже поздно, другое еще рано. Добавляя къ этому, что всѣ залежи и накопы моихъ бу-

---

[1]) Бывшій профессоръ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба.

магъ, по случаю недавней пожарной тревоги въ домѣ, еще не разобраны, я прихожу къ выводу, что въ настоящее время не могу ни чѣмъ инымъ быть, въ отношеніи къ вашему изданію, какъ только постояннымъ на него подписчикомъ и усерднымъ огласителемъ этого истинно-полезнаго изданія.

Съ отличнымъ уваженіемъ и къ цѣли изданія и пр.

Θ. Глинка.

XVI.

12 Января 1871 г.

Мой сосѣдъ, гр. Остенъ Сакенъ, хочетъ непремѣнно выписать «Русскую Старину». Она распространилась съ большою славою по нашей матушкѣ Россіи. Покорный слуга *Н. Лореръ.*

XVII.

1873 г.

Благодаря М. И. Семевскаго за участіе къ болѣзни его жены, П. А. Каратыгинъ пишетъ: «Покуда живъ, не забуду доброты вашей и задушевныхъ словъ утѣшенія, вами мнѣ и говоренныхъ и написанныхъ Вы рѣдкій человѣкъ, особенно въ наше черствое, эгоистическое время. Люблю и уважаю васъ столь же искренно, сколько благодарю за доброе, родственное участіе» *П. Каратыгинъ.*

Въ другомъ письмѣ, возвращаясь къ тому же, онъ говоритъ: «Люди, подобные вамъ, если не мирятъ съ жизнью, то заставляютъ миролюбивѣе смотрѣть на свѣтъ Божій».

XVIII.

Керчь, 15 Іюня 1871 г.

Въ настоящее время я думаю написать нѣкоторымъ образомъ параллель людямъ смутнаго времени Н. И. Костомарова.

Не знаю только, будетъ ли удобна для вашего журнала эта работа. Впрочемъ, вы рисуете живыхъ людей ихъ же словами и помыслами. Я буду стараться составить очерки по свидѣтельствамъ о такихъ людяхъ. Думаю, что не столько для историковъ, сколько для художниковъ и публики это необходимо Моя точка зрѣнія одна—правда, которой я и буду доискиваться всѣми силами.

Будьте вполнѣ увѣрены въ искреннемъ и истинномъ моемъ желаніи быть вамъ полезнымъ, на сколько хватитъ силъ, и на сколько будутъ благопріятствовать обстоятельства, т. е досугъ и время. Истинно васъ уважающій *Иванъ Забѣлинъ.*

XIX.

14-го Іюля 1871 г.

По письму вашему отъ 11 числа, полученному мною вчера, я сегодня утромъ просилъ нашего почтеннаго начальника архива Н. И. Григоровича немедленно допустить васъ до просмотра документовъ, обрисовывающихъ Сѵнодальную дѣятельность кн. Я. П. Шаховскаго, и до снятія копій съ тѣхъ изъ нихъ, которые вы полагаете не безполезнымъ приложить къ вашему изданію «Записокъ» этого замѣчательнаго лица, умѣвшаго остаться добрымъ и правдивымъ въ періодъ нашей исторіи самый постыдный, отличающійся злобою и неправдою.

Не посѣтуйте на меня однако же за то, что условіемъ къ напечатанію документовъ, которые вамъ угодно будетъ списать, я поставилъ предварительный просмотръ ихъ мною. Въ условіи этомъ не извольте усмотрѣть съ моей стороны желаніе искажать историческую истину, которая, по моему понятію, можетъ быть искажаема только людьми, незаслуживающими уваженія не только въ историческо-литературномъ, но и вообще человѣческомъ отношеніи Я руководствовался единственно мыслью, что Сѵнодальный архивъ, благодаря настоящему устройству, въ которое привелъ его Н. И. Григоровичъ, можетъ и *долженъ* служить къ серьезнымъ историческимъ изысканіямъ, но отнюдь не снабжать изданія историческія оправдательными ссылками для такъ называемыхъ историческихъ *обличеній* или, скорѣе, сплетенъ, имѣющихъ цѣлью доказать понятную для каждаго истину, что дѣятели прежняго времени были такіе же люди, какъ ихъ современники, жили одною съ ними жизнью и одинаково легко съ ними относились къ разнымъ, по тогдашнему мнѣнію—*недостаткамъ*, по нынѣшнему—*порокамъ*.

Извините мое длинное объясненіе: я желалъ объяснить вамъ, что отношусь къ вашему желанію не какъ чиновникъ, и что заранѣе благодарю васъ за ваше изданіе «Записокъ Шаховскаго», какъ будетъ благодарить васъ всякій, неимѣющій въ своей библіотекѣ этой книги, доказывающей, что даже Бироновщина не до конца истребила русскихъ, которыхъ имена мы можемъ вспоминать съ уваженіемъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и пр... *Юрій Толстой.*

XX.

9 Октября 1871 г.

... Поздравляю васъ съ распродажей и втораго изданія «Русской Старины» и радуюсь этому успѣху, какъ вполнѣ заслуженному. Примите и пр.

И. Щебальскій.

XXI.

7 Января 1872 г.

Сегодня только, въ 6 ч. вечера, принесли мнѣ январьскую книжку «Русской Старины». Обнимаю васъ крѣпко, крѣпко, честный Михаилъ Ивановичъ, за замѣтку вашу на стр. 149 [1]). Хотѣлъ быть у васъ съ обычнымъ новогоднимъ привѣтомъ, но... хандрю страшно, не выѣзжалъ никуда. Вы меня много утѣшили. Преданный и пр. *Ф. Каразинъ.*

XXII.

2 Февраля 1873 г.

Вчера мы оставались до поздней ночи въ ожиданіи видѣть васъ въ нашемъ захолустьи. Это было причиной, что я не принесъ вамъ, тотчасъ же по полученіи февральской книжки «Русской Старины», душевной благодарности за напечатаніе отцовской статьи и безцѣнной для меня оговорки вашей о юбилеѣ и *нравственной* обязанности представителей Харьковскаго земства соорудить памятникъ. Дай Богъ вамъ здоровья и счастья.

Ф. Каразинъ.

XXIII.

31 Мая 1873 г.

... Не могу не выразить вамъ признательности и удивленія за ту аккуратность, съ какою выходятъ книжки «Русской Старины». Преданный и пр.

Веневитиновъ.

XXIV.

Москва, 3 Іюля 1873 г.

... Не знаю, какъ выразить вамъ мою сердечную благодарность за ваше любезное письмо и за присылку вашего столь интереснаго и поучительнаго журнала. «Русская Старина» есть настольная книга человѣка, посвятившаго себя изученію археологіи.

Викторъ Альфонскій.

XXV.

Декабрь 1872 г.

... При вступленіи «Русской Старины» въ четвертый годъ изданія, подписываясь уже четвертый разъ, не могу не выразить того уваженія и сочувствія, которыя невольно возбуждаютъ работа и труды редакціи «Русской

---

[1]) По поводу юбилея основанія Харьковскаго университета.

Старины» о преуспѣяніи и несомнѣнныхъ достоинствахъ этого журнала. Мы всѣ надѣемся, что и на будущее время обстоятельства будутъ столь же благопріятны, и что «Русская Старина» не измѣнитъ ни своего качества, ни своего направленія и будетъ приносить свою великую пользу. При этомъ не могу не передать редакціи тѣхъ сожалѣній, которыя приходится постоянно слышать о томъ, что такое полезное и никогда не могущее состариться изданіе, какъ «Русская Старина», уже разошлось за первые два года по подпискѣ, что не даетъ возможности имѣть эти драгоцѣнныя книги. Многіе надѣются, что такое общее желаніе вызоветъ еще новое изданіе первыхъ лѣтъ. Весьма желательно было бы, чтобы редакція разъяснила, тщетны ли эти надежды или нѣтъ. Съ почтеніемъ и пр. *Рачинскій.*

XXVI.

1872 г.

... Посылаю вамъ для помѣщенія въ «Русской Старинѣ», изданію которой не можетъ не сочувствовать каждый разумный человѣкъ, нѣсколько библіографическихъ замѣтокъ. *В. Долгорукій.*

XXVII.

2 Апрѣля 1873 г.

... Недѣлю тому назадъ я возвратился изъ Таганрога; возвратясь, получилъ прекрасное новое изданіе ваше «Сборникъ снимковъ», поистинѣ, изданіе *первое* въ своемъ родѣ въ Россіи, и можно безошибочно сказать, что и большинство иностранныхъ изданій этого рода далеко уступаютъ сборнику въ luxe, élegance и оконченности изданія и въ точности фотолитографическихъ снимковъ. Русская ученая публика должна быть вамъ весьма благодарна за этотъ великолѣпный, а по цѣнѣ весьма недорогой, противъ красоты и изящества изданія, подарокъ, — прибавленіе къ русскимъ, къ сожалѣнію, немногочисленнымъ артистическимъ изданіямъ.

Во всемъ сборникъ превзошелъ мои ожиданія. Я же осмѣливаюсь, со стороны моихъ собратій, иностранныхъ любителей автографовъ, принесть вамъ искреннюю благодарность за прекрасное изданіе.

Ник. Богушевскій.

XXVIII.

28 Октября 1855 г.

Ваше письмо, любезный мой Михаилъ Ивановичъ, доставило мнѣ нѣсколько истинно-отрадныхъ минутъ среди моего одиночества. Представьте себѣ вечеръ петербургской осени, когда сѣро-свинцовое небо давитъ послѣднія жизненныя силы бѣднаго обитателя вонючей столицы, когда на улицахъ ожидаетъ васъ грязь, тусклые фонари Эртелева переулка—эта жалкая

пародія на русское просвѣщеніе, когда дождь барабанитъ въ окна и льетъ на безплодную мостовую безпощадными ручьями. 8 часовъ вечера. Я пристально работалъ, читалъ Маколэ, англійскаго современнаго критика и историка, человѣка очень умнаго и сильнаго лютеранина, какъ прилично быть британскому вигу. Что такое вигъ? Вигъ, изволите видѣть, членъ особенной англійской партіи, которая отстаиваетъ народныя права, которая участвовала въ созданіи британской конституціи и свободы государства... Но что же я вычиталъ у Маколэ? По старой привычкѣ, хочу подѣлиться съ вами и этимъ пріобрѣтеніемъ. Madame d'Arblay была славная писательница Англіи въ концѣ прошлаго вѣка. Дочь бѣднаго музыкальнаго учителя, идіотка до 8 лѣтъ, полувоспитанная дѣвушка, безобразная собой, на 20 году жизни почувствовала призваніе къ литературѣ, написала романъ «Эвелина», тихонько отъ друзей и семейства продала его за 12 фунт. стерл. книгопродавцу, и что же? Вся столица, состоящая изъ 2,000,000 жителей, пришла въ невыразимый восторгъ отъ этого сочиненія. Слава d'Arblay далеко понеслась и за предѣлы Англіи. У отца этой даровитой дѣвушки были вечерніе концерты, на которые пріѣзжалъ и русскій посланникъ, графъ Орловъ (это было въ 1782 году). Я не могу не перевести вамъ этого мѣста. «Среди знаменитостей Лондона великимъ свѣтиломъ ночи былъ русскій посланникъ, гр. Орловъ, коего колоссальная фигура вся лучезарилась въ брильянтахъ; въ манерахъ его выражалась необузданная суровость Скифа, и эта скифская физіономія не могла скрываться подъ политикою французской вѣжливости»... Но, позвольте, я хотѣлъ говорить о другомъ и свернулъ, чертъ знаетъ, на какую окольную дорогу. Только я закрылъ Маколэ и рѣшилъ отдыхать за самоваромъ,—зазвенѣлъ колокольчикъ, и почтальонъ подалъ ваше письмо. Съ величайшимъ удовольствіемъ читалъ его, и котъ мой, какъ будто сочувствуя этому удовольствію, мурлыкалъ у меня на колѣняхъ во всю ивановскую. Славное письмо, спасибо вамъ.

Прежде всего похвалю вашу наблюдательность. Вы напомнили мнѣ Москву, которую я не видѣлъ уже 10 лѣтъ. Само собою разумѣется, что въ эти 10 лѣтъ она мало измѣнилась, если въ 700 лѣтъ она мало измѣнилась противъ прежняго... Долженъ признаться, что мои юношескія впечатлѣнія, произведенныя на меня Москвою, были совершенно одинаковы съ вашими. Дѣйствительно, понорама древней столицы съ колокольнями Ивана Великаго—великолѣпная понорама. Вы мастерски ее нарисовали, и я не хочу съ вами соперничать. Только дѣло вотъ въ чемъ: Москва тяготитъ своими историческими воспоминаніями. Въ самомъ дѣлѣ, начиная отъ Тамерлана и до Наполеона, ее колотили въ усъ и въ рыло. Буйныя оргіи Грознаго, казни и площади, обрызганныя кровью, ногайка баскака колотила по пяткамъ русскаго человѣка въ его же столицѣ... Ну, довольно о Москвѣ. Слава Богу, что вы устроились хорошо. Но почему же Николай Алексѣевичъ [1]) не хотѣлъ

[1]) Федоровъ, товарищъ М. И. Семевскаго по полку.

мнѣ написать ни одной строчки. Скажите ему, что я, несмотря на гвардейскаго офицера, такъ крѣпко выбраню его, если онъ вовсе меня забудетъ, что долго ему будетъ помниться моя русская брань съ загибкой... Мало—выбраню: когда онъ влюбится, вызову на дуэль и непремѣнно буду цѣлить въ самое сердце человѣческаго организма... Нѣтъ, свѣтъ и его всѣ финтифлейки къ черту,—стараго друга вашего и учителя не надобно забывать. Я съ восторгомъ приходилъ въ вашу аудиторію и со слезами изъ нея выходилъ; я имѣю право на память, по крайней мѣрѣ, двухъ бывшихъ моихъ учениковъ. Пусть пишетъ, я помирюсь съ Николаемъ Алексѣевичемъ и прощу и вольныя и невольныя его прегрѣшенія на московскихъ бульварахъ.

Вы молодецъ, Михайлъ Ивановичъ: съ Галаховымъ ведите себя именно такъ, какъ вы ведете себя; на этотъ счетъ, впрочемъ, учить васъ нечего. Еще новое спасибо вамъ за стенографическое и совершенно вѣрное воспроизведеніе разговора съ составителемъ руководствъ, съ намѣстникомъ Введенскаго.. Чертъ побери, какъ все совершенствуется! Галаховъ достоинъ уваженія; онъ потухъ, но, все-таки, вамъ пригодится. Скажите ему мой поклонъ, если онъ помнитъ Благосвѣтлова. Письмо ваше, разумѣется, съ пропусками, я читалъ у Рюмина на вечерѣ, и всѣ были въ восторгѣ отъ вашего описанія тюрьмы и банкротовъ. Читайте больше, особенно, когда являетесь на литературные вечера; вы умѣете обратить на себя вниманіе,—да обращаете его кстати и съ умной стороны. Кажется, я ударилъ уже на совѣты! Ну, ничего: совѣтовать, такъ совѣтовать. Не поблагодарить-ли вамъ Ростовцева за рекомендательное письмо? Этого требуетъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, вѣжливость; смотрите, какъ знаете. Что же касается до московскихъ юбокъ, пожалуйста, пошлите ихъ къ черту и работайте, особенно читайте больше. Если вамъ понадобится какой-нибудь литературный фактъ, пишите ко мнѣ: если нѣтъ у меня въ головѣ, я добуду его въ Публичной Библіотекѣ. Литературное знакомство ваше старайтесь расширить какъ можно больше и расположите къ себѣ, въ комъ найдете побольше толку.

Теперь о себѣ, т. е. о самомъ себѣ, о философскомъ «Я». Біографія Иринарха Ивановича [1]) въ Ноябрѣ не будетъ напечатана, поелику духовная цензура задержала, и листы опоздали попасть на типографскій станокъ. Что будетъ въ Декабрѣ? А, между прочимъ, я ничего не хочу печатать до выхода въ свѣтъ біографіи И. Ив. Введенскаго. Это мой непреложный обѣтъ. Работаю я усердно, и кабинетная жизнь мнѣ очень нравится. Эхъ, если бъ 100,000 денегъ, жена, перо въ руки и библіотека—черезъ 10 лѣтъ слава, готовъ держать пари съ самимъ чертомъ! Но это мечты, т. е. горшки, которые везъ мужикъ, обманутый надеждой... Обратимся къ дѣйствительности. Кажется, мнѣ поручитъ штабъ писать руководство; это, впрочемъ, одно предположеніе, и вы держите его подъ большимъ секретомъ, особенно, въ отношеніи

[1]) Введенскаго.

къ Галахову. О Галаховѣ пишите мнѣ больше; я интересуюсь его дѣятельностью, потому что она близко лежитъ и къ моему сердцу...

Я занимаюсь, между прочимъ, исторіею русской журналистики. Русская журнальная литература, въ ея историческомъ развитіи, представляетъ безпрерывный рядъ мошенничествъ, шарлатанства, бездарности, кумовства, глупости—и чего хотите, только не ума и не любви къ наукѣ. Со временемъ надобно будетъ указать на этотъ отвратительный фактъ въ назиданіе подлыхъ интригановъ журнальнаго міра... Пропасть новыхъ журналовъ выходить будетъ съ новаго года, по крайней мѣрѣ, есть такое намѣреніе. Проклятая война мѣшаетъ дѣлу.

Письма ваши приберегу, сильно приберегу: только пишите чаще. Изволите видѣть, я разлакомился послѣ перваго вашего письма, только, пожалуйста, запросто и безъ панегириковъ!

Если отпечатаютъ біографію И. Ив. Введенскаго—пришлю вамъ экземпляръ, одинъ на двоихъ: довольно. Твореніе не слишкомъ громкое. О послѣдующихъ моихъ статьяхъ буду васъ увѣдомлять и, простите самолюбію, попрошу васъ, безъ всякой церемоніи, сообщать мнѣ отзывы людей дѣльныхъ...

Поклонитесь Николаю Алексѣевичу. На первый разъ довольно. Усталъ; пора спать.

А хорошо было бы, Михаилъ Ивановичъ, пошарить на московской толкучкѣ книженокъ старыхъ, въ родѣ Юлія Цезаря (переводъ трагедіи Шекспира) Карамзина, записокъ Лопухина и т. п. Москва, во мракѣ невѣдѣнія, на этотъ счетъ бережливѣй Петербурга.

Кланяются вамъ—всѣ начальники Дворянскаго Полка,—Рюминъ, Стандершильдъ и пр.

Въ III спеціальномъ классѣ читаетъ Лебедевъ, читаетъ скверно, и, Господи, упаси, какъ скверно. Бѣдный Полкъ! Шевельнуть его некому. До свиданія или, лучше, до прочтенія вашего втораго письма.

Весь вашъ *Григ. Благосвѣтловъ.*

XXIX.

24-го Декабря 1855 г.

День моего отдыха, любезный Михаилъ Ивановичъ, послѣ двухъ недѣль безпрерывнаго труда, который не давалъ мнѣ возможности перемолвить живаго слова съ живымъ существомъ, я съ удовольствіемъ отдаю моимъ московскимъ друзьямъ; бесѣдовать съ вами для меня пріятно, но вдвойнѣ пріятно читать ваши письма, которыя принимаютъ характеръ мемуаровъ вашей собственной жизни. Я увѣренъ, что черезъ пять лѣтъ эти письма будутъ воспроизводить вашу нравственную личность гораздо лучше формулярнаго списка: въ нихъ выражается ваша молодая душа со всѣми ея увлеченіями, какъ истинными, такъ и ложными.

Въ первомъ своемъ письмѣ вы пропѣли панегирикъ г. Островскому. Не скрою отъ васъ того впечатлѣнія, которое произвели на меня ваши восторженные отзывы объ этомъ писателѣ,—впечатлѣнія, признаюсь вамъ, тягостнаго. Вы знаете, что я считаю первое произведеніе Островскаго достойнымъ того всеобщаго восторга, съ которымъ его приняли, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ; но что же дальше сдѣлалъ Островскій такого, что́ бы могло обратить на себя безпристрастное вниманіе? И почему онъ, превознесенный критикою «Москвитянина» на степень великаго писателя, основателя новой литературной школы, не хочетъ принять на себя труда образовать свой талантъ? Почему онъ, гонитель порока и недостатка нашей общественной жизни, самъ раздѣляетъ ихъ въ большей степени, нежели обыкновенный смертный?.. Ваше письмо вполнѣ познакомило меня съ Островскимъ и дорисовало тотъ портретъ, который былъ созданъ моимъ воображеніемъ относительно этой личности. Я боюсь, что вы будете увлечены «соборомъ славянофиловъ», которые, подъ видомъ увлекательной мечты о народности, проповѣдуютъ литературную ересь и невѣжество. Я уважаю истинную народность, основанную на просвѣщеніи, на глубокомъ сознаніи человѣческихъ достоинствъ, и отъ всей души презираю народность варварскую, которую навязываютъ намъ славянофилы. Какое право они имѣютъ унижать Европу, которая стоитъ выше Россіи въумственномъ и нравственномъ отношеніи, потому что Россія позднѣе ея выступила на поприще образованія? Нѣмцы уважаютъ національность, но они не презираютъ другихъ народовъ и заимствуютъ отъ нихъ все, что́ достойно подражанія, и всему, занятому вчужѣ, даютъ свой собственный характеръ. Точно то же надобно сказать относительно Франціи и Англіи. Во имя науки — всѣ народы братья и должны искренно подавать другъ другу руки. Мы рабски увлечены западной Европою; мы, въ теченіе полутора вѣка, вмѣсто истинной цивилизаціи, брали у нея блонды, кружева, шампанское, модныхъ портныхъ и мерзкихъ гувернеровъ—это крайность, слѣдствіе непонятыхъ плановъ Великаго Монарха; но развѣ не та же крайность и, можетъ быть, еще худшая—отказываться отъ общей семьи образованныхъ народовъ и прямо отъ безсмысленнаго обоготворенія Запада переходить къ безусловному его презрѣнію?

Нѣтъ, истинная народность не въ томъ состоитъ, чтобы откапывать свой собственный навозъ и называть его небесною манною, ниспосланною ради спасенія народа, которому, прежде всего, нужно общечеловѣческое образованіе; а безъ этого образованія писатель не пробудитъ въ немъ ни одной нравственной силы, ни одной живой мысли, ни одного теплаго чувства... Истинная, высокая народность состоитъ въ томъ, чтобы умѣть уважать свои собственныя достоинства и признавать добрыя качества въ другихъ народахъ.. Отъ всей души, Михаилъ Ивановичъ, желаю и совѣтую вамъ уважать людей умныхъ, но не увлекаться ложнымъ ученіемъ литературныхъ партій, въ какомъ бы видѣ эти литературныя партіи вамъ ни

представлялись. Бюстъ Островскаго заставилъ меня разразиться гомерическимъ смѣхомъ при чтеніи вашего письма. Скромность — удѣлъ дарованія, мелочное самолюбіе и самохвальство—качества толпы... Лавровый вѣнокъ геніальнаго творца и право на безсмертіе покупаются не такъ дешево...

Гораздо болѣе интересуетъ меня ваше собственное положеніе. Вы жалуетесь, что работа, съ такимъ блистательнымъ успѣхомъ начатая, утомляетъ васъ; вы недовольны сами собою, душа ваша требуетъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько вы въ состояніи сдѣлать: все это въ порядкѣ вещей. Благородное самолюбіе необходимо имѣть: оно одушевляетъ нашу дѣятельность, спасаетъ отъ мертвящей апатіи, въ которой такъ часто дремлетъ, по цѣлымъ годамъ, русскій человѣкъ; я даже одобряю честолюбіе, въ извѣстныхъ предѣлахъ, когда оно направлено не къ тому, чтобы перегнать своего ближняго на дорогѣ службы, раньше его отяготить свою шею злопріобрѣтеннымъ крестомъ и т. п.—нѣтъ, когда оно существуетъ въ нашей душѣ, какъ органъ соревнованія, какъ пламенное желаніе стать выше другого въ нравственномъ и умственномъ превосходствѣ... Вообще у русскаго человѣка слишкомъ много апатіи, отсутствія благородныхъ стремленій, порывовъ и огненныхъ страстей, направленныхъ въ хорошую сторону. Вслѣдствіе этого, онъ дремлетъ... Чѣмъ болѣе въ юношѣ страстей, тѣмъ болѣе надежды на его будущность, небезполезную для общества—это истина общеизвѣстная. Литературный вашъ трудъ въ высшей степени интересный, тѣмъ болѣе, что онъ вызываетъ ваше сочувствіе; я не сомнѣваюсь, что онъ увѣнчается успѣхомъ; само собою разумѣется, что вы не будете торопиться изданіемъ его, и, по мѣрѣ того, какъ станете болѣе и болѣе совершенствоваться—характеръ самостоятельнаго возрѣнія на предметъ самъ собою отпечатлѣется на вашей работѣ, языкъ выработается вмѣстѣ съ самобытною мыслью; вы слишкомъ взыскательны къ себѣ (безъ сомнѣнія—это черта прекрасная), вы забываете, что получили образованіе, которое, при самой многосторонности, не имѣетъ никакого спеціальнаго значенія. Притомъ, что такое вся русская литература въ собственномъ смыслѣ? Жалкая копія чужихъ европейскихъ оригиналовъ, темная масса предразсудковъ и общихъ мѣстъ, переходящихъ, по праву наслѣдства, отъ одного писателя къ другому и разрѣшающихся совершеннымъ нигилизмомъ. Много ли у насъ самостоятельныхъ трудовъ, которые были бы плодомъ глубокаго изслѣдованія науки и носили бы на себѣ печать истиннаго геніальнаго творчества? Въ области самой науки я не знаю ни одного. Мужайтесь, будьте бодры духомъ и вѣрьте, что путь, избранный вами, приведетъ васъ къ блистательной цѣли.

Комедія «Свадьба Кречинскаго»—была мнѣ извѣстна по одной рукописи, читанной въ одномъ домѣ, прежде вашего письма. Я согласенъ съ вами, что это произведеніе прекрасное, и замѣчанія ваши совершенно вѣрны. Разумѣется, игра на сценѣ подняла ее неизмѣримо выше, чѣмъ она на са-

момъ дѣлѣ оказывается. Сухово-Кобылинъ, по моему мнѣнію, выше Островскаго: въ немъ нѣтъ этой жалкой односторонности... Если авторъ «Свадьбы» будетъ продолжать свое поприще, талантъ его развернется блестящимъ образомъ.

Мнѣ представляется страннымъ, почему вы рѣдко посѣщаете Галахова и, кажется, уже слишкомъ часто бываете у Островскаго. Первый былъ бы полезнѣе для васъ, чѣмъ послѣдній. Галаховъ—истинно образованный человѣкъ, съ вѣрнымъ взглядомъ на вещи, и, что всего лучше, съ любовью къ образованію.

Не мѣшало бы вамъ (впрочемъ, я думаю, что со временемъ это само собою устроится) познакомиться съ кружкомъ Каткова. Катковъ очень умный человѣкъ, и его общество состоитъ изъ людей отлично-развитыхъ, любящихъ отечество и науку такъ, какъ ее надобно любить.

Пріобрѣтеніе книгъ—хорошее дѣло съ вашей стороны; вы совершили истинно-геройскій подвигъ на мѣстѣ гвардейскаго офицера: отказались отъ новаго сюртука и закупили себѣ едва ли не всю Россійскую словесность? Да здравствуетъ наука! Это ея побѣда и надъ вашимъ кошелькомъ, и надъ вашимъ сердцемъ...

«Взглядъ на русскую критику»—печатается. Удостойте сей скромный трудъ вашего вниманія и, по прочтеніи его, сообщите мнѣ ваше мнѣніе, проникнутое совершенною искренностью, даже горькою правдою, если это будетъ необходимо. Похвалу я впередъ заподозрю. Статья моя, собственно говоря, полемическая: она вызоветъ страшное неудовольствіе со стороны г.г. литераторовъ, опочившихъ на лаврахъ своихъ маленькихъ побѣдъ. Прислушайтесь и къ чужому голосу и, пожалуйста, если будутъ бранить, передайте эту брань буквально. Большое спасибо вамъ скажу. У меня судьи нѣтъ; я защищаю въ этой статьѣ, собственно, память Введенскаго: онъ понялъ бы меня, а теперь остается мнѣ довольствоваться судомъ людей постороннихъ, въ родѣ Краевскаго и др. Но вѣдь искренности нѣтъ ни на грошъ въ этихъ господахъ.

Біографія И. И. Введенскаго, кажется, будетъ отпечатана въ Январѣ: судьба преслѣдуетъ покойника и за гробомъ, какъ будто она мало потѣшилась надъ нимъ во время его жизни. Краевскій далъ слово напечатать въ Декабрѣ—и надулъ, обѣщался напечатать въ Январѣ—и, можетъ быть, опять надуетъ. Я думалъ уже напечатать біографію Введенскаго на собственный счетъ, отдѣльнымъ оттискомъ, и посвятить ее воспитанникамъ Дворянскаго Полка, потребовалъ рукопись назадъ отъ Краевскаго. Онъ пріѣхалъ самъ ко мнѣ и просилъ подождать, увѣривъ меня, что непремѣнно отпечатаетъ въ Январѣ. Посмотримъ. Какъ все это бѣситъ, какъ все это низко, скверно! Но судьба стоитъ съ молоткомъ надъ маковкой и говоритъ: «покоряйся обстоятельствамъ». Чертъ побери эту судьбу со всѣми ея обстоятельствами!

Принимаюсь за новую работу для штаба: что-то выйдетъ изъ нея? Отдаю себя совершенно этому труду и надѣюсь его выполнить честно. Будущее въ рукѣ Божіей и Ростовцева. Здоровье скверно; давитъ какой-то духъ зла, тревоги и вѣчнаго несамодовольствія. Тридцать лѣтъ провести безъ радостей, безъ надеждъ, безъ сочувствія, среди лишеній, нуждъ, безпрерывныхъ трудовъ и въ заключеніе этого дивертисимента стать передъ лицомъ голодной смерти: это..

Горячо любящій васъ *Благосвѣтловъ.*

XXX.

С.-Петербургъ, 7 Февраля 1856 г.

Любезный другъ, Михаилъ Ивановичъ, пишу къ вамъ письмо въ 3 часа ночи и долженъ сказать о причинѣ этого событія, необычайнаго въ моей жизни. Въ 8 часовъ вечера, въ часъ моего отдыха, я зачиталъ ваши письма и думалъ кончить къ 9 часамъ чтеніе. Не тутъ-то было. Переходя отъ одного листика къ другому, я постепенно шелъ далѣе. Предметы вашихъ писемъ или, говоря правильнѣе, мемуаровъ, въ высшей степени интересные, невольно увлекали меня за собой, пробуждая во мнѣ то воспоминанія о быломъ, то разнаго рода соображенія. Не примите за комплиментъ (да прокляты будутъ всѣ комплименты на свѣтѣ!)—перо ваше начинаетъ организоваться, фраза выступаетъ легче, а матеріалы мысли широко расширяются. Я пришелъ въ истинный восторгъ отъ того, что вы начинаете читать французскія книги. Ура! Что значитъ овладѣть языкомъ?—Значитъ отворить себѣ двери въ цѣлую область, въ цѣлое царство человѣческой мысли и чувства, значитъ расширить горизонтъ своего свѣдѣнія до безпредѣльныхъ границъ, значитъ дать себѣ возможность черпать умственныя сокровища у народа, который цѣлыми вѣками, всей своей исторіей, борьбой и страданіями выработалъ свой собственный міръ знанія и опытовъ. Вы знаете, что я отнюдь не принадлежу къ числу безусловныхъ поклонниковъ французской литературы: въ ней много шарлатанства, болтовни, подлоговъ, мистификаціи, всей той дряни, которую вносятъ въ массу народнаго образованія умы вѣтряные и праздные, за всѣмъ тѣмъ, въ ней чрезвычайно много хорошаго. Ни одна изъ европейскихъ литературъ не обладаетъ такими превосходными переводами съ древнихъ языковъ, какъ французская, ни одна литература не обладаетъ тѣмъ высокимъ, истинно-художественнымъ даромъ—ясно, живо и популярно говорить о самыхъ трудныхъ и спеціальныхъ предметахъ, какъ французская. Вотъ ея великолѣпныя достоинства. Что же касается до самаго содержанія, до кругозора французской мысли, надобно признаться, что нѣтъ болѣе пустой литературы, какъ та же французская. Конечно, XVIII вѣкъ съ каѳедры Франціи и изъ Фернейскаго замка, гдѣ жилъ одинъ изъ тѣхъ пламенныхъ

проповѣдниковъ свободы мысли и человѣческаго добра... одинъ изъ тѣхъ благородныхъ борцовъ съ человѣческими пороками и подлостями, съ кафедры Франціи и изъ Фернейскаго замка было много сказано великихъ, славныхъ истинъ, но эти истины не нашли себѣ практическаго примѣненія и тѣмъ потеряли свой кредитъ передъ лицомъ другихъ народовъ. Стой! Стой! Я заговорился: дѣло въ томъ, что я хотѣлъ разсказать вамъ, почему я пишу это письмо въ 3 часа ночи. Для этого нужно объяснить одно обстоятельство, замѣчательное въ физіологическомъ отношеніи. Мозгъ въ моей головѣ способенъ горѣть — понимайте это буквально: когда онъ принимаетъ въ себя за разъ слишкомъ много впечатлѣній, болѣе или менѣе дѣятельныхъ и живыхъ, голова моя начинаетъ нагрѣваться и до того воспламеняется, что я не могу спать цѣлую ночь. Эти безсонницы со мной бываютъ часто. Слишкомъ большія радости (чертъ бы ихъ побралъ—сколько я ни манилъ ихъ къ себѣ—никогда не приходили) и сильное горе, особенно глубоко-оскорбительное нравственное обстоятельство, обыкновенно отнимаютъ у меня сонъ, превращаютъ меня въ автомата, ничего не видящаго, что̀ дѣлается вокругъ, но мыслящаго и проклинающаго... Вотъ точно то же обстоятельство случилось со мной и послѣ вашихъ писемъ, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь не было мѣста ни сильной радости, ни горю, а былъ тотъ громадный притокъ впечатлѣній, та сгруппировка фактовъ, которые я дѣйствительно люблю, какъ вы это замѣтили. Они даютъ уму пищу—русскій умъ любитъ матеріалъ и только на основаніи матеріаловъ приступаетъ къ выводамъ и заключеніямъ. Итакъ, я не сплю въ 3 часа ночи, благодаря вашимъ прекраснымъ письмамъ.

Собственно говоря, я стыжусь вамъ отвѣчать листикомъ на ваши письма, которыя, со временемъ, составятъ громадный фоліантъ; да что же дѣлать? времени, времени мало, Михаилъ Ивановичъ. Кстати, прелюбопытная исторія. *Я служу* преподавателемъ русскаго языка и словесности въ *Маріинскомъ институтѣ!!!* Съ новаго года...

Еще разъ повторяю, что я въ истинномъ восторгѣ отъ васъ. Вы учитесь, занимаетесь, вы собираете матеріалы, посѣщаете ученое сословіе, слѣдите за современными вопросами нашей бѣдной словесности, наконецъ, трудитесь; любознательность ваша, какъ я вижу изъ писемъ вашихъ, съ каждымъ днемъ растетъ болѣе и болѣе. Да здравствуетъ 3 спеціальный классъ, еслибъ онъ даже одного г. Семевскаго вывелъ въ люди, то и тогда не даромъ онъ коптитъ небо. Вотъ только дѣло въ чемъ: вы, на первый разъ, слишкомъ увлекаетесь дребеденью, въ родѣ сочиненій Старчевскаго. Позвольте объясниться съ вами на этотъ счетъ подробнѣе. Молодой человѣкъ, одаренный талантомъ и любознательностью, но не получившій спеціальнаго, строго-систематическаго или классическаго образованія, выступая на поприще самостоятельной дѣятельности, бросается, обыкновенно, на всякую печатную дрянь и сволочь, желаетъ все знать, одна цитата заставляетъ его часто про-

читать цѣлую книгу, одна идея, умная и свѣтлая, побуждаетъ его искать новыхъ матеріаловъ, одна мысль тѣснитъ другую, и онъ часто и очень часто въ этомъ хаосѣ разнообразныхъ мнѣній и сужденій запутывается, теряетъ опредѣленную цѣль и тратитъ понапрасну и силы, и время. Разумѣется, увлеченіе похвальное, но надобно стараться его обѣжать. Читайте только умныя книги и богатыя фактами. Это важная вещь—умѣть напасть на дѣльную книгу и просадить ее такъ, чтобы она цѣликомъ засѣла въ головѣ. Напримѣръ, зачѣмъ вы читаете исторію Петра Великаго Вольтера? Это сочиненіе можетъ образовать въ васъ ложный взглядъ на великаго человѣка, можетъ перевернуть вверхъ дномъ всѣ ваши истинныя понятія о Петрѣ и его эпохѣ. Однимъ словомъ, приступая къ чтенію какой бы то ни было книги, надобно сначала точно опредѣлить цѣль, для которой она необходима, и достоинства ея. Представьте, что въ одинъ годъ вы прочитали 300 біографій Карамзина — Старчевскаго, что вы извлечете изъ этого чтенія? Два-три годныхъ факта и сотни идей ложныхъ, навыворотъ построенныхъ. Я объ этомъ намѣренъ говорить съ вами подробно: я все ожидаю свободнаго времени, чтобы закатить вамъ письмо листовъ въ 10, авось дождусь этого случая.

Если вы читаете свободно французскія книги, то я рекомендовалъ бы вамъ познакомиться съ вѣкомъ Екатерины II по французскимъ источникамъ. Вотъ здѣсь Вольтеръ—хорошій помощникъ, а начать надобно съ Mémoires du comte Ségur. Эти мемуары въ высшей степени хороши. Сегюръ былъ другомъ Екатерины, потомъ съ Кастеромъ, съ перепиской Екатерины съ Дидро и Д'Аламберомъ и пр. и пр. Всѣ эти источники для вашихъ предлежащихъ работъ—штука важная.

Ну, вы Островскаго полюбили, какъ 17-лѣтнюю дѣвушку. Исполать вамъ. Я не имѣю причинъ не уважать его, но платить дань удивленія—сохрани, Господи!

Извините, что опоздалъ моимъ письмомъ; по горло былъ занятъ. Богъ съ вами! Прощайте. Буду скоро писать большое письмо. Преданный и любящій васъ

Гр. Благосвѣтловъ.

Только запечаталъ свое письмо, другое ваше посланіе отъ 19 Января получаю. Всего письма читать некогда—ѣду къ Бирюлеву, а на концѣ увидѣлъ, что вы хотите познакомиться съ Погодинымъ и съ Катковымъ. Что касается до Погодина,—не совѣтую. На что онъ вамъ? Предметъ вашихъ работъ ничего не имѣетъ общаго съ его предметомъ. Пусть вамъ и напѣваютъ на его счетъ панегирики—но это мыльные пузыри. Разъяснять теперь некогда. Замѣтьте, что онъ враждуетъ съ нашимъ просвѣщеніемъ подъ фирмою патріотизма... Москва не любитъ вообще петербургскихъ литераторовъ

и хвалитъ черезчуръ своихъ. Катковъ—это другое дѣло: человѣкъ съ свѣжимъ мозгомъ и благородный. Просто придите къ нему и скажите, что вы желаете съ нимъ познакомиться,—вы занимаетесь литературой и желаете иногда воспользоваться его совѣтомъ, добрымъ словомъ. Вотъ и все тутъ. Онъ философъ, и притомъ греческій, но знаетъ много и другого.

XXXI.

11-ое Апрѣля.

Михаилъ Ивановичъ, мой драгоцѣнный другъ! 11-ое Апрѣля—день, очень замѣчательный въ моей жизни. Я никогда не забуду его, потому что онъ кровью написанъ въ моей біографіи,—день невыносимой пытки, день нестерпимыхъ душевныхъ страданій, нравственной бури въ душѣ, безвѣрія въ самого себя..... Ровно годъ назадъ тому, какъ 11-го Апрѣля, въ 9 часовъ утра, я получилъ изъ Пажескаго корпуса приглашеніе явиться къ инспектору классовъ; явился. Въ началѣ одиннадцатаго судьба моя была рѣшена. «Вы не служите больше въ нашемъ корпусѣ», сказалъ Ортенбергъ—«это воля Государя».—«Слушаю», сказалъ я и опрометью пустился бѣжать. «Постойте», проговорилъ генералъ-маіоръ; я возвратился. «Жалко мнѣ васъ, очень жалко. Вы потеряли всѣ мѣста въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; нынче или завтра вамъ откажутъ и другіе корпуса, *можно умереть съ голоду.* — «Можно умереть съ голоду!» Эти слова, какъ острыя иглы, запущенныя подъ ногти, болѣзненно прошли по моей душѣ; голова загорѣлась, въ сердцѣ проснулось ужасное негодованіе, и я, оглушенный молотомъ, ударившимъ непредвидѣнно прямо въ темя головы, возразилъ: «неужели я лишился всѣхъ мѣстъ»—.«Всѣхъ до одного, продолжалъ мой безпощадный палачъ, карманный герой 12-го года:—«всѣхъ до одного», подтвердилъ онъ и бросилъ на меня свой генеральскій взглядъ, въ которомъ ярко засвѣтилась горькая насмѣшка, растворенная отвратительнымъ коварствомъ. Въ 11-ть часовъ я возвратился домой: тяжело было идти,—какъ будто я несъ на плечахъ сто-пудовую ношу. Грудь сильно поднималась, голова огнемъ горѣла, а въ сердцѣ было холодно, какъ въ могильномъ склепѣ. «Такъ вотъ чѣмъ кончилась моя карьера, думалъ я дорогою—карьера, такъ блистательно начатая. Два слова разрушили всѣ мои планы, обратили въ пепелъ всѣ мои надежды. Давно ли я мечталъ, какъ радостно встрѣтитъ меня наступающее лѣто: съ какимъ невыразимымъ восторгомъ, послѣ десяти лѣтъ разлуки, тяжелой борьбы съ самимъ собой, послѣ гнетущихъ заботъ и лишеній, перенесенныхъ съ помощью бодрой молодости, я отправлюсь на родину, на свиданіе съ единственнымъ существомъ, въ жилахъ котораго течетъ родная мнѣ кровь, какъ вольно дохнетъ моя грудь свѣжимъ воздухомъ южнаго

деревенскаго края, гдѣ живетъ моя сестра; какъ легко и отрадно будетъ мнѣ, когда я сброшу съ себя всѣ служебныя хлопоты, забуду цѣлыя десять лѣтъ добровольнаго заточенія, трудовъ, безпокойствъ и убійственныхъ сомнѣній и упаду въ объятія сестры, горячо меня любящей, на лоно зеленыхъ полей и безмятежнаго уединенія! Силы мои воскреснутъ, и я возвращусь къ началу учебнаго года съ полнымъ желаніемъ продолжать дѣятельность въ III спеціальномъ классѣ. Въ прошедшемъ году я былъ призванъ на эту прекрасную каѳедру въ расплохъ, въ концѣ Августа, когда надобно было начинать лекціи: слѣдовательно, я не успѣлъ ни обдумать плана для своихъ чтеній, ни приготовиться къ истинно-серьезному труду. Теперь иное дѣло, думалъ я. Въ три мѣсяца, гдѣнибудь подъ тѣнью деревенскаго пчельника или въ саду, лицомъ къ лицу съ свободной природой, я могу запастись обильными матеріалами для будущихъ лекцій и произношу торжественный обѣтъ, что будущіе мои слушатели не услышатъ ни одного празднаго звука, ни одной мысли, лишенной свѣтозарнаго результата. Я поставлю передъ ними 20-ть вѣковъ исторической науки и отъ Геродота до Карамзина пройду весь рядъ знаменитыхъ дѣятелей, приготовившихъ исторію XIX-го вѣка съ ея неумолимыми приговорами надъ злодѣями и мучителями своего народа. Я подниму изъ праха напрасно поруганные авторитеты, и отъ мощнаго слова правды задрожатъ своды аудиторіи, недаромъ внимающей своему учителю. Пройдетъ годъ и какая радость меня ожидаетъ: я отправлюсь за границу, проживу 3 мѣсяца въ Англіи и успѣю познакомиться съ прекрасной литературой. Пройдетъ годъ, и новая задушевная мечта приведется въ исполненіе—я отправлюсь на берегъ Рейна, займусь изученіемъ французской литературы и овладѣю литературнымъ перомъ на этомъ языкѣ. Потомъ... потомъ истинно послѣдній долгъ природѣ и земному своему назначенію—женюсь на бѣдной, но любимой мною дѣвушкѣ и весь буду принадлежать своей семьѣ и наукѣ. Не нужно мнѣ ни богатствъ, ни почестей, ни даже славы: счастье семейной жизни, успѣхъ и плоды литературной дѣятельности щедро наградятъ меня за все. Вотъ мое земное поприще, и, когда я стану надъ могилой, могу спокойно положить руку на сердце и сказать: я исполнилъ свой долгъ, какъ человѣкъ, какъ сынъ отечества, какъ гражданинъ: «прощай, блистательное свѣтило: ты не даромъ озаряло путь моей бѣдной жизни». Вотъ тѣ мечты, которыя свѣтлой вереницей проносились въ моей головѣ, когда вдругъ судьба опрокинула вверхъ дномъ всѣ мои предположенія и произнесла устами глупаго генерала: «можно умереть съ голоду». Вотъ тѣ мысли, съ которыми я возвратился домой отъ инспектора Ортенберга. Болѣзненно сжалось мое сердце, когда я переступилъ за порогъ моей квартиры: первое лицо, которое встрѣтилось мнѣ въ эту минуту, былъ солдатъ съ пакетомъ въ рукахъ. Я взялъ пакетъ, печать слетѣла, руки задрожали, и я прочиталъ: «Артиллерійское училище, по общему совѣту и приказанію его начальника, увольняетъ Г. Е. Благосвѣтлова отъ службы.» Тяжело, крайне тяжело! Въ 2 часа ѣду во 2-ой корпусъ, гдѣ я долженъ былъ прочи-

тать послѣднюю лекцію. Лекція была истинно-вдохновенная. Душа волновалась, и слова широкимъ потокомъ неслись изъ сердца, глубоко-оскорбленнаго. По окончаніи урока я переступилъ съ новымъ страхомъ за порогъ аудиторіи, и меня ожидала послѣдняя капля яда, поднесеннаго мнѣ Пажескимъ корпусомъ. Инспекторъ взялъ меня за руку, отвелъ въ пріемную комнату и сказалъ: «исполняя волю директора, я долженъ сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: васъ увольняетъ 2-ой корпусъ отъ службы». «Довольно,— остальное знаю», сказалъ я и бросился бѣжать по корридору. Какъ я дошелъ до квартиры И. И. Введенскаго—не знаю; вошелъ въ его комнату; онъ лежалъ на диванѣ, закрывшись: «Здраствуйте, Ир. Ив.., сказалъ я дрожащимъ голосомъ, и слезы брызнули изъ глазъ. «Здравствуйте, сказалъ покойный другъ; знаю вашу исторію—не бойтесь ничего; губятъ васъ во имя политическихъ фантомовъ. Ничего! Не унывайте. Эта буря предвѣщаетъ вамъ чудное, новое утро жизни»—и слова слѣпаго мудреца, какъ освѣжительная капля, падающая на языкъ истомленнаго жаждой, ободрили меня, освѣжили мои силы. «Ну, продолжалъ онъ,—клянусь вамъ отстоять васъ, развѣ самъ упаду духомъ и не поборю Ростовцева». Но довольно. Остальное вы знаете. Такъ вотъ годовщина 11-го Апрѣля 1855 года! Въ этотъ-то самый день я получилъ ваше прекрасное письмо, въ которомъ вы поздравляете меня съ праздникомъ. Я искренно поцѣловалъ ваше письмо: оно оправдало обѣщаніе любимыхъ мной бывшихъ воспитаннико въ III-го спеціальнаго класса, которые обѣщались не забывать меня въ этотъ день, т. е. въ день Свѣтлаго русскаго праздника. Обѣщаніе исполнилъ г. Семевскій, который такъ блистательно поддержалъ своего гонимаго учителя на публичномъ экзаменѣ. Цѣлую, тысячу разъ цѣлую васъ, во имя человѣчества и благодарныхъ чувствъ, свойственныхъ вашему молодому сердцу. И странное сочетаніе обстоятельствъ: вы грустили въ ту пору, когда писали ко мнѣ письмо отъ 9 Апрѣля, и я грустилъ въ этотъ день, потому что именно 9 Апрѣля, въ 5 часовъ, я произнесъ два слова, сгубившія мою карьеру и едва не сгубившія меня самого. Въ 7 часовъ вечера того же 9 Апрѣля доносчикъ сообщилъ мои слова Д...., а на утро ихъ услышалъ Государь и произнесъ свой справедливый и кроткій судъ... Ученикъ донесъ на своего учителя, который никогда ничего не желалъ своимъ воспитанникамъ, кромѣ добра и пользы. Ученикъ предалъ своего учителя, какъ Іуда, которому даже отказали въ кровавыхъ сребренникахъ. Вотъ что ужасно оскорбительно! Три года я не щадилъ ни силъ, ни здоровья, старался быть полезнымъ, сколько могъ, и въ той же аудиторіи, въ которой такъ часто мнѣ рукоплескали, ученики приготовили висѣлицу своему учителю...

Къ черту всѣ сомнѣнія, грусть, хандру и безпокойства! Вѣра въ самого себя, Михаилъ Ивановичъ. О чемъ вы унываете? Полноте творить чудеса въ рѣшетѣ! Заря вашей жизни начинается блистательно. Вы молоды, силы ваши свѣжія, благородныя стремленія присутствуютъ въ вашей душѣ; вы человѣкъ

съ талантомъ, съ жаждою благороднаго труда, съ любовью, горячею любовью къ наукѣ: вы счастливы, и этому счастью можно позавидовать на всѣхъ концахъ обширнаго русскаго царства. Оглянитесь вокругъ: многіе ли изъ вашихъ товарищей избрали себѣ такой вѣрный и плодотворный путь, какъ вы. Одинъ изъ вашихъ однокашниковъ, можетъ быть, теперь дуетъ въ двойки и считаетъ величайшимъ наслажденіемъ выиграть двугривенный, другой глотаетъ перцовку и готовитъ себѣ поприще пьяницы.

Но вы занимаетесь наукой; у васъ есть цѣль впереди, есть дѣятельность; горизонтъ вашихъ свѣдѣній расширяется съ каждымъ днемъ, и ваше нравственное существо растетъ незамѣтно. Именемъ друга, вашего учителя, именемъ, священнымъ для меня, именемъ могилы Ир. Ив. Введенскаго, клянусь вамъ: вы счастливы, и всякая хандра, всякое уныніе есть малодушіе, дѣтская несамоувѣренность въ себѣ съ вашей стороны. Ну, къ черту всякія сомнѣнія! Одолѣвайте французскій языкъ, читайте книги, продолжайте свои труды, неутомимо продолжайте, и наука заплатитъ вамъ чистѣйшими восторгами за каждую минутку, отданную ей. Будемъ веселиться, Михаилъ Ивановичъ; ну, обнимемся же, поцѣлуемся, дадимъ другъ другу руки и скажемъ дружно: «до гроба станемъ любить науку и постараемся сдѣлать что-нибудь въ ея пользу». На старости лѣтъ пріятно будетъ вспомнить свою молодость, проведенную надъ книгой въ кабинетѣ, а не въ кабакѣ и не въ...

Я послалъ вамъ письмо отъ 4 Апрѣля и удивляюсь, какъ вы не получили его. Ну, какъ-то васъ будетъ привѣтствовать Московская Пасха: гуломъ колоколовъ и рядомъ здобныхъ кулебякъ? И то хорошо.

Григорій Благосвѣтловъ.

XXXII.

17 Іюня 1856 г.

Любезный другъ, Михаилъ Ивановичъ!

Ваши письма благотворно дѣйствуютъ на мою усталую душу: они ободряютъ меня, заставляютъ иногда взглянуть на самого себя не совсѣмъ оскорбительнымъ и безнадежнымъ взглядомъ. Такъ велика сила искренняго расположенія и теплой любви, столь свойственной вашей юношеской душѣ! Не думайте, чтобы я льстилъ вашему самолюбію, — нѣтъ, человѣкъ, въ 30 лѣтъ, не имѣющій чина и ни одной копѣйки за душой, послѣ 22 лѣтъ безпрерывнаго труда на школьной скамьѣ и на поприщѣ житейскомъ, не способенъ льстить никому въ мірѣ. Повторяя Ломоносова, смѣло могу сказать: «не хочу быть льстецомъ не только передъ престоломъ земнаго царя, нижѣ передъ

престоломъ Царя царей!» Нѣтъ, дѣйствительно, ваши письма, какъ свѣжая роса, падаютъ на мою душу. Въ нихъ такъ много задушевнаго, благороднаго, умнаго, что я читаю ихъ всегда по-немногу, какъ будто для того, чтобы не вдругъ выпить прохладительный напитокъ, за которымъ ждетъ новая и продолжительная жажда. Не стану объяснять вамъ подробно, почему я люблю ваши письма; одно замѣчу: тамъ, гдѣ говоритъ душа, притомъ, молодая и признательная, тамъ всегда есть мѣсто горячему сочувствію. Отъ всей души благодарю васъ за каждую строчку вашего послѣдняго, 12-го, письма, въ которомъ ловкое ваше перо сообщило мнѣ такъ много интересныхъ фактовъ; съ каждымъ вашимъ письмомъ переношусь въ Москву, живу съ вами, чувствую вашимъ чувствомъ, говорю съ квартальными, булочниками, купцами и литераторами. Эта пестрая семья проходитъ передъ мной со всѣми особенностями самой жалкой, избитой, опозоренной и униженной физіономіи, со всѣми прекрасными качествами русскаго первобытнаго человѣка, исковерканнаго и обезображеннаго подъ гнетомъ обстоятельствъ... Честь и слава вашей наблюдательности и блистательнымъ успѣхамъ будущаго даровитаго и образованнаго литератора!..

Послѣ десятой лекціи Государыня Великая Княгиня Елена Павловна, подъ покровительствомъ которой находится Институтъ, приказала мнѣ явиться къ себѣ. Въ 5 часовъ вечера я поднялся по великолѣпной гранитной лѣстницѣ въ Михайловскій дворецъ. Швейцаръ доложилъ дежурному офицеру, офицеръ проводилъ меня въ пріемную комнату, гдѣ камердинеръ, благообразный и вѣжливый французъ, спросивъ мою фамилію, оставилъ меня въ залѣ, а самъ пошелъ къ Великой Княгинѣ. Черезъ полчаса явился ко мнѣ и, забѣгая впередъ отворялъ двери; я прошелъ огромной залой, уставленной цвѣтами, люстрами, картинами, часами и обитой шелковыми обоями; изъ этой залы я вступилъ въ другую комнату, покрытую персидскими роскошными коврами; въ этой комнатѣ на меня пахнула совершенно весенняя атмосфера (это было въ Февралѣ) тропическихъ растеній, и высоко-брызжущій фонтанъ струилъ свою чистую воду въ прекрасный бронзовый бассейнъ; далѣе еще нѣсколько комнатъ,—и, чѣмъ дальше, тѣмъ роскошнѣе. Наконецъ, я вступилъ въ кабинетъ Ея Высочества. Кабинетъ зеленый — это первый, потомъ перешелъ во второй—пунцовый, и, наконецъ, въ голубой. Камердинеръ, впустивъ меня въ эту комнату, затворилъ за мной дверь, и я увидѣлъ передъ собой блѣдную женщину, съ прекрасными выразительными глазами, обвязанную хлопчатой бумагой по обѣимъ щекамъ, въ черномъ платьѣ и съ бѣлымъ платочкомъ на шеѣ. Это была Великая Княгиня. Она близко подошла ко мнѣ, внимательно посмотрѣла въ глаза мои и потомъ спросила: «охотно васъ слушаютъ мои воспитанницы?» «Кажется, охотно, Ваше Высочество», отвѣчалъ я.

Обращеніе этой умной и въ высшей степени образованной принцессы такъ мгновенно сблизило меня съ ней, что я забылъ свою обычную робость,

говорилъ горячо и бойко и даже улыбался, какъ будто давнымъ-давно знакомъ съ Ея Высочествомъ. Между прочимъ, говоря о русскомъ языкѣ (Великая Княгиня говоритъ понятно, но не хорошо), она спросила: «какъ я говорю по русски?»—«Не хорошо», отвѣчалъ я и улыбнулся. Послѣ мнѣ сказали, что я удралъ величайшую глупость, но за то правду—и то хорошо. Черезъ полчаса она ласково простилась со мной, прибавивъ по французски: «Прошу васъ быть со мной знакомымъ». Я поклонился и пошелъ. Потомъ мнѣ было объявлено, чтобы я приготовился явиться во дворецъ—прочитать нѣсколько лекцій фрейлинамъ, въ присутствіи Великой Княгини. Но среди этихъ ожиданій вдругъ получаю приказаніе явиться къ секретарю Ея Высочества, который объявилъ мнѣ очень холодно и спокойно: «Великая Княгиня приказала вамъ подать въ отставку за болѣзнью». Я поклонился, ушелъ домой, написалъ просьбу и въ тотъ же день подалъ объ увольненіи изъ института. Это было въ первыхъ числахъ Мая. На третій день уже узналъ, за что меня гонятъ изъ заведенія, гдѣ такъ недавно рукоплескали моимъ лекціямъ, и вотъ за что. Великая Княгиня, принимая меня въ институтъ, не успѣла переговорить объ этомъ съ Государемъ и не знала (да и я не зналъ), что существуетъ приказаніе — не принимать меня никуда по учебной части. 3-е отдѣленіе по секрету сообщило объ этомъ во всѣ учебныя заведенія, но забыло маленькій Маріинскій институтъ, въ углу котораго я притаился. Дуббельтъ пріѣхалъ къ Ея Высочеству и сказалъ, что, если угодно, они войдутъ съ особеннымъ докладомъ къ Его Императорскому Величеству. Великая Княгиня была такъ добра и благоразумна, что не позволила ему пускать новые крючки и сказала, что Благосвѣтловъ перемѣнитъ мѣсто. Между тѣмъ, мнѣ было приказано продолжать лекціи и считать меня на службѣ до Августа, а тамъ обѣщались похлопотать на-верху и, если возможно, отворить мнѣ двери во всѣ учебныя заведенія или дать другое мѣсто, если Государь не проститъ меня. Боже мой! Чего бы я не отдалъ великодушному Царю за одно слово прощенія... Годъ крѣпости, 5 лѣтъ жизни,—все, что есть дорогаго для меня на землѣ, все отдаю за то только, чтобы не лишали меня того поприща, для котораго я чувствую себя способнымъ, и на которомъ я могъ приносить посильную пользу. Будь—что будетъ. Подождемъ Августа. Михаилъ Ивановичъ, что я вамъ сейчасъ пишу—это величайшій секретъ: его знаю я, Великая Княгиня и ея секретарь; храните тайну до времени. Но буду говорить дальше. Институтки узнали, что я выхожу изъ ихъ заведенія за болѣзнью. Прихожу я однажды въ классъ; предметъ чтенія моего была трагедія Пушкина «Борисъ Годуновъ», я объ этой лекціи предупредилъ заранѣе, потому что она была послѣдняя, и мнѣ хотѣлось прочитать ее хорошо. Огромная аудиторія была биткомъ набита. Изъ другихъ классовъ собрались многія взрослыя воспитанницы, классныя дамы и даже посторонніе. По обѣимъ сторонамъ каѳедры стояли букеты свѣжихъ цвѣтовъ; прекрасная тетрадь, въ которой я записывалъ лекціи, была

перевязана широкими голубыми лентами, и верхъ каѳедры былъ покрытъ кускомъ свѣтлаго пунсоваго сукна. Сцена одушевила меня. Лекція была не плохая. Когда кончился классъ, воспитанницы высшаго отдѣленія встали и сказали мнѣ слѣдующее привѣтствіе: «Вы дали намъ въ первый разъ почувствовать настоящую цѣну науки, живаго и не безполезнаго ея преподаванія; вы заставили насъ полюбить русскій языкъ, читать русскія книги и съ охотою трудиться; не покидайте насъ, г-нъ Благосвѣтловъ; а мы съ своей стороны постараемся оправдать ваше доброе мнѣніе о насъ, утѣшить васъ своими успѣхами». Я заплакалъ и скорѣй убѣжалъ изъ класса, ничего не отвѣтивъ. 12 Іюня (это былъ послѣдній классъ) я пришелъ въ институтъ подъ вліяніемъ самой тяжелой мысли. Съ одной стороны, мнѣ хотѣлось сказать своимъ прекраснымъ ученицамъ всю правду, почему я покидаю ихъ, съ другой—мнѣ строго было запрещено. Ставъ на каѳедру, я обратился къ нимъ съ прощальной рѣчью, въ которой хотѣлъ намекнуть на истинную сторону дѣла. Давая совѣты, какъ надобно пользоваться досугами каникулярнаго времени, въ какой степени полезно чтеніе хорошихъ книгъ, и, наконецъ, указывая на высокое значеніе образованной женщины въ кругу семейства, въ обществѣ, предъ колыбелью дѣтей, передъ лицомъ мужа и всего человѣчества, я незамѣтно перешелъ къ тому безотрадному положенію, которое разлучитъ меня съ институтомъ, который я такъ пламенно полюбилъ. При этомъ грудь моя зашаталась, голосъ задрожалъ, тайна полетѣла къ черту, и рѣчь, нелицемѣрная и правдивая, полилась широкимъ потокомъ. 30 воспитанницъ единодушно заплакали. Я не видѣлъ этого, благодаря своей близорукости, но бѣлые платки, замелькавшіе въ рукахъ, показались мнѣ странными. Я самъ былъ взволнованъ и, еслибъ не стыдно было плакать, какъ ребенку, заплакалъ бы съ удовольствіемъ. Классъ кончился. Черезъ часъ, проходя мимо аудиторіи, въ которой я прощался съ институтками, я взглянулъ на каѳедру: она была покрыта трауромъ съ бѣлыми плерезами. Воспитанницы стали въ два ряда по корридору, и я шелъ между ними, убитый тяжелой тоской. До самаго конца лѣстницы милыя дѣвушки сопровождали своего учителя, незаслужившаго такого вниманія; послѣдняя изъ нихъ подала мнѣ букетъ, и, когда швейцаръ подалъ мнѣ шляпу, въ ней лежалъ прекрасный вѣнокъ изъ розъ и незабудокъ. Я всю дорогу на-единѣ плакалъ, какъ только можно плакать, безъ свидѣтелей, человѣку съ глубоко-потрясеннымъ сердцемъ.

Крѣпко прижимающій васъ къ сердцу

Григорій Благосвѣтловъ.

XXXIII

Москва, 18 Марта 1860 г.

Милостивый Государь,

Михаилъ Ивановичъ!

Прошу васъ извинить меня, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ на письмо ваше отъ 4 Марта, за разными помѣхами. Благодарю васъ за сообщеніе извѣстій о любопытныхъ матеріалахъ, вами открытыхъ, и душевно радуюсь, что, хотя заочно, познакомился съ любителемъ нашей старины, котораго труды такъ полезны и добросовѣстны. Вы, конечно, не сомнѣваетесь въ томъ, что я принадлежу къ числу усерднѣйшихъ вашихъ читателей. Предметъ насъ занимаетъ преимущественно одинъ и тотъ же, XVIII вѣкъ, и я убѣжденъ, что изысканія, подобныя вашимъ, должны лечь въ основаніе дальнѣйшимъ историческимъ трудамъ, которые уже будутъ имѣть готовые матеріалы для всесторонніхъ, обдуманныхъ глубоко сужденій и выводовъ. У насъ такъ мало такихъ матеріаловъ! Вы извлекаете ихъ изъ источниковъ, мало-извѣстныхъ, но именно драгоцѣнныхъ, потому что они современны и носятъ на себѣ характеръ эпохи. Приступайте къ дѣлу, не останавливаясь за слишкомъ дальними справками.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою. *Мих. Лонгиновъ.*

XXXIV.

Москва, 11 Октября 1861 г.

Милостивый государь, Михаилъ Ивановичъ, я въ долгу передъ вами и долженъ благодарить васъ за знаки вашего добраго расположенія и памяти, доказательствомъ которыхъ служитъ присылка вами оттисковъ вашихъ статей. Вы знаете, какъ цѣню я полезные труды ваши и съ какимъ любопытствомъ читаю все, написанное вами, извлекая изъ него столько полезнаго и для моихъ посильныхъ занятій. Какъ жалки и забавны выходки (впрочемъ, рѣдкія) нѣкоторыхъ журналовъ противъ рода литературы исторической, избраннаго вами и разрабатываемаго съ такимъ успѣхомъ! Смыть «краски чуждыя» съ историческихъ картинъ и реставрировать ихъ не есть ли важная заслуга, послѣ которой только и возможно произносить надъ ними судъ и не дать обмануть себя ложью оффиціальныхъ повѣствованій? Наконецъ-то, передъ нами начинаютъ ходить не тѣни, а настоящіе люди, не мелькаютъ призраки, а рисуются живо настоящія событія! Прошу васъ покорнѣйше впредь доставлять мнѣ все, что будетъ печататься изъ вашихъ трудовъ. Я собираю и переплетаю всѣ эти оттиски статей вашихъ особыми книгами. Не знаю только—всѣ ли они у меня есть? Прилагаю при семъ списокъ имѣющагося у меня. Сдѣлайте одолженіе—просмотрите его, соберите

то, что въ немъ не обозначено, и доставьте мнѣ при случаѣ. Вы крайне меня обяжете.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

М. Лонгиновъ.

XXXV.

Москва, Января 28 дня 1870 г.

Милостивый государь, Михаилъ Ивановичъ!

Письмо ваше, отъ 23 Января, я имѣлъ честь получить и долгомъ считаю выразить мое искреннее пожеланіе успѣха предпринятому вами изданію. У насъ въ Москвѣ издается «Русскій Архивъ», который служитъ представителемъ Московской исторической дѣятельности. Сердечно радуюсь, что вы предприняли въ Сѣверной столицѣ изданіе «Русской Старины», которая будетъ представительницею исторической дѣятельности С.-Петербургскихъ ученыхъ. Благородное соревнованіе обоихъ этихъ журналовъ обнародованіемъ отечественныхъ памятниковъ, я увѣренъ, принесетъ огромную услугу нашей отечественной исторіи и несомнѣнную пользу всѣмъ, сочувствующимъ успѣху этой науки. Хотя я не имѣю чести быть лично знакомымъ съ вами, но самый родъ вашихъ занятій и особенные ученые труды ваши уже давно заочно меня съ вами познакомили.

Прошу принять увѣреніе въ отличномъ уваженіи.

К. М. Оболенскій.

XXXVI.

Интерлакенъ, 24 Августа 1862 г.

Отъ всего сердца благодарю васъ, многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, что вспомнили обо мнѣ. Ваше письмо доставило мнѣ истинное удовольствіе, и я надѣюсь, что оно будетъ не послѣднее. Если-бы вы и не написали мнѣ, что оставили Смольный, то я бы и безъ того могъ это предположить: но я никогда не думалъ, чтобы Л. въ такіе молодые годы былъ уже такой беззастѣнчивый негодяй: я думалъ, что ему до такого совершенства остается еще лѣтъ десять. Этотъ господинъ, который ввалилъ нѣсколько сотъ своей мерзѣйшей книженки, мѣряетъ, вѣрно, всѣхъ на свой аршинъ. Но не стоитъ болѣе говорить о такихъ гадахъ...

Жаль мнѣ отъ всей души, что ваше педагогическое поприще прервалось такъ скоро: оно было истинно полезно и для васъ, и для заведенія, и неужели вы не сдѣлаете попытки опять на него выйти? Ахъ, какъ рано и не въ пору мы разстались съ вами! И не собраться уже такому педагогическому кружку; по крайней мѣрѣ, вокругъ меня ему уже не собраться. Здоровье мое съ каждымъ днемъ становится все хуже и хуже, и швейцарскій воздухъ не замѣнитъ мнѣ недостающей дѣятельности. Теперь я живу въ

Интерлакенѣ; на осень, съ 4-го Сентября нов. стил., переберусь опять въ Веве на виноградный курсъ, а потомъ думаю поселиться въ Гейдельбергѣ, гдѣ живетъ Л. М. Модзалевскій. Вспоминаете ли вы день нашего прощанья? Я часто вспоминаю его и радъ, что могъ минутку побыть еще молодымъ.

Здѣсь можно кататься, но жить трудно: въ этихъ людяхъ столько чуждаго и такъ мало общечеловѣческаго, право, гораздо менѣе, чѣмъ въ насъ, русскихъ. Здѣсь у каждаго свое правило въ жизни, т. е. извѣстная маска, которую онъ носитъ и не скидаетъ даже, я думаю, и передъ женою. Оно, можетъ быть, такъ и слѣдуетъ, но для русскаго скученъ этотъ вѣчный маскарадъ. У насъ уже слишкомъ мало правилъ, принциповъ, зато сердце чаще выходитъ наружу со всѣми своими достоинствами и недостатками. Если образованіе въ томъ состоитъ, чтобы выдумывать получше маску и выучить носить ее, то Господь съ нимъ — оно для насъ не годится.

Не вѣрилось мнѣ и самому, чтобы эти гнусные поджоги имѣли какую-нибудь связь съ нашими мечтателями: но, наконецъ, кто же жегъ? А, кажется, трудно сомнѣваться въ томъ, что жгли. Здѣсь, въ Швейцаріи, я убѣждаюсь съ каждымъ днемъ все болѣе, что политическая свобода не есть еще вѣнецъ счастья человѣческаго. Ну, вотъ они и свободны. Что же изъ этого? Позвоните только кошелькомъ и вы имѣете передъ собой самыхъ безотвѣтныхъ рабовъ; это самое нескончаемое рабство, а вся ихъ свобода—какой-то парадъ, которымъ они и восхищаться уже перестали. Чтобы поправить Швейцарію нужно бы ее придавить: но кто знаетъ, можетъ быть, теперь она и не поправилась бы болѣе, потому что нѣтъ въ нихъ уже нисколько одушевленія, и одни только деньги могутъ ихъ оживить. Осенью загляну въ Италію; тамъ люди теперь истинно счастливы, борются, надѣются, любятъ, ненавидятъ, а здѣсь все уже пріобрѣтено, остается торговать, ѣсть, пить и спать. А пьютъ они отлично! За что же насъ, русскихъ, упрекаютъ въ пьянствѣ? Да тутъ пьянствуютъ гораздо болѣе—и вѣнцомъ швейцарскаго счастья считается возможность пить каждый день и бродить въ полпьяна. А французы? Вотъ ужъ господа-то! Они всѣ, какихъ я видѣлъ, боятся потерять своего Наполеона и видятъ въ немъ залогъ единственнаго благоденствія Франціи. Вотъ тебѣ и докрутились! По моему, ужъ бурбонисты лучше: тѣ живутъ хоть для глупой идеи, но все же идеи, а это умные дѣти, которые, нашалившись вволю, поняли наконецъ, что для нихъ нужны палка и строгій дядька. И, вотъ, къ чему мы стремимся... Вотъ чего мы жаждемъ...

К. Ушинскій.

XXXVII.

Гейдельбергъ, 5 Февраля н. ст. 1864 г.

Давно я не писалъ къ вамъ, искренно уважаемый Михаилъ Ивановичъ, но переписка прекращается легче, чѣмъ возобновляется; да и не о чемъ писать было: та улиточная жизнь, которую я веду здѣсь, ни для кого не

интересна. Одинъ изъ трудовъ вашихъ, «о школахъ въ Псковской губерніи,» я прочелъ, получивъ экземпляръ отъ Н. Ив. Пирогова, другой прочту также самъ на дняхъ. Министерство выслало въ здѣшнюю читальню всѣ свои изданія, между которыми чрезвычайно много любопытнаго. Прочелъ я вашу книгу съ двоякимъ интересомъ: одинъ былъ возбужденъ во мнѣ самимъ трудомъ, другой—личностью автора. Что касается до труда, то, безъ всякихъ лживыхъ для васъ похвалъ, скажу, оканчивая чтеніе съ одного присѣста, я подумалъ: «какъ мало мы знаемъ нашу исполинскую Русь; какъ полезно было-бы появленіе подобныхъ описаній, какъ мало у насъ людей, способныхъ для того, какъ непонятно со стороны министерства не печатать такихъ статей въ самомъ журналѣ, а издавать отдѣльными брошюрками, какъ будто украдкой». И мало-ли сколько мыслей еще не возбудила ваша брошюра даже въ моей усталой и засыпающей головѣ. Въ отношеніи автора я думалъ: «какъ хорошо, что въ немъ растетъ живой педагогическій интересъ, что его, смутныя прежде, педагогическія понятія уясняются самою жизнью, что сообщитъ и его убѣжденіямъ практичность и жизненность, какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы послѣдніе оттѣнки рабства мысли передъ извѣстнымъ кружкомъ у него исчезли скорѣе, и онъ свободно вышелъ на дорогу самостоятельнаго сознанія и т. д. Словомъ, ваша брошюра разбудила мой педагогическій инстинктъ на нѣсколько дней, а это много говоритъ въ ея пользу.

Радъ я также, что вы не покинули вовсе своихъ педагогическихъ занятій, хоть и узкое поприще дѣятельности! Неужели же министръ, познакомившись съ вами ближе, не могъ чего-нибудь для васъ придумать, что бы дало вамъ возможность не растрачиваться на мелочныя статьи по журналамъ? Чудны эти господа! Все жалуются на недостатокъ людей, а не хотятъ протянуть руки человѣку и помочь ему быть полезнымъ для общаго блага. Но я увѣренъ, что это сдѣлается, и что мое желаніе сбудется, и вы подарите дѣтей нашихъ хорошими учебниками по Русской Исторіи. Какъ [1] велика у насъ страшно педагогическая литературная дѣятельность, по отечествовѣдѣнію вообще и по исторіи въ особенности. По нѣмецкой исторіи въ одинъ годъ выходитъ болѣе, чѣмъ вышло у насъ отъ учрежденія типографіи. Здѣсь не пренебрегаютъ лучшіе умы трудомъ педагогической отдѣлки науки, а наши, сомнительной учености, ученые смотрятъ на это свысока, а если берутся за дѣло, то оказываются страшными невѣждами въ педагогическомъ изложеніи предмета. Право, обратитесь на этотъ путь! Это полезно для васъ и для всѣхъ. Прощайте. Преданный вамъ *К. Ушинскій.*

XXXVIII.

10 Апрѣля 1868 года.

Очень вамъ благодаренъ, добрѣйшій Михаилъ Ивановичъ, что вы и въ

[1]) Къ сожалѣнію это доброе пожеланіе, за разнообразною дѣятельностью Михаила Ивановича, не исполнилось.

древнемъ городѣ Псковѣ меня не забыли; я узналъ отъ С. Илера, что вы туда уѣхали, и не зналъ, какъ писать вамъ. Очень, очень радъ я, что вы, наконецъ, имѣете дѣло и можете быть полезны, но не забывайте только, что, прежде всего, надобно имѣть здоровье, а потому заботьтесь о немъ болѣе, чѣмъ заботились до сихъ поръ. Извините за откровенность, а то истинное дружеское расположеніе, которое у меня есть къ вамъ, позволяетъ мнѣ сказать вамъ, что вы себя вовсе не бережете, не столько въ трудахъ, сколько въ дружескихъ бесѣдахъ; а вамъ должно быть крайне, крайне осторожнымъ. Мнѣ каждый разъ становится грустно, когда я припоминаю васъ такого блѣднаго и худаго. Но что это я росписался о здоровьи, какъ какая-нибудь сердобольная бабушка шалуну-внуку? Потому что на себѣ испытываю теперь всю нестерпимую муку того состоянія, когда душа рвется на дѣло, а физика отказывается служить. Вы пишете мнѣ, что я много сдѣлалъ и проч. и проч.; понимаю вашу добрую цѣль и жму отъ души вашу руку за то неудавшееся, но отъ сердца подаваемое лекарство; теперь-то именно и понимаю я, что я ничего не сдѣлалъ, а что могъ кое-что сдѣлать и теперь бы могъ еще, такъ какъ не старъ и имѣю опытъ; но физика проклятая, не смотря ни на теплый климатъ, ни на различные курсы, разлѣзается врозь — да и только!

Почему получаю я ваши письма черезъ Льва Николаевича, а не прямо? Или вы не знаете моего адреса? Тогда вотъ онъ: En Suisse, Canton de Veaud, à Vevey, Rue Lacloz, maison M-lle Tremblet; но, нѣтъ, лучше, до полученія еще моего письма, пишите ко мнѣ на теперешнюю квартиру près de Vevey à la Tour de Peilz, а то, можетъ быть, квартира, которую я пріискалъ на зиму и разстроится еще. Здѣсь просто мученье русскому человѣку съ квартирой: мы привыкли изъ двадцати градуснаго мороза переходить въ 20-ти градусное тепло, а здѣсь любятъ серединку и считаютъ тепломъ, если въ комнатѣ 6, 7 градусовъ выше нуля.

Модзалевскій вѣрно напишетъ вамъ, какъ Н. Ив. Пироговъ отправился лѣчить Гарибальди; славный человѣкъ этотъ Николай Ивановичъ, но мнѣ ни какъ не удается познакомиться съ нимъ.

Что то вы насобираете тамъ, во Псковѣ. Я думаю много интереснаго; но будьте осторожны въ сужденіи о нашихъ школахъ и нашихъ бѣдныхъ учителяхъ: принимайте въ расчетъ и ихъ положеніе, и ихъ образованіе, и обстоятельства, при которыхъ бились мы, николаевскіе воспитанники. Читалъ я (и порадовался) манифестъ о свободномъ судоустройствѣ; проектъ отличный, только школъ нужно, хорошихъ школъ, и болѣе. Въ одной нѣмецкой газетѣ послѣ брани Франціи, Пруссіи и разнымъ нѣмецкимъ корольками, сказано: «одна Россія идетъ твердо и быстро по пути къ прогрессу и дѣлаетъ дѣла на вѣки!» Вотъ какъ мы!

Но, увы, школьный проектъ плохъ изъ рукъ вонъ. Къ счастью, онъ неисполнимъ. Я послалъ два письма въ Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія—и въ послѣднемъ ругнулъ проектъ. Здѣшнія школы, которыя я объѣхалъ

таки, нѣмецкія гораздо лучше французскихъ, гдѣ все зубрятина господствуетъ. Впрочемъ, изъ писемъ моихъ, если ихъ напечатаютъ, узнаете о томъ подробнѣе. Теперь я занимаюсь—чѣмъ бы вы думали? Пишу библейскіе разсказы для дѣтской книги, которую уже кончилъ, и это дѣло меня очень заняло; кажется, выходитъ сносно, безъ запаху поповщины. Прощайте, добрѣйшій Михаилъ Ивановичъ! Спасибо, что не забываете меня. Семья моя вамъ кланяется. Недавно слушаю—дѣти мои играютъ и во что же? Костя представляетъ Семевскаго. Преданный вамъ *К. Ушинскій.*

XXXXI.

Москва, воскресенье 12 Іюня 1860 г.

Милостивый Государь, Михаилъ Ивановичъ. Прежде всего изъявляю вамъ мою глубокую признательность за участіе ваше въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и за дружеское къ нему расположеніе. Труды ваши, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ лучшему, что производитъ теперь наша литература. Какъ жаль, что недавнее цензурное постановленіе такъ стѣснило поле вашихъ изслѣдованій! Какъ только мы получили этотъ ужасный циркуляръ, которымъ, въ *интересѣ развитія русской исторіи*, налагался запретъ на самый значительный и самый интересный ея періодъ,—первая мысль наша была о васъ. Но надобно надѣяться, что это постановленіе не долго останется въ силѣ. Московская цензура находится теперь въ какомъ-то нервномъ состояніи. Комитетъ составленъ самымъ несчастнымъ образомъ. Иногда, изъ пустяковъ, приходится хлопотать и толковать до упаду силъ и съ страшной тратой времени. *Полковые исторіографы*, слава Богу, прошли, но не безъ пожертвованій. Вторую половину получилъ я изъ комитета вчера. Нѣкоторыя, впрочемъ, немногочисленныя мѣста исключены, другія обозначены для смягченія. Заключеніе выпущено вовсе, но конецъ выписки, къ которому нельзя никакъ придраться, я отстою. Въ среду внесу въ комитетъ Лестока и не замедлю сообщить вамъ о результатѣ.

Вы чрезвычайно обязали бы меня, если бы назначали сами цѣну за ваши статьи. Мнѣ бы никакъ не хотѣлось, чтобы вы сколько-нибудь теряли, печатая ваши статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Оттиски будутъ высланы вамъ тотчасъ по напечатаніи второй половины статьи. Лестока буду печатать тотчасъ по разрѣшеніи комитета, хотя очень боюсь, что онъ задержитъ эту прекрасную статью. Всею душою преданный вамъ. *Михаилъ Катковъ.*

XL.

19 Января 1862 г.

Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ!

Ваше вчерашнее увѣдомленіе порадовало меня за васъ, это говорю вамъ отъ души. 400 экз. уже продано, а остальные 200 экземпл. навѣрное

продадите въ двѣ недѣли, и суду конецъ! Успѣхъ вашего Корба и меня навелъ на одно подобное предпріятіе. Видите, мы идемъ ощупью, потому что наша публика слишкомъ капризна въ своихъ симпатіяхъ. Прыжова статейка и ваша публикація надѣлали кутерьму: насъ, просто, осаждаютъ, давайте рисунки пытокъ, казней и дыбъ. Ради только этого одного вчера мы поневолѣ продали 6 экземпляровъ «Чтеній» въ одинъ день. Кто побогаче кричитъ: возьмите что хотите, но давайте сейчасъ. Конечно, это совершенно по русски. Остаюсь искренно уважающій васъ и готовый на всегда къ услугамъ вашимъ

Д. Кожанчиковъ.

XLI.

15 Ноября 1868 года.

Милѣйшій Михаилъ Ивановичъ!

Въ ваше личное ко мнѣ расположеніе я болѣе чѣмъ вѣрю и цѣню, но ваше слово болѣе остро, чѣмъ бритва. Позвольте же и мнѣ вамъ отплатить тѣмъ же и, конечно, безнаказанно.

Сознаюсь и вполнѣ вамъ вѣрю: я—торгашъ и хлопочу о выгодахъ, разумѣется, своихъ. Въ этомъ я даже не оправдываюсь передъ вами, а еще горжусь. Жаль только, что на дѣлѣ-то совсѣмъ выходитъ иначе. Какой у меня капиталъ? Наканунѣ ли банкротства или наканунѣ быть милліонеромъ, этого я самъ еще не знаю, да и къ дѣлу не относится, пока же скажу одно, и это вѣрно: не будь журналовъ и меня на свѣтѣ, всѣ-бы историки померли съ голоду; разумѣется, долженъ тутъ оговориться, если бы они не имѣли другихъ источниковъ къ жизни. Понюхайте-ка, кто еще, кромѣ журналистовъ, казны и меня, издаетъ серьезныя сочиненія, именно такія, чѣмъ можетъ еще гордиться Россія, такъ или иначе? Хороша или дурна моя дѣятельность, но я уже издалъ, правда, не индукціи и дедукціи на критику чистаго разума, а такъ, просто дрянь: 10 томовъ соч. Костомарова, 2—Буслаева, 1—стихотворенія и пѣсни, соб. Варенцовымъ, 1—«Пѣсни» Рыбакова, 1—«Домострой», 1—Письма Якушкина, 1—«Княжна Тараканова», соч. Мельникова, 1—«Графы Панины» Лебедева, 2—«Раскольничьи дѣла» Есипова, 5—соч. Тургенева вмѣстѣ съ Салаевымъ, 2—«Обломовъ» Гончарова, 2—«Тысяча душъ» Писемскаго, 4—соч. Островскаго, 2—«Годъ на Сѣверѣ» Максимова, 2 тома соч. Марка Вовчка. Купилъ готовыя: «Демократія въ Америкѣ» Токвиля, «Семейство Монсовъ», «Борьба Греціи за независимость», «Румынскія Господарства» Палаузова, «Подводный камень» Авдѣева, «Кобзарь» Шевченко (съ пользою себѣ 47 руб. при рискѣ 3000 р.), лекціи объ Англіи XVIII вѣка.

Поднялъ вопросъ раскольничій и издалъ рядъ ихъ сочиненій,—не перечисляю для краткости. Затѣмъ я васъ покорнѣйше прошу указать мнѣ, сколько и что сдѣлали мои собратья по ремеслу? Какія они дѣлали затраты?

Укажите затѣмъ сколько, и что мною издано изъ спекулятивныхъ предпріятій? Охъ! не будетъ меня, ей Богу, пожалѣютъ многіе изъ вашихъ собратій по ремеслу. Затѣмъ, я два мѣсяца колебался покупать или нѣтъ у Костомарова его соч. «Смутное время»; мои пріятели постарались распустить объ этомъ слухъ по всему городу, что я нищій, что Костомаровъ предлагаетъ купить кому угодно, и это правда, хотя ходили по лавкамъ и издателямъ, не онъ, а мои друзья. Что же они не шли къ нему съ деньгами? Времени было довольно! Опять-таки, пришелъ одинъ я! Знаютъ хорошо, что тутъ за 100 руб. оригинала не купишь. Что же не шли Вольфы, Исаковы, Поляковы? Они всѣ говорили со мною объ этомъ, а я пришелъ да еще принесъ съ собою 3000 рублей наличными и купилъ я! Что же Московскіе-то зѣвали и не покупали соч. Островскаго и «Княжну Тараканову»?

Въ послѣдній разъ вы меня ужъ больно обезкуражили, и я долго думалъ о приказчикахъ. Да гдѣ же взять? Публика проситъ образованныхъ и симпатичныхъ; это теоретически вѣрно, а я вамъ практически говорю: образованные ничего не дѣлаютъ и никуда не годятся. Двое были кончившіе курсъ въ университетѣ, а толку было мало. Симпатичныхъ? И это вѣрно; жаль только одного—всѣ воры: примѣръ 7 бывшихъ у меня приказчиковъ. Затѣмъ остается одно—нѣмцевъ, нѣмцевъ и нѣмцевъ и, чѣмъ серьезнѣе, тѣмъ лучше,

Затѣмъ до свиданія: цѣлую васъ и обнимаю по дружески. Искренно васъ уважающій и готовый къ услугамъ вашимъ.

Д. Кожанчиковъ.

XLII.

Гейдельбергъ, 22 Ноября 1862 г.

Добрый и уважаемый другъ Михаилъ Ивановичъ! Еще до полученія вашего послѣдняго письма изъ Пскова, я уже слышалъ о вашемъ назначеніи отъ К. К. Сентъ-Илера и сильно порадовался. Въ самомъ дѣлѣ, какъ важно порученное вамъ дѣло, и какъ согласно съ вашимъ призваніемъ! Поздравляю васъ, мой добрый другъ, желаю вамъ побольше извлечь дорогихъ матеріаловъ изъ прямаго, непосредственнаго сближенія съ нашимъ добрымъ, но несчастнымъ народомъ и съ его духовными потребностями. Въ какомъ ужасномъ видѣ рисуется отсюда жизнь нашего простолюдина, и страдальческій образъ его какъ-то пугаетъ воображеніе. Мнѣ часто приходятъ на умъ сравненія здѣшней народной жизни съ нашею, когда я брожу по здѣшнимъ деревнямъ для знакомства съ сельскими училищами; невольно рождается сильное желаніе хорошенько узнать *свой* народъ и помочь ему, еслибы стало силъ, средствъ и простора. По возвращеніи въ Россію я непремѣнно постранствую по отечеству: это желаніе разгарается сильнѣе и сильнѣе. Выводы изъ моего знакомства съ здѣшними школами вы узнаете изъ Журнала М. Н. Пр., куда я на-дняхъ посылаю первое

письмо. Я начинаю, конечно, съ Бадена. Много выработано хорошаго и жизнью, и знаніемъ нѣмцевъ, но много и дряни, глубоко пустившей корни въ нѣмецкую почву, и вырвать ихъ труднѣе, чѣмъ у насъ. Послѣ нашего современнаго движенія и всесторонняго обновленія, здѣшняя жизнь кажется столь спокойною, столь близкою къ *застою*, но это только *кажется*. Движеніе не прекращается, но только оно идетъ спокойно, органически: умы не взволнованы, и кровь не испорчена желчью.

Что вамъ сказать изъ нашихъ новостей, не европейскихъ, но гейдельбергскихъ? Развѣ о поѣздкѣ Н. И. Пирогова къ Гарибальди? Дѣло вотъ какъ было. Газетныя извѣстія очень напугали здѣшнихъ русскихъ, и родилась мысль: во-1-хъ, просить Пирогова съѣздить, и, во-2-хъ, предложить ему средства для поѣздки. Въ здѣшней русской читальнѣ собралась «чрезвычайная сходка», человѣкъ изъ 60-ти. Неклюдова (можетъ, вы его знали) и меня выбрали міромъ, чтобы уговорить Пирогова и уладить все дѣло. Пироговъ отвѣчалъ, что онъ бы и радъ ѣхать, да не знаетъ, примутъ ли его. Мы телеграфировали къ д-ру Прандинъ и Менотти. Отвѣтъ былъ очень благопріятный. Въ одинъ вечеръ собралось до 1000 фр., но Пироговъ отказался и просилъ кого-нибудь изъ русскихъ, знающихъ итальянскій языкъ, ѣхать съ нимъ на эти деньги въ Спеццію, куда и прибыли на четвертый день (30 Октября) и два раза были у Гарибальди. Пироговъ вмѣстѣ съ Патриджемъ осмотрѣлъ его рану, нашелъ пулю, которой прежде не подозрѣвали, перевелъ больного изъ тѣсной и душной комнаты въ другую и даже совѣтывалъ ему совершенно оставить Спеццію, что тотъ недавно и сдѣлалъ. Пироговъ явно помогъ генералу, недавно получилъ отъ него письмо и карточку. Всѣ русскіе были въ восторгѣ отъ рѣшимости Пирогова, такъ какъ къ этому примѣшивалось кое-что политическое. Министръ нашъ, получивъ письмо Пирогова, побѣжалъ къ Государю съ докладомъ, но Государь отвѣчалъ, что «онъ въ этомъ ничего худого не видитъ». И тутъ удача! Опишите мнѣ въ краткихъ, но сильныхъ словахъ ваше житье-бытье и ближайшія занятія. Я пробуду въ Гейдельбергѣ до конца семестра. Здѣсь находится почтенный В. Г. Варенцовъ, и мы живемъ съ нимъ душа въ душу. Что за дѣтски-чистая душа!

Прощайте, дорогой Михаилъ Ивановичъ. Пишите. Вашъ

Л. Модзалевскій.

XLIII.

Гейдельбергъ, 30 Декабря 1862 г

Милостивый Государь, Михаилъ Ивановичъ! Благодарю васъ за новое, искреннее и дружеское письмо; жаль только, что въ концѣ вы немного подсластили или подшутили, говоря о моей профессорской будущности. Это еще «темна вода во облацѣхъ». Вы—снисходительный человѣкъ, знае-

те, что я люблю васъ, а потому и пишете сладости мнѣ «во усладу». Не надо, добрый другъ, я и безъ того крѣпко привязанъ къ вамъ и не разъ вспомнилъ ваше искреннее слово, иногда горькое, но честное, высказанное въ хорошую минуту. Такія слова поглубже западаютъ въ душу, чѣмъ «комплименты», и такихъ словъ желаешь почаще слышать изъ устъ людей, которыхъ уважаешь. Варенцовъ—человѣкъ рѣдкой души и честности. Такихъ людей у насъ не много. Я никого не видалъ скромнѣе и осторожнѣе этого человѣка.

У насъ образовалось общество съ учено-литературными чтеніями; я не мало хлопоталъ о его осуществленіи. Альбертини—одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ его членовъ. Читальня наша очень хороша: всѣ главнѣйшія русскія газеты и журналы. Жилось бы хорошо, еслибы Министерство исправно высылало деньги, а то вотъ уже около 2-хъ мѣсяцевъ послѣ срока я жду и сижу безъ крейцера, весь обросши долгами. Требованія, программы, запросы безпрестанно получаются изъ Департ. Народ. Просв., покоя нѣтъ, а деньги—жди!

За васъ я доволенъ: хандрить и тосковать вамъ нѣтъ причинъ. Дѣло въ вашихъ рукахъ хорошее. Прочитайте мои письма о здѣшнихъ школахъ и скажите мнѣ свое мнѣніе, только *откровенно*.

Преданный вамъ *Л. Модзалевскій*.

XLIV.

7-го Февраля н. ст. 1863 г.

Милостивый Государь, Михаилъ Ивановичъ!

Исполняя ваше желаніе, пишу къ вамъ тотчасъ же по полученіи вашего письма съ приложеніемъ. Послѣднее написано очень правдиво, убѣдительно, ясно, но нѣкоторыя выраженія, обнаруживающія ваши отношенія къ разнымъ «скотамъ», уже слишкомъ искренни и, явившись въ печати, могутъ вамъ повредить. Понятно, что вамъ трудно было быть настолько сдержаннымъ, насколько требуетъ осторожность. Альбертини того же мнѣнія. Самъ измѣнять что-либо я не рѣшаюсь, а желалъ бы посовѣтываться съ Сентъ-Илеромъ, котораго жду на-дняхъ, а еще болѣе съ Ушинскимъ, такъ какъ онъ пишетъ, что въ началѣ Марта будетъ въ Гейдельбергѣ. Миллеръ въ Берлинѣ...

Жаль, что здѣсь нѣтъ Варенцова: онъ на-дняхъ уѣхалъ въ Италію и пишетъ мнѣ уже изъ Ниццы. Рехневскій пишетъ мнѣ, что, по причинѣ накопившагося матеріала, не можетъ скоро напечатать моихъ писемъ. Жаль, что не читалъ вашихъ, они будутъ позанимательнѣе... Я попѣнялъ вамъ, добрѣйшій Михаилъ Ивановичъ, что вы слишкомъ *снисходительны* ко мнѣ и даже *пристрастны*, а вы назвали это сквернымъ и грубымъ словомъ «ле-

сти», которую я будто увидѣлъ въ вашихъ словахъ. Не думалъ, что изъ этого выйдетъ недоразумѣніе, и смолчалъ бы, но теперь, надѣюсь, это покончено. Хорошо, еслибы вы, собравшись написать ко мнѣ, сказали слова два о томъ, чѣмъ вы именно заняты, и какіе выводы уже сдѣлали изъ знакомства съ нашимъ народомъ. Что говорятъ у насъ о Польшѣ?

Въ Апрѣлѣ я переберусь въ Іену: тамъ Куно-Фишеръ. Что вы знаете новаго о Смольномъ? Весь вашъ *Л. Модзалевскій.*

XLV.

Іена, 13 Апрѣля 1863 г.

Добрый и многоуважаемый другъ Михаилъ Ивановичъ!

Письмо ваше отъ 4 Апрѣля, побывавъ въ Гейдельбергѣ, застало меня уже въ Іенѣ, гдѣ я оказался единственнымъ изъ русскихъ. Послѣ Гейдельберга это рѣзкій переходъ для меня; притомъ же, я не привыкъ жить одинъ— и потому подчасъ одолѣваетъ тоска, и тѣмъ пріятнѣе получать ваши письма, которыхъ всегда ждешь съ такимъ нетерпѣніемъ, какое можетъ сравниться развѣ съ нетерпѣніемъ невѣсты получить вѣсть отъ жениха, умчавшагося куда-нибудь «на гибельный Кавказъ». Право, такъ! За то университетомъ, составомъ лекцій, личностями профессоровъ, школами, квартирой, чудной горной природой и т. д.—болѣе чѣмъ доволенъ. Слушаю логику и метафизику, философію, психологію, педагогику, работаю въ семинаріи Стоя, и не вижу времени, по вечерамъ же, когда сильнѣе чувствуется одиночество, не могу отдѣлаться отъ тоски,—и мысли бродятъ на родинѣ, среди васъ. Особенно доволенъ Куно-Фишеромъ, лекціи котораго—просто наслажденіе, и самъ онъ милый и привѣтливый человѣкъ, молодой, какъ юноша, хотя лѣтъ 30-ти. Но какъ ни хороши всѣ эти нѣмцы, какъ ни почтенны, но нашему брату среди нихъ одна тоска: они ничего не понимаютъ и не уважаютъ,— на чемъ нѣтъ нѣмецкаго клейма. Очень радъ, что полезные труды ваши выйдутъ, наконецъ, на свѣтъ Божій, а то было бы очень грустно, если бы Министерство благосклонно принимало ихъ «къ свѣдѣнію» и оставляло «подъ спудомъ». Не можете-ли переслать что-нибудь изъ своего или статью объ институтѣ В. И. Водовозова? У васъ, вѣрно, будутъ оттиски, а переслать не трудно: сложить, обернуть на-крестъ бандеролью съ адресомъ и, не франкируя, сдать на почту—вотъ и вся недолга! О Швейцаріи я писать не буду: тамъ засѣли Сентъ-Илеръ и Авенаріусъ и станутъ глодать остатки отъ Ушинскаго и Варенцова; я же выбралъ для себя здѣшній непочатый уголъ. Со статьями не стоитъ торопиться, такъ какъ онѣ все равно будутъ лежать въ редакціи или въ Министерствѣ, да и, притомъ же, не имѣю довольно времени. Желалъ бы, чтобы вы прочитали мое письмо о «Корпораціяхъ нѣмецкихъ студентовъ», такъ какъ оно будетъ позанимательнѣе. Здѣшній политическій міръ очень взволнованъ. Кромѣ 3-хъ первенствующихъ державъ—

Данія, Швеція и весь Германскій Союзъ напираютъ на Россію съ требованіемъ успокоить Польшу (конечно, не штыками), и отъ послѣдняго отвѣта изъ Петербурга зависитъ: быть или не быть войнѣ? Первое, вѣрнѣе. Во Франціи, Англіи и, особенно, Швеціи все общество желаетъ войны; Наполеоньчику нужно имѣть предлогъ раздѣлаться съ несчастной Мексикой, а Швеція добирается до Финляндіи. Конечно, каждый преслѣдуетъ свои выгоды, но, во всякомъ случаѣ, Россіи можетъ придтись очень плохо и потерять всѣ западныя владѣнія, купленныя русскою кровью. Газеты каркаютъ, какъ зловѣщіе вороны; ненависть и презрѣніе къ Россіи—общія, какъ будто исторія имѣетъ задачей подвинуть ее къ Азіи и туда указать путь. Поляки отнюдь не друзья русскаго народа,—въ этомъ многіе ошибались, — но ихъ надо было обезоружить хорошими учрежденіями. Возстаніе ростетъ и крѣпнетъ, какъ у насъ и не предполагаютъ... Хорошо бы, если бы хотя прусское правительство сдуру вмѣшалось и расхлебало съ Россіею горькую похлебку, но вѣрнѣе, что прусскій народъ, произведя революцію, свергнетъ свое непопулярное министерство и отстранится отъ союза съ Россіей. Тяжкія подходятъ времена, и дай Богъ выйти изъ бѣды. А на-душѣ то какъ скверно! Каждая газета, каждое извѣстіе—портятъ кровь. Благо вамъ: вы хоть тамъ ничего не знаете и можете мечтать на просторѣ, а отсюда видны всѣ язвы. Въ польскихъ войскахъ множество сражается французовъ и итальянцевъ, и даже въ нѣмцахъ сочувствіе къ нимъ общее; что-то будетъ? Радъ, что вы набрали такъ много хорошаго матеріала, который въ моихъ глазахъ далеко не хламъ! Когда-нибудь вы мнѣ покажете это сокровище. Долго ли вы будете странствовать, увѣдомьте, и что предполагаете вновь? По отдаленности отъ большихъ городовъ я ничего русскаго здѣсь не имѣю, а потому пока сообщить вамъ ничего не могу. Іена—маленькій городокъ, 5000 жителей, и въ томъ числѣ до 500 студентовъ.

Вашъ *Л. Модзалевскій.*

XLVI.

14/2 Іюня 1863 г.

Добрѣйшій и многоуважаемый другъ Михаилъ Ивановичъ!

Какъ ни уединенно ваше нынѣшнее положеніе,но я, пожалуй, помѣнялся бы съ вами, и вотъ на какомъ основаніи: вы—среди народа, въ родной средѣ, тогда какъ мнѣ недостаетъ именно послѣдняго условія, и желаніе взглянуть на свой народъ, кажется, съ каждымъ днемъ усиливается. Превосходство русскаго простолюдина надъ нѣмецкимъ дѣлается ясно до очевидности,—конечно, не относительно образованія, но натуры и природныхъ дарованій. Если бы нашему народу да здѣшнія школы, это былъ бы величайшій народъ въ мірѣ! Я замѣчалъ, что даже нѣмцы, жившіе въ Россіи и вынесшіе одно надменное презрѣніе къ ней, о народѣ говорятъ чуть не съ восторгомъ.

Какъ хотите, а на это должны быть дѣйствительныя причины, и теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, опасно, чтобъ наши высшіе классы не привили къ народу того ложнаго и тлетворнаго образованія, отъ котораго сами постоянно разлагаются; было бы лучше всего или, по крайней мѣрѣ, было бы наименьшимъ зломъ, если бы всѣ сословія приняли участіе въ этомъ великомъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ будущность Россіи, и, при взаимной борьбѣ, взаимно ограничивали бы другъ друга и давали просторъ стремленіямъ самого народа. Конечно, дворянство имѣетъ на своей сторонѣ болѣе правъ взяться за образованіе народа, но только пообдуманнѣе, чѣмъ Толстые, и, подобросовѣстнѣе, чѣмъ наши студенты, начавшіе съ атеизма и другихъ «утопій», непримѣнимыхъ къ народу. Мнѣ кажется, что у насъ мало уважаютъ народъ, а потому такъ легкомысленно берутся за служеніе ему и прежде всего, преслѣдуютъ свои узенькія стремленія, личные расчеты или безкорыстныя, но безсмысленныя утопіи... Вы меня не поняли, Михаилъ Ивановичъ! Я никого не осуждаю,—я только высказалъ сожалѣніе, что у насъ въ разгарѣ страстей, въ отчаяніи, истина часто ускользаетъ, и ложь приплетается всюду, и что поэтому надо съ строгимъ разборомъ относиться ко всѣмъ направленіямъ и не создавать себѣ кумировъ. Иное — уважать человѣка, и иное — соглашаться съ нимъ, дѣлать его непогрѣшимымъ. Не въ кабинетѣ, а въ жизни надо изучать жизнь, чтобы перестроивать ее къ лучшему. Все это азбучныя истины, а часто забываются. Я никого не осуждаю, но страдаю сильно—въ этомъ моя совѣсть порукой вамъ. Разладъ русской жизни, ея страданія, мнѣ кажутся отсюда такими чудовищными, какъ не казались прежде на родинѣ. Повѣрьте, мы ничего не проглядѣли еще, но можемъ проглядѣть и погубить все дѣло, если будемъ только метаться, какъ бабочки въ огонь. Гражданской осмотрительности надо побольше, добросовѣстнаго изученія своего дѣла,—вотъ законъ, который я принимаю для себя. Цѣль у всѣхъ насъ одна, но средства не обдуманы хорошенько. Вы находите романъ Чернышевскаго сумбуромъ, идеализмомъ, потому что вы знаете жизнь, а гимназистъ или институтка не знаютъ жизни и собьются съ толку. Но, скажете вы, романистъ пишетъ не для гимназистовъ и не обязанъ справляться съ институтской «Maturität». Совершенно справедливо. Но, спрошу я васъ, что важнѣе: охраняя почтенную личность, оставить ложь не опровергнутою и дать ей просторъ разгуливать и вредить слабымъ, или, ради истины и ради спасенія будущихъ жертвъ, не пощадить иного писателя и указать всѣмъ его ложь? Роковая дилемма—но рѣшить ее нужно, и я желалъ бы знать, какъ вы ее рѣшаете. Вы все сводите къ вопросу о правительствѣ, какъ будто мы только для него живемъ и дѣйствуемъ и не должны думать о здоровьѣ общественной жизни. Эдакъ мы еще больше запутаемся. Не думайте, что я признаю хорошими полицейскія придирки Катковцевъ, я только настаиваю на необходимости провѣрки. Вы спрашиваете, гдѣ выходъ? Къ сожалѣнію нѣтъ такого простаго и единственнаго

средства, которое можно было бы указать, чтобы имъ, какъ рычагомъ, дѣйствительно повернуть къ лучшему русскую жизнь, а не опрокинуть только вверхъ дномъ, что многіе хотятъ сдѣлать. Для выхода есть многое множество средствъ, и не однимъ изъ нихъ не надо пренебрегать. Каждый долженъ особенно работать для своего отдѣльнаго средства и смотрѣть, чтобы оно содѣйствовало наилучшимъ образомъ къ достиженію общей цѣли, общаго блага. При этомъ, указка учителей и ихъ азбука одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ, овладѣть которымъ великое дѣло; изъ-за этого права въ Западной Европѣ идетъ борьба цѣлые вѣка. Бруггамъ совершенно справедливо сказалъ: «Азбука школьнаго учителя гораздо сильнѣе чѣмъ штыкъ солдата». Согласны-ли вы съ этимъ?

Въ борьбѣ поляковъ съ русскими иные видятъ борьбу поляковъ съ правительствомъ—и только. Мнѣ кажется, что это ошибка: они борются за совершенное отложеніе отъ Россіи и за отнятіе огромной чисто-русской окраины, населенной чисто-русскимъ народомъ. Они—враги всего русскаго народа: это вы можете читать въ ихъ брошюрахъ, которыми они наводняютъ европейскую публицистику. И намъ нечего искать чрезъ нихъ спасенія, ждать отъ нихъ помощи. Или вы будете въ нихъ видѣть друзей, когда они сами считаютъ позоромъ такое названіе для себя? Расчитывать на дружбу Польши, на спасеніе черезъ Польшу можетъ только отчаяніе, недовѣріе къ собственнымъ силамъ, ослѣпленное ожесточеніе или недовѣріе къ великимъ судьбамъ русскаго народа. Опять—я не осуждаю, а только объясняю и надѣюсь, что вы захотите понять меня.

Л. Модзалевскій.

Рѣчь Д. Д. Семенова.

Сказанная 8-го Ноября 1893 года, въ день извѣщенія объ утвержденіи М. И. Семевскаго товарищемъ С.-Петербургскаго Городскаго Головы, въ тѣсномъ кружкѣ родныхъ и знакомыхъ. Посвящается супругѣ и дѣтямъ Михаила Ивановича.

Мое тринадцати-лѣтнее отсутствіе изъ Петербурга, на Кавказѣ, не изгладило и никогда не изгладитъ отраднаго воспоминанія о лучшихъ годахъ жизни, которые проведены въ сообществѣ съ Михаиломъ Ивановичемъ: съ нимъ мы дѣлили въ продолженіе 10 лѣтъ и горе, и радость, съ нимъ раздѣляли и послѣдній кусокъ хлѣба, съ нимъ нѣкогда подвизались на одномъ и томъ же педагогическомъ поприщѣ подъ обаятельнымъ вліяніемъ незабвеннаго К. Д. Ушинскаго, и оба принадлежали къ одному и тому же скромному кружку начинающихъ литераторовъ 60-хъ годовъ. А потому да позволено мнѣ будетъ въ этотъ двойной праздникъ для Михаила Ивановича сказать нѣсколько правдивыхъ словъ о прошедшей, въ высшей степени плодотворной и весьма симпатичной дѣятельности его.

Въ наслѣдство отъ своего отца Михаилъ Ивановичъ получилъ небольшое собраніе историческихъ книгъ, которое въ рукахъ Михаила Ивановича, какъ русскій богатырь, росло не по днямъ, а по часамъ, и выросло теперь до размѣровъ громадной библіотеки, можетъ быть, единственной частной библіотеки въ Россіи. Кромѣ книгъ тутъ найдутся и рукописи, и манускрипты, и гравюры, и автографы, и собраніе писемъ и пр. и пр. И все это приведено въ такой порядокъ, какому позавидуетъ любая правительственная библіотека. Только безпредѣльная любовь къ русскому просвѣщенію, только самый кропотливый и неустанный трудъ, только какая-то особенная чуткость ко всему полезному, только желѣзная воля и сильная энергія могли создать подобное хранилище русскаго дѣла и русской мысли.

Живо припоминаю, какъ мы всѣ, въ 1860-хъ годахъ, тогда еще молодые люди, кажется, по понедѣльникамъ, собирались въ двухъ маленькихъ ком-

натахъ скромной квартирки Михаила Ивановича, снизу до верху уставленныхъ книгами, фоліантами и рукописями и увѣшанныхъ древне-русскими гравюрами. Кого, кого только не перебывало тогда въ этомъ таинственномъ, укромномъ жилищѣ: возвратившійся ли изъ Сибири декабристъ по мановенію добраго Царя-Освободителя, весь пожелтѣвшій и посѣдѣвшій отъ горя и страданій, заѣзжій ли въ Петербургъ обиженный провинціальный литераторъ, ищущій ли работы бѣдняга-студентъ, зашедшій ли въ Петербургъ въ лаптяхъ мужикъ, краснобай-пѣвецъ, разсказчикъ, предавшійся ли зелену-вину литераторъ—каждый находилъ здѣсь себѣ и отраду, и утѣшеніе, и доброе слово, и работу, а нерѣдко и помощь. За стаканомъ чая, рюмкою водки или стаканомъ пива, о чемъ мы только здѣсь не мечтали, о чемъ мы только не говорили? Но въ нашихъ мечтахъ и словахъ не было ни капли злобы, ни денежнаго разсчета. Мы думали обновить Россію только упорнымъ трудомъ и свѣтомъ образованія. Изъ этого-то интимнаго кружка вышли потомъ многіе общественные дѣятели Россіи 60-хъ, 70-хъ и даже 80-хъ годовъ. Я смѣло могу сказать, что въ этомъ кружкѣ идеалистовъ сберегались молодыя силы. Воскресныя школы, сельскія училища, женскія гимназіи, преобразованіе женскихъ институтовъ, женскій трудъ— были въ то время самые жгучіе вопросы. И, вотъ, Михаилъ Ивановичъ, увлеченный общимъ потокомъ, отзывчивый на всякую злобу дня, рѣшается испробовать свои силы на педагогическомъ поприщѣ и, по приглашенію Ушинскаго, принимаетъ уроки русской исторіи въ Смольномъ институтѣ. Онъ съ юношескимъ жаромъ весь отдается первому призванію: по цѣлымъ недѣлямъ готовится къ каждому уроку, роется въ архивной пыли, изучаетъ исторію по первоначальнымъ источникамъ, разбираетъ лѣтописи и, вполнѣ вооруженный, является на урокъ и, увлекаясь самъ, увлекаетъ и учениць. Уроки Михаила Ивановича были праздникомъ для институтокъ.

Къ сожалѣнію, они продолжались не долго. Другое дѣло тянуло Михаила Ивановича въ провинцію, въ глухую деревню, чтобы изучить на мѣстѣ тогдашнюю русскую народную школу. По распоряженію тогдашняго министра народнаго просвѣщенія Головина, его командируютъ въ Псковскую губернію. Правдивое описаніе безотраднаго положенія сельскихъ школъ не мало содѣйствовало къ ихъ улучшенію и преобразованію.

Но жаждущей все новаго и новаго дѣла натурѣ М. И. не достаточно было скромнаго педагогическаго поприща: онъ выступаетъ въ качествѣ историческаго писателя. Его историческія монографіи проливаютъ новый, до того времени, запретный свѣтъ на эпоху Петра Великаго; а съ 1870 г. М. И. становится издателемъ и редакторомъ лучшаго въ Россіи историческаго журнала «Русская Старина». М. И. съумѣлъ привлечь въ сотрудники журнала лучшія силы: государственные мужи, именитые русскіе люди, общественные дѣятели, литераторы, даже самые скромные труженики — всѣ довѣрчиво печатаютъ на страницахъ «Старины» свои письма,

дневники, воспоминанія и пр. «Русская Старина», такимъ образомъ, служитъ неоцѣненнымъ и богатымъ хранилищемъ для всякаго лица, которому дороги судьбы Россіи. Вотъ уже въ теченіе тринадцати-лѣтъ не было ни одного сколько-нибудь выдающагося событія въ жизни Россіи—радостнаго или грустнаго, которое бы не нашло себѣ самаго правдиваго, безпристрастнаго, подробнаго и живаго описанія въ «Русской Старинѣ». Я не говорю уже о внѣшности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, относительной дешевизнѣ изданія, далеко оставляющей за собою прочіе ежемѣсячные журналы: прекрасно исполненныя гравюры, превосходная бумага, четкая печать, почти совершенное отсутствіе корректурныхъ ошибокъ, все это требуетъ отъ редактора-издателя самаго мелочнаго, кропотливаго, личнаго и въ высшей степени добросовѣстнаго труда. Казалось бы, что отъ одного подобнаго труда у М. И. уже не останется ни минуты свободнаго времени. И не смотря на это, М. И. заботится о преуспѣяніи образованія въ своемъ родномъ городѣ, Великихъ Лукахъ, гдѣ онъ принимаетъ самое активное участіе въ попечительномъ совѣтѣ Реальнаго училища и женской гимназіи, несетъ службу въ Государственномъ Совѣтѣ въ должности помощника статсъ-секретаря, а въ 1877 г. избирается гласнымъ С.-Петербургской Думы. И здѣсь не было ни одного сколько-нибудь важнаго общественнаго вопроса, въ рѣшеніи котораго Михаилъ Ивановичъ не принималъ бы самаго горячаго и энергичнаго участія. Но, вполнѣ сознавая, что благосостояніе каждаго общества зиждется на школѣ, М. И., по избраніи его членомъ училищной коммисіи, настойчиво ратуетъ за школу, и, при его участіи и содѣйствіи, Петербургъ покрылся теперь сѣтью около 200 прекрасно устроенныхъ городскихъ школъ, которымъ можетъ позавидовать любая европейская столица.

Итакъ, М. И. послѣдовательно и совмѣстно съ завиднымъ успѣхомъ подвизается на поприщахъ библіотекаря, библіографа, педагога, литератора, издателя, служебнаго и общественнаго дѣятеля. Да, неустанный и кропотливый трудъ, честность и постоянство убѣжденій, неуклонное стремленіе ко всему полезному, энергическое проведеніе въ жизнь своихъ мыслей—вотъ правдивыя и справедливыя черты характера дѣятельности М. И. Итакъ, берегите же свои силы, М. И., на радость и утѣшеніе своей семьи, на пользу Россіи! Избраніе васъ на высокій и отвѣтственный постъ товарища Городскаго Головы служитъ залогомъ, что столичное населеніе въ лицѣ своихъ представителей вполнѣ оцѣнило вашу благородную дѣятельность, а мнѣ позвольте поднять бокалъ за здоровье хорошаго русскаго человѣка!

Объ исключеніи и увольненіи воспитанниковъ изъ учебныхъ заведеній.

(Сообщеніе М. И. Семевскаго въ Педагогическомъ Обществѣ 19 Марта 1877 г.).

Въ теченіе 16-ти лѣтъ я имѣю честь состоять членомъ сначала Педагогическаго Собранія, а затѣмъ Педагогическаго Общества, и во все это время съ живѣйшимъ участіемъ слѣдилъ и слѣжу, по рефератамъ нашего Общества, помѣщаемымъ въ газетахъ, за тѣми вопросами, которые обсуждаются въ средѣ этого Общества; но въ особенности всегда занимали меня тѣ вопросы, которые прямо касались, такъ сказать, текущей жизни учебныхъ заведеній, внутренняго ихъ быта, указаній ихъ недостатковъ, особенно крупныхъ, требующихъ болѣе или менѣе коренныхъ исправленій. Просматривая еще недавно за нѣсколько лѣтъ прочитанные здѣсь рефераты, я хотѣлъ замѣтить, было ли остановлено вниманіе моихъ сочленовъ на одномъ явленіи, которое изъ года въ годъ и, къ величайшему сожалѣнію, все чаще и чаще повторяется въ жизни нашихъ учебныхъ заведеній. Я говорю «*объ исключеніи и увольненіи изъ нихъ воспитанниковъ*». Мнѣ хотѣлось замѣтить, было ли это явленіе обсуждаемо въ средѣ Педагогическаго Общества, были ли выяснены причины, его вызывающія; были ли указаны какія-нибудь болѣе или менѣе общія основы, въ виду которыхъ съ этимъ явленіемъ было бы возможно, хотя до нѣкоторой степени, помириться. На этотъ вопросъ я не нашелъ отвѣта въ рефератахъ, читанныхъ въ нашемъ Обществѣ, и потому рѣшился обратить вниманіе моихъ сочленовъ на помянутое явленіе: при этомъ однако я хочу лишь поставить, намѣтить этотъ вопросъ въ главнѣйшихъ его чертахъ и отчасти въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, въ томъ именно вниманіи, что въ средѣ нашей находятся директора, инспектора, учители и воспитатели, которые, быть можетъ, примутъ участіе въ обсужденіи этого вопроса и ознакомятъ насъ съ тѣмъ, въ какой степени и что можно сдѣлать для предотвращенія упомянутыхъ мною явленій. Мнѣ кажется, что обсужденіе этого вопроса прямо входитъ въ кругъ задачъ Педагогическаго Общества, а именно: § 1-й его Устава гласитъ, что это Обще-

ство собирается съ цѣлью «соглашенія различныхъ взглядовъ, для уясненія встрѣчающихся на практикѣ недоумѣній и для содѣйствія развитію и усовершенствованію нашей воспитательно-учебной практики».

Вопросъ, поднятый мною, вызванъ именно однимъ изъ громадныхъ *недоумѣній* въ нашемъ учебно-воспитательномъ дѣлѣ и притомъ недоумѣніемъ, крайне прискорбнымъ.

Напомню два—три случая послѣдняго времени исключеній воспитанниковъ изъ заведеній. Въ прошломъ учебномъ году изъ одного извѣстнаго и притомъ хорошаго средняго учебнаго заведенія исключены три воспитанника, и изъ нихъ, какъ въ послѣдствіи выяснилось въ печати, одинъ изъ самыхъ лучшихъ учениковъ. Исключеніе сопровождалось выдачею, такъ сказать, *волчьихъ билетовъ*, съ которыми «исключенные» нѣсколько лѣтъ не имѣютъ права поступить въ какое-либо учебное заведеніе. Чтобы не возвращаться вообще къ *волчьимъ билетамъ*, я позволю себѣ напомнить, что, вѣроятно, вамъ и при личномъ посѣщеніи Окружнаго Суда, и при чтеніи разныхъ процессовъ случалось останавливаться предъ преступниками, впавшими въ преступленіе только потому, что они были надѣлены *волчьимъ билетомъ*, т. е. билетомъ, въ которомъ было сказано, что предъявитель его судился за то-то и приговоренъ былъ къ тому-то; невозможность найти себѣ работу или получить мѣсто съ такихъ билетомъ заставляетъ несчастныхъ впадать въ новыя преступленія. Если взрослый человѣкъ, снабженный такимъ видомъ, не можетъ устоять противъ новыхъ преступленій, то представьте себѣ юношу, мальчика, не окрѣпшаго, не обладающаго нравственною устойчивостью, безъ предварительной подготовки и вдругъ силою *волчьяго билета* лишеннаго свѣта Божьяго, т. е. права *образованія*, лишеннаго возможности поступить въ какое бы то ни было учебное заведеніе! Онъ, естественно, прямо поступаетъ въ кадръ тѣхъ несчастныхъ, тѣхъ отщепенцевъ общества, которые, въ концѣ концовъ, попадаютъ на скамью подсудимыхъ.

Въ текущемъ учебномъ году это же явленіе—*исключеніе* учащихся—повторилось въ другомъ учебномъ заведеніи, пользующемся, и притомъ совершенно справедливо, репутаціею хорошаго заведенія; между тѣмъ и здѣсь случилось то, что 4 мальчика, и, опять-таки, одинъ *весьма хорошій*, исключены изъ среды своихъ товарищей; на этотъ разъ мнѣ неизвѣстно, *исключены-ли они* съ тою же оговоркою, съ таковымъ же *волчьимъ билетомъ*, какъ въ первомъ случаѣ, или нѣтъ; но, во всякомъ случаѣ, они выброшены изъ заведенія на улицу, и, разумѣется, для нихъ если не заграждена, то въ значительной мѣрѣ затруднена возможность дальнѣйшаго образованія. При упоминаніи объ этомъ случаѣ позволю себѣ остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ; при томъ долгомъ считаю оговориться, что вовсе не касаюсь личностей; я даже не знаю фамиліи лица, подавшаго поводъ къ упомянутому случаю; беру фактъ въ его окончательной формѣ. Одинъ изъ преподавателей весьма ин-

тереснаго или могущаго быть занимательнымъ предмета, въ своемъ преподаваніи, обходилъ учебники, не обращался къ диктовкѣ записокъ, не диктовалъ даже краткаго конспекта своихъ уроковъ; обходя всѣ эти вспомогательныя средства для своихъ учениковъ, преподаватель между тѣмъ требовалъ, и требовалъ весьма строго, отчета во всемъ томъ, что они отъ него слышали. Не знаю, въ какой мѣрѣ интересны были его объясненія, но, такъ или иначе, мальчики не въ состояніи были усвоить его уроковъ и неоднократно просили о томъ, чтобы учитель рекомендовалъ имъ какой-нибудь учебникъ, въ видѣ пособія. Желаніе это не было удовлетворено. Возникло неудовольствіе,—оно выразилось однажды въ шиканьѣ и свистѣ; къ шикающимъ охотно пристало сосѣднее отдѣленіе того-же класса, въ качествѣ добровольцевъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что учитель счелъ необходимымъ оставить заведеніе, а ближайшіе руководители заведенія сочли необходимымъ *исключить* 4-хъ юношей.

Да не подумаютъ, что я произношу осужденіе учителю за то, что онъ не преподавалъ по *учебнику*.

Много лѣтъ тому назадъ я, въ средѣ Педагогическаго Собранія, имѣлъ случай проводить и подтверждать ту мысль, что урокъ преподавателя непремѣнно долженъ сопровождаться значительно подробнѣйшими объясненіями,—разумѣется, насколько позволяетъ объемъ курса,—для того, чтобы этими подробностями болѣе и болѣе заинтересовать своихъ слушателей, такъ сказать, втянуть ихъ въ интересъ самаго дѣла, заставить ихъ полюбить предметъ; но за всѣмъ тѣмъ я всегда говорилъ, что, особенно въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ на мальчика обрушивается лавина предметовъ, гдѣ у него усчитаны не только часы, но даже минуты, положительное варварство—не помочь этимъ юношамъ (отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ), не дать имъ какого-нибудь пособія, хотя бы въ видѣ конспекта, на который, при изученіи предмета, они могли-бы опереться; затѣмъ, только въ предѣлахъ этого конспекта или учебника и можно требовать отъ нихъ отвѣтовъ, разумѣется, вознаграждая своимъ вниманіемъ и поощреніями тѣхъ, которые будутъ усвоивать подробности, дополняющія учебникъ.

Въ виду этого намъ кажется, что помянутый преподаватель не погрѣшилъ бы и не вызвалъ бы печальнаго событія—гибели 4-хъ лицъ, если-бы придержался того пріема, о которомъ я говорю.

Кто не знаетъ, что въ числѣ таковыхъ «отщепенцевъ» бываютъ очень способные, даровитые, хорошіе юноши, и вотъ, хотя во имя ихъ, слѣдуетъ потолковать о томъ, чтобы какъ можно рѣже прибѣгать къ ужасной мѣрѣ — исключенія изъ заведенія.

Шалости воспитанниковъ, выражающіяся въ выходкѣ противъ учителя или воспитателя, хотя бы такой, какая имѣла мѣсто въ разсматриваемомъ нами случаѣ, конечно, весьма не похвальны, но исключительны-ли? Есть-ли въ Европѣ уголокъ, въ которомъ находится школа, и гдѣ подобныя шалости были бы въ диковинку? Неужели закрытое учебное заведеніе на Петербург-

ской сторонѣ первое проявило себя подобными шалостями? Неужели, наконецъ, шалуны-мальчики и въ самомъ дѣлѣ *преступники*, заслужившіе столь тяжкую кару, каково изгнаніе изъ заведенія?

Въ былыя времена, въ видахъ сохраненія дисциплины въ учебныхъ заведеніяхъ, случалось, что воспитанниковъ высшихъ классовъ за громкое заявленіе о томъ, что въ кушанье положено горькое масло или тухлая говядина, ссылали рядовыми на Кавказъ, это бывало! Но вспомните и взглядъ на дисциплину тридцать—сорокъ лѣтъ тому назадъ! Ее охраняли люди Аракчеевской школы, забивая въ дѣтяхъ всякое сознаніе человѣческаго достоинства, всякое чувство самоуваженія. Директоръ заведенія, дежурный офицеръ, учитель, дядька, даже экономъ—все это были начальники надъ воспитанниками, и неповиновеніе имъ признавалось чуть-ли не государственнымъ преступленіемъ. Тѣ времена, слава Богу, прошли; зачѣмъ же возвращаться къ нимъ? При этомъ, замѣтьте, ссылка 15—17-лѣтнихъ юношей рядовыми на Кавказъ была, конечно, тяжкимъ наказаніемъ для каждаго изъ нихъ въ частности, но болѣе самихъ виновныхъ проигрывало общество, теряя въ будущемъ весьма полезныхъ дѣятелей. Не пора-ли смотрѣть на шалуновъ-мальчиковъ болѣе человѣчными глазами? Опытъ многихъ лѣтъ доказываетъ, что изъ шалуна, даже лѣнивца на школьной скамьѣ, можетъ со временемъ выработаться не только не дюжинный, но и геніальный человѣкъ. Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій, Лермонтовъ—на ученической скамьѣ не отличались ни прилежаніемъ, ни благонравіемъ. Наоборотъ, на мраморныхъ доскахъ учебныхъ заведеній найдете не мало *золотомъ* начертанныхъ именъ «первѣйшихъ» учениковъ, которые, сдѣлавшись членами общества, во всю ихъ жизнь такъ и оставались *золотою* посредственностью.

Выбросивъ изъ училища 4-хъ мальчиковъ, гг. педагоги доказали только полное отсутствіе въ нашемъ педагогическомъ регламентѣ вполнѣ раціональныхъ исправительныхъ мѣръ. Если ужъ прибѣгать къ *крайнимъ* мѣрамъ, то я предложилъ бы напротивъ—оставить провинившихся на лишній годъ въ учебномъ заведеніи, именно потому, что проступкомъ своимъ они показали, что ими недостаточно еще усвоено «благонравіе», какое должно насаждать въ своихъ питомцахъ учебное заведеніе.

Понятно, я указываю только на крайнюю мѣру, въ томъ случаѣ, если нельзя найти другихъ какихъ-нибудь среднихъ мѣръ исправленія. Противъ предлагаемой мною крайней мѣры возразятъ, что мальчика-шалуна нельзя оставлять въ средѣ другихъ воспитанниковъ: онъ-де можетъ вредно повліять на нихъ; но дѣло въ томъ, что тѣ проступки, за которые учебныя заведенія зачастую исключаютъ воспитанниковъ, не представляютъ собою чего-либо *безнравственнаго*: это—легкомысліе, не рѣдко—минутный порывъ, нерѣдко—дерзость, просто *сорвавшаяся* съ языка. Если этого рода проступокъ бываетъ зачастую у взрослыхъ, то какъ же къ нему относиться съ полнымъ безсердечіемъ въ томъ случаѣ, когда виновнымъ оказывается *под-*

ростокъ, дѣйствующій «не съ полнымъ разумѣніемъ», въ которомъ и кровь скорѣе циркулируетъ, который скорѣе отдается первому впечатлѣнію досады, раздраженія, обиды? Явись взысканіе въ другой формѣ, въ мягкой или, подъ часъ, и суровой, но тутъ же, въ средѣ заведенія, порывъ бы исчезъ, явилось бы сознаніе своей вины, и такой воспитанникъ могъ бы, совершенно исправясь, хорошо окончить свое воспитаніе и выйдти изъ школы вполнѣ сформировавшимся полезнымъ для общества дѣятелемъ.

Не говорю объ отчаяніи и слезахъ отцевъ и матерей выключенныхъ воспитанниковъ, обращаю вниманіе ваше лишь на послѣдствія столь непомѣрнаго наказанія шалуновъ, каково ихъ исключеніе. Чѣмъ имъ быть теперь?

Если вамъ, мм. гг., случалось бывать въ числѣ присяжныхъ засѣдателей Окружнаго Суда, то, безъ сомнѣнія, вы замѣтили, что значительный процентъ подсудимыхъ составляютъ не кончившіе курса гимназій, выключенные изъ училищъ,—жертвы непомѣрной строгости или неумѣлости гг. педагоговъ вести учебно-воспитательное дѣло.

Есть три группы проступковъ, которые могутъ вызывать взысканіе. Есть группа проступковъ, выражающихъ *безнравственность* учащагося, не поддающаяся исправленію, по крайней мѣрѣ, въ средѣ заведенія. Есть группа проступковъ противъ *дисциплины* заведенія, наконецъ,—есть группа проступковъ по отношенію *къ ученью*, т. е. лѣность и малоуспѣшность въ наукахъ.

Первой группѣ я даю мѣсто въ моихъ заключительныхъ тезисахъ. Я остановилъ уже ваше вниманіе на *второй* группѣ проступковъ, именно—противъ дисциплины заведенія. Здѣсь грубое слово, дерзость, скопъ, заговоръ,—слова, такъ смѣшно звучащія, коль скоро мы смотримъ «со стороны» на этихъ юныхъ «преступниковъ», и которыя столь увеличенными глазами разсматриваются ближайшими приставниками учащихся. Наконецъ, *третья* группа—проступки противъ ученья.

Исторія исключеній или увольненій за тупость, неспособность, *лѣность*, въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ довольно интересна. Въ старину считали возможнымъ держать воспитанника въ одномъ классѣ нѣсколько лѣтъ; нерѣдко бывало такъ, что ученика держали до «великовозрастія», до 20—22-хъ лѣтъ. *Малый* отсиживалъ въ какомъ-нибудь низшемъ классѣ лѣтъ по 6 и 7, и тогда только догадывались исключить его. Потомъ явилось другое и совершенно противоположное правило: болѣе 2-хъ лѣтъ въ классѣ не держать, и, если воспитанникъ оказывался безнадежнымъ затѣмъ къ переходу въ слѣдующій классъ, то увольненіемъ лѣнивца спѣшили очищать его мѣсто, которое дѣствительно такъ дорого у насъ при увеличивающемся числѣ желающихъ учиться и при недостаточности числа учебныхъ заведеній. Но тутъ уже махнули черезъ край: въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ существуетъ правило, что можно остаться изъ семилѣтняго курса только одинъ разъ на

два года, затѣмъ уже ни въ одномъ классѣ мальчикъ не смѣй оставаться, а въ послѣднемъ классѣ ни въ какомъ случаѣ, ни даже тогда, если въ предшествовавшихъ классахъ онъ ни разу не оставался *).

Говоря о проступкахъ второй группы, т. е. противъ дисциплины заведенія, я забылъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Легкомысленно сказанное слово, вспышка—въ натурѣ дѣтей: надо относиться къ нимъ снисходительно, надо помнить, что передъ нами дѣти, дѣйствующія не съ полнымъ разумѣніемъ, надо, наконецъ, помнить, что хорошій учитель или воспитатель, обладающій тактомъ въ обращеніи съ учащимися,—именно говорю, тактомъ, потому что какъ поблажки, такъ и крайняя педантичная суровость не выражаютъ такта,—никогда не вызоветъ на проступокъ противъ дисциплины. Исключенія весьма рѣдки и обыкновенно казнятся самими же воспитанниками. Я не погрѣшу противъ скромности высокоуважаемаго Предсѣдателя нашего Общества, присутствующаго въ настоящемъ его засѣданіи, *П. Г. Рѣдкина*, если позволю себѣ сослаться, въ подтвержденіе моихъ словъ, на его личный опытъ. А опытъ этотъ великъ, такъ какъ педагогическая дѣятельность Петра Григорьевича началась едва-ли еще не при нашихъ дѣдахъ. Какъ профессоръ и экзаменаторъ, Петръ Григорьевичъ до сихъ поръ извѣстенъ, какъ человѣкъ въ высшей степени строгій; между тѣмъ, вся его полувѣковая педагогическая дѣятельность всегда сопровождалась глубочайшимъ къ нему уваженіемъ со стороны его учениковъ и слушателей. Не служитъ ли это доказательствомъ, что строгое, но вполнѣ справедливое и безпристрастное отношеніе къ своему долгу наставника никогда рѣшительно не вызоветъ въ средѣ молодежи проступка противъ его личности или противу установленнаго порядка.

Итакъ, объясненія столь прискорбныхъ явленій, каковы послѣдняго вида проступки воспитанниковъ, зачастую влекущіе за собою, въ настоящее время, *исключеніе* провинившагося, надо искать, прежде всего, въ тѣхъ отношеніяхъ, какія существуютъ между преподавателями и воспитателями и ввѣренными имъ питомцами.

Вникните въ отношенія, увы! довольно многихъ преподавателей къ учащимся. Для первыхъ ихъ благороднѣйшее званіе—кусокъ хлѣба поденщика, т. е. служба безъ любви къ дѣлу, безъ малѣйшаго сочувствія къ ученикамъ. У любой няньки-простолюдинки болѣе нѣжности къ младенцу, ей ввѣренному, нежели у учителя къ ученику. Зачѣмъ учитель является въ классъ? Отбарабанить свои часы столько-то въ недѣлю, спросить уроки, поставить, зачастую по капризу, баллы и—только. Вникаетъ ли онъ въ способности уче-

*) Въ военныхъ гимназіяхъ существуетъ положительное правило, что въ теченіе семилѣтняго курса воспитанникъ можетъ лишь одинъ разъ остаться и только на два года въ классѣ, въ противномъ случаѣ онъ исключается; въ послѣднемъ-же, седьмомъ, классѣ онъ ни подъ какимъ видомъ не можетъ остаться на два года.

никовъ, въ ихъ развитіе? Ни мало. Мѣрило способностей—программа. Что нужды, если одинъ ученикъ хватаетъ на лету, а другой—тупица; тотъ и другой должны идти въ ногу, и слабый не смѣй отставать отъ способнѣйшаго Огородникъ и садовникъ гораздо рачительнѣе относятся къ овощамъ и цвѣтамъ, нежели многіе, не скажу, большинство нашихъ педагоговъ,—Богъ имъ судья—къ завязямъ знанія, которыя они должны насаждать на болѣе или менѣе воспріимчивую почву дѣтскаго разума. Программы подразумѣваютъ, что всѣ эти почвы одинаково воспріимчивы, и многіе педагоги не хотятъ и знать, что въ дѣйствительности бываетъ иначе. Математикъ, лѣтъ двадцать долбящій свой предметъ, и только этотъ одинъ, хочетъ въ 12—15-лѣтнемъ мальчикѣ видѣть чуть не равносильнаго себѣ математика, географъ—географа и т. д. Въ одну, еще формирующуюся, голову шесть, семь, - что я говорю—добрая дюжина учителей накачиваютъ запасы знанія, каждый по своему предмету, и каждый совершенно забываетъ, что онъ не одинъ. Это явленіе весьма обычное, и каждый, кто занимался преподаваніемъ, болѣе или менѣе, но былъ въ этомъ грѣшенъ. Бываютъ и такіе случаи. Учитель изъ «любви» къ своему предмету невольно увлекается и сердится, что дѣти не усвоиваютъ себѣ предмета такъ, какъ бы желательно было. Бываетъ такое забавное, конечно, рѣдкое явленіе: поступаетъ знатокъ химіи въ средне-учебное заведеніе и, въ чаду любви къ предмету и обширнѣйшихъ въ немъ знаній, забывая, что передъ нимъ подростки, дѣлается крайне требователенъ, находитъ лѣность, якобы умышленно тупое отношеніе къ предмету, и *кознитъ* воспитанниковъ на-пропалую. Такъ проходитъ нѣсколько лѣтъ. И наконецъ только начальство заведенія схватится: ба, да это дѣльный ученый, ему мѣсто въ университетѣ, а не здѣсь; его замѣняютъ другимъ, болѣе соотвѣтственнымъ требованіямъ школы, наставникомъ, но уже десятокъ—другой поостались изъ-за него въ классахъ, благодаря отмѣткамъ такого «профессора», а разъ ученикъ завязъ въ классѣ, разъ вышибленъ изъ колеи, смотришь—зачастую и не дотягиваетъ до послѣдняго класса.

Кто виноватъ? Скажутъ: лѣность, тупость. Нѣтъ, совершенно нѣтъ: виновато неумѣлое отношеніе учителя, неспособность снизойти до уровня малой, по возрасту, аудиторіи, и изъ обширнѣйшаго запаса знаній по своему предмету неумѣнье взять только небольшую долю, изъ которой, опять таки, быть можетъ, лишь сотую долю онъ обязанъ оставить въ формирующейся головѣ своего ученика подростка. Такое неумѣлое отношеніе этого разряда преподавателей, повторяю, увеличиваетъ кадръ остающихся въ классахъ, а затѣмъ и кадръ увольняемыхъ толпами изъ разныхъ учебныхъ заведеній воспитанниковъ.

И можетъ-ли быть иначе, если вы вспомните къ тому же несоотвѣтствіе съ возрастомъ, съ степенью развитія учащихся, съ ихъ, прямо сказать, даже физическими силами числа предметовъ обученія, размѣровъ программъ каждаго изъ нихъ. Мудрено-ли, что изъ сотни дѣтскихъ головъ выдержи-

ваютъ еле-еле двадцать; остальныя выключаются за «тупостью», либо срѣзываются на экзаменахъ и вслѣдствіе этого рѣжутся, стрѣляются, вѣшаются, или, въ умоизступленіи, совершенно свихнувъ съ ума, покушаются на жизнь директоровъ и учителей.

Удивительное дѣло! Мы миримся съ фактомъ, чрезвычайно своеобразнымъ: въ низшіе классы средне-учебнаго заведенія поступаетъ 60, 80, 100 человѣкъ, а изъ послѣдняго выходитъ 6, 5, 3 человѣка! Какое-нибудь среднее учебное заведеніе, въ особенности, въ провинціи, стоющее государству не малыхъ денегъ, посылаетъ, напр., въ Петербургъ, въ концѣ учебнаго года трехъ-четырехъ человѣкъ, и ближайшіе руководители этого заведенія не краснѣютъ, не задумываются: откуда-де происходитъ такое странное явленіе? А, между тѣмъ, о немъ слѣдуетъ очень и очень подумать, въ особенности, въ виду настоятельной необходимости, въ переживаемое нами время, въ людяхъ вполнѣ образованныхъ, окончившихъ весь кругъ образованія, предлагаемаго тѣмъ или другимъ среднимъ учебнымъ заведеніемъ. Русское же общество совершенно равнодушно относится къ этому явленію; лишь кое-гдѣ мелькомъ прокрадывается объ этомъ нѣсколько строкъ въ печати, но никакъ не въ отчетахъ заведеній.

Возвращаясь къ вопросу о выключеніи шаловливыхъ дѣтей изъ учебныхъ заведеній, считаю не лишнимъ напомнить, что и безъ этой жестокой мѣры есть цѣлая градація взысканій въ современныхъ учебныхъ заведеніяхъ, такая лѣстница, что, если провести по ней воспитанника, то едва ли доведется толковать о его исключеніи. Кромѣ этого есть другой способъ — самосудъ самихъ учащихся. Я очень осторожно касаюсь этого предмета; упомянувъ, что дисциплинарный проступокъ ученика въ отношеніи хорошаго наставника или воспитателя всегда вызоветъ протестъ въ окружающей средѣ, я тѣмъ самымъ даю понять, что извѣстную долю самосуда всегда возможно предоставить воспитанникамъ; въ какой формѣ, при какихъ случаяхъ, какъ это устроить, чтобы не колебать внутренняго строя заведенія, это другой вопросъ. Итакъ, существуетъ цѣлая градація мѣръ взысканія и исправленія, цѣлая система примѣненія этихъ наказаній; за всѣмъ тѣмъ является вопросъ: кто же долженъ быть подвергнутъ *исключенію* изъ учебнаго заведенія? Выше я сказалъ, что есть поступки, совершенно *безнравственные*, доказывающіе полную порчу нравственности въ подростающемъ воспитанникѣ и, слѣдовательно, возможность предположенія, что эта порча разовьется заразою для окружающей его, столь воспріимчивой, среды. Эта группа проступковъ, эта болѣзнь воли, доведенная до видимой невозможности излѣченія, требуетъ, дѣйствительно, того, чтобы плевелы отсѣкались, и чтобы дурная трава не засаривала хорошей.

Независимо отъ этой группы проступковъ, я замѣтилъ, что видимая лѣность, тупость требуютъ очистки мѣста, занимаемаго безнадежнымъ питом-

цемъ; но, мнѣ кажется, слѣдовало бы измѣнить въ значительной долѣ систему увольненія за лѣность. Я полагаю, что, еслибы воспитанникъ, оставшись въ одномъ классѣ два года, свободно затѣмъ переходилъ въ слѣдующій и далѣе, если-бы въ слѣдующихъ классахъ таковой тихоходъ оставался по два года, но каждый разъ, на третій годъ, подвигался далѣе, таковыхъ отнюдь не должно выключать изъ заведенія. Я рѣшаюсь стоять за это въ виду того, что это допускается и, притомъ, безъ всякихъ неудобствъ въ нашихъ университетахъ.

Студентъ можетъ пробыть въ университетѣ ни болѣе ни менѣе какъ отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ. А именно: на одномъ факультетѣ онъ можетъ пробыть 6 лѣтъ, т. е. остаться два раза въ продолженіе четырехлѣтняго курса; представьте себѣ, что на послѣднемъ курсѣ студентъ пожелаетъ перейти на другой факультетъ; онъ переходитъ и здѣсь можетъ снова начать новую полудюжину годовъ. Итакъ, въ университетѣ для молодыхъ людей, вполнѣ развитыхъ, окрѣпшихъ физически, допускаются льготы продолжительнаго сидѣнія на скамьѣ учащагося, а дѣтей, нерѣдко слабыхъ даже физически и уже по этому одному не могущихъ переходить изъ класса въ классъ ежегодно,—*увольняютъ* изъ заведенія, не допуская ихъ два раза остаться въ разныхъ классахъ и по два года.

Наше Педагогическое Общество вовсе не призвано и не уполномочено къ составленію какихъ-либо проектовъ, уставовъ, инструкцій и положеній для учебныхъ заведеній или обязательныхъ правилъ для своихъ сочленовъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы пользованіе, даннымъ ему дѣйствующимъ уставомъ, правомъ обсужденія разныхъ вопросовъ и недоумѣній, вызываемыхъ учебно-воспитательною практикою, обращало это Общество въ простую лишь говорильню.

Нѣтъ. Всестороннее обсужденіе поставленнаго въ немъ вопроса и пренія, вызываемыя въ немъ, если они ведутся съ искреннимъ желаніемъ уяснить вопросъ и безъ всякихъ личностей, затѣмъ соображенія, здѣсь высказанныя болѣе или менѣе компетентными людьми,—нерѣдко переходящія и въ печать, въ педагогическую литературу,—все это, — если не прямо, то косвенно, — можетъ весьма содѣйствовать устраненію самыхъ вопіющихъ *недоразумѣній*, хотя бы такихъ, какъ *исключеніе* дѣтей изъ учебныхъ заведеній.

Я скажу болѣе: еслибы столь жизненные вопросы, какъ, напр., тотъ, который нынѣ предлагается вашему вниманію, гораздо ранѣе и чаще возникали бы здѣсь, то нѣтъ сомнѣнія, что тѣ учителя или воспитатели, которые были причиною указанныхъ несчастныхъ случаевъ, значительно бы содѣйствовали устраненію такихъ печальныхъ послѣдствій, каково исключеніе изъ заведенія воспитанниковъ, личнымъ ходатайствомъ, личною просьбою за пострадавшихъ.

Оканчивая мои бѣглыя замѣтки, я позволю себѣ привести здѣсь шутли-

вое замѣчаніе одного лица, которое выслушало мой рефератъ, предварительно ему сообщенный. Для уменьшенія числа исключеній изъ заведеній мой собесѣдникъ предлагаетъ таковую мѣру, онъ говоритъ: «выбрасыванье учебнымъ заведеніемъ своихъ питомцевъ на улицу положительно доказываетъ нравственное безсиліе и мало-способность ближайшихъ руководителей, въ особенности, директоровъ и инспекторовъ заведеній. Въ виду охраненія казеннаго интереса необходимо прибѣгнуть къ слѣдующей мѣрѣ. Такъ какъ выключенный воспитанникъ, до своего изгнанія, обходился казнѣ въ немалую сумму денегъ, и эта затрата, производительная, если бы ученикъ окончилъ курсъ, наноситъ ущербъ казнѣ при его выключеніи, то было бы вполнѣ основательно подобнаго рода убытки казны и общества, при выключеніи воспитанниковъ, пополнять вычетами изъ содержанія директора и инспектора заведенія, какъ главныхъ его руководителей. При чемъ, послѣ опредѣленнаго числа случаевъ вычета, слѣдовало бы таковыхъ директоровъ и инспекторовъ освобождать отъ безполезно и неумѣло занимаемыхъ ими мѣстъ. При такомъ порядкѣ, случаи выключенія воспитанниковъ за шалости, навѣрно, сдѣлались бы рѣдкостью, да и самое ближайшее начальство учебнаго заведенія съ бо́льшимъ вниманіемъ относилось бы къ нравственной и имущественной своей отвѣтственности предъ государствомъ и обществомъ за воспитаніе будущихъ гражданъ, полезныхъ слугъ отечеству».

По правиламъ, принятымъ въ нашемъ Обществѣ, каждый рефератъ долженъ окончиться тезисами или положеніями, по поводу которыхъ могли-бы возникнуть пренія. Вотъ тезисы моего реферата:

«I. Исключеніе или увольненіе воспитанника изъ учебнаго заведенія можетъ имѣть мѣсто только въ ниже поименованныхъ случаяхъ (§ III). II. Виды проступковъ, вызывающихъ исключеніе виновныхъ изъ заведенія, должны быть весьма точно обозначены и общеизвѣстны въ учебно-воспитательномъ мірѣ. III. Поступки, могущіе повлечь за собою исключеніе изъ заведенія, суть слѣдующіе: а) воровство и страсть къ картамъ, буде неоднократно замѣченный въ этомъ не исправился послѣ принятыхъ, по отношенію къ нему, мѣръ взысканія; б) наушничество, шпіонство, клевета, если неоднократно уличенный въ нихъ не исправился послѣ принятыхъ, по отношенію къ нему, другихъ мѣръ взысканія; в) пьянство и противоестественное проявленіе чувственности, доведшія виновнаго до болѣзни, неподдающейся ни исправительнымъ мѣрамъ взысканія, ни лѣченію; г) крайняя лѣность, а также тупость и неспособность къ ученію, выразившіяся, между прочимъ, тѣмъ, что воспитанникъ, пробывъ два года въ классѣ, не можетъ перейти въ слѣдующій; но если воспитанникъ, оставаясь хотя въ каждомъ классѣ по два года, переходитъ на третій годъ въ слѣдующій классъ, таковой не подлежитъ увольненію изъ заведенія. IV. Приговоръ объ увольненіи можетъ состояться лишь въ конференціи или педагогическомъ совѣтѣ заведенія, при участіи въ немъ директора, инспектора,

всѣхъ учителей и воспитателей, а также, по отношенію къ нѣкоторымъ поступкамъ (§ III-й, пунктъ в), при участіи врача заведенія. Приговоръ объ увольненіи считается состоявшимся, если онъ постановленъ, при закрытой баллотировкѣ, единогласно участвовавшими въ совѣтѣ. Ни въ какомъ случаѣ приговоръ объ исключеніи воспитанника не долженъ быть отягчаемъ запрещеніемъ исключенному поступать въ другое заведеніе».

По вопросу о представленіи городскихъ смѣтъ и отчетовъ Городской Управы на разсмотрѣніе Думы.

(Изъ журнала засѣданія С.-Петербургской Городской Думы 21 Января 1883 года).

По предложеніи на обсужденіе собранія доклада коммисіи, занимавшейся, по порученію Городской Думы, предварительнымъ разсмотрѣніемъ смѣты доходовъ и расходовъ города С.-Петербурга на 1883 годъ (Изв. Гор. Думы 1882 г. № 41, скр. 2883), гласнымъ и членомъ финансовой коммисіи М. И. Семевскимъ было высказано:

«Разсмотрѣніе смѣты городскихъ доходовъ и расходовъ всегда является въ занятіяхъ Думы однимъ изъ тѣхъ моментовъ, когда всего удобнѣе окинуть, такъ сказать, однимъ взглядомъ все городское хозяйство, нужды города и средства къ удовлетворенію оныхъ. Другой такой-же моментъ— это разсмотрѣніе отчета Городской Управы за вполнѣ законченный хозяйственный смѣтный годъ.

«Прежде чѣмъ Дума приступитъ къ разсмотрѣнію смѣты на 1883 годъ я, какъ одинъ изъ гласныхъ, въ теченіе шести лѣтъ состоящій членомъ бюджетной коммисіи, позволяю себѣ предпослать разсмотрѣнію смѣты нѣсколько общихъ замѣчаній по поводу бюджета города Петербурга.

«Въ послѣднія десять лѣтъ, какъ извѣстно, доходы города возвысились отъ 4-хъ милліоновъ, какъ то было въ 1873 году, до 5-ти милліоновъ 930 тысячъ р. на 1883 г. Въ не меньшей степени возвысились и расходы; въ 1873 году они составляли $4^1/_2$ милліона, а на 1883 годъ предполагаются въ 5 милліоновъ 845 тысячъ рублей.

«Независимо отъ размѣра доходовъ и расходовъ, въ смѣтѣ города Петербурга многое измѣнилось.

«Перемѣны эти, по отношенію къ обоимъ отдѣламъ смѣты, состоятъ, между прочимъ, въ слѣдующемъ:

«Равновѣсіе расходовъ съ доходами въ послѣдніе годы вполнѣ устано-

вилось. Прежнія превышенія расходовъ надъ доходами исчезаютъ; это исчезновеніе объясняется, между прочимъ, твердо установившимися въ нашей средѣ взглядами, что вносимая смѣта должна быть всецѣло выраженіемъ, сколь возможно болѣе близкимъ, дѣйствительныхъ доходовъ и дѣйствительныхъ расходовъ. Въ прежнее и сравнительно недавнее еще время расходы являлись въ смѣтахъ города Петербурга значительно превышающими доходы, и, между прочимъ, потому, что этимъ превышеніемъ предполагалось ежегодно свидѣтельствовать предъ администраціей о томъ, что-де городская касса крайне скудна средствами, и тѣмъ отвращать давленіе администраціи ко введенію въ смѣту новыхъ расходовъ; съ другой стороны, въ отдѣлъ предполагаемыхъ работъ вносилось, безъ достаточнаго разбора, много такихъ работъ, объ исполненіи которыхъ въ теченіе смѣтнаго года серьезно и не думали, да и предположенія о которыхъ подробно даже на разработывались.

«Итакъ, съ 1877 года является постоянное равновѣсіе въ нашихъ бюджетахъ, нерѣдко даже съ значительнымъ превышеніемъ доходовъ надъ расходами. Вмѣстѣ съ тѣмъ является упорядоченіе отдѣла доходовъ. Настойчивостью бюджетныхъ финансовыхъ коммисій и, затѣмъ, благодаря утвержденію Думою докладовъ этихъ коммисій, открывается цѣлый рядъ статей городскихъ доходовъ, до тѣхъ поръ ускользавшихъ почему-то отъ внесенія въ смѣту: открываются различные участки городской земли, увеличивается доходность оброчныхъ статей города, выясняется право собственности города на различные участки и другіе источники доходовъ; наконецъ, бюджетныя коммисіи и Дума добиваются появленія инвентаря всей городской собственности.

«Съ другой стороны, по отношенію къ расходамъ, бюджетныя коммисіи, а затѣмъ, по докладамъ оныхъ, и Дума своими постановленіями добиваются, хотя еще далеко не вполнѣ, того, чтобъ въ смѣту расходовъ были заносимы только такія строительныя работы, которыя, дѣйствительно, могутъ быть и будутъ выполнены въ теченіе смѣтнаго періода. По докладамъ бюджетныхъ коммисій, возбуждаются вопросы о сложеніи тѣхъ или другихъ обязательныхъ расходовъ, и хотя не многіе изъ нихъ, но, все-таки, сложены, по рѣшенію высшей власти, съ городской казны.

«Выработаны и утверждены Думою правила относительно исчисленія суммъ, заносимыхъ въ смѣту расходовъ на обыкновенный ремонтъ. Правила эти ввели порядокъ въ эту, особенно смутную, часть нашихъ бюджеовъ.

«Нельзя не упомянуть также, что бюджетными коммисіями неоднократно возбуждены и Думою приняты различныя для городскаго хозяйства мѣропріятія. Упомяну лишь хотя-бы только объ учрежденіи статистическаго отдѣленія, дѣятельность котораго уже теперь является полезнымъ воспособленіемъ для трудовъ различныхъ коммисій Думы.

«Настойчивостью Думы, вызванной многократными представленіями финансовыхъ коммисій, упорядочено дѣло предъявленія смѣты въ Думу, выработаны форма докладовъ и порядокъ составленія и разсмотрѣнія смѣты.

«Но если изъ всего сказаннаго видно, что многое сдѣлано по предмету, насъ занимающему въ настоящее время, т. е. по отношенію къ смѣтѣ города, то это далеко не значитъ, что сдѣлано все, — напротивъ, остается довершить въ области этого, весьма важнаго предмета, очень многое.

«А именно, прежде всего, должно установить возможно болѣе тѣсную связь по отношенію къ разсмотрѣнію смѣты на предстоящіе годы и отчетовъ за исполнившіеся годовые періоды. До какой степени важна таковая связь, пойметъ каждый, кто сколько-нибудь внимательно относится къ своему хозяйству. Дѣлая предположенія о своихъ доходахъ и расходахъ на будущій годъ, каждый изъ рачительныхъ хозяевъ непремѣнно оглядывается на истекшій годъ, вмѣсто котораго Дума, конечно, должна брать годъ, предшествовавшій послѣднему году, являющійся, по своимъ расходамъ, вполнѣ закончившимся.

«Еслибы таковой порядокъ былъ установленъ у насъ, то весь трудъ нашъ надъ выработкою смѣты, во всѣхъ отдѣльныхъ ея статьяхъ, имѣлъ бы твердую почву въ выводахъ, сдѣланныхъ коммисіей, обревизовавшей ближайшій отчетный годъ.

«Какъ же дѣлалось и дѣлается понынѣ у насъ?

«1877-й годъ, съ котораго въ составѣ Думы находится значительное большинство нашихъ гласныхъ, засталъ городское хозяйство съ отчетами Управы, не обревизованными болѣе, нежели за 10 предшествовавшихъ лѣтъ! Не безъ усилій, притомъ, энергическихъ, Дума добилась, наконецъ, того, что къ 1880 году были обревизованы отчеты за время до 1876 года, а затѣмъ ревизовались уже отчеты за каждый послѣдующій годъ. Въ послѣдніе, однако, два года мы видимъ, что дѣло это опять впадаетъ въ то состояніе, изъ котораго оно, повторяю, не безъ усилій было извлечено. Довольно замѣтить, что уже готовые доклады ревизіонныхъ коммисій—по отчету Управы за 1879 годъ, представленный въ Думу 2-го Іюля 1881 г., а за 1880 годъ—12 Мая 1882 г.—не подвергнуты даже до сихъ поръ обсужденію Думы. Что-же касается до отчета Управы за 1881 годъ, то для разсмотрѣнія его хотя и избрана коммисія ревизіонная, но о дѣятельности ея мы ничего не знаемъ, хотя 15 Октября 1882 года она должна была представить свой докладъ.

«Такимъ образомъ, тѣ замѣчанія, какія были бы сдѣланы Думою по отношенію къ исполнившимся тремъ отчетнымъ годамъ, совершенно не существуютъ ни для бюджетной коммисіи, ни для Думы при разсмотрѣніи смѣты на 1883 годъ.

«Въ виду этого я выражаю настоятельное желаніе, дабы Управа выяснила намъ причины—почему доклады по истекшимъ тремъ послѣднимъ отчетнымъ годамъ не внесены своевременно въ Думу на ея разсмотрѣніе и утвержденіе?

«Затѣмъ я настоятельно выражаю желаніе, дабы на будущее время, одновременно съ докладомъ бюджетной финансовой коммисіи, разсылаемъ былъ бы и докладъ коммисіи, ревизовавшей отчетъ Управы за исполнившійся хозяйственный годъ. Вслѣдъ за симъ оба доклада являлись-бы на разсмотрѣніе Думы непремѣнно одновременно.

«Гласные Думы, получая одновременно два столь важныхъ документа, обрисовывающихъ всесторонне состояніе городскаго хозяйства, составляли бы себѣ полное понятіе о нуждахъ и средствахъ городскаго хозяйства.

«Къ двумъ изъясненнымъ указаніямъ присоединяю третье; оно, по моему мнѣнію, не меньшей важности, какъ и предъидущія два: ни смѣта доходовъ и расходовъ, ни отчетъ Городской Управы не сопровождаются обзоромъ всего городскаго хозяйства, и обзоромъ, такъ сказать, критическимъ, который, несомнѣнно, обязателенъ для Управы, стоящей во главѣ нашего общественнаго управленія.

«Въ настоящее время въ смѣтахъ Петербурга являются голыя цифры, въ отчетахъ Управы сшивается совершенно сырой, не обработанный матеріалъ, въ видѣ бо́льшихъ или меньшихъ записокъ и вѣдомостей, сообщенныхъ въ Управу изъ многочисленныхъ думскихъ коммисій, но вотъ и все.

«Какъ же смотритъ Управа на свое хозяйство, каковою находитъ она дѣятельность органовъ городскаго хозяйства, въ чемъ состоятъ средства къ извлеченію новыхъ средствъ города, въ чемъ состоятъ нужды, которыя не удовлетворяются еще городомъ? Никакихъ таковыхъ объясненій, никакого, повторяю, критическаго обзора не представляетъ Управа ни въ томъ, ни въ другомъ документѣ. Скажу даже болѣе: ни въ томъ, ни въ другомъ документѣ, просто, даже не видно нашей Управы, т. е. нашей хозяйки.

«Въ бюджетѣ внесены въ подлежащія графы голыя цифры, собранныя въ отдѣленіяхъ канцеляріи Управы или представленныя въ смѣту техниками при Думѣ, а въ отчетѣ, какъ я уже сказалъ, сшиты самыя разнокалиберныя статьи и статейки, вытребованныя изъ многочисленныхъ думскихъ коммисій.

«Гдѣ-же, спрашивается, Управа?

«Каждое общественное управленіе повсюду, во всей Европѣ, каждое частное или правительственное общество у насъ, наконецъ, каждый банкъ сопровождаютъ свои отчеты и свои смѣты болѣе или менѣе обстоятельными обозрѣніями, соображеніями и заключеніями о минувшемъ или предположеніями о предстоящей имъ дѣятельности. У насъ же по отчетамъ почти въ шестимилліонномъ городскомъ хозяйствѣ С.-Петербурга нѣтъ ничего по-

добнаго; само собою разумѣется, что пришитая къ смѣтѣ такъ называемая объяснительная записка, состоящая изъ сопоставленія голыхъ цифръ минувшаго и предстоящаго годовъ, не заслуживаетъ даже упоминанія, а слабая попытка, введенная въ 1880 году, отнестись къ этому дѣлу иначе, такъ и осталась лишь попыткой.

«Въ виду этого я высказываю настоятельное пожеланіе, дабы въ моментъ, чрезвычайно серьезный въ нашей дѣятельности, именно, когда Управа привлекаетъ Думу къ разсмотрѣнію бюджета города или отчета за годъ своего хозяйничанія, Управа являлась бы настоящею хозяйкою. Стоя близко у дѣла, она должна и можетъ критически обозрѣвать и область нашихъ доходовъ, и область нашихъ расходовъ, высказывать при этомъ свои предположенія на предстоящій хозяйственный годъ о необходимости тѣхъ или другихъ работъ, и вообще приводить всѣ свои практическія замѣчанія по отношенію къ первому отдѣлу и по отношенію ко второму и не иначе, какъ предпосылая эти объясненія смѣтѣ.

«Такимъ образомъ, во вступительной запискѣ къ смѣтѣ являлась бы для Думы ясная картина не только состоянія всѣхъ средствъ городскаго хозяйства, но само собою вытекало бы и указаніе на то, на что должна была бы Дума обратить особое вниманіе въ своихъ занятіяхъ въ предшествующій смѣтный годъ.

«Весьма ярко отпечатлѣвалось бы въ нашемъ сознаніи по отношенію къ доходамъ то, какіе сборы являются по отношенію къ населенію особенно тягостными и подлежащими пересмотру или отмѣнѣ, какіе сборы могли бы ихъ замѣнить и должны были бы быть разработаны; а по отношенію къ расходамъ ясно и послѣдовательно, изъ года въ годъ, указывались бы нужды города, подлежащія удовлетворенію въ наивозможно близкомъ времени.

«Такимъ образомъ, трудъ гг. гласныхъ, при разсмотрѣніи смѣты, являлся бы, дѣйствительно, дѣломъ вполнѣ серьезнымъ, притомъ, въ тѣсной связи съ данными, выясненными подробною и своевременно сдѣланною ревизіею вполнѣ законченнаго хозяйственнаго года.

«Каждый бы изъ насъ, вслѣдъ за избранными нами хозяевами, т. е. за Управою, вполнѣ бы ясно сознавалъ, въ чемъ состоятъ наши средства, въ чемъ состоятъ наши нужды, и какъ и въ какой послѣдовательности, но непремѣнно, должны быть они нами, хозяевами и представителями населенія, удовлетворены.

«Тогда, вслѣдъ за утвержденіемъ смѣты, и самые доклады коммисій, по различнымъ вопросамъ и въ разное время Думою учрежденныхъ, вносились бы и разсматривались въ Думѣ не случайно, не налетомъ, являясь то изъ одной, то изъ другой коммисіи, а по заранѣе обдуманному, ясно сознанному и по возможности предварительно выработанному нашею хозяйкою, Управою, плану.

«Если бы таковой порядокъ и таковое серьезное отношеніе къ нашему хозяйству издавна бы у насъ существовали, то едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что давнымъ-давно вопіющія нужды Петербурга были бы удовлетворены, ибо средства къ тому были бы пріисканы.

«Сѣть канализаціи для отвода нечистотъ давно бы уже раскинулась въ Петербургѣ, унося съ собою источникъ заразы и страшной смертности петербургскаго населенія.

«Сѣнная площадь, быть можетъ, преобразилась бы уже въ одинъ изъ тѣхъ рынковъ, которые мы видимъ въ каждомъ большомъ европейскомъ городѣ.

«Для бѣднѣйшаго народнаго люда давно бы явились правильно устроенные ночлежные пріюты, городомъ или съ пособіями отъ города учрежденные, и бѣднѣйшій людъ, хотя бы часть его, не жилъ бы въ сырыхъ и затхлыхъ углахъ, въ подвалахъ и на чердакахъ.

«Большое пространство улицъ и переулковъ въ Петербургѣ, доселѣ остающихся незамощенными, фактъ маловѣроятный, но всѣмъ и каждому извѣстный, доселѣ остающихся не освѣщенными газомъ и, наконецъ, доселѣ остающихся безъ проведенія въ нихъ воды, не оставалось бы въ такомъ забвеніи.

«Многія благотворительныя общества, для населенія Петербурга въ высшей степени полезныя, каковы, напр.: Общество дешевыхъ квартиръ, Общество народныхъ столовыхъ и многія другія, не оставались бы внѣ вѣдѣнія и поддержки Думы, не получали бы какія-либо случайныя, ничтожныя, на одинъ годъ разрѣшенныя имъ, подачки, время отъ времени выпрашиваемыя у Думы, а, находясь подъ контролемъ Думы, дѣйствовали бы съ удвоенною пользою и энергіею для петербургскаго бѣднаго населенія.

«Наконецъ, не довелось бы намъ лишь только теперь, при смѣтѣ на 1883 годъ, и то не отъ лица Управы, а отъ бюджетной финансовой коммисіи, указывать Думѣ на вопіющій недостатокъ нашего города, на то, что, при населеніи почти въ милліонъ, мы имѣемъ лишь пять, шесть общественныхъ ретирадниковъ и вовсе не имѣемъ общественныхъ ретирадниковъ-писсуаровъ, т. е. то, чтб введено, положительно, въ каждомъ городѣ Европы, и настоятельная необходимость чего для оздоровленія города признается управленіемъ каждаго городка европейскаго,—у насъ какъ-бы не вошло еще даже въ сознаніе Управы. Кто не видитъ изъ насъ съ омерзеніемъ наши каналы, въ особенности, зимою, съ ихъ обледенѣлыми кружевами грязи, покрывающими гранитную обстилку этихъ каналовъ и рѣчекъ!

«При сравненіи быта иноземныхъ городовъ, гдѣ васъ пріятно поражаетъ повсюду чистота, это явленіе въ столицѣ нашего отечества представляется въ высшей степени омерзительнымъ.

«Говоря о нашихъ смѣтахъ, я бы могъ еще указать на крайнюю нашу

безурядицу по отношенію къ остаточному капиталу нашему, который является какою-то корзинкою, куда сваливаются всякіе остатки отъ выполненныхъ и всѣ суммы отъ невыполненныхъ расходовъ. Ни малѣйшей организаціи этого остаточнаго капитала мы не видимъ; онъ какъ бы умышленно держится въ такомъ положеніи для того, чтобы невозбранно валить на него наши безпорядочно испрашиваемые сверхсмѣтные расходы.

Говорю «безпорядочно испрашиваемые», ибо, если въ смѣты не должны быть вносимы расходы избыточные, не могущіе быть исполненными въ теченіе хозяйственнаго смѣтнаго года, то, съ другой стороны, у хорошаго хозяина должны быть своевременно въ виду тѣ расходы, которые, по принятому у насъ безурядью, испрашиваются, въ качествѣ сверхсмѣтныхъ кредитовъ, чуть не на другой же день послѣ утвержденія смѣты, и по отношенію къ большинству которыхъ Управа уже никакъ не можетъ сказать, что таковые расходы или не были ею предвидѣны, или что предположенія о нихъ не могли быть своевременно выработаны.

«Въ заключеніе замѣчу, что съ предложеннымъ ко введенію новымъ городскимъ (квартирнымъ) налогомъ, а главное, въ виду принятыхъ Думою основаній къ этому налогу, который долженъ лечь на классы достаточные населенія столицы, мы вступаемъ совершенно въ новую область городскаго хозяйства, и тѣмъ важнѣе поставить оное на прочныя основанія. Къ этому первыми, по времени, мѣрами должно служить слѣдующее:

«I. Доклады ревизіонныхъ коммисій по отчетамъ Городской Управы за 1879, 1880 и 1881 годы, столь необходимые для соображеній какъ бюджетной коммисіи, такъ и самой Думы при разсмотрѣніи смѣты, были бы внесены Управою на разсмотрѣніе Думы безотлагательно.

«II. Установить на будущее время одновременность въ разсылкѣ докладовъ финансовой и ревизіонной коммисій, съ тѣмъ, чтобы труды той и другой коммисій обсуждались Думою вмѣстѣ, одинъ вслѣдъ за другимъ, финансовая же коммисія имѣла-бы, при предварительномъ разсмотрѣніи смѣты, въ виду заключенія ревизіонной коммисіи за послѣдній, вполнѣ исполнившійся смѣтный годъ, и

«III. Поставить Управѣ въ обязанность сопровождать представляемыя въ Думу смѣты на предстоящіе годы и отчеты за истекшіе хозяйственные годы подробнымъ объясненіемъ, съ критическимъ разсмотрѣніемъ всѣхъ статей по отдѣламъ какъ доходовъ, такъ и расходовъ, и съ изложеніемъ предположеній и, по возможности, даже порядка занятій Думы въ предстоящемъ году по отношенію къ различнымъ вопросамъ, до городскаго хозяйства относящимся».

Въ дополненіе къ рѣчи М. И. Семевскаго гласный Н. Н. Литвиновъ указалъ, что, можетъ быть, иногда встрѣчаются такія обстоятельства, которыя мѣшаютъ Управѣ привести то или другое постановленіе Думы въ

исполненіе своевременно, именно за массой дѣлъ,, которыя лежатъ на Управѣ, и услѣдить за сроками, которые назначаетъ Дума, весьма трудно.

Дѣйствительно, каждый годъ въ Думѣ, или при смѣтѣ, или въ концѣ смѣты, заявляется, что ничего неизвѣстно о прошлой дѣятельности городскаго управленія. Уже не одинъ разъ финансовою коммисіею, по крайней мѣрѣ, когда онъ участвовалъ въ ней, указывалось на пробѣлы, съ которыми не знаешь что дѣлать; эти пробѣлы заключались въ отсутствіи данныхъ и отчетовъ о прошлой дѣятельности. У насъ существуетъ ревизіонная коммисія; она работаетъ и, конечно, представитъ свой трудъ, но уже столь поздно, когда онъ для насъ никакого животрепещущаго интереса имѣть не будетъ; поэтому было бы справедливо помочь дѣлу городскаго управленія въ отношеніи того, чтобы своевременно Дума знала, что дѣлалось до сихъ поръ, и что предполагается въ будущемъ, какъ выразился М. И. Семевскій, а потому г. Литвиновъ полагалъ бы, для обозрѣнія дѣятельности Управы за послѣдній (1882) годъ, назначить особую коммисію или просить финансовую коммисію принять этотъ трудъ на себя, съ тѣмъ, чтобы обозрѣніе дѣятельности Управы было сдѣлано предъ самымъ разсмотрѣніемъ бюджета на будущій годъ, такъ какъ эта коммисія уже близко знакома съ положеніемъ городскаго хозяйства какъ по доходному, такъ и расходному отдѣламъ.

Рѣчь М. И. Семевскаго, какъ Почетнаго Попечителя Великолуцкаго Реальнаго Училища, произнесенная имъ въ Великихъ Лукахъ 5 Іюня 1883 г. по случаю перваго выпуска воспитанниковъ этого училища.

Считаю себя счастливымъ, что могу лично привѣтствовать васъ, молодые люди, воспитанники Великолуцкаго Реальнаго училища, съ нынѣшнимъ, вполнѣ знаменательнымъ, днемъ въ жизни не только сего училища, но и въ бытѣ города Великихъ Лукъ и прилежащихъ къ нему уѣздовъ: сегодня день перваго выпуска воспитанниковъ училища, окончившихъ полный курсъ не только шести классовъ, но и седьмаго, дополнительнаго.

Радость и удовольствіе, съ которыми мы всѣ, здѣсь присутствующіе, чествуемъ этотъ день, вполнѣ понятны; понятно, почему я называю этотъ день вполнѣ знаменательнымъ.

Если семья, выростивъ своего питомца, давши ему полное образованіе, радуется при видѣ вполнѣ поставленнаго, такъ сказать, на собственныя свои ноги члена семьи, то еще болѣе радуемся мы, великолучане, члены бо́льшей семьи, при видѣ того, что училище, иждивеніемъ городскаго общества и земства, при поддержкѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, хорошо поставленное и затѣмъ заботливо веденное директоромъ Е. Я. Гречиною и его сотрудниками — г. испр. долж. инспектора В. Я. Поповымъ и гг. преподавателями, вошло, наконецъ, въ полное свое развитіе и выпускаетъ нынѣ своихъ питомцемъ въ жизнь или къ продолженію высшаго спеціальнаго образованія.

Съ благоговѣйною признательностью вспоминаемъ мы здѣсь въ сей день въ Бозѣ почившаго Императора Александра II, въ царствованіе котораго основано наше училище, и благополучно царствующаго Государя Императора Александра III, при которомъ заботами г. Министра Народнаго Просвѣщенія и начальствомъ Спб. учебнаго округа довершено созданіе этого училища учрежденіемъ въ немъ седьмаго класса.

*

Привѣтъ и признательность общества — мѣстнымъ городскому управленію и земству, представителей которыхъ мы видимъ здѣсь, въ средѣ присутствующихъ. Въ ихъ средѣ, шесть лѣтъ тому назадъ, возникла мысль объ учрежденіи въ Великихъ Лукахъ Реальнаго училища; мысль была встрѣчена съ полнымъ сочувствіемъ, и, какъ ни скромны, можно сказать, ничтожны средства края, сравнительно съ массою нуждъ, но представители города, уѣзда и губерніи не остановились предъ жертвами. Городъ купилъ одинъ изъ лучшихъ домовъ, земства Великолуцкое и Псковское внесли въ свои смѣты къ ежегодному отпуску значительныя суммы. Тогда же избранъ изъ среды сограждан и земцевъ Попечительный совѣтъ, заботливостью котораго въ первые же годы помѣщеніе училища получило надлежащее устройство: сараи, конюшни и издавна брошенныя развалины постепенно преобразились, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и при энергіи г. директора, энергіи, заслуживающей полнѣйшей благодарности, въ чертежный и гимнастическій залы, въ физическій кабинетъ, лабораторію и прочія, необходимыя для училища, помѣщенія.

Въ сей день лежитъ на насъ обязанность и во исполненіе добраго обычая — помянуть съ признательностью, опочившихъ уже, членовъ Попечительнаго совѣта: А. И. Семевскаго, П. Г. Грудинина, П. И. Потылицына и П. Ѳ. Кожевникова, которымъ не довелось дожить до сегодняшняго дня: ихъ заслуги земству и городу и полное сочувствіе упроченію и развитію нашего училища хорошо памятны всѣмъ здѣсь присутствующимъ.

Миръ праху и добрая память отшедшимъ въ лучшій міръ; вновь повторяю — привѣтъ и признательность края его земскимъ и городскимъ представителямъ.

Эту признательность, конечно, чувствуете вы, молодые люди, нынѣ первыми окончившіе курсъ въ Великолуцкомъ Реальномъ Училищѣ въ обоихъ его высшихъ классахъ. Сохраните же это чувство навсегда, во всю свою жизнь: сохраните его вмѣстѣ съ любовью къ родинѣ. Любовь къ родинѣ — основа любви къ отечеству; любовь къ отечеству, соединенная съ готовностью самоотверженно и честно ему служить, есть то святое чувство, къ упроченію котораго въ сердцахъ вашихъ было направлено ваше воспитаніе.

Куда бы ни перенесла васъ судьба, помните, молодые люди, что есть на Руси городъ, живописно раскинутый на исторической рѣкѣ Ловати, а въ немъ Реальное Училище, подъ сѣнью котораго, при любви и заботахъ о васъ сограждан и наставниковъ, взросли и воспитались вы. Помните, что въ средствахъ, предоставленныхъ на образованіе ваше, наряду съ государствомъ, несли и несутъ свои трудовыя деньги и мѣстные земцы-пахари, и здѣшніе горожане.

Сохраните же въ сердцахъ вашихъ признательность къ землякамъ ва-

шимъ и вообще къ краю, васъ возростившему, любите родину и потщитесь отблагодарить ее честнымъ служеніемъ общественному благу вообще и какъ матеріальному, такъ и нравственному преуспѣянію этого края въ особенности.

Сохраните тѣ-же чувства къ вашимъ непосредственнымъ воспитателямъ и наставникамъ.

Въ жизни не разъ встрѣтите людей, которые не только равнодушно, но даже съ насмѣшкою относятся къ учебному заведенію, ихъ взростившему. Повѣрьте, жалки тѣ люди. Нѣтъ совершенства въ человѣческихъ учрежденіяхъ, нѣтъ и не можетъ быть совершенства и въ Великолуцкомъ Реальномъ Училищѣ; но оно постоянно къ нему стремится, его дѣятели трудятся съ полнымъ усердіемъ, одушевляемые чистымъ, искреннимъ желаніемъ вамъ, юные питомцы, всего хорошаго. Цѣните же это. Пусть училище, давшее вамъ залоги нравственнаго и умственнаго развитія, запечатлѣется въ признательной памяти вашей всѣми своими достоинствами, своими лучшими, свѣтлыми сторонами. Пусть только доброе будетъ вынесено вами за его порогъ въ жизнь, и воспоминаніе объ этомъ хорошемъ сопровождаетъ васъ всюду, на всѣхъ путяхъ жизни вашей, до самой маститой старости, до которой желаемъ вамъ дожить; а вспоминая съ любовью общую Великолуцкую семью, васъ взростившую, вы, конечно, не порывая съ ней связи, потщитесь быть полезнымъ тому училищу, изъподъ гостепріимной сѣни котораго выходите нынѣ образованными, нравственно развитыми юношами.

Еще одинъ совѣтъ вамъ молодые люди.

Въ прошломъ году, на актѣ нашего Училища, почтенный директоръ онаго, Евграфъ Яковлевичъ Гречина, обращаясь къ вамъ, сказалъ между прочимъ: «примите опыты старыхъ людей къ свѣдѣнію и не мечтайте много о себѣ, тогда легче будетъ разочарованіе».

Позволю себѣ развить эту мысль:—боритесь съ самомнѣніемъ, не давайте развиться въ васъ этой болѣзни, этой язвѣ молодаго поколѣнія. Всѣ мы, въ свое время, заплатили ей дань, но едва ли когда-либо эта болѣзнь была такъ сильна, какъ именно въ послѣдніе годы въ средѣ молодаго поколѣнія. И какія тяжкія жертвы приноситъ ей наше общество!

Самомнѣніе, заносчивая самоувѣренность и самонадѣянность приносятъ горькіе плоды каждому, кто не поборетъ въ себѣ эту нравственную немочь: она отвращаетъ отъ зараженнаго его близкихъ, она содѣлываетъ бездушнаго себялюбца; она ослабляетъ силы, долженствующія быть направленными всецѣло на самоусовершенствованіе и на честное, скромное служеніе обществу, къ которому и вы будете призваны въ различныхъ сферахъ русскаго общества; заносчивое самомнѣніе приноситъ много горя уже потому, что каждый ударъ судьбы, а жизнь преизобилуетъ таковыми

ударами, особенно тяжко отзывается на томъ, кто страдаетъ этимъ недостаткомъ.

Честность, скромность, любовь къ труду и постоянное стремленіе къ самоусовершенствованію, при строгомъ и внимательномъ отношеніи, прежде всего, къ собственнымъ недостаткамъ, да будутъ присущи всѣмъ вашимъ дѣйствіямъ, питомцы нашего Училища!

Итакъ, идите бодро въ жизнь или по пути дальнѣйшаго, высшаго образованія. Выходя нынѣ изъ Училища, вы оставляете намъ надежду, что съ полнымъ достоинствомъ поддержите всюду честь воспитавшаго васъ учебнаго заведенія.

Я, свидѣтель блистательно выдержанныхъ вами экзаменовъ, съ величайшимъ удовольствіемъ долгомъ считаю заявить предъ обществомъ, что настоящій первый выпускъ изъ полнаго семикласснаго Великолуцкаго Реальнаго Училища есть выпускъ юношей, во всѣхъ отношеніяхъ достойныхъ, которые, какъ я надѣюсь, всюду оправдаютъ заботы о нихъ наставниковъ Училища, города Великихъ Лукъ и Великолуцкаго земства.

Еще разъ и отъ души поздравляю васъ.

Судъ потомства. *)

Памяти М. И. Семевскаго.

Сегодня, 9-го Марта, исполнилась третья годовщина смерти Михаила Ивановича *Семевскаго*, основателя историческаго журнала «Русская Старина».

Въ нынѣшнемъ же году исполнилось *двадцать пять лѣтъ* съ появленія первой книжки этого журнала.

Многочисленные друзья и почитатели М. И. Семевскаго, всегда принимавшаго сердечное участіе во всѣхъ литературныхъ торжествахъ и общественныхъ чествованіяхъ, не разъ выражали ему горячее желаніе дожить до 25-лѣтняго юбилея «Русской Старины», чтобы гласно и всенародно выразить ея основателю тѣ чувства глубочайшаго уваженія, которыя стяжала его журнальная и общественная дѣятельность.

Но суждено было случиться совершенно неожиданному. Мы дожили до 25-лѣтняго юбилея «Русской Старины», а объекта нашего чествованія нѣтъ. М. И. Семевскій имѣлъ бы теперь 58 лѣтъ, но онъ уже три года какъ схороненъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря. Основанный М. И. Семевскимъ журналъ существуетъ, но находится въ рукахъ лицъ, не подумавшихъ даже помянуть 22-хъ лѣтіе труда своего предшественника.

Мы увѣрены, что удовлетворимъ желанію не только литературныхъ и общественныхъ друзей М. И. Семевскаго, но и разсѣянныхъ по всей Россіи многочисленныхъ читателей *прежней* «Русской Старины», если сдѣлаемъ теперь то, что всегда свято выполнялъ на страницахъ этого журнала незабвенный его основатель. Всякое сколько-нибудь замѣчательное событіе, годовщина рожденія или смерти государственнаго или общественнаго дѣятеля, изданія того или другого преобразовательнаго закона, юбилеи писателей, артистовъ, художниковъ и произведеній ихъ, всегда находили вѣр-

*) „Новости“ 10 Марта 1895 г. № 68.

ный отголосокъ, болѣе или менѣе подробную *историческую справку* на страницахъ «Русской Старины». Много разъ случалось, что неизмѣнно, съ астрономической аккуратностью, появлявшаяся каждое первое число книжка «Русской Старины» *наводила* общественное мнѣніе на такія событія въ прошломъ, которыя представляли *живѣйшій интересъ* для всѣхъ современниковъ, освѣщая настоящія событія, помогая правильному обсужденію и разрѣшенію тѣхъ или другихъ вопросовъ. Вотъ почему «Русская Старина» при М. И. Семевскомъ не только не отдавала архивною затхлостью, но обыкновенно называлась *живой* «Русской Стариной». Недаромъ же «Русская Старина» М. И. Семевскаго вошла въ поговорку, не напрасно въ живомъ разговорномъ языкѣ и въ тысячахъ газетныхъ статей, въ повѣстяхъ и романахъ вы встрѣтите выраженіе: «Ну, объ этомъ мы узнаемъ развѣ на страницахъ «Русской Старины», или: «Погодите, «Русская Старина» отмститъ за насъ»... И перемѣнится, даже исчезнетъ самый журналъ,—какъ нѣтъ уже среди насъ его основателя,—а выраженія эти останутся. Они увѣковѣчены, увѣковѣчивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и память о томъ, кому удалось создать изъ журнала этотъ высшій историческій апелляціонный судъ, олицетвореніе русской Немезиды.

Попасть въ «Русскую Старину»! Кажется, что можетъ быть проще, незначительнѣе этихъ словъ, а какое богатство содержится въ нихъ и какъ понятно, какъ доступно оно всѣмъ и каждому! Это великая честь для однихъ и угроза, возмездіе и нравственная кара для другихъ. Честный, стойкій, не преуспѣвавшій «на жизненномъ пиру» труженикъ не разъ утѣшится сознаніемъ, что онъ найдетъ оцѣнку, заступничество, оправданіе и признаніе заслугъ своихъ на страницахъ «Русской Старины»; напротивъ, всѣ праздношатающіе, злобствующіе и творящіе зло не разъ, быть можетъ, призадумывались, что рано или поздно они будутъ призваны къ отвѣту, что дѣтямъ или внукамъ придется краснѣть за ихъ дѣянія или быть свидѣтелями, какъ рушатся тѣ эфемерные пьедесталы, на которые они всякими неправдами и ухищреніями взгромоздились. Вотъ, что означало и что говорило такое простенькое съ виду выраженіе, какъ—«попасть въ «Русскую Старину». Это выраженіе напоминало, что есть *судъ потомства*, что этотъ судъ не шутка, что отъ карающей руки его не уйти.

И развѣ не велики честь и слава того журналиста, который съумѣлъ придать такое высоконравственное, благотворное значеніе своему журналу, и развѣ не ясно каждому, какъ важно, какъ необходимо государству и обществу, чтобы такой журналъ существовалъ. Если-бы «Русской Старины» не было, то ее нужно было бы выдумать. И ее «выдумалъ», изобрѣлъ, создалъ М. И. Семевскій. Эта государственная, общественная, литературная заслуга М. И. Семевскаго взываетъ о благодарной памяти, и мы напоминаемъ о ней, по примѣру, тысячи разъ преподанному намъ почтеннымъ основателемъ «Русской Старины».

Да, рано, слишкомъ рано лишились мы такого почтеннаго журналиста и общественнаго дѣятеля, какъ М. И. Семевскій. Родился онъ 4-го Января 1837 года и умеръ 9-го Марта 1892 года, когда ему исполнилось только 55 лѣтъ. Загубили его неустанная и разносторонняя работа и та *сердечность*, съ которой онъ предавался всякому дѣлу.

О способностяхъ, трудолюбіи и энергіи М. И. Семевскаго можно судить по тому, какъ много онъ успѣлъ достичь въ самое короткое время. Дѣятельность его обнимаетъ только около 35 лѣтъ. Въ этотъ періодъ времени М. И. успѣваетъ превратиться изъ офицера въ историка, въ весьма извѣстнаго педагога, въ популярнѣйшаго изслѣдователя (по первоисточникамъ) многихъ темныхъ дотолѣ историческихъ событій и дѣятелей XVII и XVIII вѣковъ, въ основателя лучшаго и вліятельнѣйшаго историческаго журнала; все это не мѣшаетъ въ то же время Михаилу Ивановичу поступить на службу въ Государственную Канцелярію и пріобрѣсть къ 1882 году пенсію и чинъ тайнаго совѣтника; затѣмъ М. И. является гласнымъ Думы и вообще принимаетъ такое видное участіе въ городскихъ дѣлахъ, что его скоро избираютъ товарищемъ Городскаго Головы нашей столицы. М. И. не забываетъ и своей родины, гдѣ онъ былъ попечителемъ Реальнаго Училища и безсмѣнно избирался почетнымъ мировымъ судьей (великолуцкаго уѣзда, псковской губерніи).

Да, еслибы М. И. Семевскій дожилъ до нынѣшняго года, то привѣтствовать его, по случаю 25-лѣтія «Русской Старины», собрались бы:

1) бывшіе товарищи по воспитанію, много разъ привѣтствовавшіе его на годовыхъ товарищескихъ обѣдахъ;

2) бывшіе сослуживцы по Государственной Канцеляріи;

3) гласные Думы;

4) представители псковскаго земства;

5) историки и педагоги;

6) представители литературы, артисты, художники и представители тѣхъ многочисленныхъ обществъ и учрежденій, членомъ которыхъ состоялъ М. И. Семевскій.

Кромѣ всѣхъ литературныхъ и множества благотворительныхъ учрежденій, М. И. Семевскій былъ членомъ археографической коммисіи, географическаго и археологическаго общества, почетнымъ членомъ археологическаго института, членомъ-сотрудникомъ «общества любителей древней письменности», членомъ всѣхъ московскихъ и провинціальныхъ историческихъ обществъ и учрежденій и, наконецъ, членомъ «Королевскаго историческаго общества» въ Лондонѣ.

Нечего и говорить, что тысячи привѣтствій были бы посланы М. И. Семевскому со всѣхъ концовъ Россіи, гдѣ пребываютъ сотрудники или читатели «Русской Старины».

Но М. И. Семевскому не суждено было дожить до этого торжества;

только трехъ лѣтъ не хватило, и о немъ никто не вспомнилъ, онъ не удостоился попасть даже на страницы своей «Русской Старины»!.. Неужели можно примириться съ подобнымъ забвеніемъ? Нѣтъ, оно неестественно. Еще будутъ случаи и не разъ они предстанутъ, когда о М. И. Семевскомъ вспомнятъ самымъ торжественнымъ образомъ, но и теперь всѣ перечисленныя категоріи лицъ,—мы увѣрены въ томъ,—охотно присоединятся къ намъ и вмѣстѣ съ нами скажутъ:

— Вѣчная честь и вѣчная слава незабвенному основателю журнала «Русская Старина» *Михаилу Ивановичу Семевскому*, честнѣйшему общественному дѣятелю и добрѣйшему человѣку!

Истинно сказано въ краткой біографіи (см. «Русск. Стар.» 1892 г., Апрѣль): «Какъ въ своей литературной, такъ и въ общественной дѣятельности М. И. Семевскій всегда оставался неизмѣнно вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, не кривилъ душой и энергически отстаивалъ тѣ завоеванія на пути прогресса, которыя сдѣлало русское общество».

Пребудемъ же и мы вѣрны доброй памяти такого дѣятеля. Михаилъ Ивановичъ умеръ на своемъ посту, читая лекцію о Петрѣ Великомъ, въ морскомъ собраніи въ Кронштадтѣ. Съ эпохи Петра Великаго начались изслѣдованія М. И. Семевскаго, на этомъ же трудѣ и покончилъ онъ свою жизнь.

Гр. Градовскій.

9-го Марта 1895 г.

ПЕРЕЧЕНЬ КНИГЪ, СТАТЕЙ И ПЕРЕВОДОВЪ М. И. СЕМЕВСКАГО.

1. Нѣсколько словъ о фамиліи Грибоѣдовыхъ, письмо къ редактору, («Москвитянинъ» 1856 г. № 12-й).

2. Замѣтки о Великолуцкомъ уѣздѣ, отрывокъ изъ большаго сочиненія, приготовленнаго къ печати. («Общезаним. Вѣстникъ» 1857 г. № 7).

3. Ледяной домъ, шуты и забавы при дворѣ Анны Іоанновны 1740 г., съ рисунками. («Общезанимат. Вѣстникъ» 1857 г. № 16).

4. Великіе Луки и Великолуцкій уѣздъ, замѣтки. Отдѣльною книгою, въ 8-ю д. л., Спб., 1857 г.

5. Кожуховскій походъ, — обозрѣніе рукописи, заключающей въ себѣ современное описаніе 1694 г. («Иллюстрація» 1859 г. №№ 43—49).

6. Елисавета Петровна до восшествія своего на престолъ, 1709 — 1741 г., историческій очеркъ. («Русское Слово» 1859 г. № 2).

7. Шарлота-Христина-Софія принцесса Брауншвейгъ - Люнебургская, супруга царевича Алексѣя Петровича 1711 —1715 г.г., очеркъ изъ русской исторіи. (Журн. «Ваза» 1859 г. №№ 8 и 9).

8. Описаніе войны между Россіею и Швеціею, въ Финляндіи, въ 1741— 1743 годахъ, соч. Н. Шпилевской, Спб., 1859 г.—рецензія на эту книгу. («Журн. Министр. Народн. Просвѣщенія» 1859 г. № 3).

9. Царевичъ Алексѣй Петровичъ, 1690 —1718 гг., историческій очеркъ («Иллюстрація» 1859 г. №№ 63—71, съ тремя портретами).

10. Авдотья Ѳедоровна Лопухина, 1669—1731 гг., очеркъ изъ русской исторіи. («Русскій Вѣстникъ» 1859 г. № 10).

11. Первый годъ царствованія Елисаветы Петровны, 1741—1742 гг., историческій очеркъ («Русское Слово» 1859 г. №№ 6 и 8).

12. Историческое преданіе о событіи 1757-го года («Военный Сборникъ» 1859 г. № 6).

13. Французскія провинціи. — Письма изъ-за-границы въ 1859 году («Русское Слово» 1859 г. №№ 9, 10 и 11).

14. Очеркъ управленія мануфактурной промышленности отъ Петра I-го до Екатерины II-й, 1700—1774 гг. [1]). («Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія» 1859 г. № 9).

15. Современные портреты Софіи Алексѣевны и В. В. Голицына, 1689 г., историч. очеркъ съ портретами этихъ лицъ («Русское Слово» 1859 г. № 12).

16. Царевичъ Алексѣй Петровичъ, 1690—1718 гг., критика на VI-й томъ «Ист. царствов. Петра Великаго» Устрялова. («Русское Слово» 1860 г. № 1).

17. Кожуховскій походъ, современное описаніе 1694 г. съ примѣчаніями и предисловіемъ М. И. Семевскаго («Военный Сборникъ» 1860 г. № 1).

18. Поправки и историческія замѣтки, «Русское Слово» 1860 г. № 2.

19. Письма царевны Екатерины Іоанновны («Русскій Вѣстникъ» 1860 г. № 4).

20. Партизанъ Сеславинъ, біограф. замѣтка. («Отечественныя Записки» 1860 г. № 4).

21. Дневныя записки 1716—1768 гг. Якова Марковича; рецензія о нихъ. («Библіотека для Чтенія» 1860 г. № 4).

22. Изъ записокъ убитаго офицера, 1831—1838 гг. («Военный Сборникъ» 1860 г. № 4).

23. Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій) — письма его съ предисловіемъ, примѣчаніями и приложеніями М. И. Семевскаго, 1797—1837 гг. («Отечеств. Записки« 1860 г., №№ 5, 6 и 7 и «Русск. Вѣстн.» 1869 г.).

24. Полковые исторіографы («Русскій Вѣстникъ» 1860 г. №№ 10 и 11).

25. Россія въ 1699 году, дневникъ Іоанна-Георга Корба, предисловіе, примѣчанія и редакція перевода М. И. Семевскаго («Библіотека для Чтенія» 1860 г. № 6).

26. Пѣсня 1736—1739 гг. («Петерб. Вѣдом.» 1860 г. № 152).

27. Прогулка въ Нижній-Новгородъ, путевыя письма 1860 г. («Русскій Вѣстникъ» 1860 г. №№ 13, 15, 16 и 18).

28. Фрейлина Гамильтонъ, историческій очеркъ, 1719 г. («Отечеств. Записки» 1860 г. № 9).

29. Наталья Ѳедоровна Лопухина, 1699 — 1763 гг. эпизодъ изъ ея жизни. («Русскій Вѣстникъ» 1860 г. № 17).

30. Николай Александровичъ Бестужевъ, 1791—1855 гг., объявленіе о выходѣ въ свѣтъ его сочиненій и воспоминаніе о его жизни. («С.-Петерб. Вѣдом.» 6-го Окт. 1860 г.).

31. Покровскій дѣвичій монастырь въ городѣ Суздалѣ, мѣсто заточе-

[1]) Статья эта написана еще на школьной скамьѣ, въ Ноябрѣ 1854 года.

нія Авдотьи Ѳедоровны Лопухиной; замѣтки о немъ и его исторія («Русскій Вѣстникъ» 1860 г. № 24, съ рисункомъ).

32. Кормилица царевича Алексѣя Петровича, 1719 г. («Разсвѣтъ» 1861 г. № 1).

33. Школяры,—«Слово и дѣло», разсказъ изъ временъ Петра Великаго. («Вѣкъ» 1861 г. № 5).

34. Возстаніе и казни стрѣльцовъ въ 1698 г., разсказъ очевидца І. Г. Корба. («Отечеств. Записки» 1861 г. № 5).

35. Петръ Великій, какъ юмористъ, 1690—1725 гг., новые матеріалы для характеристики Петра І-го. («Свѣточъ» 1861 г. № 9).

36. Сны Петра І-го, 1714—1719 гг., историческая замѣтка. («Русская Рѣчь» 1862 г. № 1).

37. Царица Прасковья, 1664—1723 гг., очеркъ изъ русской исторіи («Время» 1861 г. №№ 2—5).

38. Семейство Монсовъ, 1688—1724 гг., очеркъ изъ русской исторіи («Время» 1862 г. №№ 2—6 и отд. изд. 1862 г. въ 8 д. 204 стр.).

39. Александръ Петровичъ, сынъ Петра І-го, 1691—1692 гг., біографическая замѣтка («Энциклоп. Лексиконъ» 1861 г. т. 3).

40. Сторонники царевича Алексѣя, 1705—1721 гг., историческій очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ. («Библіотека для Чтенія» 1861 г. №№ 5 и 6).

41. «Слово и дѣло»,—разсказы изъ временъ Петра Великаго, 1719—1724 гг. («Свѣточъ» 1861 г. №№ 3 и 4 «Иллюстрація» 1862 г., Январь).

42. Народные толки о происхожденіи Петра І-го, «Слово и дѣло», 1722 – 1725 гг. («Свѣточъ» 1862 г., № 1).

43. Абоскій миръ 1743 г. («Энциклоп. Лексиконъ» 1861 г., т. І).

44. Противники Фридриха Великаго: Апраксинъ и Бестужевъ-Рюминъ, очеркъ изъ русско-прусской войны 1756—1762 гг. («Военный Сборникъ» 1862 г. №№ 5, 6 и 9).

45. Иванъ Скобелевъ, 1789—1839 гг., біографическая замѣтка («Русская Рѣчъ» 1861 г. №№ 95 и 96).

46. Отъ Твери до Астрахани, волжскія замѣтки, 1861 г. («Отечеств. Записки» 1861 г. № 12 и 1862 г. №№ 4, 6 и 12).

47. Ближніе люди императрицы Елисаветы въ письмахъ своихъ къ Государынѣ, 1742—1761 гг., матеріалы для русской исторіи XVIII-го вѣка («Архивъ истор.-юридич. свѣд. о Россіи 1861 г., кн. 4-я, от. 3).

48. Кончина барона Владиміра Ивановича Штейнгеля, некрологъ, 1783—1862 гг. («Современное Слово», Сент. 1862 г.).

49. Поѣздка по Псковской губерніи въ 1862 году: училища въ городѣ Псковѣ. (Изданіе Мин. Нар. Пр., въ 8 д. Спб., въ Ноябрѣ 1862 г.).

50. Маріинское женское училище во Псковѣ. (Оттискъ изъ газеты «Голосъ» 1863 г. №№ 83, 85 и 86.).

51. Посадъ Сольцы. («Голосъ» 1863 г.).

52. Грамотность въ деревняхъ временно-обязанныхъ крестьянъ Псковской губ. въ 1863 г., Спб., 1864 г., съ статистич. таблицами. (Издано по распоряженію Мин. Нар. Просвѣщенія).

53. Грамотность въ деревняхъ государственныхъ крестьянъ Псковской губерніи въ 1863 г., Спб., 1864 г., съ статистическими таблицами и картою Псковской учебной дирекціи. (Издано по распоряженію Мин. Нар. Просв.).

54. Примѣчаніе М. И. Семевскаго къ статьѣ г-жи Родзянко: «Уходъ за дѣтьми». («Учитель» 1863 г. № 11).

55. Торопецъ, замѣтки. (Газета «Народное Богатство» 1863 г. №№ 247, 249 и 252).

56. Торопецъ, обычаи и увеселенія его жителей. («Библіотека для Чтенія» 1863 г. кн. 12).

57. Грамотность въ деревняхъ государственныхъ крестьянъ Псковской губерніи въ 1863 году. (Изданіе второе, приложеніе къ «Народной Газетѣ», прибавленіе къ журналу «Грамотѣй», Спб., 1864 г.).

58. Талабскъ. («Голосъ» 1864 г. №№ 9, 11 и 16).

59. Отвѣтъ на замѣтку г. Стрѣльцова. («Учитель» 1864 г. №№ 15 и 16).

60. Торопецъ, уѣздный городъ Псковской губерніи, 1016 — 1864 гг., очеркъ. Спб., 1864. (Оттискъ изъ записокъ Географич. Общ. 1864 г. №№ 1 и 2).

61. По поводу замѣтки Н. Устрялова. («Голосъ» 1864 г. № 150).

62. Записка о Росс.-Американской компаніи. Спб., 1864 г., въ листъ.

63. Общественное образованіе въ Царствѣ Польскомъ, 1815—1864 гг. Спб., въ 4 д. (Оттискъ изъ газеты «Голосъ» 1864 г., №№ 229, 230, 235, 239 и 250 и «Русск. Инв.» 1866 г. №№ 301, 303 и 304).

64. Матеріалы по учебной части въ Царствѣ Польскомъ, 1808—1864 гг. Изданіе и переводъ съ польскаго подъ редакціею М. И. Семевскаго; напечатано по распоряж. Н. А. Милютина. 2 тетради, 283 стр. и 13 табл.).

65. Некрологъ Ѳ. И. Гильфердинга. («Петербургскія Вѣдомости» 1864 г., Января 6, приб. къ № 4).

66. Замѣтка о книгѣ: «Воспоминанія кавказскаго офицера 1865 г.». («Книжный Вѣстникъ» 1865 г. № 8).

67. Библіографическія замѣтки: А. Креницынъ, гр. Я. Ростовцевъ. В. Соколовскій. («Отечеств. Записки» 1865 г., книга 16).

68. Некрологъ А. Н. Креницына (С.-Петерб. Вѣдомости» 1865 г., № 241).

69. Городское управленіе и городскіе выборы въ Холму (Псковской губ.). («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1865 г. № 187).

70. Поправка къ предыдущей статьѣ. («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1865 г. № 231).

71. Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ ученія объ антихристѣ въ 1722—1725 гг. («Отечественныя Записки» 1866 г., книги 15 и 16).

72. Дневникъ Корба, секретаря посольства отъ императора австрійскаго Леопольда I къ царю Петру I-му, 1698—1699 гг., переводъ съ латинскаго Б. В. Женева и М. И. Семевскаго, съ фотолитографическими снимками съ современныхъ картинъ. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. (Оттискъ изъ «Чтеній» этого Общества 1866 г. кн. IV, 1867 г. кн. I. и III, стр. предисл. XII, текста 382, указателя—XXIV).

73. Дневникъ Корба въ переводѣ на русскій языкъ, замѣтка по поводу перевода Смирнова,—статья Женева и М. И. Семевскаго. («Голосъ» 1866 г. № 171)

74. Іоаннъ VI Антоновичъ, 1740—1764 гг., очеркъ изъ русской исторіи. («Отечеств. Записки» 1866 г, № 7).

75. Замѣтки о могилѣ въ посадѣ Пучежѣ. («Чтенія Московскаго Общ. Исторіи» 1866 г. книга II).

76. Прогулка въ Тригорское: замѣтки и матеріалы для біографій Пушкина, Жуковскаго, Языкова и барона Дельвига. («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1866 г. №№ 139, 146, 157, 163, 168 и 175).

77. Письма А. С. Пушкина къ П. Я. Осиповой и А. Н. Вульфу. Переводъ писемъ принадл. Е. Б. Зубовой; примѣчаніе и предисловіе М. И. Семевскаго («Русскій Архивъ» 1867 г. № 1).

78. Н. М. Языковъ, 1803—1846 гг. (новые стихи его и письма), статья М. И. Семевскаго. («Русскій Архивъ» 1867 г. №№ 5 и 6).

79. Покушеніе на жизнь Петра Великаго. («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1866 г. № 136)

80. Предсмертное письмо генералъ-адъютанта барона П. А. Вревскаго, съ очеркомъ его жизни, составленнымъ М. И. Семевскимъ. («Чтенія Москов. Общ. Исторіи» 1867 г. кн. II).

81. О «Сборникѣ Муханова». («Голосъ» 1866 г. № 291).

82. Замѣчательная попытка примѣненія русскаго алфавита къ польскому языку, — замѣтка по поводу книги: «Элементаръ». (Оттискъ изъ 12-ой книги «Отечеств. Записокъ» 1866 г.)

83. О примѣненіи русскаго алфавита къ польскому языку. (Русск. Инвалидъ» 1866 г. № 122).

84. О греко-уніятскомъ духовенствѣ въ Царствѣ Польскомъ. («Голосъ» 1866 г №№ 193 и 214)

85. Среднія учебныя заведенія въ Царствѣ Польскомъ. («Русскій Инвалидъ» 1866 г., №№ 301, 303 и 304).

86. Некрологъ М. А. Васильева. («Голосъ» 1866 г. № 231).

87. Мѣсто заточенія царицы А. Ѳ. Лопухиной съ 1699 по 1718 гг. (Въ книгѣ «На нѣсколько часовъ», Спб., 1867 г., книга 2-ая).

88. Письма и записки императрицы Елисаветы Петровны къ близкимъ людямъ, 1741—1761 гг. («Чтенія Москов. Общ. Исторіи» 1867 г., книга IV и «Русск. Вѣстн.» 1860 г. № 4).

89. Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи XVIII в., очеркъ царствованія Петра III, 1761—1762 гг. («Отечеств. Зап.» 1867 г., Іюль, Августъ, Сентябрь).

90. С. А. Порошинъ, 1741—1769 гг., неизданныя прибавленія къ его запискамъ. («Русск. Вѣстн.» 1866 г., кн. 8).

91. Матеріалы изъ русской исторіи XVIII в., духовныя завѣщанія императора Павла I. («Вѣстникъ Европы» 1867 г. № 1).

92. Списокъ милостей, изліянныхъ Павломъ 1-мъ 5-го Апрѣля 1797 г. («Чтенія Москов. Общества Исторіи» 1867 г., кн. 1).

93. Описи орденовъ, разныхъ вещей и драгоцѣнностей Павла 1-го, 1801 г. («Чтенія Москов. Общ. Исторіи» 1867 г., кн. II-ая).

94. Разсказъ очевидца о бунтѣ военныхъ поселянъ въ 1831 г. («Отечеств. Записки» 1867 г. № 5)

95. Рецензія на книгу: «Матеріалы для исторіи русской литературы», изд. П. Ефремова. («Голосъ» 1867 г. № 83).

96. Рецензія на книгу: «Библіограф. Сборникъ», изд. П. Ефремова, и на книгу: «Русская Историч. Библіографія», годъ четвертый, 1858 г., изд. Ламбина. («Голосъ» 1867 г. № 185).

97. Замѣтка на письмо изъ Бахмута. («Голосъ» 1867 г. № 109).

98. Магазинъ женскихъ издѣлій Общества для пособій бѣднымъ женщинамъ. («Голосъ» 1867 г. №№ 129, 136 и 184).

99. Адресъ П. Г. Рѣдкину, предсѣдателю Педагогическаго Собранія отъ лица Собранія. («Учитель» 1868 г.).

100. Къ біографіи А. С. Пушкина. Выдержки изъ записной книжки. («Русскій Вѣстникъ» 1867 г.).

101. Николай Александровичъ Бестужевъ. Біографическій очеркъ, 1791—1855 гг. («Заря» 1869 г., кн. VII).

102. Бунтъ ополченія въ 1812 г., разсказъ Ив. Шишкина («Заря» 1869 г. кн. VIII).

103. Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ. Матеріалы для его біографіи. 1770—1825 гг. («Военный Сборникъ» 1869 г., кн. VIII).

104. Воспоминанія Е. А. Хвостовой (1812—1835 гг.), съ предисловіемъ и подъ редакціей М. И. Семевскаго. («Вѣстникъ Европы» 1869 г., кн. VII и IX).

105. Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ (Петрѣ I), сочиненіе капитана Джона Перри. Переводъ съ англійскаго кн. О. М. Дондуковой-Корсаковой, съ предисловіемъ, указателехъ и подъ редакціей М. И. Семевскаго

(«Чтенія Москов. Общ. Исторіи и Древностей» 1871 г. и отд. изд. въ 8 д. л. 200 стр)

106. Грамоты монастырей Деревеницкаго и Коневскаго и записка объ историческихъ и юридическихъ актахъ, собранныхъ М. И. Семевскимъ, («Лѣтопись занятій Археогр. Коммисіи» 1868 г., т. IV).

107. Повѣсть о прихожденіи Свѣйскаго краля съ Нѣмцы подъ градъ Псковъ, 1615 г. («Чтенія Москов. Общ. Исторіи и Древн.» 1869 г., кн. I).

108. Историческіе и юридическіе акты XVII—XVIII ст., собранные М. И. Семевскимъ. Москва., 1870 г. («Чтенія Москов. Общ. Истор. и Древност.» 1869 г., кн. III).

109. Матеріалы для біографіи И. А. Крылова, доставленные М. И. Семевскимъ. («Зап. Имп. Акад. Наукъ» 18 9 г.).

110. Обзоръ дѣятельности С.-Петербургскаго Педагогическаго Собранія, 1859—1867 гг. («Лѣтопись Петерб. Педагог. Общ.» 1869 г , приложеніе къ журналу «Народная Школа», № 1).

111. «Записки Несчастнаго», 1827—1828 гг., съ предисл. М. И. Семевскаго («Заря» 1869 г.).

112 «Звѣздочка» на 1826 г., альманахъ Рылѣева («Сборн. статей, не пропущ цензурою, изд. Мин. Нар. Просвѣщ. 1862 г.).

113. Левенштернъ («Русскій Архивъ» 1867 г.).

114. Вопросъ и защита въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Обществѣ тезисовъ противъ исключенія воспитанниковъ изъ учебныхъ заведеній («Голосъ» 1877 г., Апрѣль и Май, №№ 96 и др,).

115. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Эвальдъ и его дѣятельность по народному образованію («Педагогическій Музей» СПБ., 1880 г., № 1)

116. Свѣдѣнія о народныхъ училищахъ въ С.-Петербургской губерніи за 1879, 1880 и 1881 г.г. Три брошюры, Спб., первая въ 8-ю, послѣднія въ 4-ю д. л. Составл. М. И. Семевскимъ и Е. А. Шакѣевымъ—членами Спб. Губернскаго Земскаго Училищнаго Совѣта.

117. Вопросъ о начальныхъ народныхъ училищахъ въ С.-Петербургской Городской Думѣ, 1882 г., брошюра въ 8-ю д. л.

118. Въ городѣ Великихъ-Лукахъ: на актахъ въ учебныхъ заведеніяхъ, Май и Іюнь 1883 г., брош.

119. Великолуцкія учебныя заведенія, брош. изд. 1883 г., въ 8-ю д. л.

120. Павловскъ. Очеркъ его исторіи, 1777—1877 г.г. Спб., 1877 г., въ 8-ю д. Состав. М. И. Семевскій. Издано иждивеніемъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, со множествомъ рисунковъ и виньетокъ, гравированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ, и съ четырьмя портретами.

Въ настоящій перечень трудовъ М. И. Семевскаго не вошли нѣкоторыя его мелкія статьи, библіографическіе отзывы и замѣтки о разныхъ историческихъ книгахъ, разбросанные по нашимъ журналамъ и газетамъ конца 1850-хъ и въ теченіе 1860-хъ годовъ, и все, что было помѣщено имъ на страницахъ «Русской Старины» съ перваго года ея основанія (см. біогр. М. И. Семевскаго, стр. 151).

Отдѣльныя историческія книги, изданныя редакціей «Русской Старины».

1870 — 1892 г.г.

1. Жизнь и приключенія Андрея Тимофеевича Болотова, описанныя самимъ имъ для своихъ потомковъ, 1738—1795 гг., изд. 1870 г., въ четырехъ томахъ въ 8 д. л., съ предисловіемъ М. И. Семевскаго, съ 2 портр., рисунками, планами и снимками и съ азбучн. указателемъ личн. именъ.

2. Записки Михаила ИвановичаГлинки, 1804—1854 гг., отд. изданіе его «Записокъ», напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» 1870 г., съ приложеніемъ рисунковъ, портрета и снимка.

3. Записки Гавріила Ивановича Добрынина, 1752—1823 г.г., три части, изд. второе. Спб., 1872.

4. Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 г. Спб., 1870 г., въ 8-ю д.

5. Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія, 1809—1831 г.г. Спб., 1871 г., въ 8-ю д.

6. Записки Е. А. Хвостовой, 1812—1841 гг., очерки высшаго общества и матер. для біографіи Лермонтова. Спб., 1871 г.

7. Записки кн. Якова Шаховскаго, 1705—1712 г.г. Спб., 1872 г.

8. Петровскій сборникъ. Спб., 1872 г. въ 8 д.

9. Достопамятныя сказанія о жизни и дѣлахъ Петра Великаго, 1672—1725 гг. Спб., 1872 г., въ б. 8 д., съ портретомъ Петра I и снимкомъ указа. Изд. вспомогат. кассы наборщиковъ подъ ред. М. И. Семевскаго.

10. Сборникъ снимковъ съ автографовъ русскихъ дѣятелей, 1801—1825 г.г. Спб., альбомъ въ б. листъ, 1873 г., съ рисункомъ Гартмана.

11. «Русская родословная книга», два тома., Спб., 1873 и 1875 г.г., въ 8-ю д. Составл. подъ ред. кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго и М. И. Семевскаго.

Примѣчаніе. Всѣ поименованныя выше книги, кромѣ альбома снимковъ, сполна разошлись до послѣдняго экземпляра.

12. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей россійскія церкви — многолѣтній трудъ П. М. Строева. Изд. Археографической коммисіи, подъ наблюденіемъ ея члена М. И. Семевскаго. Спб., 1877 г., въ б. 8-ю д., въ два столбца, съ предисловіемъ и приложеніемъ снимка.

13. Русскіе дѣятели въ портретахъ. *Первое собраніе* портретовъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, гравированныхъ на деревѣ академикомъ

Л. А. Сѣряковымъ: альбомъ гравированныхъ имъ для «Русской Старины» портретовъ, изд. 1882 г. Спб., въ 8-ю д.

Тоже, второе изд. 1886 г.

Примѣчаніе. Этотъ альбомъ разошелся въ двухъ изданіяхъ сполна, до послѣдняго экземпляра.

14. Русскіе дѣятели въ портретахъ: *Второе собраніе* портретовъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей. Гравюры на деревѣ художниковъ, учениковъ и сотрудниковъ академика Л. А. Сѣрякова. Спб., 1886 г., въ 8-ю д.

Примѣчаніе. Этотъ альбомъ разошелся сполна, до послѣдняго экземпляра.

15. Русскіе дѣятели въ портретахъ: *Третье собраніе* портретовъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей. Гравюры лучшихъ русскихъ художниковъ на деревѣ. Спб. 1888 г.

16. Русскіе дѣятели въ портретахъ: *Четвертое собраніе* портретовъ русскихъ дѣятелей. Гравюры исполнены на мѣди И. П. Пожалостинымъ и художникомъ Ѳ. А. Мѣркинымъ. Спб. 1890 г.

17. Русскіе дѣятели въ портретахъ: *Пятое собраніе* портретовъ русскихъ дѣятелей. Сборникъ геліогравюръ съ старинныхъ гравюръ на металлѣ. Спб. 1891 г.

18. Записки сельскаго священника о. протоіерея А. И. Розанова. Спб. 1882 г., въ 8-ю д.

19. М. И. Семевскій. Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII-го вѣка. Кн. I: Царица Прасковья, 1664—1723 г.г. Съ портретомъ царицы Прасковьи, отпечатаннымъ красками. Спб., 1883 г., въ 8-ю д. Изданіе второе.

20. М. И. Семевскій. Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII-го вѣка. Кн. II: «Слово и дѣло». Историческій очеркъ изъ эпохи Петра Великаго, 1700—1725 г.г., съ рисунками наказанія батогами и пытки виска на дыбѣ въ Россіи въ XVIII вѣкѣ. Спб., 1884 г., въ 8-ю д. Изданіе второе.

21. М. И. Семевскій. Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII-го вѣка. Кн. III: Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллимъ Монсъ, 1692—1724 г.г., въ 8-ю д., Спб., 1884 г., съ портретами и картинами казней стрѣльцовъ. Изд. второе.

22. Записки Никиты Ивановича Толубѣева (1780—1809 г.г.), Спб., 1888 г., въ 8-ю д.

23. Систематическая роспись содержанія «Русской Старины» за первыя пятнадцать лѣтъ, изд. 1870—1884 г., Спб., 1884 г., въ 8-ю д.

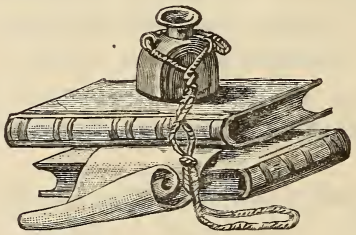
24. *Первое* прибавленіе къ Систематической росписи, «Русская Старина» изд. 1885—1887 г.г. Спб., 1888 г., въ 8-ю д.

25. *Второе* прибавленіе къ Систематической росписи, «Русская «Старина» изд. 1888—1890 г.г. Спб., 1891 г. въ 8-ю д.,

26. «Знакомые», альбомъ М. И. Семевскаго. Книга автобіографическихъ собственноручныхъ замѣтокъ 850-ти извѣстныхъ лицъ. Спб., 1888 г., въ 8-ю д.

27. Воспоминанія А. Г. Рубинштейна. 2-е изд., Спб., 1889 г., въ 8-ю д., съ портретомъ

28. Россія и русскій дворъ въ первой половинѣ XVIII в. Записки и замѣчанія гр. Эрнста Миниха. Спб., въ 8-ю д., 1891 г. Съ портретомъ гр. Э. Миниха.



ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПИСКИ И ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*строка*	*напечатано*	*слѣдуетъ читать*
61	8 сверху	1855	1856
93	6 „	военно-учебныхъ	учебныхъ
95	15 снизу	въ томъ же году	въ 1864 году
171	17 сверху	Чертивъ	Очертивъ